

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЗОВСКИЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И
ПЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ЗАПОВЕДНИК

Погребальный обряд ранних кочевников Евразии.

Материалы и исследования по археологии Юга России.

Сборник статей.

Выпуск III.

Ростов-на-Дону

2011

Печатается по разрешению
президиума ЮНЦ РАН

Ответственные редакторы:
академик Матишов Г.Г.
д.и.н. Яблонский Л.Т.
к.и.н. Лукьяшко С.И.

Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Сборник статей. Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН, 2011.-531 с.: илл.

Сборник составили материалы VII международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» темой конференции стал «Погребальный обряд ранних кочевников Евразии». Прошедшей на базе ЮНЦ РАН в Ростове-Кагальнике 11 – 15 мая 2011 г. Публикуемые 30 работ принадлежат перу ведущих специалистов в области скифо-сарматской археологии России, Украины, Казахстана, Франции. Они представляют новые результаты исследовательской деятельности различных научных центров, музеев и ВУЗов. Предлагаются новые интерпретации эволюции погребальной обрядности и отдельных составляющих обряда.

Для археологов, антропологов, религиоведов, преподавателей и студентов ВУЗов, всех интересующихся древней историей.

VII Международная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории» осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 11-01-14025)

ISBN

© Авторы статей, 2011.

Содержание.	
Предисловие	5
Аникеева О.В. Применение минералого-технологического анализа для изучения каменных бус ранних кочевников Южного Урала.	9
Балабанова М.А. Поза погребенных как объект археолого-этнографических исследований (по погребальным комплексам позднесарматского времени).	21
Белицкий А.В. Погребальный обряд ранних кочевников междуречья Волги и Дона IV в. до н.э. (предварительные итоги).	38
Воронятов С.В. Погребения сарматской знати в междуречье Южного Буга и Днестра (вторая половина I – начало II в. н.э.).	43
Ворошилов А.Н., Кашаев С.В. Уникальный биметаллический акинак из некрополя Артющенко-2.	52
Глебов В.П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II-I вв. до н.э.	61
Гуцалов С.Ю. Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI – V вв. до н.э.: истоки.	86
Демкин В.А., Удальцов С.Н., Демкина Т.С., Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Дьяченко А.Н. Естественнонаучные исследования среднесарматского кургана (I в. н.э.) у с. Перегрузное в Волгоградской области.	104
Илюков Л.С. Двухкамерные подбои раннесарматской культуры Нижнего Дона	119
Коробкова Е.А. Половозрастные особенности погребального обряда поздних сарматов (по материалам могильников Есауловского Аксая).	125
Краева Л.А. Керамика в погребальном обряде ранних кочевников Южного Приуралья VI-I вв. до н.э.	133
Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. Формирование и развитие позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье (по данным погребального обряда).	145
Кропотов В.В. Значение фибул в комплексном изучении погребального обряда сарматов.	164

- Куринских О.И.** Катакомбные конструкции могильников у с. Покровка (левобережье Илека). 173
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.** Подбойно-катакомбные погребения из меотских могильников правобережья Кубани. 186
- Лылова Е.В.** Серьги (височные подвески?) в погребальном обряде кочевников раннесарматской эпохи Южного Приуралья. 210
- Любчанский И.Э.** Погребальный обряд могильник Солёный Дол в контексте позднесарматской традиции. 224
- Максименко В.Е., Буйновская О.П.** Проблемы этнокультурной интерпретации погребальных памятников Подонья скифского времени. 235
- Малашев В.Ю.** Курганные могильники равнинной части центральных и восточных районов Северного Кавказа I-IV вв. н.э. 256
- Мамедов А.М.** Погребения III-II вв. до н.э. на р. Тамды. 264
- Медведев А.П.** Феномен верхнедонских могильников в контексте позднесарматских и лесостепных культурных традиций. 280
- Мещеряков Д.В.** Военские доспехи в погребальном обряде ранних сарматов. 298
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Мещеряков Д.В.** Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени. 306
- Мышкин В.Н.** Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI-V вв. до н.э. (к проблеме формирования прохоровской культуры). 322
- Очир-Горяева М.** О планиграфии курганов Южного Приуралья позднескифской эпохи. 344
- Перерва Е.В., Лукьяшко С.И.** О семантике обряда скальпирования у ранних сарматов. 373
- Перерва Е.В.** Патология населения, оставившего диагональные археологические комплексы (по антропологическим материалам из среднесарматских погребений). 392

Прокопенко Ю. А. О культовом назначении оружия в подкурганых и гунтовых погребальных комплексах Центрального Предкавказья III – I вв. до н.э. 402

Таиров А.Д. Погребальный обряд населения пограничья степи и лесостепи Южного Зауралья в раннем железном веке. 412

Фёдоров В.К. Коленопреклоненные: необычное позднесарматское погребение из Южного Зауралья. 417

Шаров О.В. К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху. 426

Яблонский Л.Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников. 454

Предисловие.

Настоящий сборник содержит материалы, подготовленные к VII международной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории. Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: региональная типология и хронология".

Тема конференции «Погребальный обряд» была выбрана Оргкомитетом конференции не случайно. Хорошо известно, какую роль погребальный обряд играет в системе духовных ценностей любого народа, как специфические признаки погребального обряда могут отражать этнографическую специфику популяций, пусть даже входящих в единый этнос. Несмотря на существующее представление об исключительном консерватизме погребального обряда (впрочем, это касается, прежде всего, носителей мировых религий), он в условиях открытой степи и дорелигиозных, языческих представлений ранних кочевников был все же подвержен и территориальной, и хронологической изменчивости. А внутри популяции погребальный обряд мог отражать ее социальную структуру. Сказанное касается не только признаков погребений (форма погребальных сооружений, способы захоронения (кремация или ингумация), ориентировка головы, способы трупоположения), но и типологии категорий предметов, входивших в состав сопровождающих погребенных инвентаря. Специфическую информацию дают демографические сведения о гендерном составе палеопопуляции в сравнении с признаками погребального обряда, если эти данные были получены специалистами-антропологами.

Таким образом, погребальный обряд выводит археологов на широкий простор реконструкций, связанных с географической и эпохальной изменчивостью признаков социума и культуры, как на локальных территориях, так и в обширных регионах. С известной долей условности изучение этой изменчивости позволяет формулировать гипотезы о миграциях и передвижениях кочевников, судить о роли таких миграций в процессе формирования целых культурных сообществ. Еще проблематичнее выглядят

попытки этнических реконструкций по данным погребального обряда (Яблонский. 2010), но и они заслуживают определенного внимания, выводя сухие археологические факты на уровень понимания со стороны смежников: историков, антропологов, почвоведов, краеведов, представителей СМИ, всех, кто более или менее далек от собственно археологических знаний и методик.

Для степных памятников эпохи раннего железного века изучение погребального обряда является особенно актуальным, так как в отсутствие долговременных поселений у кочевников он, и только он предоставляет в руки археологов факты и обобщения, которые можно использовать в исторических реконструкциях.

Сборник содержит значительную по объему и разнообразию группу археологических материалов так или иначе, касающихся проблем изучения признаков погребального обряда их типологической и хронологической интерпретации. В плане географическом эти материалы покрывают обширный регион степи, полупустынь и лесостепи от Зауралья, и Южной Сибири до Предкавказья, Северного Причерноморья и Волго-Донского междуречья (это в широтном направлении). И от Средней Азии и Казахстана до приволжской и западносибирской лесостепи – в меридианальном. Велик и хронологический разброс исследованных памятников – от начала раннего железного века на Востоке Европейской степи почти до раннего средневековья. Именно такой широкий территориальный и хронологический охват дает возможность оценить достижения сарматской археологии как-бы «с высоты птичьего полета».

Эта возможность, однако, не исключает применения специальных археологических методик для оценки культурной ситуации в локальном районе и в определенное время или даже на уровне одного памятника.

Если взглянуть на содержание сборника в привычном для археолога порядке – от более древних объектов к более современным, то следует упомянуть вначале статьи С.Ю.Гуцалова, М.Г.Мошковой с соавторами, В.Н.Мышкина, М.А. Очир-Горяевой, А.Д.Таирова и Л.Т.Яблонского. Речь в

них идет об оценке памятников VI-IV вв. до н.э. Нельзя не увидеть, что авторы вступают в дискуссию друг с другом не только по частным вопросам интерпретации тех или иных категорий погребального обряда, но и по проблеме происхождения раннесарматской культуры, типологическому положению памятников VI-IV вв. в системе археологической периодизации Волго-Уральского региона. Происхождению этой культуры была специально посвящена одна из «сарматских» конференций (2000). Но накопление новых материалов по этой теме в последнее десятилетие шло столь стремительно, что это потребовало новых и плодотворных, надеюсь, обсуждений. И наличие большой группы докладов по этой тематике на данной конференции лишь подтверждает этот тезис. По хронологии, но не по тематике в эту же группу докладов можно поместить работу А.Н.Ворошилова и С.В.Кашаева, которая посвящена публикации уникального акинака V в. до н.э.

Группа докладов и статей посвящена собственно раннесарматской проблематике. Это работы В.П.Глебова, О.И.Куринских, Д.В.Мещерякова, Е.В.Лыловой, А.В.Белицкого. Очень разноплановые, они, безусловно, вносят свою лепту в дело изучения прохоровской культуры. Прежде всего, они имеют значение для уточнения относительной хронологии памятников этого периода в различных регионах степи.

Говоря об изучении памятников средне и позднесарматской культур следует отметить работы В.К.Федорова, А.С. Скрипкина с М.В.Кривошеевым, В.Ю. Малашева, В.В.Кропотова, С.В.Воронятова, И.Э. Любчанского, Ю.А.Прокопенко. Здесь на первый план выходит проблема соотношения автохтонного или миграционного происхождения этих культур.

Отдельно нужно упомянуть работы М.А.Балабановой и Е.А.Коробковой, построенные на использовании в целях археологической реконструкции скелетных материалов, а также статью Л.А.Краевой по особенностям использования керамических сосудов в погребальном обряде ранних кочевников.

Оргкомитет конференции делает все возможное для публикации этого сборника к ее началу. Хочется верить, что VII научная конференция "Проблемы сарматской археологии и истории" пройдет, как всегда на высоком научном уровне, а дискуссии специалистов из различных регионов пойдут на благо дальнейшего развития отечественного сарматоведения. От всей души и от имени Оргкомитета конференции желаю ее участникам плодотворной работы и приятных встреч.

Л.Т.Яблонский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Раннесарматская культура. 2000. Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып.1, 2. Самара.

Яблонский. 2010. Яблонский Л.Т. Осторожно: этническая археология (спички детям не игрушка) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа.

О.В. Аникеева
(ГосНИИР, Москва)

ПРИМЕНЕНИЕ МИНЕРАЛОГО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННЫХ БУС РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

В работе проведено минералого-технологическое изучение каменных бус из раннесарматских курганов Южного Урала, для установления возможных ремесленных центров их производства.

Для этого бусы группировались по особенностям технологии обработки. В процессе изготовления каменной бусины сверление отверстий являлось самой ответственной операцией, определявшей продуктивность конкретной мастерской. Разнообразие форм бус и материалов, из которых они сделаны, может характеризовать уровень развития конкретного ремесленного центра [Леммлейн. 1950].

Визитной карточкой ремесленного центра может служить комбинация:

- (1) способов сверления. Признаки: форма каналов (если возможно), форма и диаметр отверстий, наличие повреждений на краях отверстий,
- (2) характера шлифовки и полировки поверхности для выведения формы,
- (3) подготовительные операции перед сверлением (чтобы сверло вошло в камень, минимально повредив его),
- (4) наличие искусственного улучшения окраски камня или нанесение на поверхность бусины искусственного орнамента,
- (5) минералогические характеристики: цвет, рисунок камня, прозрачность, наличие природных дефектов, характеризующие различные источники каменного материала.

В работе использовались каменные бусы из могильников Кичигино, Прохоровка, Филипповка 1, каменные бусы из доступных для изучения раннесарматских комплексов из могильников Мечетсай, Шумаево, Бердянка, Линевка, Акоба, Лабазы, кургана Темир, курганной группы Победа,

датируемых второй половиной 5-3 вв.. до н.э. [Таиров и др. 2008; Яблонский. 2008; Яблонский, Мещеряков. 2007; Моргунова, Мещеряков, 1999; Зданович, Хабдуллина. 1987; Смирнов, Петренко. 1963].

Каменные украшения из янтаря, коралла, гагата, мела, мрамора, в этой работе не использовались. Поверхность этих мягких пород и минералов, как правило, подвергается значительным изменениям в ходе бытования и хранения в погребальных камерах, поэтому характерные детали обработки поверхности камня на них, как правило, неопределимы.

Минералогическое определение каменного материала показало, что из твердых камней для изготовления бус использовались: сердолик и сердоликовый оникс, агат, сардер, аметист, горный хрусталь, халцедон и яшма. Установлены бусы из редкого ювелирного камня - хризолита и рудных минералов - пирита (сульфид железа) и касситерита (оксид олова).

При изучении коллекций каменные украшения разделялись на три крупные категории: бусы, подвески и пронизи.

Установлены и проведены аналогии с появлением и распространением выделенных групп каменных бус в это время на Кавказе, в Средней Азии и на Памире, на северо-западе Индии и в Персии [Вайнберг. 1979; Дресвянская. 1969; Кондратьев. 1992; Леммлейн. 1951; Литвинский. 1972; Пташникова. 1952; Трудновская. 1979; Beck. 1944; Schmidt. 1957; Stronach. 1963; Woolley. 1962].

Проведение минералого-технологического анализа показало, что использование в типологии каменных бус технологических признаков помимо общепринятых признаков (формы и материала) позволяет наметить возможные ремесленные центры их производства и в некоторых случаях предположить эволюцию этих ремесленных центров.

1. Среди мелких шаровидных бус (d до 8мм), сверленных алмазным сверлом установлены 2 типа: первые (из сердолика и касситерита), изготавливались, вероятно, в ремесленных центрах Средней Азии. Распространены в курганах Ферганской долины, Присаракамышской дельты, городищах Хорезма (Джанбаз-Кала) в течении 5-3 вв.. до н.э. На Памире

встречаются в курганах 4-2 вв. до н.э. Вторые производились в индийских мастерских, представлены единичными находками в Самтавро, Мингечауре, Кармир-Блуре, в Хорезме и на Памире. На Южном Урале встречаются в курганах единично, с конца 5 до 3 вв. до н.э.

2. Сферические бусы из сардера и желто-коричневого сердолика, отличаются совершенной формой, тщательной шлифовкой и полировкой. Установлено две группы. Сардеровые и сердоликовые бусы, сверленные широким и узким металлическим штырем. Широко распространены на Кавказе с 10 по 5 вв. до н.э. Бусы из желто-коричневого сердолика на Кавказе до 6 в. до н.э. сосуществуют вместе с сардеровыми бусами, а в 5 веке количественно преобладают над ними (ожерелья сферических бус в Парцханакавери, Носири, единичные бусы из ожерелий Кармир-Блура, Мингечаура и Самтавро). Широкое распространение таких бус на Кавказе, а также наличие местных источников сердолика, близкого по минералогическим характеристикам желто-коричневому сердолику позволяют предположить, что такие бусы производились ремесленным центром, находившемся к югу от древней Мцхеты [Леммлейн. 1951]. На Южном Урале такие бусы единичны в раннесарматских курганах, распространены в курганах прохоровского времени.

Сардеровые бусы, сверленные трубчатым сверлом. Встречаются в Парцханакавери, Носири и в Уре. А. Лукас упоминает о сферических бусах из индийского сардера, сверленных полым трубчатым сверлом и поступавших в Египет с середины 1 тысячелетия до н.э. из Месопотамии [Лукас, 1958].

Прозрачный красно-бурый сардер использовался в Индии для изготовления бус со 2 тысячелетия (заготовки бус из Чанхи-даро, Маскау, 1943). Он добывался в Ратанпуре [Arkell. 1963; Carter, 2008].

3. Бусы из сердоликовой гальки и розового сердолика, сверленные широким трубчатым сверлом. Поверхность камня орнаментирована кольцевыми надрезами трубчатого сверла. Встречаются по всему Закавказью и Северному Кавказу с 9 по 5 вв. до н.э. (обилие форм в Ходжале, Мингечауре и Самтавро). По аналогии с техникой изготовления ассирийских цилиндров они

считаются продукцией ассирийских камнерезных мастерских [Леммлейн. 1950]. На Южном Урале они найдены **единично** в погребении 3 кургана 15 Филипповки.

4. **Мелкие удлиненные бусы из бело-коричнево-черного агата, сверленные трубчатым сверлом.** По шлифовке, полировке и характеру сверления отверстий идентичны бусам 3 группы, но имеют более изящные формы, их поверхность не орнаментирована и изготовлены они из другого материала. Возможно, они были изготовлены либо в том же ремесленном центре, производящем бусы 3 группы, либо в мастерских в непосредственной близости от него, имеющих те же традиции обработки камня. Встречаются в курганах Присаракамышской дельты 5–4 вв. до н.э., в Сузах и Уре, в Персеполе. На Кавказе появляются на рубеже 3–2 вв. до н.э., в Северном Причерноморье – еще позже в I в. до н.э. На Южном Урале бусы найдены в единичных экземплярах в курганах Филипповки и Кичигино.

5. **Эллипсоидные бусы и каплевидные подвески.** По технологии изготовления, форме и материалу разделяются на 2 группы. В первой группе преобладают **бусы и подвески из сердоликового оникса, сверленные трубчатым сверлом или трубчатым и алмазным сверлом.** В этом ремесленном центре на рубеже 5/4 вв. до н.э. начинает использоваться новый способ сверления – алмазным сверлом. Большинство бус и подвесок изготовлены из сердоликового оникса, идентичного по минералогическим характеристикам и поступавшего из одного источника. Вероятно, источник этого камня находился в непосредственной близости от ремесленного центра. В работах по индийским бусам [Chaterjee, Basu. 1961] упоминается, что с 6 в. до н.э. в Индии появляется новый тип агата (по минералогическим характеристикам близкого сердоликовому ониксу этой группы), месторождений которого нет в Индии. Предположительно, он поступал из Ирана или Афганистана. Вероятно, ремесленные центры, изготавливающие бусы и подвески из сердоликового оникса, находились на востоке Ирана или в

Афганистане. Сердоликовый оникс они получали из месторождений Ирана или Афганистана.

Установлены в курганах Ферганской долины и могильника Туз-гыр, встречаются в Хорезме, в Рас Шамре в Сирии. На Южном Урале такие бусы и подвески присутствуют практически во всех раннесарматских погребениях и исчезают в курганах прохоровского времени. Они исчезают на Южном Урале, в Средней Азии и на Памире в конце 4 в. до н.э. Возможно, продукция этого ремесленного центра либо перестает поступать в перечисленные регионы, либо этот центр перестает существовать.

Во второй группе преобладают **бусы и подвески из сердолика и агата удлиненной формы и сверленные алмазным сверлом.** По технике изготовления им идентичны граненые бусы из агата и аметиста. Сверление отверстий алмазным сверлом появилось в Индии. В раскопанных индийских мастерских такие бусы широко распространены с 7 по 2 вв. до н.э. [Maskay. 1943; Dikshit. 1949; Chaterjee, Basu. 1961]. Очевидно, что бусы и подвески этой группы являются продукцией индийских ремесленных центров.

В единичных экземплярах найдены в курганах этого времени на территории Средней Азии и Памира, в Уре и Персеполе. На Южном Урале встречаются с 6 по 3 вв. до н.э.

6. Удлиненные сердоликовые бусы, орнаментированные белыми круговыми линиями (etched beads). Родиной бус с искусственно нанесенным орнаментом считается Индия. Однако по форме и орнаменту эти бусы отличаются от индийских [Maskay. 1943; Dikshit. 1949]. Аналогии найдены в Сирии Рас Шамре, в курганах РЖВ Вьетнама и Камбоджи. Существует мнение [Maskay. 1944; An De Waele, Ernie Haerinck. 2006], что такие бусы могли производиться в ремесленных центрах на территории Сирии или Ирана в эпоху поздней бронзы-раннего железа.

7. Бороздчатые и бочковидные бусы из пирита и касситерита, сверленные трубчатым сверлом. Такие бусы встречаются на Южном Урале в единичных экземплярах. Аналогии бусам из пирита найдены в Средней Азии в

курганах и городищах 6–4 вв. до н.э. Прямых аналогий касситеритовым бусам я не нашла. Но бусы похожей формы из гематита встречаются в Уре и Тахиле в Индии.

8. **Бусы из природных кристаллов пирита, просверлены алмазным сверлом.** На Южном Урале их находки единичны. Распространены на территории Средней Азии в 4– I вв. до н.э, встречаются на Памире в одновременных погребениях. Распространение бус из пирита в Средней Азии и отсутствие находок пиритовых бус в других регионах позволяет предположить, что они изготавливались в Средней Азии.

8. Мелкие **кривогранные бусы из горного хрусталя, сердолика, аметиста, хризолита, сверленные алмазным и трубчатым сверлом.** Имеют грубоватую форму, грани кривы и не выдержаны, шлифовка условная, полировка разная. Эти признаки показывают, что ремесленный центр только осваивает производство бус таких форм. Аналогии некоторым формам таких бус найдены в Персеполе. Грубоватость выведения формы, смешанный способ сверления отверстий, распространение таких бусы в Персии и их отсутствие в других регионах позволяют предположить, что в 5–4 вв. иранские мастерские начинают производить такие бусы.

Хризолит – редкий минерал, известный с глубокой древности. Древние выработки хризолита известны на острове Зебергет в Красном море и на территории Афганистана.

9. **Бусы-пронизи скарабеоидной формы, сверленные трубчатым и алмазным сверлом.** Сделаны преимущественно из оранжево-красного сердолика и горного хрусталя. Существует мнение, что после завоевания персами Египта, наиболее употребляемой среди каменных печатей становится форма скарабея вместо традиционной цилиндрической с 4 в. до н.э. [Woolley. 1962]. Среди каменных бус из Ура образцы скарабеоидной формы преобладают над цилиндрическими, они встречаются в Персеполе. Смешанный тип сверления отверстий в этих бусах, характерная техника изготовления позволяют

предположить, что эти бусы стали производиться на территории ахеменидского Ирана с импортом формы скарабея из Египта в Персию.

Встречаются в курганах 5–3 вв. на Памире и в Средней Азии. На Южном Урале найдены преимущественно в курганах прохоровского времени.

Далее показаны разновидности бус, пронизей и подвесок, экзотичных для ранних кочевников Южного Урала.

10. **Граненные пронизи из горного хрусталя**, сверленные широким трубчатым сверлом. Имеют форму десяти- и четырнадцатигранников, найдены в одном погребении 4 филипповского кургана. Пронизь, идентичная по форме и размерам десятигранной пронизи, была найдена в катакомбном захоронении могильника Туз-Гыр в Средней Азии [Лоховиц. 1979] и опубликована как сделанная из зеленого прозрачного стекла травянистого цвета. Не исключено, что это хризолит. Пронизь, из горного хрусталя в форме двенадцатигранника найдена в кургане кушанского времени Северной Бактрии [Мандельштам. 1975]. Происхождение этих пронизей не ясно.

11. **Фигурные подвески из желто-коричневого агата** сделаны из идентичного по минералогическим характеристикам агата, происходящего из одного источника. Не исключено, что они были произведены в мастерских одного ремесленного центра, но в разное время. В курганах Южного Урала единичны.

Такие подвески известны в Сузах и Персеполе. В Месопотамии встречаются с эпохи бронзы, в Нижнем Египте происходят из клада рубежа 5–4 вв. до н.э., в Вани в Грузии – из погребения 3 в. до н.э. Встречаются в эллинистическое время в Парфии и в Прикубанье.

12. **Цилиндрические пронизи** из агата и красного прозрачного сердолика, сверленные трубчатым сверлом. Агатова пронизь по краям оправлена золотом, на поверхности сердоликовой пронизи видны следы грубой искусственной подгонки размера пронизи под оправу. Цилиндрические формы являются традиционными формами персидских печатей и бус. В 4 в. они постепенно сменяются скарабеоидными формами [Woolley, 1962]. Цилиндры с золотыми

колпачками и без них широко распространены в Египте и на Переднем Востоке начиная с III тыс. до н.э., а с эпохи поздней бронзы – раннего железа распространяются на территории Ирана. Широкое распространение идентичных цилиндров в городах Ахеменидского государства не исключает их местного происхождения.

13. Трубчатые пронизи из сердолика, фигурные сердоликовые подвески и бусины, сверленные с двух сторон трубчатым или трубчатым и алмазным сверлом. Идентичность технологии изготовления этих подвесок, пронизей, бус позволяет говорить, что они были изготовлены в одном ремесленном центре, где наряду с общепринятыми формами развивается производство фигурных форм бус и подвесок. Смешанный тип сверления алмазным и трубчатым сверлом, грубоватость форм при хорошей полировке, распространение некоторых форм этой группы в Уре и Персеполе позволяет предположить, что они были изготовлены в ремесленных центрах Ирана в ахеменидское время.

14. Линзовидные бусы–пронизи из бело-коричневого агата, сверленные алмазным и трубчатым сверлом. В зарубежной литературе благодаря специфическому использованию рисунка камня резьбы получили название «глаз из камня» (eye stone). Распространены в Персеполе, Сузах, Пасаргадах. Часто их находят оправленными в золото или на их поверхности имеются отчетливые следы оправ. Нижние грани таких бус-пронизей могут быть декорированы вотивными (votive) надписями.

Широкое распространение этих бус на территории Персии, смешанный характер сверления (алмазным и трубчатым сверлом) позволяет предположить, что они были изготовлены в Иране в ахеменидское время.

В изученных каменных бусах различных групп кроме известных способов сверления (металлическим штифтом, трубчатым полым сверлом, алмазным сверлом) установлен смешанный тип сверления каналов трубчатым и алмазным сверлом. Техника применения алмаза в сверлении отверстий зародилась и выросла в Индии. В работах по каменным бусам из ремесленных центров

северо-западной Индии отмечается, что мастерские, осваивающие технологию сверления бус алмазным сверлом, вероятно, делали это постепенно: сначала вводилось досверливание отверстий с другой стороны алмазным сверлом или отверстия сверлились с двух сторон корундовым и алмазным сверлом, затем сверление отверстий производилось алмазным сверлом [Chaterjee, Basu. 1961]. Изучение каменных бус из раскопанных мастерских на северо-западе Индии [Beck. 1944] показало, что к VI в. до н.э. сверление каменных бус производилось преимущественно алмазным сверлом. Это позволяет предположить, что сверление сквозных отверстий в каменных бусах алмазным сверлом в V-IV вв. до н.э. начинает распространяться из Индии в ремесленные центры Ахеменидского государства и контролируемых им соседних территорий.

Установлены каменные бусы, которые вероятно поступали на Южный Урал с территории Персии, из ремесленных центров Средней Азии, Кавказа и Индии.

Распространение выделенных групп бус в раннесарматских и прохоровских курганах Южного Урала показало:

- в раннесарматских курганах преобладают бусы из иранских ремесленных центров. Среди них в количественном отношении преобладают удлиненные бусы и каплевидные подвески из сердоликового оникса, присутствуют мелкие граненые бусы из различных минералов и бусы и подвески из индийских ремесленных центров. Остальные группы бус представлены единичными экземплярами;

- в прохоровских курганах эллипсоидные бусы и каплевидные подвески из сердоликового оникса, так широко распространенные в предыдущей возрастной группе, пропадают. Бусы иранского происхождения представлены скарабеоидными бусами, из граненых бус встречаются только бусы из хризолита. В это время количественно преобладают сферические бусы из сардера и желто-коричневого сердолика кавказского происхождения. Широко распространены бусы из мягких минералов гагата и янтаря, которые в курганах предыдущей возрастной группы единичны. Также встречаются эллипсоидные

бусы и подвески из агата, сердолика и сердоликового оникса индийского производства.

Список литературы

Алексеева. 1982. Алексеева Е. М., Античные бусы Северного Причерноморья// Свод Археологических Источников, вып. Г1-12, т.2, М., Наука.

Вайнберг. 1979. Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры// Кочевники на границах Хорезма, Труды Хорезмской Археолого-Этнографической Экспедиции, под ред. С.П. Толстого, Т. XI, М., Наука.

Дресвянская . 1969. Дресвянская Г.Я. Бусы с городищ Старого Мерва // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, под ред. М.Е. Массона, Т.XIV. Ашхабад.

Зданович. Хабдуллина. 1987. Зданович Г.Б. Хабдуллина М.К. Курган Темир// Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья, под ред. Г.Б.Здановича, Челябинск.

Кондратьев. 1992. Кондратьев И.И. Бусы из курганов Присарыкамышской дельты // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье), под ред. М.А. Итиной, М.

Леммлейн. 1950. Леммлейн Г.Г. Опыт классификации форм каменных бус//Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры, вып. XXXII, М.- Л.

Леммлейн . 1951.Леммлейн Г.Г. Каменные бусы из Самтаврского некрополя. //Материалы по истории Грузии и Кавказа, под ред. А.А. Иессена, вып. 29,Тбилиси.

Литвинский. 1972.Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., Наука.

Лоховиц, Хазанов. 1979. Лоховиц В.А., Хазанов А.М.Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-Гыр. //Кочевники на границах

Хорезма, Труды Хорезмской Археолого-Этнографической Экспедиции, под ред. С.П. Толстого, Т. XI, М., Наука.

Лоховиц. 1979. Лоховиц В.А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик//Кочевники на границах Хорезма, Труды Хорезмской Археолого-Этнографической Экспедиции, под ред. С.П. Толстого, Т. XI, М., Наука.

Лукас. 1958. Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М.

Мандельштам. 1975. Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в северной Бактрии//Труды Таджикской Археологической Экспедиции, т. VII, Л., Наука.

Моргунова, Мещеряков. 1999. Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника//Археологически памятники Оренбуржья, вып III, Оренбург.

Пташникова. 1952. Пташникова И.В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма //Труды Хорезмской Археолого-Этнографической Экспедиции, под ред. С.П. Толстого, Т. I., М.

Смирнов, Петренко. 1963.Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., Савроматы Поволжья и Южного Приуралья//Археология СССР, САИ, М.

Таиров, Боталов, Плешаков. 2008. Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плешаков М.Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург.

Таиров. 2004. Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв.. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.

Трейстер. 2007. Трейстер М.Ю. Торевтика и ювелирное дело Северного Причерноморья 2 в. до н.э. – 2 в.н.э. (эллинистическая традиция) // Мордвинцева

В.И., Трейстер, М.Ю, Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н.э. – 2 в.н.э. Том 1. Симферополь-Бонн.

Трудновская. 1979. Трудновская С.А. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-Гыр// Кочевники на границах Хорезма, Труды Хорезмской Археолого-Этнографической Экспедиции, под ред. С.П. Толстого, Т. XI, М.

Яблонский. 2008. Яблонский Л.Т. 2008а. Сарматы Южного Приуралья // Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург.

Яблонский, Мещеряков. 2005. Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Раскопки курганов раннесарматского времени у д. Прохоровка // КСИА. Вып. 219.

An De Waele, Ernie Haerinck, Etched (carnelian) beads from northeast and southeast Arabia//Arabian archaeology and epigraphy 2006, P. 31-40

Beck. 1944. Beck H.C. The beads from Taxila// Antiquity, vol. XVIII, № 72.

Chaterjee, Basu. 1961. Chaterjee B.K., Basu A. A historical account of the agate industry at Cambey and its distribution in India// Oracle Java Message Service, vol LI, №4.

Dikshit. 1952. Dikshit M.G. Some beads from Kondapur, Hyderabad, , Hyderabad archaeological series, № 16, P. 33-64

Glover, Bellina Bérénice. 2001. Glover Ian C., Bellina Bérénice. Alkaline Etched Beads East of India in the Late Prehistoric and Early Historic Periods.// Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. Tome 88.

Mackay. 1943. Mackay E. Chanhu-Daro excavations 1935-36//American Oriental Series, vol. 43, New Haven.

Mackay. 1944. Mackay D. Beads from Taxila, //Antiquity, vol. XVIII, № 72.

Schmidt. 1957. Schmidt E.F/ Persepolis II//Contents of the treasury and other discoveries. Vol. LXIX. Chicago-Illinois.

Stronach. 1978. Stronach D. Pasargadae// A report on the excavations conducted by the British institute of Persian studies from 1961 to 1963. Oxford.

Stucky. 1983. Stucky R.A. Ras Shamra leukos limen. Die Nach-ugaritische besiedlung von Ras Shamra. Paris.

Woolley. 1962. Woolley L., with a contribution by Mallowan M.E.L. Ur excavations. Vol. IX//The Neo-babilon and Persian periods. London.

М.А. Балабанова

(г. Волгоград)

Поза погребенных как объект археолого-этнографических исследований (по погребальным комплексам позднесарматского времени).

Как известно для одного и того же народа, несмотря на консервативность погребальной обрядности, зафиксировано значительное многообразие форм обращения с умершим телом [Смирнов. 1997].

В этом аспекте на фоне всех сарматских культур, особое место занимает погребальная обрядность поздних сарматов. Среди сотен комплексов с позой погребенных вытянуто на спине, имеется группа с отклонениями, которая составляет менее 5.0%. Из этой категории внимание привлекают захоронения, в которых костяки, уложены ничком, вниз лицом, на животе. Всегда поза «ничком», «на животе» «хребтом вверх» и т.д. определена археологом. Эта группа погребений второй половины II-IV вв. н.э. и явилась объектом данного исследования. Чтобы выяснить, насколько часто встречается этот обряд у позднесарматских племен, проводился сравнительно-исторический анализ с археологическими культурами раннего железного века и раннего средневековья. Для понимания мотивировки данного обряда пришлось проанализировать данные этнографии.

Общая характеристика комплексов. Серия позднесарматских погребений осуществленных в позе «ничком», «на животе», «хребтом в верх» насчитывает 19 комплексов (табл. 1. рис. 1: 1-13). Картографирование памятников показывает их наибольшую концентрацию в могильниках Астраханского Правобережья, Черноярский район и прилегающие к нему районы Калмыкии. Два таких погребения обнаружены в могильниках Нижнего Подонья, три в Заволжье и два в могильниках Южного Приуралья (табл. 1). Во всех случаях обряд применяли к взрослому населению, это в основном люди зрелого и пожилого возраста и чаще к мужчинам, чем к женщинам. Все погребения с позой «ничком» являются индивидуальными могилами, кроме коллективного захоронения кург.2

Хохлацкого могильника и парного из могильника у п. Зеленый (рис. 1-11) [Шилов. 1982, с. 45-46; Рыков. 1926].

Если парные погребения в позднесарматской обрядности довольно распространенное явление, то тройное, двое из которых дети - явление исключительное. В кургане Хохлацкого могильника костяк пожилого мужчины с искусственно деформированным черепом лежал посередине на животе, а по его бокам два подростка лежали, вытянуто на спине. В погребении у пос. Зеленый были похоронены, по мнению П. Рыкова, мужчина и женщина и оба в позе «ничком».

Основываясь на деталях погребального обряда всю группу можно разделить на несколько частей. Первую часть образуют захоронения, которые отличаются от общей массы позднесарматских погребений только позой «на животе», все остальные обрядовые традиции соблюдены (рис. 1-1-1-7). Вторая часть, это захоронения людей, которых можно определить как приговоренных к смерти, со связанными руками и ногами (рис. 1-8 - 1-12). Сама поза «связанные руки и ноги» или, так называемые, случайные позы предполагают применение силы к погребенному человеку. Есть и прямые свидетельства «насилия», например, по отношению к женщине, останки, которой раскопаны в могильнике п. Зеленый. По П. Рыкову женский череп имел следы надрезов, возможно, следы скальпирования (?). Кроме этого, он был еще и трепанирован в области правой теменной кости, форма отверстия была прямоугольной. По мнению автора, женщину бросили или опустили в яму, «с целью помещения ее около умершего» мужчины, тоже лежащего в позе «ничком» [Рыков. 1926, с. 105]. На всем остальном материале не было зафиксировано следов каких-либо травм. Правда, только по отношению к черепам, так как большая часть костей посткраниального скелета не была представлена в коллекциях. Реконструируя позу погребенного из кург. 44 могильника Кривая Лука-XVII, авторы раскопок предположили, что он находился в «состоянии летаргического сна» (рис. 1-10) [Дворниченко и др. 1976]. Поза женщины из кург. 2 могильника Кривая Лука-I, позволяет предположить, что она была, скорее всего, похоронена в сидячем

положении (?) (рис. 1-11) [Дворниченко и др. 1977. с. 7]. В категорию брошенных, лежащих ничком, видимо, «приговоренных к смерти», со связанными руками и ногами, без сомнения, можно отнести погребенных из могильников Кривая Лука-Х, кург.8, погр.2, Усатово, кург.F15 (рис. 1-8; 1-9). Еще более удивительная неестественная поза у пожилого мужчины из кург.28 могильника Кузин хутор (рис. 1-12). Голова и верхняя часть туловища помещались ниже, чем ноги. Человек, по мнению автора раскопок, был брошен в колодец головой вниз [Шилов. 1962, с. 41-42].

В третью часть включены погребения, в которых обнаружены нарушения анатомической целостности скелетов (рис. 1-13). В двух мужских захоронениях из кург.2 могильника Кегюльта и кург. 4 могильника Уязебашево нарушено анатомическое положение черепа [Рыков. 1931; Пшеничнюк. 1983]. Нарушение анатомической целостности скелета и отсутствие некоторых костей удалось зарегистрировать еще два раза: у женщины из кург.2 могильника Кривая Лука-I и у мужчины из кург.49 могильника Кривая Лука-XVII [Дворниченко и др. 1977, с. 7; Федоров-Давыдов и др. 1974]. При этом авторы раскопок ничего не пишут об ограблении с нарушением курганной насыпи.

Таким образом, несмотря на перечисленные детали, всю группу объединяет поза погребенных «ничком» «на животе». Чтобы разобраться с символикой таких погребений, необходимо провести сравнительно-исторический анализ, так как в погребальных обрядах отражается способ смерти, «вредоносность» покойника, социальный статус умершего и т.д. [Токарев. 1990, с. 180-192; Толстой. 1990, с. 120, 123].

Археолого-этнографические свидетельства по позе погребенных «на животе» «ничком» и т.д.

Прежде всего, рассмотрим культуры савромато-сарматского круга. Так, в рассматриваемой позе было обнаружено только одно савроматское погребение (VI-IV вв. до н.э.) из могильника близ хут. Авиловского. В сохранившейся части разрушенной ямы на дне лежала верхняя часть мужского скелета, положенного на живот вниз лицом [Синицын. 1954, с. 239-240].

В комплексах IV-III вв. до н.э. такие захоронения тоже встречаются редко, всего три в выборке из 500 погребений [Железчиков. 1997, с. 58. табл.1, 16, с.77 ; Яблонский и др. 2004, с.126].

В группе III-I вв. до н.э. из списка А.С. Скрипкина на 979 захоронений в позе «на животе» нет ни одного [Скрипкин.1997, с. 180].

В среднесарматских погребениях И.В. Сергацков тоже зафиксировал лишь одно погребение в выборке из 973 комплексов [Сергацков. 2002, с. 86].

По синхронным культурам этот признак тоже встречается редко. Так, на довольно обширном материале саргатской и гороховской культур, Н.П. Матвеева выделяет отдельную модель погребений, во рву, в «случайных позах», интерпретируя их как человеческие жертвоприношения [Матвеева. 2000, с. 173, 179, 193, 196, 204].

При раскопках Кокэльского могильника гунно-сарматского времени обнаружено лишь одно женское погребение в позе ничком на 470 погребений [Дьяконова. 1963, с. 145].

В комплексах таштыкской культуры так же имеются могилы, где люди уложены в неестественной «скособоченной» позе с сильно закинутыми за спину и перевязанными руками [Вадецкая. 1999, с. 29, 117].

В Тулхарском могильнике в трех женских погребениях первых веков нашей эры умершие лежали, на животе [Литвинский, Седов. 1984, с. 113]. Еще один женский костяк, лежащий на левом боку, вниз лицом обнаружен в Ворухском могильнике (КВ-82) [Литвинский. 1972, с. 99]. По данным А.Н. Берштама в дромосе одной из катакомб Кенкольского могильника был брошен труп связанного убитого мужчины [Берштам. 1950, с. 68].

Огромный материал по меотским памятникам также свидетельствует о крайне редкой частоте встречаемости этого признака, в могильниках: Прикубанский (IV в. до н.э.) на 400 погребений только 3; Старокорсунского городища 2, на 1000 погребений - 4 [Лимберис. 1990; 2001].

Всего семь раз В.С. Ольховским зафиксирована поза «ничком» на скифском материале VII-III вв. до н.э. при анализе 1857 комплексов [Ольховский. 1991.

с. 58, 67, 101, 102 и 154]. В двух ранних могилах поза «на животе» ставится под сомнение самим автором. В комплексах IV-III вв. до н.э. на 738 погребений этот признак встречался пять раз. Два раза эта поза определяется для «зависимых людей»; два раза в такой позе были похоронены дети и последний случай – погребение «взрослого человека со связанными за спиной руками».

В могилах черняховской культуры этот признак тоже встречается крайне редко. Так, Г.Ф. Никитина, обработавшая массовый материал дважды фиксирует такую позу: один раз на могильнике Будешты на 360 погребений и другой раз на могильнике Маслово на 91 погребение [Никитина. 1985, с. 41, 98, 116].

Наличие позы ничком М. Мончинска отмечает у раннесредневековых германцев IV-VII вв. [Мончинска. 1997, с. 207, 210]. По ее данным, начиная с III в.н.э. наряду с комплексами, где отсутствует череп или другие части тела «иногда встречаются трупоположения, в которых умерший положен лицом к земле».

Список можно было бы продолжить, но, есть ли в этом необходимость? Следует только отметить, что в средневековье этот обряд тоже встречается, но довольно редко.

В связи с тем, что только этнографический материал дает возможность узнать мотивировку самих носителей данной традиции, то пришлось обратиться к этнографическим данным. Мною отобраны свидетельства наличия позы «ничком» у разных народов и оказалось, что она имеет распространение практически по всей Евразии, но как экстраординарное явление.

Например, у современных тувинцев, как отмечает В.П. Дьяконова, погребение ничком практиковалось вместе с подкладыванием каменной «подушки» при похоронах детей колыбельного возраста или старых людей опасного возраста¹ [Дьяконова. 1975, с. 148-150].

Такой обряд зафиксирован и у береговых юраков, эвенков, якутов, бурят и применялся избирательно, ничком хоронили самоубийц, людей неординарных

¹ По представлениям тувинцев опасным считался возраст после 81 года жизни.

или физически неполноценных, умерших не своей смертью [Дьяконова. 1975, с. 150; Смоляк. 1980, с. 181, 186; 196-198]. Поза «ничком» применялась при похоронах некоторых шаманов, особенно тех, которые служили восточным тенгриям, или же черным шаманам, напускавших на людей болезнь или «съедавшие» у кого-нибудь душу [Дьяконова. 1975, С. 150; Туголуков. 1980, с. 200].

В славянской этнографии погребали вниз лицом тоже «вредоносных покойников», колдунов [Толстой. 1990, с. 120; Былины Печоры, № 266.75. 2001].

На территории Европы в средневековье и новое время лицом к земле обращали самоубийц и жертв эпидемий.

Таким образом, далеко не полный перечень источников свидетельствует о том, что поза «на животе» «ничком» крайне редко встречается в погребальной обрядности разных культур и эпох и, что наиболее важно, она распространена у самых разных евразийских народов и за ней, скорее всего, стоят весьма сходные представления. Видимо, эта погребальная традиция применялась к людям, которых объединяет ряд общих черт.

Это, во-первых, покойники, отличающиеся посмертной вредоносностью по отношению к живым сородичам: шаманы, колдуны, ведьмы, вурдалаки и т.д., которые еще при жизни по представлениям живых, приносили беды и несчастья. Вполне естественным было стремление живых избавиться от души такого человека после смерти путем их погребения ничком, так как была большая вероятность, что они и после смерти будут вредоносить. Понятным становятся и погребения ничком самоубийц, или других «заложных» покойников, так как их души также вызывали опасения среди живых, поскольку они «доживают свой положенный им при рождении век за гробом». Они сохраняют способность к передвижению, выходят из могилы и находятся в распоряжении нечистой силы, а все их действия направлены во вред живым [Зеленин. 1994, с.231].

Во-вторых, «приговоренные к смерти» или человеческие жертвоприношения. Человеческие жертвоприношения, как обряд, имели широкое распространение и

чаще всего практиковались воинственными народами² [Токарев. 1990, с. 174 и др.]. Об этом, по крайней мере, свидетельствуют жертвенные «поминальники» таштыкских могильников. На их площадках, встречаются как уложенные ничком, со связанными руками, люди, так и расчлененные трупы [Вадецкая. 1992, с. 244; 1999, с. 87, 117].

Пышные похороны с жертвоприношениями людей, животных и жидкостей Ахиллес устроил своему погибшему другу Патроклу [Гомер. Илиада, XXIII, 165-175]. В свою очередь тень самого Ахиллеса потребовала от ахейцев принесения ему в жертву Поликсены. Этот сюжет нашел свое художественное решение в трагедии Еврипида «Гекуба» [Еврипид. 190, 210, 220-260].

У скифов, по данным Геродота, ежегодно кумиру бога Ареса старинному железному мечу приносились в жертву рогатый скот, лошади и мужчины [Геродот. IV, 10. 62]. У тех же скифов, но уже в поминально-погребальной обрядности также практиковались бескровные человеческие жертвоприношения [Геродот. IV, 71, 72].

По сведениям письменных источников существовала практика человеческих жертвоприношений и у савроматов, сарматов и аланов, поскольку они также поклонялись мечу, как кумиру бога войны Аресу [Климент Александрийский. 5, 64; Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 23].

В «Римских вопросах» Плутарх сообщает о том, что римляне, как и блетонессии совершали когда-то человеческие жертвоприношения [Плутарх. 1990. с. 211]. В «Повести временных лет» также есть сведения о жертвоприношениях людей в Киеве под 983г., буквально накануне принятия христианства [Повести. 1997, с. 131].

Таким образом, в традиционной культуре многих народов практикующих обряд положения умершего в позе «на животе» имелась мотивировка; либо посмертная вредоносность некоторых из умерших, либо насильственная смерть с возможными человеческими жертвоприношениями. В первом случае – это крайне малочисленные захоронения, а во втором, наоборот, от нескольких

² Целая подборка статей по человеческим жертвоприношениям опубликована: OPUS, 2004 г. (см. статьи Бегловой, Винокурова, Козак.)

человек до нескольких десятков. Тема человеческих жертвоприношений возникает здесь в связи с относительной массовостью таких захоронений позднесарматской культуры. Несмотря на то, что большая часть костяков не несет следов повреждений, в некоторых случаях фиксируется насильственный характер смерти, скорченное положение тела со связанными конечностями.

Обычно обе причины сводятся к тому, что такое поведение живых по отношению к мертвым приносит благо всему обществу. Даже относительно большая частота встречаемости этого признака в позднесарматских комплексах не дает возможности доказать ту или иную интерпретацию данного обряда у них. Если склоняться к первой версии, то получается, что, в отношении образно выражаясь «колдунов» и «ведьм» позднесарматское общество отличалось их обилием от всех других синхронных народов. Если же придерживаться версии, что признак поза «ничком» это человеческие жертвоприношения, то, для данной группы древних племен, по выражению Э. Лича, довольно часто возникала необходимость «в дарах, дани или штрафах, выплачиваемых богам» [Лич, 2001, с. 101].

Возможно и третье решение исследуемой проблемы, это обряд проводов на «тот свет». Он известен по этнографическим данным многих народов, об этом есть сведения в письменных источниках. Подробный символический анализ этого обряда у славянских народов изложен в монографии Н.Н. Велецкой [Велецкой. 2003]. У нее же приводится литературный обзор по данной проблеме. Следует отметить, что у многих народов с традиционным мышлением имелись представления о человеческом веке, то есть, сколько лет человеку отпущено для жизни на земле.

Так, у древних народов, таких как сарды, каспии, греки, римляне и другие, наиболее распространенной точкой зрения на предел земной человеческой жизни было 60 лет. У древних римлян, если к 60 годам люди не умирали, то их ежегодно сбрасывали в Тибр [Плутарх. 32, 86]. К рубежу эр этот ритуал уже ушел в область преданий, что нашло отражение в «Фастах» Овидия [Овидия. V, 624, 635].

В отдаленные времена, как отмечает Н.С. Бабаева у таджиков, с наступлением предела жизни 60-70 лет, «зажившихся» людей умерщвляли, так как сверх этого возраста идут «лишние годы» [Бабаева. 1993, с. 21, 84, 85].

Как утверждает ряд исследователей, у некоторых народов Средней Азии были известны помещения для временного содержания трупов. Эти помещения служили и последним кровом для тяжелобольных и очень старых людей. У горных таджиков и у некоторых кавказских народов стариков относили на гору и оставляли их там умирать или же сбрасывали с горы в пропасть [Кисляков. 1970, с. 70; Литвинский. 1972, с. 113; Мейтарчиян, 2001, с. 162-163; Велецкая. 2003, с. 149, 150].

Вообще, геронтоцид как, ритуальное убийство в древности был известен многим народам Старого и Нового света [Страбон. XI, 11,3; Нарты. 1989, с. 80; Зеленин. 2004; Туголуков. 1980, с. 166-169, 173; Косарев. 2003, с.21-26; Алексеев. 1992, с. 61; Лебедев, 1977. с. 56-57; Велецкая. 2003].

Особый интерес вызывает информация, связанная с наличием геронтоцида у савромато-сарматских народов, которая приведена у древних авторов [Плиний Старший. Кн.IV, 26.90; Валерий Флакк. VI, 120].

По мнению Н.Н. Велецкой к старым людям, которым около 60 лет славяне использовали ритуал «проводов на тот свет». Жизнь старых людей преждевременно пресекалась, не достигая одряхления, а «умерщвляемые могли восприниматься как посланцы к богам» [Велецкая. 2003, с. 90-92, 237).

Таким образом, сравнительно-исторический анализ не позволяет однозначно решать проблему символики исследуемого ритуала у позднесарматского населения II-IV вв. н.э. Кроме того, отсутствие какой-либо закономерности погребений с позой ничком также диктует осторожный подход к семантике обряда. Скорее всего, имели место и возможные человеческие жертвоприношения и ритуальное умерщвление пожилых и старых людей, а также такие захоронения могли быть связаны с вредоносностью части умерших.

В заключение хотелось бы отметить следующее:

1. Захоронения на «животе» в позднесарматских комплексах встречаются чаще, чем в других сарматских культурах и в относительно синхронных евразийских культурах.

2. Анализ деталей погребального обряда позволяет выделить три группы погребений, которые сочетают те или иные признаки: это погребения ничем не отличающиеся от большого количества захоронений кроме позы погребенных; предполагаемые приговоренные к смерти и захоронения с посмертным ритуальным нарушением анатомической целостности костяков.

3. Использование этнографических источников по исследуемой теме в сочетании с элементами погребальной обрядности не позволяет однозначно решать мотивировку обряда у позднесарматских племен.

Список литературы:

Алексеев. 1992. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск.

Аммиан Марцеллин. 1996. Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1996.

Бабаева. 1993. Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности. Душанбе.

Берштам. 1950. Берштам А.Н. Очерк истории культуры древнего Семиречья. Древние кочевники Семиречья // МИА. № 14. М.-Л.,

Былины Печоры . 2001. Былины Печоры / Былины в 25 т. Т.2.СПБ.,

Вадецкая. 1992. Вадецкая Э.Б. Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Вадецкая. 1999. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.

Велецкая. 2003. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 2003.

Геродот. 2007. Геродот. История. М., 2007.

Гомер. 1984. Гомер. Илиада // Европейский эпос античности и средних веков. М., 1984.

Дворниченко, Смирнов, Федоров-Давыдов. 1976. Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г. Архив ИА РАН. Р-1, № 6719.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. Древности Астраханского края. М., 1977.

Дьяконова. 1963. Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Вып. III. Л.

Дьяконова. 1975. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.

Еврипид. 1999. Еврипид. Трагедии. Т.1. М.

Железчиков. 1997. Железчиков Б.Ф. Анализ сарматских погребальных памятников в IV-III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура. М.

Зеленин. 1994. Зеленин Д.К. К вопросу о русалках (Культ покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913. М.

Зеленин. 2004. Зеленин Д.К. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934-1954. М.

Кисляков. 1970. Кисляков Н.А. О древнем обычае в фольклоре таджиков // Фольклор и этнография. Л.

Климент Александрийский. 1948. Климент Александрийский. Увещательная речь к эллинам // Латышев В.В. ВДИ. 1948 №2 (24).

Косарев. 2003. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М.

Лебедев. 1977. Лебедев В.В. Похоронный обряд ачайваямских коряков-оленевонов // Полевые исследования института этнографии. М.

Лимберис. 1990. Лимберис Н.Ю. Отчет о работе Краснодарской археологической экспедиции на могильниках Старокорсунского городища №2 в 1990. Архив археологическая лаборатория КубГУ.

Лимберис. 2001. Лимберис Н.Ю. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках грунтового могильника у хутора Прикубанский в 2001г. Архив археологическая лаборатория КубГУ.

Литвинский. 1972. Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.

Литвинский, Седов. 1984. Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М.

Лич. 2001. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.

Матвеева. 2000. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зона) Новосибирск.

Мейтарчян. 2001. Мейтарчян М. Погребальные обряды зороастрийцев. М.- СПб.

Мончинска. 1997. Мончинска М. Страх перед умершими и культ мертвых у германцев IV-VII вв. н.э. (на основании так называемых погребений специфического обряда) // Стратум плюс. СПб.-Кишинев.

Нарты. 1989. Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. М., Кн.2.

Никитина. 1985. Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен Черняховской культуры. М.,

Овидий. 1994. Овидий. Собрание сочинений в 2-х томах. Т.II. СПб.

Ольховский. 1991. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.

Плиний Старший. Плиний Старший. Естественная история. Кн.IV, 26.90 // <http://www.pereplet.ru/gorm/atext/pliny.htm>.

Плутарх. 1990. Плутарх. Застольные беседы. Дополнения. Л.

Повесть. 1997. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. XI-XII вв.СПб.

Пшеничнюк. 1983. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.

Рыков. 1926. Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925г. (предварительный отчет) // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском госуниверситете. Т.1.Саратов.

Рыков. 1931. Рыков П. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929г. // Известия Нижневолжского института краеведения. Т.4. Саратов.

Сергацков. 2002. Сергацков И.В. Анализ сарматских погребальных памятников в I-II вв.н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М.

Синицын. 1954. Синицын И.В. Археологические памятники в низовьях реки Иловли / И.В. Синицын // Ученые записки СГУ. Исторический выпуск. Т. XXXIX. Саратов.

Скрипкин. 1997. Скрипкин А.С. Анализ сарматских погребальных памятников в III-I вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура IV-I вв. до н.э. М.

Смирнов. 1997. Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения: Исследования, тексты, словарь. М.

Смоляк. 1980. Смоляк А.В. Нанайцы. Похоронная обрядность // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). М.

Страбон. 1994. Страбон. География. М.

Токарев. 1990. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.

Толстой. 1990. Толстой Н.И. Перевоорачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.

Туголуков. 1980. Туголуков В.А. Юагиры. Похоронная обрядность // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). М.

Федоров-Давыдов, Дворниченко, Малиновская. 1974. Федоров-Давыдов Г.А, Дворниченко В.В., Малиновская Н.В. Отчет о раскопках курганов в урочище «Кривая Лука» в Черноярском районе Астраханской области в 1974 г. Архив Астраханского краеведческого музея.

Флакк Валерий. Флакк Валерий. Аргонавтики восемь книг. VI, 120 // http://www.darial-online.ru/1999_2/gagloyti.shtml

Шилов. 1962. Шилов В.П. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции за 1962 г. Черноярский район Астраханской области хут. Хохлацкий Сарпинский район Калмыцкой АССР. Архив ИА РАН. Р-1, № 2728.

Шилов. 1982. Шилов В.П. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста.

Яблонский, Мещеряков, Вальчак, Тришина. 2004.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., Вальчак С.Б., Тришина И.В. Могильник Прохоровка 1 – эпонимный памятник сарматской археологии (по результатам археологических раскопок) // Вестник РГНФ. №4. М.

Подписи к рисункам:

Рис. 1. Планы погребений

1–Кривая Лука-Х, кург.8, погр.2; 2–Усатово, кург. F15; 3–Кривая Лука-XVI, кург.16; 4–Кривая Лука-XVII, кург.44; 5–Кривая Лука-XVIII, кург.49; 6–Иджил, кург.3; 7–Кировский-IV, кург.8; 8–Кривая Лука-I, кург.2; 9–Кузин, кург. 28; 10–Трасса канала Волга-Чограй, кург. 3; 11–Хохлацкий, кург. 2; 12–У-85, кург. 9; 13–Уязыбашево, кург.4.

Рис. 2. Женский череп с монголоидно-европеидным комплексом из кург.2, могильника Кривая Лука – 1.

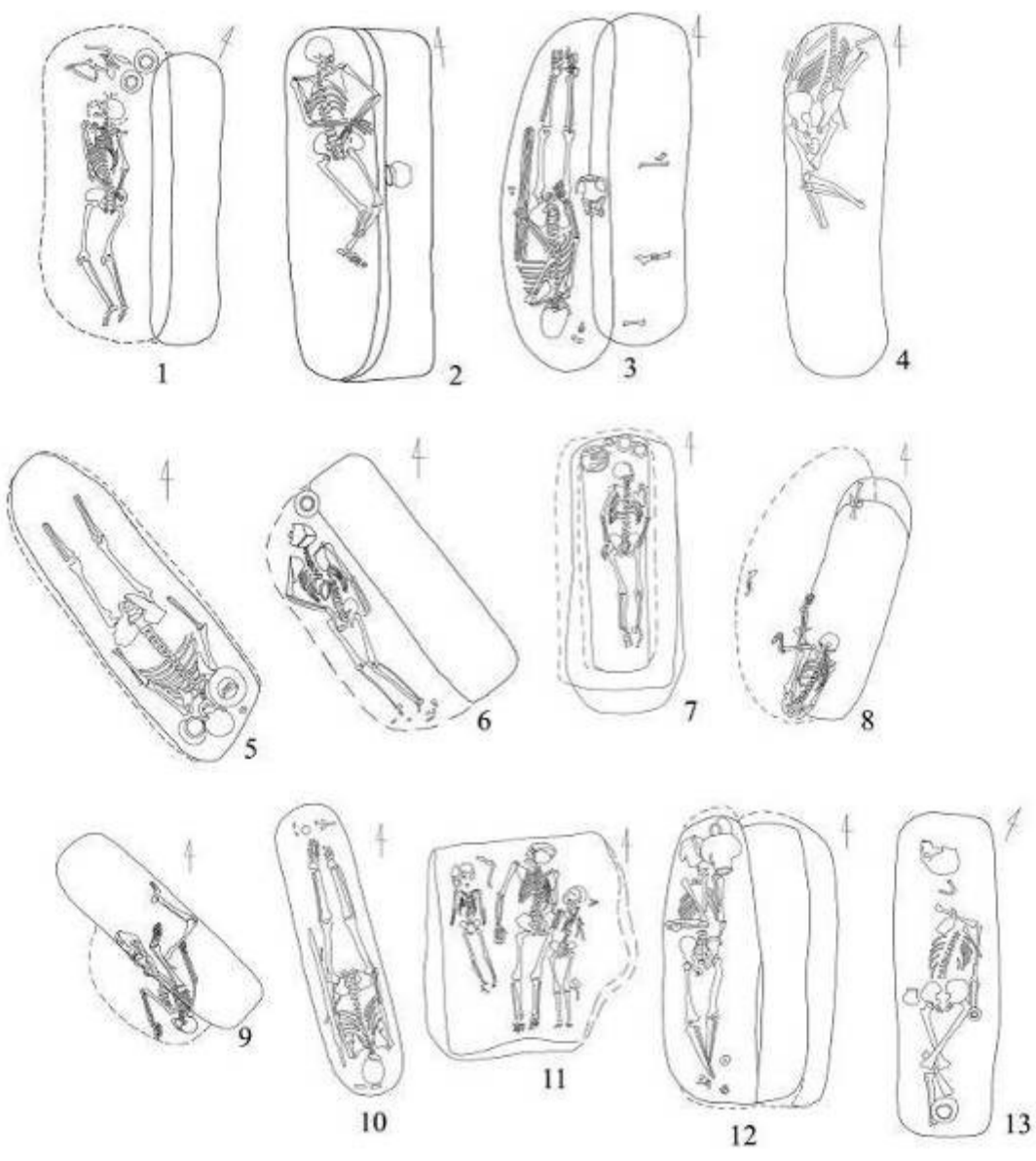

Таблица 1. Списо

№№ п/п	Могильник, курган, 1
1.	Вдоль трассы канала погр. 1
2.	П.Зеленый, кург.3, ко
3.	П.Зеленый, кург.3, ко
4.	Иджил, кург.3
5.	Кегюльта, кург.2
6.	Кировский-IV, кург.8

Белицкий А.В.
(Волгоград)

Погребальный обряд ранних кочевников междуречья Волги и Дона IV в. до н.э. (предварительные итоги).

IV в. до н.э. для территории Волго-Донского междуречья период сложный и неоднозначный. На данной территории в исторической литературе для VI – IV вв. до н.э. обычно располагают савроматов, упоминаемых в «Истории» Геродота. А с первой половины IV в. до н.э. в античных источниках появляется новый этноним «сирматы», который часть исследователей связывает с приходом в данный регион носителей раннесарматской археологической культуры, а другая часть с приходом нового населения, лишь частично связанного с раннесарматской археологической традицией. Более того, одни и те же памятники IV в. до н.э. разными исследователями, относятся к разным археологическим культурам.

Сложные этнические процессы, происходящие в IV в. до н.э. в Волго-Донском междуречье, оцениваются исследователями не однозначно. Наиболее устоявшимся является мнение о том, что в этот период местное «савроматское» население активно ассимилировалось мигрантами. В таком случае на территории волго-донского междуречья в IV в. до н.э. должно было происходить смешение разноэтничных групп, что отразилось бы в первую очередь не только на вещевом материале, но и на погребальном обряде этих племен.

Нужно также отметить, что проблема выделения погребальных комплексов связана не только с их неоднородностью, но и со сложностью их точной датировки в пределах одного века.

Для характеристики погребального обряда комплексов IV в. до н.э. междуречья Волги и Дона, были определены признаки, характеризующие особенности погребального обряда. В выборке учтены 25 погребений, датированных IV в. до н.э., из которых 9 ограбленные.

Большинство погребений в этой выборке являются основными – 56 %. Впускные составляют – 44 %, при этом большинство их впущены в курганы бронзового века. Формы могильных ям разнообразны, но, в основном, преобладают прямоугольные с округлыми углами (24 %) и подквадратные (20 %). Конструкции особенности встречаются редко, они отмечены лишь в восьми погребениях (в трех погребениях отмечена ступенька, а в четырех перекрытие).

Большинство погребений (64%) индивидуальны, в остальных встречается от двух до пяти погребенных. Из 39 погребенных определение пола было сделано для 24 костяков. Нормальная половозрастная структура данной группы нарушена, и соотношение по полу составляет 2,5 в пользу мужчин (15 мужчин и 6 женщин), детских погребений так же необычно мало всего три.

Наиболее часто встречается ориентировка погребенного на ЮЗ (41%), вообще в погребениях этого времени преобладает ориентировка в южный сектор составившая 67,6 %. Широтная ориентировка с отклонениями отмечена в 29,4 % случаев. Органическая подстилка отмечена в 8 % (два случая) погребений.

Основным видом жертвенных животных в погребении является овца обнаруженная в 40 % погребений и лошадь (36%). Они представлены целым боком (40 %) или ногами (40 %), встречены справа от костяка (32 %) или в углу могильной ямы (28 %).

Наиболее распространенными категориями сосудов являются горшки, составляющие 47 % от всех типов посуды (14 погребений), и амфоры 24%, (пять погребений). Большинство составляет лепная керамика. Чаще всего посуда располагалась справа от костяка (33 % случаев) и в ногах (22 % случаев). Мечи, как и ножи, встречены в 72 % погребений. Наконечники стрел отмечены в 84 % погребений, причем погребений, в которых обнаружены железные наконечники стрел, несколько больше, чем тех в которых зафиксированы бронзовые (17 к 14 соответственно). Копье найдено в 40 % погребений (10 случаев).

Из украшений преобладают бусы, найденные в 36 % погребений. Зеркала обнаружены в 32 % погребений, в 80 % целые (девять находок). Из прочего

инвентаря наиболее часто встречаются ворварки – 16 находок, обнаруженные в 32 % погребений.

При изучении территориального распространения погребальных комплексов IV в. до н.э. было отмечено, что они в междуречье Волги и Дона образуют две статистически сопоставимые группы. В первую группу вошли погребения, группирующиеся у Волги и Аксая (12 погребений³), во вторую – левобережные Низовья Дона (12 погребений⁴). Во вторую группу был отнесен и комплекс Вертячий к.6 п.3, не связанный территориально ни с одной из групп, но по особенностям своего обряда более соотносимый с группой Нижнедонских памятников.

При сравнении основных признаков погребального обряда этих двух групп были выявлены следующие особенности:

Для первой группы наиболее характерно возведение индивидуальных насыпей (91,6%, 11 погребений), а на Дону доминируют впускные погребения (75 %, 9 погребений).

Преобладающей формой погребальной конструкции в обеих группах является прямоугольная яма с округлыми углами. Но при этом четверть погребений с территории Волги и Аксая совершенно в широких прямоугольных ямах. Во второй же группе три погребения совершенно в овальных ямах, которые в свою очередь не зафиксированы в первой группе. Наблюдаются и отличия в конструкциях внутри могилы, так в погребениях Волги и Аксая в четырех случаях зафиксировано - перекрытие, не встреченное ни разу в погребениях Дона и, наоборот, такая конструктивная особенность могильного сооружения как ступеньки зафиксировано лишь на Дону (два погребения).

На Дону большинство погребений являются индивидуальными (83,3%, 10 погребений), в первой же группе до 60% (7 комплексов) погребений являются коллективными и содержат от двух до пяти погребенных.

³ Аксеновский I (к.3 п. 1, к.11 п.1, к. 12 п. 1, к. 13 п. 1, к. 15 п. 1), Аксеновский II (к. 14 п. 1, к. 16 п. 1), Жutowo (к. 34 п.4,6; к. 31 п. 1), Старица (к. 4 п. 6), Капитанский (к. 7 п. 1), Барановка (к. 27 п. 1).

⁴ Азов (к.2 п. 3), Высочино V (к. 27 п. 2), Койсуг (Радутка (к.2 п. 16, 32)), Арпачин II (к. 6 п. 5), Тузлуки (к. 5 п. 2), Ясырев I (к. 1 п. 2), Крепинский II (к. 3 п. 11, к. 5 п. 4), Дубенцовский III (к. 1 п. 2), Красное знамя (к. 25 п. 1), Мокрая Кугульта (к. 2 п. 3)

В погребениях первой группы наблюдается явный «перекос» в соотношении полов 78% (11 погребенных) к 22% (три погребенных) в пользу мужчин, в то время как в погребениях Дона зафиксировано нормальное соотношение по полу (трое мужчин и три женщины).

Преобладающей в обеих группах является ЮЗ ориентировка, но при этом в группе погребений Волги и Аксая 42,9% (девять костяков) составила широтная ориентировка, в то время как на Дону такой тип ориентировки зафиксирован лишь однажды.

Органическая подстилка отмечена в двух погребениях и лишь на Дону.

В первой группе в большинстве погребений встречены остатки жертвенных животных, преобладающими являются кости барана. На Дону кости животных встречаются реже, а в трети погребений обнаружены кости лошади, встречающиеся чаще, чем бараньи. Разнятся и предпочтения в отношении частей туши в этих группах, так если в группе Волго-Аксайских памятников преобладает целый бок барана, то на Дону – нога.

На Дону преобладающими формами сосудов в погребениях являются амфоры, миски и котлы, которые не встречаются в памятниках Аксая и Волги (кроме единичной находки миски). Преобладающей на Дону является и кружальная керамика, которая лишь единожды встречается на Аксае и Волге. Но такие данные, скорее всего, связаны не столько с особенностями погребального обряда группы Донских памятников, сколько с их близостью к греческим колониям и другим производственным центрам.

Зеркала чаще встречаются в погребениях Дона (50%) в то время как в памятниках первой группы они отмечены лишь в 16% случаев. Еще одним ритуальным предметом, зафиксированным в комплексах на Дону, являются костяные ложечки, в свою очередь, не отмеченные на Аксае и Волге. И, наоборот, курильницы, встреченные в погребениях Аксая и Волги, отсутствуют в комплексах Дона.

Группа Волго-Аксайских памятников кажется более «военизированной», нежели Дона. Так мечи встречающиеся практически во всех погребениях Аксая

и Волги (11 погребений), на Дону отмечены лишь в половине погребений. Наличие ножей и стрел в комплексах обеих групп сопоставимы. Количество погребений с железными наконечниками стрел в обеих группах одинаково, но в погребениях Волги и Аксая значительно преобладают захоронения с бронзовыми наконечниками стрел (11 погребений), при этом колчаный набор (по количеству в нем стрел) больше на Волге и Аксае.

В погребениях Аксая и Волги обнаружено больше копий, чем на Дону (шесть и четыре соответственно). А дротики, обнаруженные в четверти (три погребения) донских могил, отсутствуют на Волге и Аксае.

Необходимо отметить, что большинство признаков погребального обряда выражено не очевидно (например: категории сосудов, украшения, диспозиция вещей и др.), что связано как с малочисленностью памятников IV в. до н.э. на данной территории, так и с неустойчивостью самого погребального обряда, в связи со становлением новой культуры, на основе взаимодействия местных и инновационных традиций.

Воронятов С.В.
(Санкт-Петербург)

**Погребения сарматской знати в междуречье Южного Буга и Днестра
(вторая половина I – начало II в. н.э.)**

Среди немногочисленных сарматских памятников междуречья Южного Буга и Днестра привлекает внимание группа погребений (рис. 1), выделяющихся богатством и яркостью сопровождающего инвентаря. Речь идёт в большинстве своём о впускных погребениях в курганах могильников эпохи бронзы, расположенных на границе лесной и лесостепной зон левобережья Среднего Днестра и правобережья Южного Буга.

Самыми известными комплексами среди них являются два погребения в кургане № 1 небольшой группы насыпей у с. Пороги Ямпольского района Винницкой области Украины и разрушенное погребение недалеко от с. Грушка Каменского района Молдавии [Симоненко, Лобай. 1991; Гросу. 1986, с. 258–261]. Остальные пять захоронений чуть менее известны, тем более что материалы двух из них полноценно введены в научный оборот лишь недавно [Simonenko. 2008, s. 78–79, Taf. 127–130]. Имеются в виду погребение в кургане №1 могильника Севериновка [Загоруйко, Прилипко. 1989, с. 17–18] и погребение кургана №1 могильника Писаревка того же Ямпольского района. Комплекс из кургана №29 могильника Гордеевка Тростянецкого района был издан в конце 90-х гг. [Berezanskaja, Kokowski. 1997/1998, s. 9–28]. Два захоронения в курганах близ с. Мокра Рыбницкого района Молдавии исследовались в 1990 г. и опубликованы с детальным анализом материала в начале 2000-х гг. [Щербакова, Кашуба. 1993; Кашуба и др., 2001–2002].

Объединить все погребения в одну группу позволяет не только их хронологическая и территориальная близость, но и то, что, будучи в большинстве своём (6 из 7 погребений⁵) совершёнными в курганах эпохи бронзы, они не предвосхитили дальнейшего появления самих сарматских могильников на данной

⁵ Характер ещё одного погребения, у с. Грушка, не известен. Оно было обнаружено в песчаном карьере при случайных обстоятельствах [Гросу. 1986, с. 258].

территории. Перечисленные факты заставляют видеть в восьми захоронениях недолговременный элитный «некрополь», своеобразный сарматский «Геррос» [Симоненко. 1999, с. 116], возможно, принадлежавший одной семье или клану.

Попытаемся установить обстоятельства, при которых рассматриваемая группа погребений могла появиться на берегах Днестра и Южного Буга во второй половине I в. н.э – начале II в. н.э. Оттолкнувшись в этом исследовании можно от интерпретации мужского погребения в Порогах. Исключительный для данной территории катакомбный обряд, уникальные золотые вещи, сопровождавшие погребённого, и семь царских тамг на них позволили А.В. Симоненко выдвинуть гипотезу о том, что в могиле мог быть захоронен сарматский царь Инисмей, серебряные монеты которого чеканились в Ольвии в 70–80-е гг. [Симоненко, Лобай. 1991, с. 66]. Гипотезу укрепляет местоположение могильника Пороги, попадающего в границы предполагаемого «царства» Фарзоя – старшего родственника (отца?) Инисмея, установленное ареалом монет с его тамгой [Карышковский. 1982, с. 66–82; Щукин. 1982, с. 35–37].

Эта территория примечательна ещё тем, что предположительно с середины I в. н.э. здесь расселяются мигранты из Среднего Поднепровья, носители распавшейся зарубинецкой культуры [Щукин. 1994, с. 233], памятники которых получили название «горизонт Рахны-Почеп» [Щукин. 1986, с. 26–38]. Образование хронологического горизонта постзарубинецких поселений отчасти было спровоцировано сарматским движением с востока, под натиском которого в середине I в. н.э. закончилась жизнь на зарубинецких городищах Среднего Днестра.

Сопоставительный анализ инвентаря постзарубинецких селищ (Марьяновка, Носовцы, Пархомовка) и могильника Рахны Южного Побужья с инвентарём сарматских погребальных памятников соседних областей показал, что типы вещей многих категорий предметов пересекаются, и это может свидетельствовать об интенсивных контактах оседлого населения с кочевниками [Воронятов, в печати]. Была предложена гипотеза, согласно которой после столкновений в Среднем Поднепровье тесные связи могли сохраняться вследствие сложившихся даннических отношений, а появление зарубинецкого населения в бассейнах

Южного Буга и Днестра могло быть результатом его депортации с Днепра. Гипотезе не противоречит соседство рассматриваемых сарматских захоронений с поселенческими и погребальными памятниками типа Рахны (рис. 1).

Если предложенная реконструкция событий верна, то в результате переселения зарубинецкого населения в Южно-Бужско-Днестровский регион эти края могли стать частью контролируемого сарматами пространства. И в какой-то момент, по-видимому, уже во времена Инисмея, привлекли внимание в качестве места размещения небольшого «родового кладбища» сарматской знати.

При анализе этой ситуации интерпретация впускных погребений как одного из признаков первой стадии кочевания, при которой хоронили чаще всего в курганах предшествующих эпох [Плетнёва. 1982, с. 17; Раев. 2008. с. 57], не работает. При сравнении появления днестровских и южнобужских погребений с появлением «зубовско-воздвиженских» в Восточном Приазовье [Воронятов. 2009, с. 59], которые, вероятно, также были связаны с переселением зависимого меотского населения с Кубани на Дон [Раев. 2008, с. 57], не был учтён важный фактор. Днестровские и южнобужские погребения, возможно, отражая начальный период освоения территории, не стали предвестником её широкого освоения, которое могло выразиться в полноценных сарматских могильниках.

Скорее всего, небольшое количество рассматриваемых погребальных древностей свидетельствует о том, что расчёта формировать здесь большие некрополи не было. Оторванность же от массива сарматских памятников междуречья Днестра и Прута могла быть связана с намерением создать «клановую усыпальницу» в укромном месте, защищённом от разграбления не совсем обычной для сарматских памятников географической широтой (граница леса и лесостепи) и скрытностью могил в привычных для ландшафта старых курганах эпохи бронзы.

Это предположение согласуется с мнением о том, что «обычай скрывать места погребений дольше всего сохранялся в среде родовой аристократии, где древние обычаи культивировались и оберегались более тщательно, чем в среде простого народа» [Плетнёва. 1982, с. 17]. Хороший пример укрывания царских могил – знаменитый некрополь Тиллятепе в Афганистане. Ярчайшие по богатству

инвентаря захоронения не имели никаких надмогильных сооружений [Сарианиди. 1989, с. 46–47], чем, вероятно, и обязаны своей непотревоженностью.

В случае с рассматриваемой группой памятников речь также идёт о погребениях представителей высшего сословия, возможно, о вожде и его близких родственниках. Укрепить предположение о том, что сооружение погребений в курганах предшествующих эпох не обязательно отражает начальный период освоения территории, а может быть частью погребального обряда, направленного на оберегание могилы от разграбления и осквернения, позволяет одно наблюдение. Из семи погребений⁶ рассматриваемой территории, шесть были впускными и не потревоженными, седьмое, единственное в индивидуальной сарматской насыпи (курган № 2 у с. Мокра) – разграблено в древности. И есть основания думать, что это не случайно.

Помимо основного сарматского погребения в кургане № 2 у с. Мокра, в его северо-западной полё исследователями было обнаружено вельбаркское трупосожжение. Хронологическое соотношение двух захоронений говорит о том, что время, прошедшее с момента сооружения сарматской насыпи, до помещения в неё готского комплекса могло быть непродолжительным. Молдавские коллеги датируют основное погребение первой четвертью II в. н.э., вельбаркский комплекс концом II в. н.э., самое позднее началом III в. н.э. [Кашуба и др. 2001–2002, с. 242–243; Kašuba, Kurčatov. 2005, s. 185, Abb. 11]. М.Б. Щукин датировку вельбаркского трупосожжения определял более широко – от конца I в. н.э. до конца II в. н.э. [Щукин. 2005, с. 106]. Т.е. появление готов на рассматриваемой территории могло произойти сразу после возведения сарматской насыпи или непродолжительное время спустя [Кашуба и др. 2001–2002, с. 213], и они могли видеть и понимать, что этот курган насыпан недавно, в отличие от курганов эпохи бронзы. Это обстоятельство могло побудить новых переселенцев к ограблению могил сарматов, бывших в то время хозяевами в Поднестровье и Южном Побужье.

В нашем случае, речь, возможно, идёт даже не о разграблении, а о ритуальном разрушении. Исходя из того, что останки погребённой оказались полностью

⁶ Захоронение у с. Грушка в этой статистике исключено как неинформативное.

разрушенными и частично выброшенными из гроба, а в заполнении камеры и на её дне был обнаружен многочисленный и довольно богатый инвентарь [Кашуба и др. 2001–2002, с. 213], можно предположить, что было совершенно именно ритуальное действие, направленное на предохранение новых хозяев территории – готов от мёртвых аборигенов сарматов. С.В. Полин, посвятивший в совместной с Б.Н. Мозолевским книге часть одной из глав теме ограбления скифских курганов, пишет: «Появление нового земледельческого населения (в нашем случае готов – С.В.), никакими традициями не связанного со степью, отчасти даже враждебного ей, вызывало такое же потребительское отношение и к существовавшим здесь памятникам древности – курганам, каменным бабам и проч.» [Мозолевский, Полин. 2005, с. 444].

Следует также упомянуть, что носители черняховской культуры, одним из основных компонентов которой, при её сложении, была вельбаркская культура, практиковали разрушение погребений своих соплеменников. Цель подобных действий определяется исследователями по разному – ограбление, повреждение костяка при помещении в ту же яму другого погребаемого, окончательное отправление умершего в «иной» мир или предотвращение угрозы вреда от мёртвых предков путём их обезвреживания через ритуальное разрушение могилы [Сымонович. 1963, с. 49–60; Магомедов. 1979, с. 113; Елпашев. 1997, с. 194–199].

Потревожили ли сарматское погребение готы или это произошло позднее, мы, вероятно, никогда не узнаем, но факт остаётся фактом – древние насыпи эпохи бронзы с впускными сарматскими погребениями остались нетронутыми, а индивидуальный сарматский курган № 2 у с. Мокра был осквернён и послужил местом упокоения германца, племя которого вскоре освоило данную территорию [Хавлюк. 1988, с. 137–144]. К уцелевшим могилам сарматской знати того же периода, наиболее близким территориально, также можно отнести впускное погребение у с. Ковалёвка «Соколова могила» в низовьях Южного Буга (Ковпаненко, 1986, рис. 1). Сарматских памятников, датирующихся позже первой

четверти II в. н.э., в междуречье Южного Буга и Днестра не известно, что приводит к выводу о вытеснении кочевников готами⁷.

Таким образом, учитывая рассмотренный пример впускных погребений сарматской знати в Днестровско-Южнобужском регионе, можно предполагать, что сооружение сарматских могил в курганах предшествующих эпох может быть чертой погребального обряда, направленной на защиту могил от разграбления. И было бы интересным проверить данное предположение на материалах других регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронятов. 2009. Воронятов С.В. Прикубанье и Поднепровье на рубеже эр: некоторые параллели в моделировании взаимоотношений кочевого и оседлого населения // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Воронятов. (в печати). Воронятов С.В. Соотношение сарматских и постзарубинецких памятников бассейнов Южного Буга и Днестра. **Гроссу.** 1986. Гросу В.И. Сарматское погребение в Поднепровье // СА. № 1.

Елпашев. 1997. Елпашев С.В. Разрушенные погребения черняховской культуры // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб – Кишинёв.

Загоруйко, Прилипко. 1989. Загоруйко В.Т., Прилипко В.П. Поховання знатної сарматки з кургану біля села Северинівки Ямпільського району // Тези доповідей сьомої Вінницької обласної краєзнавчої конференції. Вінниця.

Карышковский. 1982. Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Кашуба, Курчатов, Щербакова. 2001–2002. Кашуба М.Т., Курчатов С.И., Щербакова Т.А. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра) // На окраинах античного мира. Stratum plus, № 4. СПб – Кишинёв – Одесса – Бухарест.

⁷ Гипотеза о столкновении готов с кочевниками в Днестровско-Южнобужском регионе, впервые была изложена в докладе М.Б. Шукина, Д.А. Мачинского и С.В. Воронятова «Готский путь, плодороднейшие земли Oikum и поселение Лепесовка», посвящённом М.А. Тихановой и прочитанном на XIV чтении памяти Анны Мачинской, посвящённых Марку Борисовичу Шукину. Старая Ладога 26-27 декабря 2009 г.

- Ковпаненко.** 1986. Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев.
- Магомедов.** 1979. Магомедов Б.В. Могильник у городища Городок на Южном Буге // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев.
- Мозолевский, Полин.** 2005. Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев.
- Плетнёва.** 1982. Плетнёва С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.
- Раев.** 2008. Раев Б.А. Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.
- Сарианиди.** 1989. Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.
- Симоненко.** 1999. Симоненко О.В. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія, № 1.
- Симоненко.** 1991. Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы северо-западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев.
- Сымонович.** 1963. Сымонович Э.А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА. № 1.
- Хавлюк.** 1988. Хавлюк П.И. Вельбаркские памятники на Южном Буге // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. Т. I. Lublin.
- Щербакова, Кашуба.** 1993. Щербакова Т.А, Кашуба М.Т. Сармато-аланские древности (Курганные захоронения близ с. Мокра). Тирасполь.
- Щукин.** 1982. Щукин М.Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. XLVII. Л.
- Щукин** Щукин М.Б. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. Куйбышев, 1986.
- Щукин.** 1994. Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб.
- Щукин.** 2005. Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб.

Berezanskaja, Kokowski. 1997/1998. Berezanskaja Z.S., Kokowski A. Sarmacka księżniczka z miejscowości Gordeevka na Ukrainie // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Vol. LII/LIII.* Lublin.

Kašuba, Kurčatov. 2005. Kašuba M., Kurčatov S. Ein Grabhügel der sarmatischen Elite von Mokra am mittleren Dneestr // *Prähistorische Zeitschrift. Bd. 80. H. 2.* Berlin–New York.

Simonenko. 2008. Simonenko A.V. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I.I. und Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Archäologie in Eurasien. Band 25. Mainz.

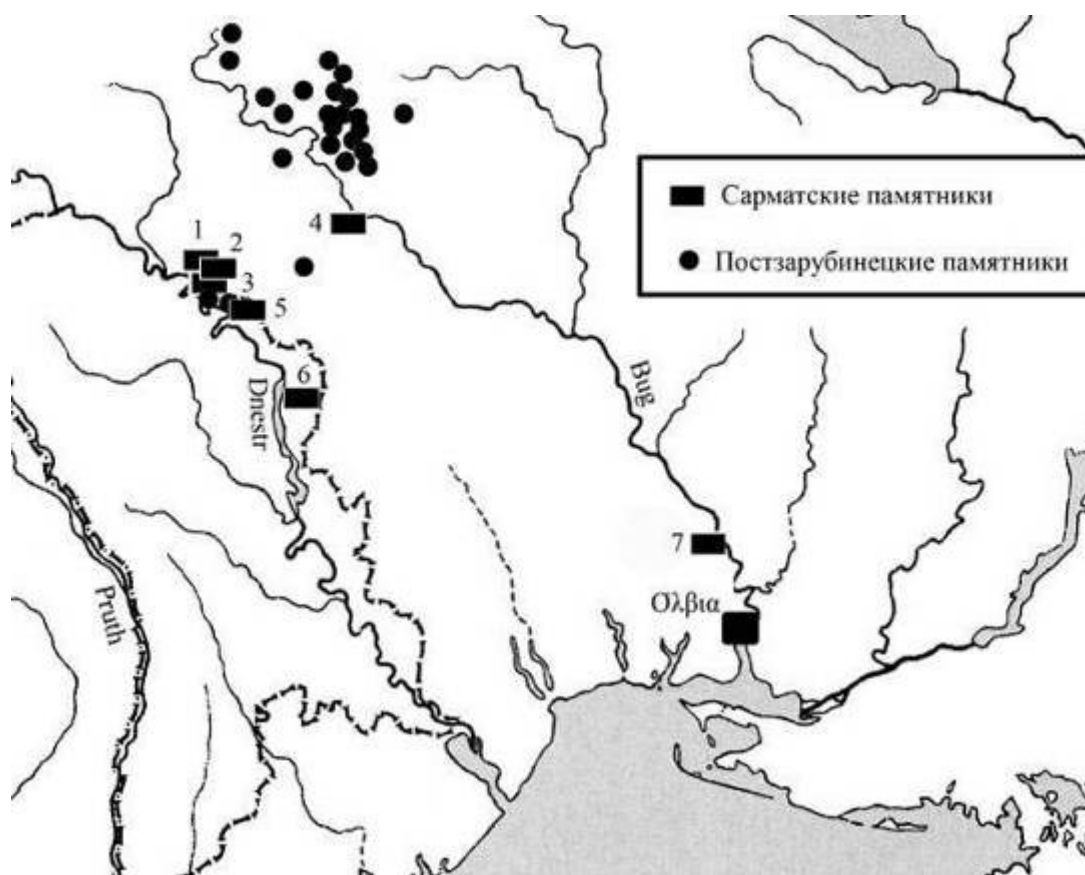
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СА – Советская археология

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа

ПОДПИСЬ К РИСУНКУ

Рис. 1. Сарматские и постзарубинецкие памятники Поднепровья и Южного Побужья. 1 – Пороги, 2 – Писаревка, 3 – Севериновка, 4 – Гордеевка, 5 – Грушка, 6 – Мокра, 7 – Ковалёвка «Соколова могила».

Ворошилов А.Н, Кашаев С.В.
(Москва., СПб.)

Уникальный биметаллический акинак из некрополя Артющенко-2.

Подавляющее большинство акинаков Боспора Киммерийского представляют собой типичные экземпляры железного оружия скифского типа. И лишь незначительное число боспорских клинков имеет те или иные своеобразные черты, выделяющие их из общей массы широко распространенных на территории Евразии акинаков. Эти не так часто встречающиеся экземпляры оружия с синкретичным набором характеристик являются довольно ярким археологическим источником, который приобретает особое значение при изучении процессов взаимопроникновения эллинской (греки-колонисты) и варварской (скифы-номады) культур на ранних этапах их сосуществования. Именно к этой немногочисленной группе оружия относится публикуемый биметаллический меч из некрополя Артющенко-2.

Из комплексов этого грунтового могильника происходит довольно представительная для Боспора и хорошо датируемая по погребальному инвентарю серия акинаков V в. до н.э. [Ворошилов, Кашаев, в печати]. Из всей коллекции, насчитывающей более десятка мечей и кинжалов скифского типа, особого внимания заслуживает биметаллический акинак из погребения № 32. Оно было открыто в 2006 году Таманским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН под руководством одного из авторов. Погребение представляло собой сырцовый склеп, в котором были обнаружены останки двух мужчин, предположительно отца и сына. Первым был захоронен мужчина 45-50 лет, кости которого по прошествии времени были собраны и компактно сложены у северной стены могилы. Этому воину принадлежал железный короткий акинак и копье. Несколько позже было произведено подзахоронение второго мужчины 25-30 лет. Его скелет располагался по центру склепа и был ориентирован головой на восток. Именно у него на поясе и находился биметаллический меч-акинак вместе с железным боевым ножом.

Помимо этого рядом с воином были найдены: железный наконечник копья и наконечники стрел из железа (1 экз.) и бронзы (1 экз.). К югу от склепа в слое некрополя был обнаружен череп лошади. Этот комплекс, получивший наименование «Погребение коня 1» вероятно связан с погребением № 32 и может свидетельствовать о том, что молодой воин, вооруженный относительно длинным акинаком (62,2 см), был всадником. Помимо оружия в состав погребального инвентаря входили и керамические сосуды, которые послужили основанием датировки комплекса второй четвертью – первой третью V в. до н.э.

То обстоятельство, что акинак был обнаружен *in situ*, позволяет сделать некоторые выводы касательно особенностей его ношения. Следы древесного тлена на клинке и перекрестье меча указывают на то, что хранился он в деревянных ножнах. Положение меча на скелете погребенного воина говорит о ношении оружия спереди в области живота, вероятно, ближе к левой стороне (рис. 1). При этом «... ось клинка оказывалась под заметным углом относительно вертикальной оси фигуры воина, острие меча – направленным к левому бедру, а его рукоять удобно располагалась в непосредственной близости от правой кисти воина...» (Ольховский, 2005. С. 34). Подобная система подвески акинака, получила широкое распространение в скифской среде с рубежа VI–V вв. до н.э. о чем свидетельствуют многочисленные изображения на скифской монументальной скульптуре (Ольховский, 2005. С. 31-37). Размещение акинаков таким образом в области пояса погребенных весьма характерно и для скифских захоронений V в. до н.э. (Ольховский, 1991. С. 79).

В целом конструкция и морфология акинака типична для клинкового оружия скифского типа использовавшегося в V в. до н.э. Исключением являются бронзовые детали рукояти, которые заслуживают отдельного рассмотрения в рамках данной работы. В связи с этим, несколько видоизменив общепринятую структуру описания подобного оружия [Кокорина, Лихтер. 2009, с. 55-56, 69], начнем с характеристики железных деталей конструкции (рис. 2). Обоюдоострый треугольный клинок выкован из одной заготовки с рукояткой, на обеих его плоскостях сохранились следы двух параллельных долов (ширина – 0,2 см,

сохранившаяся глубина – 0,1 см) протянувшихся от перекрестья к острию на $\frac{3}{4}$ от общей длины клинка (46,6 см), максимальной ширины (6 см) треугольный клинок традиционно достигает у своего основания – на стыке с перекрестьем. Становясь тоньше (от 1,4 см) к острию, клинок сохраняет линзовидное сечение по всей длине. Рукоять акинака снабжена массивным широким (8 см) перекрестьем, которое имеет так называемую «бабочковидную» форму характерную для аналогичного оружия V в. до н.э. встречающегося в большинстве регионов Европейской Скифии. Изготовлено оно из двух заготовок наваренных и тщательно прокованных в области перехода клинка в рукоять. Рукоятка (стержень рукояти от перекрестья до навершия) имеет длину 9 см и подпрямоугольное со скругленными углами сечение. Оканчивается она шипом, на котором закреплено навершие. С обеих сторон рукоятки сохранились детали декора – три вертикальные параллельные «канавки», протянувшиеся посередине плоскости от навершия к перекрестью. При этом центральная имеет значительно большую глубину, нежели боковые. Объясняется это тем, что в них была вмонтирована бронзовая проволока прямоугольного сечения. К сожалению, эта часть декора сохранилась лишь частично на одной из сторон рукояти, однако уцелевший фрагмент позволяет предположить, что верхнее окончание бронзовой проволоки было загнуто внутрь под прямым углом и закреплено в толще рукояти, а ее нижний конец, вероятно, зажимался между рукояткой и пластиной перекрестья.

Столь не характерный для скифского оружия прием украшения рукояти, у рассматриваемого акинака сочетается с уникальным бронзовым навершием, имеющим декор ранее неизвестный на клинковом оружии скифского типа. Хорошая сохранность навершия акинака позволяет детально его рассмотреть. Наиболее вероятно, что заготовка навершия была отлита и обработана отдельно, а уже потом закреплена на рукояти. Уникальная форма навершия позволяет отнести его к группе антенновидных, хотя по общим очертаниям оно напоминает не столько волюты, сколько бронзовую петлю, которая располагается на своего рода «базе» верхняя и нижняя кромки которой ограничены рельефным бордюром.

Орнамент мог быть нанесен как до, так и после монтажа самой детали, но скорее всего – после, иначе в процессе закрепления нанесенный заранее неглубокий орнамент мог быть поврежден. Что касается способа орнаментирования, то судя по характерным почти вертикальным следам от ударов, оставленным инструментом в канавках и выемках, орнамент наносился при помощи такого технического приема декорирования изделий как чеканка [Минасян, Шаблавина. 2009, с. 259]. При этом применялся набор пунсонов с различным рабочим краем, вероятно, подпрямоугольной формы, но разной толщины. Глубина чеканного орнамента местами достигает 1 мм.

В декоре навершия видится возможным выделить 4 композиции.

1 композиция расположена на «волютах» с обеих сторон навершия и представляет собой зеркальное отражение довольно стилизованного изображения головы хищной птицы или грифона. При помощи этой композиции на монолитной детали выделены две «волюты» оформленные в виде голов. Разделив их прямой вертикальной линией, совпадающей с осью симметрии [Кокорина, Лихтер. 2010, с. 170], мастер схематично изобразил глаза со зрачками и ушные отверстия, а также отделил изогнутой линией голову от шеи.

2 композиция – это единичный элемент на торце одной из «воллют». Возможно, он представляет собой крайне схематичное изображение пальметты, хотя об однозначной интерпретации этого знака пока говорить не приходится.

3 композиция нанесена на торце другой «воллюты» и представляет собой знак в виде креста с удлинённым нижним окончанием и наклонной перекладиной.

4 композиция занимает все поле «базы» навершия между верхним и нижним бордюрами, распространяясь и на его торцевые стороны. В отличие от остальных, эта композиция ориентирована горизонтально. Примечательно, что очертания некоторых выпуклых фрагментов композиции похожи на схематичные изображения ног копытных животных (олень?) с характерным для них изгибом суставов. Общая же структура и организация рассматриваемой части декора напоминает однорядную «плетенку», характерную для украшения более поздних изделий из Северного Причерноморья II в. до н.э. – I в. н.э. [Мордвинцева,

Трейстер. 2007, табл. 15, рис. 62, 1.3.2]. Подобный орнамент известен и на близких мечу по времени вещах. Примером могут служить уникальные бронзовые псалии происходящие из конской могилы Среднего кургана группы Трехбратних [Трехбратние курганы... 2008, Табл. 127. 2b]. На внешней стороне одного из них сохранился декор в виде плетенки, связываемый исследователями с феноменом использования греческого орнамента на изделиях скифского типа [Трехбратние курганы... 2008, с. 107-108]. Следует отметить, что дата псалиев небезосновательно выводится за хронологические рамки практически всех комплексов трех курганов, сооруженных в IV в. до н.э. [Трехбратние курганы... 2008, с. 146]. Аргументируется это тем, что размер, форма и декор псалиев не характерны для узды IV в. до н.э., а оформление их верхних концов в виде скульптурной головки быка выглядит очень архаично. Приводятся и наиболее близкие аналогии, относящиеся к VI – первой половине V в. до н.э. [Трехбратние курганы..., 2008, с. 107], косвенно подтверждающие раннюю датировку псалиев.

Результаты анализа морфологии и декора акинака позволяют говорить о его синкретичных чертах. В то время как, размеры, форма, конструкция железных составляющих меча полностью соответствуют характерным чертам клинкового оружия скифского типа V в. до н.э., некоторые признаки, связанные с уникальным для непосредственно скифского оружия видом рукояти, возможно, указывают на присутствие в его оформлении инокультурных традиций. Коротко их обозначим:

- наличие в конструкции акинака, хорошо датируемого первой половиной V в. до н.э., бронзовых деталей. Давно известно, что применение бронзы при изготовлении клинкового оружия скифского типа на территории Европейской Скифии, является крайне редким явлением [Мелюкова. 1964, с. 46]. Если в самом начале эпохи скифской архаики (первая половина VII в. до н.э.) биметаллизм присутствовал в качестве специфического признака наиболее ранних акинаков [Ворошилов. 2007, с. 13], то для оружия V в. до н.э. бронзовые детали крайне не характерны, известны лишь единичные подобные находки [Граков. 1961, рис. 4; Гуляев. 1961, рис. 1. 2, 2. 2].

- своеобразная форма бронзового навершия – отсутствие традиционных волют, основание выполнено в виде рельефно ограниченной «базы». У известных ранее акинаков с бронзовым волютообразным навершием его форма приближалась к традиционным очертаниям железных наверший.

- необычная и крайне стилизованная трактовка «птичьих» голов на навершии.

- присутствие таких отдельных элементов декора как знаки на торцах навершия.

Подобные изображения не известны на скифском клинковом оружии.

- синкретичный характер орнамента базы навершия, сочетающий зооморфные образы вписанные в традиционно эллинскую организацию композиции – «плетенку».

Причины появления этих синкретичных признаков у рассматриваемого акинака могут быть разными. Нельзя исключать возможность доработки скифского оружия греческим мастером или его ремонт – восстановление утраченного навершия. Хотя с той же долей вероятности можно говорить и об использовании в художественном оформлении «варварского» типа оружия греческих мотивов, тем более, что основное смысловое содержание (зооморфные «волюты») остается скифским. Подобные ситуации уже отмечались исследователями для скифских по форме изделий, в декоре которых использованы греческие мотивы [Алексеев. 1991, с. 31-32; Алексеев, Мурзин, Ролле. 1991, с. 256-257; Трейстер. 2007, с. 84-90].

В заключение отметим, что уникальное оформление рукояти биметаллического акинака из погребения № 32 некрополя Артющенко-2, вероятно, может служить примером известного на Боспоре V–IV вв. до н.э. явления «усовершенствования» инокультурных вещей [Трейстер. 2007, с. 83-90], ранее не известного на предметах вооружения.

Список литературы

Алексеев. 1991. Алексеев А.Ю. Котел из кургана Раскопана Могила как реплика легендарного котла царя Арианта // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 55.

Алексеев, Мурзин, Ролле. 1991. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в до н.э. Киев.

Ворошилов. 2007. Ворошилов А.Н. Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Дона и Волги // РА. №3.

Ворошилов, Кашаев. в печати. Ворошилов А.Н., Кашаев С.В. Клинковое оружие из некрополя Артющенко-2 // ДБ. Том 14. М.

Граков. 1961. Граков Б.Н. Бронзовая рукоять меча из-под Мурома // СА. 1961 №4.

Гуляев. 1961. Гуляев В.И. Мечи скифского типа с территории городецкой культуры // СА. №4.

Кокорина, Лихтер. 2009. Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Проникающие орудия и оружие. Морфология древностей. М.,- Тула

Кокорина, Лихтер. 2010. Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Морфология декора. М.,

Мелюкова. 1964. Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4.

Минасян, Шаблавина. 2009. Минасян Р.С., Шаблавина Е.А. О роли технической терминологии в археологической литературе // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. Спб.

Мордвинцева, Трейстер. 2007. Мордвинцева В., Трейстер М. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. Т. 3. Симферополь, Бонн.

Ольховский. 1991. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н.э.). М.

Ольховский. 2005. Ольховский В.С. Скифская монументальная скульптура (к проблеме достоверности источника) // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М.

Трейстер. 2007. Трейстер М.Ю. Некоторые наблюдения о вещах и их декоре в инокультурных контекстах (на примере памятников художественного металла с территории Боспорского царства и сопредельных областей) // БФ. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 1. СПб.

Трехбратние курганы. 2008. Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV – III вв. до н.э. в Восточном Крыму. Симферополь, Бонн.

Подрисуночные подписи

Рис. 1. Положение меча на скелете воина из погребения № 32 некрополя Артющенко-2.

Рис. 2. Биметаллический акинак из погребения № 32 некрополя Артющенко-2.

Список сокращений

БФ – Боспорский феномен

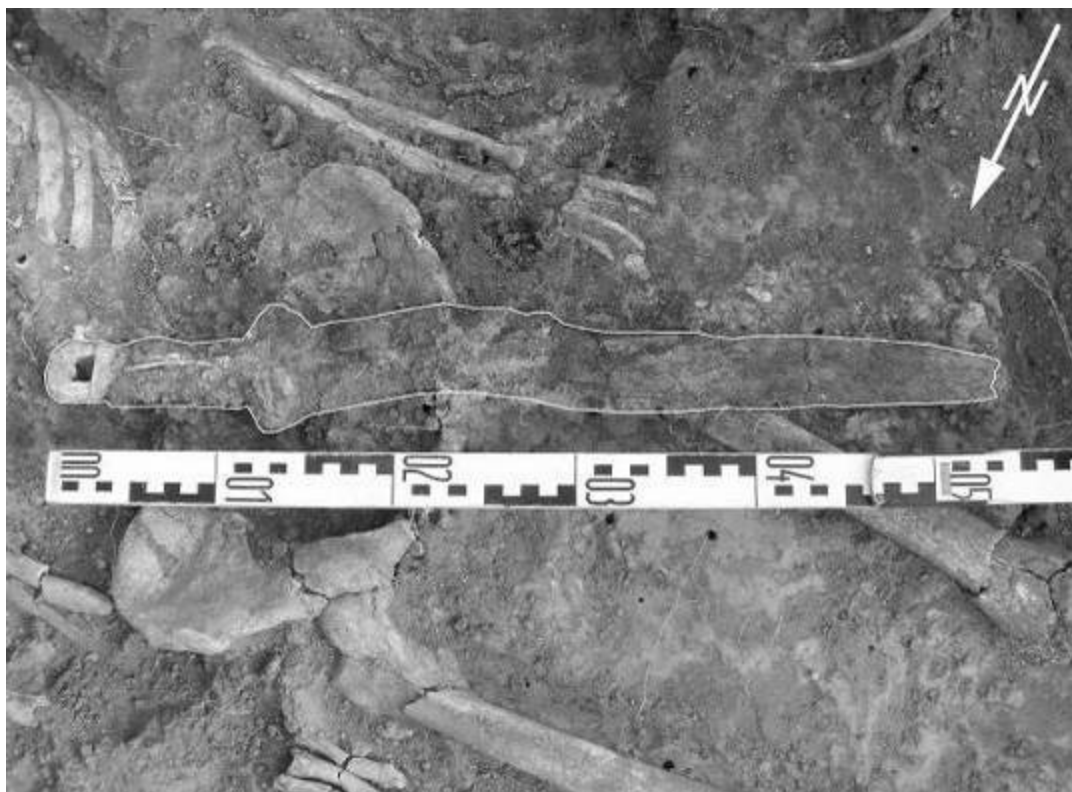
ДБ – Древности Боспора

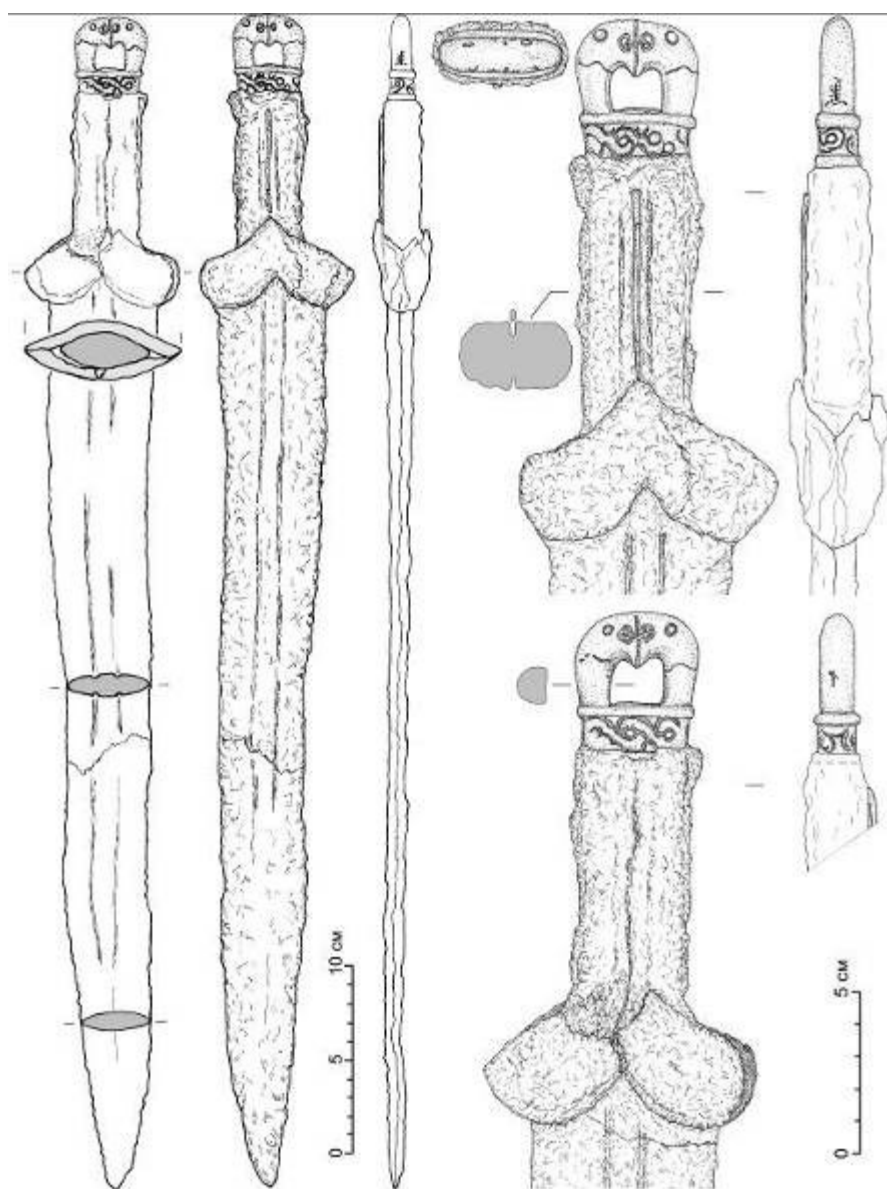
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

Глебов В.П.
(г. Ростов-на-Дону)

Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II-I вв. до н.э.

Погребальный обряд считается одним из важнейших источников для изучения кочевнических культур, представленных лишь погребальными памятниками. Именно типы погребальной обрядности являются одним из основных критериев при дифференциации памятников различных сарматских культур.

Темой статьи является характеристика погребальной обрядности раннесарматской культуры Нижнего Подонья II-I вв. до н.э. К настоящему времени учтено около 500 погребений, датирующихся в рамках раннесарматской культуры II-I вв. до н.э., вероятно, с заходом в начало-первую половину I в. н.э.

Характер погребений, курганов и подкурганных конструкций.

Абсолютное большинство раннесарматских погребений Нижнего Подонья - впускные в курганы более ранних эпох – 93,3%. Размеры курганов, в которые впущены раннесарматские погребения, значительно варьируют: небольшие курганы (высотой до 0,5 м) – 32,2%, средние (0,5-1,5 м) – 40,5%, крупные (свыше 1,5 м) – 27,3%. Досыпки курганов в связи с раннесарматскими захоронениями не зафиксированы. Большинство впускных раннесарматских погребений тяготеют к центральной (наиболее высокой) части насыпи; для погребений, впущенных в полы курганов, предпочтений в расположении не выявлено – все сектора насыпи представлены почти одинаково.

Около 28% курганов содержали группы раннесарматских погребений – от 3 до 10-11, приблизительно в 20% курганов встречено по два погребения, в остальных случаях (около 52%) – по одному погребению. Под насыпью раннесарматские погребения часто располагались по определённой системе – по кольцу (рис. 1, 1-3) или в ряд (рис. 1, 4-6). Кольцевое или полукольцевое расположение могил отмечено в 14 курганах (6,5%), рядное – в 30 курганах (14,5%), погребения, составляющие пары, зафиксированы в 31 кургане (15,5%), в остальных случаях

захоронения не имели видимого порядка. Иногда пары погребений присутствовали в компактных группах могил без общей системы. В курганах с кольцевым расположением могил, одно или два погребения обычно находились в центре, прочие – по кольцу или полукольцу, в одном кургане могилы располагались в два кольца (Подгорненский IV, к. 1). Примечательно, что погребения в центре кольца были представлены, как правило, простыми или заплечиковыми ямами, но ни разу – подбоями. Известны курганы с кольцевым или полукольцевым расположением могил, где погребения в центре отсутствовали (Ясырев III, к. 1, Донской, к. 1, Балабинский I, к. 25, Холодный, к. 1). В некоторых курганах одно-два погребения (очевидно, наиболее поздние) выбивались из ряда или кольца (Ясырев III, к. 1, Красногоровка III, к. 4, Кулешовка, к. 1, Подгорненский IV, к. 5, к. 30, Св. Колодезь III, к. 1) и иногда даже перекрывали более ранние захоронения.

Случаи возведения насыпей над раннесарматскими погребениями очень немногочисленны – всего семь курганов (3,5% от общего числа курганов с раннесарматскими погребениями): Подгорненский IV, курганы 5, 30, 31, Подгорненский V, курганы 1, 6, Св. Колодезь III, курган 1, Красногоровка III, курган 4. При этом насыпи не являлись индивидуальными в строгом смысле слова – под ними находилось от трех до восьми захоронений обычно с рядным или кольцевым расположением могил (за исключением к. 31 мог. Подгорненский IV, где под насыпью находилось одно парное захоронение, но с подзахоронением в ту же могильную яму ещё одного погребённого). В кургане 1 мог. Св. Колодезь III насыпь была сооружена сразу над группой погребений – выкиды трёх могил, составляющих ряд, зафиксированы на погребённой почве. В прочих сарматских курганах не ясно, одновременны ли захоронения. В ряде случаев (Красногоровка III, к. 4, Подгорненский IV, к. 5, Подгорненский V, к. 6) некоторые погребения, несомненно, были впущены в уже существующую насыпь, так как они перекрывают более ранние захоронения. Обычно насыпи раннесарматских курганов небольшого размера – в Подгорненских и Св. Колодезе III – 0,1-0,4 м высотой, 14-20 м в диаметре, лишь курган 4 мог. Красногоровка III средних размеров – 0,8 x 28 м.

Ровики мало характерны для раннесарматской культуры. В кургане 14 мог. Красногоровка I был прослежен округлый в плане ровик размерами 10 x 11 м с большими перемычками в западной и восточной частях (следует оговориться, что ровик отнесён к впускному раннесарматскому погребению 1 лишь предположительно). В кургане 1 мог. Подгорненский IV с восьмью впускными раннесарматскими погребениями был зафиксирован округлый в плане ровик размерами 19 x 20 м с перемычкой в северо-восточном секторе. Кроме того, с долей условности к ровикам может быть отнесено кольцо диаметром около 17 м из 29 ямок, опоясывающее центральную часть кургана 1 мог. Федосеевка II; находки в одной из ямок (в маленькой нише-подбое) серебряного колокольчика, бус и бисера позволяют соотнести ровик с раннесарматским погребением 3, впущенным в центр насыпи (рис. 2).

Конструкции погребальных сооружений. Оформление могил.

Всего выделено 7 типов погребальных сооружений: подпрямоугольные ямы (рис. 3) – 52% (у абсолютного большинства ям ширина составляет менее $\frac{1}{2}$ длины, т.е., они относятся к категории узких), подбои (рис. 4-5) – 27% (в т.ч. подбои с двумя камерами, сделанными в противоположных длинных стенках входной ямы (рис. 5) – 9,5% от общего количества подбойных могил), ямы с заплечиками (рис. 6, 1-3) – 9%, овальные ямы (рис. 6, 4-5) – 3,8%, ямы неправильной формы (рис. 6, 6-8) – 6,4%, катакомбы (рис. 7) – около 1,8%. Примечательно наличие катакомб редких для Сарматии типов VI-1 (рис. 7, 6) и VI-2 (рис. 7, 5) по классификации М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева [Мошкова, Малашев. 1999, с. 175. Рис. 1], получивших широкое распространение в Средней Азии в первые века н.э. [Литвинский. 1972, с. 132-133]. Комбинированные погребальные сооружения встречены всего дважды: две заплечиковые ямы, соединённые перемычкой (рис. 8, 1), могильная конструкция, сочетавшая заплечиковую яму и подбой в восточной стенке (рис. 8, 2). Трижды в раннесарматских погребениях были зафиксированы подзахоронения.

Очень часто в погребениях прослеживались остатки подстилок, перекрытий, закладов входа. Остатки гробов или иных деревянных конструкций отмечены в 76

захоронениях (около 15% от общего числа погребений). Чаще всего встречаются настилы (носилки?) под погребёнными, обычно решетчатые, реже только из продольных или поперечных плах. Зафиксированы различные конструкции гробовищ – гробы со стенками, набранными из коротких, стоящих вертикально плах, гробы со стенками из досок, стоящих на ребре, гробы-колоды и др.

Отмечены единичные случаи устройства в могилах специальных ниш, в которых находился погребальный инвентарь (обычно котлы или посуда). Ниши в стенках, углах, дне могильных ям получают распространение в погребениях следующей, среднесарматской эпохи и даже считаются одной из наиболее характерных черт среднесарматского археологического комплекса междуречья Волги и Дона (Глухов, 2005. С. 89, 109).

Пол и возраст погребённых. Одиночные, парные и групповые погребения.

Абсолютно преобладают одиночные погребения – их около 87%. Мужские погребения* составляют 29,5%, женские – 39,5%, погребения взрослых с неопределённым полом – 14,5%, подростковые погребения (12-15 лет) – 5%, детские погребения (до 12 лет) – 11,5%. Парных погребений насчитывается около 10%. Преимущественно это захоронения женщин с детьми – 42% от общего числа парных погребений (чаще всего дети младенческого возраста) или мужчины и женщины – 18%, другие варианты отмечены реже: мужчина и ребёнок – 12%, две женщины – 8%, прочие сочетания единичны – по 1-2 случая. Коллективные захоронения, содержавшие более двух погребённых, составляют только 3%. Обычно это погребения двух взрослых с ребёнком, реже – захоронения трёх взрослых или взрослого с двумя детьми. Погребения более чем трёх человек в одной могиле очень редки и все сосредоточены в Подгорненских могильниках – Подгорненский IV 5-5 (5 погребённых), Подгорненский VI 1-6 (4 погребённых), Подгорненский VI 1-8 (7 погребённых).

Позы и ориентировки погребённых.

* К сожалению, остается неясным, имеем ли мы дело с антропологическими или археологическими определениями пола погребённых, которые часто не совпадают (Прим. ред.)

Традиционным в раннесарматской культуре, как и во всех сарматских культурах, можно считать положение погребённых вытянуто на спине – более 90%, отклонения от этого правила (положение скорченно или вытянуто на боку, частичное разрушение или расчленение костяка) немногочисленны.

Ориентировки погребённых распределились по сторонам света следующим образом: южный сектор (Ю, ЮЮВ, ЮЮЗ) – 65,5 %; ЮВ – 4,8%; западный сектор (З, ЗЮЗ, ЗСЗ) – 9%; ЮЗ – 5,6%; восточный сектор (В, ВЮВ, ВСВ) – 5,6%; СВ – 0,9%; северный сектор (С, ССВ, ССЗ) – 7,8%; СЗ – 0,8%.

Таким образом, наблюдается преобладание ориентировки в южный полукруг – южная ориентировка вместе с юго-восточной и юго-западной составляет около 75%. Следует заметить, что количество погребений с ориентировкой в северный полукруг нарастает с востока на запад – в западных районах донского правобережья их значительно больше, чем на левобережье (в процентном отношении к общему числу погребений – 20,5% и 6,4% соответственно). Тенденция к увеличению процента североориентированных погребений продолжает нарастать далее к западу – в раннесарматских погребениях Северного Причерноморья (которых, правда, на порядок меньше, чем нижнедонских) северная ориентировка уже преобладает (Симоненко, 2004. С. 135).

Следы ритуальных действий в погребениях.

Широкое распространение в погребальной обрядности ранних сарматов имела ритуальная порча различных категорий инвентаря. Наиболее часто подвергались порче зеркала, мечи, ножи, котлы, сосуды.

Большинство зеркал (около 80%) найдены во фрагментированном состоянии. Фрагменты различны по величине – от совсем маленьких до крупных, представляющих собой сегменты, половинки, большие части диска; встречены даже полные диски, разбитые или разрубленные на куски. На многих зеркалах остались следы разрубания или сгибания-разгибания, трижды в могилы были положены согнутые зеркала. Очевидно, что фрагменты зеркал (возможно, за исключением половинок и крупных сегментов) не могли использоваться по прямому назначению. Считается, что разрубание зеркал и положение их обломков

в могилы было следствием каких-то действий религиозно-культового характера [Хазанов. 1964, с. 94; Кузнецова. 1988, с. 56-60; Коробкова. 2003, с. 106-107].

Приблизительно 25% мечей носят следы ритуальной порчи – сломаны или согнуты. Также сломан один из наконечников копий (Сагванский I 12-2).

Большинство ножей дошли до нас во фрагментах, однако из-за плохой сохранности металла не всегда удаётся установить факт их преднамеренной порчи. Тем не менее, ясно, что количество преднамеренно испорченных (согнутых или сломанных) ножей очень велико. Количество достоверно целых экземпляров составляет всего около 37%.

Почти все котлы имеют различные повреждения – смяты, носят следы ударов (пробоины, вмятины).

У 15 кувшинов в древности была отбита часть горла, обычно в месте слива – вероятно, в ритуальных целях. Трижды сосуды были помещены в погребения в разбитом виде: в п. 4 к. 15 мог. Отрадный II – кувшин (фрагменты находились во входной яме и на ступеньке подбоя), в п. 31 к. 4 мог. Золотые Горки II – кружка, в п. 1 к. 5 мог. Хапры – миска. Вероятно, были разбиты в древности курильницы из п. 6 к. 1 и пп. 1 и 3 к. 6 мог. Подгорненский V.

В редких случаях ритуальной порче подвергались и другие вещи: оселки, шилья и иглы, пряслица, амулеты, бусы.

Следы огненных ритуалов в раннесарматских погребениях Нижнего Подонья весьма скромны: изредка отмечены обожжённые плашки от перекрытий или закладов, кострища или пятна сажи на дне могил, реже во входных ямах подбоев, древесные угли на дне или в заполнении (иногда с прослойками гари и шлаками). В п. 20 к. 3 («Крестовый») мог. Алитуб был встречен лепной горшок с золой, гальками и кусками песчаника.

Кости животных – состав и размещение в могиле.

Примерно половина раннесарматских погребений Нижнего Подонья (точнее – 54%) содержали напутственную мясную пищу в виде костей каких-либо животных. Среди костных останков животных абсолютно преобладают кости овцы – 88,8%,

гораздо реже встречены кости лошади – 5%, коровы – 2,9%, ещё 1,8% составляют находки костей лошади или коровы, не поддающиеся точной атрибуции. Прочие случаи единичны – сайгак (1), кости различных птиц (3).

Останки животных представлены, главным образом, костями конечностей. В могилах кости животных размещались чаще всего в ногах погребённого (57%), значительно реже у верхней части туловища (14%) и у черепа (17,3%). В ряде погребений кости животных находились на перекрытиях могил (около 7-8%) и на ступеньках входных ям подбоев (1,4%). Приблизительно в 40% случаев кости животных сопровождалась ножами.

Погребальный инвентарь, состав и размещение в могиле.

Посуда является наиболее массовой категорией инвентаря – различные сосуды встречены приблизительно в 75% погребений.

Керамические сосуды (как лепные, так и кружальные) чаще встречаются в женских захоронениях – около 45%, в мужских – около 24%, в погребениях взрослых без определения пола – 17% , в детских – 14%. Наиболее часто сосуды располагались в ногах (около 60%), преимущественно в области голеней и стоп, реже в изголовье (около 25%), ещё реже сбоку от туловища (около 13%). Изредка сосуды находились на заплечиках или в заполнении могил (на перекрытии?), а также в насыпи. Как правило, погребённый сопровождался одним, реже двумя сосудами, большее количество керамики при одном погребённом отмечено лишь в нескольких захоронениях: три сосуда – в 11-ти, четыре – в 2-х.

Бронзовые котлы (12 находок) встречены только в погребениях взрослых, чаще в мужских. В могилах котлы располагались в ногах погребённых, в большинстве случаев за стопами. Есть случаи находок котлов в нишах-«тайниках», в заполнении могил (на перекрытиях?), в насыпях курганов.

Предметы вооружения. Различные предметы вооружения содержались в 142 нижнедонских раннесарматских комплексах (около 28% от общего количества памятников). В действительности погребений с предметами вооружения несколько

больше, однако захоронения с единичными наконечниками стрел (причина смерти, амулеты и др.) не включены в выборку. Наиболее часто из предметов вооружения встречаются короткие мечи и стрелы (колчанные наборы). Мечи обнаружены в 84 комплексах, колчаны – в 21, мечи и колчаны вместе – в 32. Прочие варианты наборов вооружения (меч-стрелы-копье, меч-копье) зафиксированы единично. Находки длинных мечей немногочисленны (6), комплект из двух мечей (длинного и короткого) встречен только один раз – Сухо-Дюдеревский II 1-12. Находки наконечников копий также редки (6). Из предметов защитного вооружения в это время известны только импортные шлемы, но происходят они не из погребений, а из т.н. «кладов» – жертвенных или поминальных комплексов. Наблюдается тяготение оружия к погребениям мужчин молодого и зрелого возраста, реже – подросткового и пожилого возраста. В единичных случаях мечи встречены в погребениях детей младше 10 лет. Женские захоронения с оружием малочисленны – не более 10-11% от общего числа нижнедонских раннесарматских погребений с предметами вооружения.

Мечи в большинстве случаев были положены справа, обычно вдоль бедра (72%), колчаны – чаще слева у ног или предплечья (61%), реже – справа у предплечья (17%). Для копий трудно выявить закономерности размещения в могиле из-за редкости находок этого оружия в раннесарматское время.

Конская упряжь. Детали узды встречены в шести погребениях, как в мужских, так и в женских, и в детских (в том числе захоронение ребёнка до 1 года – Сагванский I 13-1). В большинстве случаев узда находилась у левой ноги – в районе колена, голени, стопы. Помимо погребений, предметы конской упряжи присутствовали в жертвенно-поминальных комплексах («кладах»).

Предметы культа и туалета. Зеркала. Встречены в 125 комплексах (около 25% от общего количества памятников). Основную часть находок составляют фрагменты зеркал, целых экземпляров всего лишь приблизительно 20%. Подавляющее большинство находок зеркал или их фрагментов происходит из женских погребений (более 80%), гораздо меньше – из мужских, при детских костях фрагменты зеркал находились только дважды. Существенных различий в

местонахождении в могиле целых и фрагментированных зеркал не отмечено. Почти все зеркала и фрагменты зеркал располагались близко к телу погребённого, нередко вплотную, иногда на теле или под ним, наиболее часто – возле черепа, плеч, груди (51%), реже в области живота (21,2%) и ног (23%). В стороне от тела зеркала или их фрагменты зафиксированы лишь в единичных случаях.

Курильницы – 38 находок в 28 погребениях (около 5,5% от общего количества памятников). Большинство курильниц происходит из женских захоронений, в мужских и детских погребениях встречены только по одному разу. В могилах курильницы обычно располагались в ногах, чаще справа (около 70%), значительно реже – у таза или кистей рук (около 12%), слева возле черепа или плеча (около 18%). Дважды курильницы были найдены в насыпях курганов. В нескольких погребениях были встречены пары курильниц, состоявшие из большого и маленького сосудиков, меньший обычно находился внутри большего или оба стояли рядом (единственное исключение – п. 3 к. 6 мог. Подгорненский V, где обе курильницы небольшие, одна располагалась возле правой стопы, вторая – у правого бедра). В п. 7 к. 22 мог. Ливенцовский VII было три курильницы, одна из которых стояла у черепа слева, две – у правого колена, маленькая находилась внутри большой. Обычай помещения в захоронение набора из большой и малой курильниц, зародившись в раннесарматское время, получает широкое распространение в среднесарматскую эпоху.

Костяные ложечки – встречены в 17 погребениях (около 3,3% от общего количества памятников), почти все происходят из женских захоронений. В погребениях ложечки находились чаще всего в районе стоп, голеней или колен (7), реже – в области черепа, обычно справа (4), а также единично – возле кистей рук, локтей, бедренных и плечевых костей.

Различные амулеты (раковины, астрагалы, архаические бронзовые наконечники стрел, колокольчики, миниатюрные модельки котлов и горитов, обточенные обломки стеклянных и кружальных сосудов, различные окаменелости, зубы и когти различных животных обычно с отверстиями для подвешивания и пр.) в

погребениях обнаруживают тяготение к району правого плеча и предплечья – там сосредоточено более 60% всех находок. Иногда в женских погребениях амулеты образуют скопления – очевидно, находились в связках или мешочках.

Орудия труда. Ножи – 231 находка в 219 комплексах (около 43% от общего количества памятников), встречены как в мужских, так и в женских, и в детских погребениях. Приблизительно в половине случаев (48%) ножи сопровождали напутственную пищу. В тех погребениях, где ножи не были связаны с костями животных, они располагались чаще всего в районе предплечий, пояса или таза (особо следует отметить тяготение к кистям рук) – 49% находок. Кроме того, отмечен ряд находок ножей вместе с мечами (6), со стрелами (2).

Пряслица – 109 находок в 103 комплексах (около 20% от общего количества памятников), встречены почти исключительно в женских погребениях (около 90%). В могилах пряслица наиболее часто располагались в районе черепа или плеч – 30%, предплечий и кистей рук – 24%, колен – 19%, редко – у голеней и стоп, бёдер или в стороне от костяка.

Оселки – 20 находок (около 4% от общего количества памятников) встречены только в мужских погребениях (за исключением п. 17 к. 1 мог. Кадамовский, где оселок был найден при костяке ребёнка приблизительно 12 лет). Большинство оселков (более 70%) располагались в районе предплечий, таза, бёдер; в ряде случаев они, вероятно, висели на поясе. Иногда оселки находились рядом с мечами.

Тёрчники (лощила) – 15 находок в 11 комплексах (около 2% от общего количества памятников). Большинство встречено в женских погребениях – 8, в мужских – 3. Как правило, располагались у стоп (80%). В женских погребениях тёрчники иногда находились вместе с комочками или порошками различных красок – очевидно, использовались для растирания их.

Шилья и иглы – 35 находок в 31 комплексе (6% от общего количества памятников) – встречены как в мужских, так и женских погребениях. В большинстве случаев находились справа от погребённого.

Особо следует сказать о полированных костяных «проколках» с отверстием в

головке (6 находок) – все они встречены в погребениях с оружием и располагались зачастую рядом с ним: со стрелами (Золотые Горки IV 9-3, Кулешовка 1-17), с мечом (Пирожок 5-4).

Пряжки – 102 находки в 91 погребении (около 18% от общего количества комплексов). В большинстве встречены в мужских погребениях (более 70%), где находились обычно в районе пояса. Примечательно, что в женских и детских погребениях пряжки чаще располагались не на поясе, а в других местах – в районе колен, стоп, у предплечья или плеча, под лопаткой, на ключице.

Украшения. Наиболее массовой категорией украшений являются бусы и бисер, встреченные в 214 комплексах (42% от общего количества погребений). В большинстве случаев бусы и бисер отмечены в женских погребениях – более 70%, детские погребения с бусами составляют 18%, мужские – около 4%, прочие – взрослые без определения пола. Обычные места расположения бус и бисера: район черепа, шея, грудь, запястья, голени и щиколотки. В женских и детских захоронениях преобладают большие наборы бус из нескольких десятков или сотен бусин, зачастую (особенно у женщин) представляющие собой гарнитуры, подобранные по цвету и типам бус. В мужских погребениях обычно содержалось всего по 1-3 бусины. Крупные бусины иногда находились в наборах амулетов, подвешивались к рукояткам мечей (темляки). Иногда бусы группировались в районе зеркал и под ними – очевидно, бусами были расшиты чехлы для зеркал.

Прочие украшения чаще всего также располагались там, где носились при жизни. Перстни – 13 экземпляров (почти все из женских погребений) – во всех случаях были надеты на пальцы, единственное исключение: Северо-Западный I 1-3, где три перстня были найдены под правым плечом погребённой, вероятно, в связке, т.к. лежали стопкой. **Гривны** – две находки в женских погребениях – находились на шее. **Браслеты** – шесть находок (пять в женских погребениях, один в детском) – чаще всего на запястьях или предплечьях. **Височные кольца** встречены в 43 погребениях, почти исключительно женских, в 21 захоронении кольца парные, в 22 – одиночные. Большинство колец располагались в районе черепа, в остальных случаях кольца чаще всего были смещены в результате ограблений или

деятельности грызунов. В одном погребении два бронзовых кольца, аналогичные височным, были надеты на безымянные пальцы погребённой, т.е. использовались как перстни (Кутейников II 1-2).

Интересно сравнить памятники нижнедонской раннесарматской культуры II-I вв. до н.э. с комплексами IV - начала III вв. до н.э., которые также считаются раннесарматскими. Наиболее известные из них: погребение в г. Новочеркасск, Азов 2-3, Карнауховский 43-1, Ясырев I 1-2, Крепинский II 3-11 и 5-4, Мокрая Кугульта 2-3, Арпачин II 6-5 [Максименко. 1983, с. 32-33, 37, 40-42, рис. 19, 20, 26, 27], Высочино VII 17-3, Житков II 3-2 [Скрипкин. 2009, с. 175, рис. 3, II, 4], Целинский III 2-1, Кастырский VIII 14-11 [Глебов, Житников. 2008, с. 104-109, рис. 1, 2] и др. Эти комплексы представляют собой основные и впускные захоронения в прямоугольных ямах (преимущественно широкие, есть подквадратные) или в подбоях, обычно с южной, реже с широтной ориентацией погребённых, иногда с диагональным положением погребённого в могильной яме. Локализуются они преимущественно на левобережье Дона, хотя есть и на правом берегу (Новочеркасск, Карнауховский, Кастырский VIII).

По мнению большинства исследователей, восточное происхождение имеет и группа комплексов в нижнем течении Северского Донца, открытых в могильниках Шолоховский, Сладковский, Кащеевский, Нижнедонские Частые курганы [Максименко. 1983, с. 29-32, 127, рис. 11-18; Смирнов. 1984, с. 40 и сл.; Клепиков, Скрипкин. 1997, с. 28-30; Максименко, Ключников, Гуркин. 2001, с. 220-225, рис. 1-4; Медведев. 2002, с. 15; Березуцкий. 2004, с. 197-200; Скрипкин. 2009, с. 174 и сл.], хотя есть и точка зрения об их скифской принадлежности [Гуляев. 2001, с. 25; 2002, с. 148-149]. Все погребения северодонецкой группы совершены под индивидуальными насыпями в больших дромосных подквадратных ямах, кроме к. 25 могильника Сладковский, возведённого над несколькими подбойными могилами-кенотафами, и к. 1 могильника Частые курганы II, под насыпью которого находилась кремация (поминально-ритуальный комплекс?); захоронения часто коллективные, преобладает южная и западная ориентация погребённых.

Обращает на себя внимание насыщенность большинства погребений восточного

облика оружием. Нередки комплекты наступательного вооружения (меч, копье, стрелы), есть находки панцирей.

Нижнедонские кочевники восточного происхождения IV - начала III вв. до н.э. идентифицируются исследователями с сирматами письменных источников (Эвдокс, «Землеописание», I, 1; Псевдо-Скилак, «Описание моря ...», 68). Появление их на Нижнем Дону в IV в. до н.э. считается результатом миграции кочевого населения из Южного Приуралья на запад, в ходе которой отдельные группы номадов на излёте миграционного импульса достигли Калмыкии, Прикубанья и Нижнего Подонья [Максименко. 1983, с. 127; Смирнов. 1984, с. 37 и сл.; Клепиков. 1999, с. 80-89; 2002, с. 133-134; Скрипкин. 2009, с. 172 и сл.]. В силу относительной малочисленности и разрозненности «сирматских» погребений, версия о доминировании сирматов в Нижнем Подонье в IV в. до н.э. [Скрипкин. 2009, с. 176, 178] вызывает определённые сомнения. Собственно и сам А.С. Скрипкин, предполагая лидерство сирматов в нижнедонском регионе, уточняет, что речь идёт лишь о глубинных степных районах. Но тогда вряд ли правомерно говорить о «сирматском периоде» в истории Нижнего Подонья. Степное Нижнее Подонье в этот период было заселено кочевниками, принадлежавшими к нескольким различным этнокультурным группам, как западного, так и восточного происхождения. Более вероятно, что в рассматриваемое время ведущей в военно-политическом отношении силой в степях Нижнего Подонья являлись кочевые скифы. Их погребальные памятники – катакомбные и подбойные захоронения с ровиками и богатыми тризнами под индивидуальными насыпями, расположены довольно компактно в низовьях Дона: могильники Высочино, Красногоровка, Новоалександровка, Новониколаевка, Красное Знамя, Царский, Кировский и др. [Субботин. 1980, с. 294-298; Ильюков. 1993, с. 78-96; Лукьяшко. 2000, с. 167-180]. Строительство и разрушение укреплений Елизаветовского городища, скорее всего, связано именно с их активностью [Глебов. 2007, с. 62-63].

Погребальные памятники сирматов исчезают в начале III в. до н.э. вместе с памятниками других кочевников нижнедонского региона. Таким образом, в Нижнем Подонье не прослеживается непрерывной линии развития

раннесарматской культуры с IV по I вв. до н.э. – кочевники II-I вв. до н.э. не являлись прямыми потомками нижнедонских номадов IV - начала III вв. до н.э., а представляли собой новый миграционный импульс с востока, гораздо более мощный, чем в IV в. до н.э., в результате которого сарматы заняли весь нижнедонской регион и распространились далее на запад до Днепра.

Сравнивая обрядность нижнедонских сарматов IV - начала III вв. до н.э. и II-I вв. до н.э., следует отметить, что на позднем этапе раннесарматской культуры в погребальной практике номадов происходят существенные изменения: традиция сооружения индивидуальных насыпей почти прекращается, абсолютно господствуют впускные погребения, среди погребальных сооружений преобладают узкие прямоугольные ямы и подбои, полностью исчезают широкие и подквадратные ямы, дромосные могилы, диагональные погребения, и др. Эти различия прослеживаются при сравнении памятников раннесарматской культуры раннего и позднего этапов и в других регионах. Примечательно, что в Нижнем Подонье, в отличие от более восточных регионов, раннесарматские погребения IV-начала III вв. до н.э. не образуют ни семейно-родовых могильников, ни даже компактных территориальных групп (за исключением северодонецкой).

И в заключение хотелось бы остановиться на вопросе преемственности раннесарматской и среднесарматской культур. Как уже отмечалось, в обрядности и вещевом комплексе раннесарматской культуры присутствуют отдельные элементы, получившие впоследствии широкое распространение в среднесарматской культуре (ниши-«тайники», парные курильницы, алебастровые сосудики, зеркала «бактрийского» типа и др.). Однако, этого вряд ли достаточно, чтобы предполагать зарождение среднесарматской культуры в недрах раннесарматской. Археологический комплекс среднесарматской культуры с его набором диагностирующих признаков, чуждых раннесарматской культуре на её завершающем этапе (индивидуальные насыпи, подквадратные и широкие прямоугольные ямы, оформленные выкиды, диагональное положение погребенных, «погребальные дары» у края могильной ямы, многочисленные восточные инновации в вещевом комплексе – в первую очередь, предметы роскоши в

полихромном зверином стиле и др.), явно привнесён в волго-донские степи извне. Сегодня большинство сарматологов являются сторонниками миграционной концепции формирования среднесарматской культуры, которую связывают с аланами письменных источников [Скрипкин. 1990, с. 214-220; 1992, с. 22-41; Сергацков. 1999, с. 138 и сл.; Глебов. 2004, с. 129-131; Глухов. 2005, с. 102 и сл.].

Список литературы :

Березуцкий. 2004. Березуцкий В.Д. Погребальный инвентарь из курганов скифского времени лесостепного Дона и вопрос об «этнокультурном сходстве и единстве» // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж.

Глебов. 2004. Глебов В.П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.

Глебов. 2007. Глебов В.П. Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград.

Глебов, Житников. 2008. Глебов В.П., Житников В.Г. Раннесарматские погребения с мечами переходного типа в Нижнем Подонье // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Том III. Ростов-на-Дону.

Глухов. 2005. Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I - первой половине II в. н.э. Волгоград,

Гуляев. 2001. Гуляев В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993-2000 гг. М.

Гуляев. 2002. Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии (по археологии Подонья) // ВДИ. № 1.

Ильюков. 1993. Ильюков Л.С. Скифские курганы Северо-Восточного Приазовья // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Азов. Вып. 11.

Клепиков. 1999. Клепиков В.М. Погребения IV в. до н.э. и начало раннесарматской миграции в Нижнем Поволжье // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград.

Клепиков. 2002. Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV-II вв. до н.э. Волгоград.

Клепиков. Скрипкин. 1997. Клепиков В.М., А.С. Скрипкин. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. Вып. 5. Азов.

Коробкова. 2003. Коробкова Е.А. О семантическом значении зеркал в сарматской культуре // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6.

Кузнецова. 1988. Кузнецова Т.М. Зеркала в погребальном обряде сарматов // СА. № 4.

Литвинский. 1972. Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.

Лукьяшко. 2000. Лукьяшко С.И. К реконструкции событий конца IV - начала III вв. до н.э. на Нижнем Дону // Скифы и сарматы в VII - III в. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М.

Максименко. 1983. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Максименко, Ключников, Гуркин С.В. 2001. Максименко В.Е., Ключников В.В., Гуркин С.В. Исследование могильника «Частые курганы II» на Нижнем Дону в 2001 г. (предварительная публикация) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М.

Медведев. 2002. Медведев А.П. Курганные могильники скифского времени в правобережье Среднего и Нижнего Дона (опыт сравнительного исследования) // Донская археология. № 3-4.

Мошкова, Малашев. 1999. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград.

Сергацков. 1999. Сергацков И.В. Проблема формирования среднесарматской культуры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград.

Симоненко. 2004. Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.

Смирнов. 1984. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Скрипкин. 1990. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов.

Скрипкин. 1992. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.

Скрипкин. 2009. Скрипкин А.С. Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н.э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10.

Субботин. 1980. Субботин А.В. Скифский курган близ Новочеркасска // СА. № 3.

Хазанов. 1964. Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. № 3.

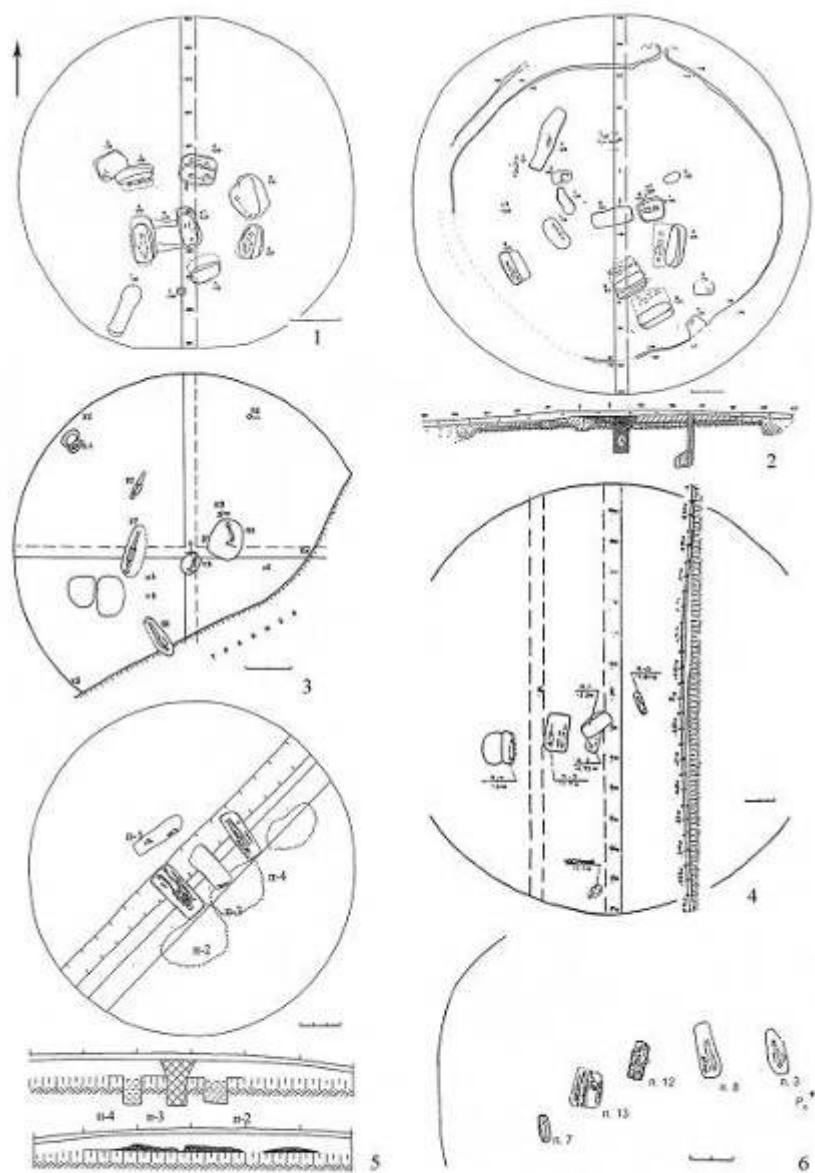

Рис. 1. Планы курганов с раннесарматскими погребениями.
 1 – Подгорненский V, к. 1, 2 – Подгорненский IV, к. 1, 3 – Ясырев III, к. 1, 4 – Красногоровка III, к. 4, 5 – Святой Колодезь III, к. 1, 6 – Северо-Западный I, к. 1.

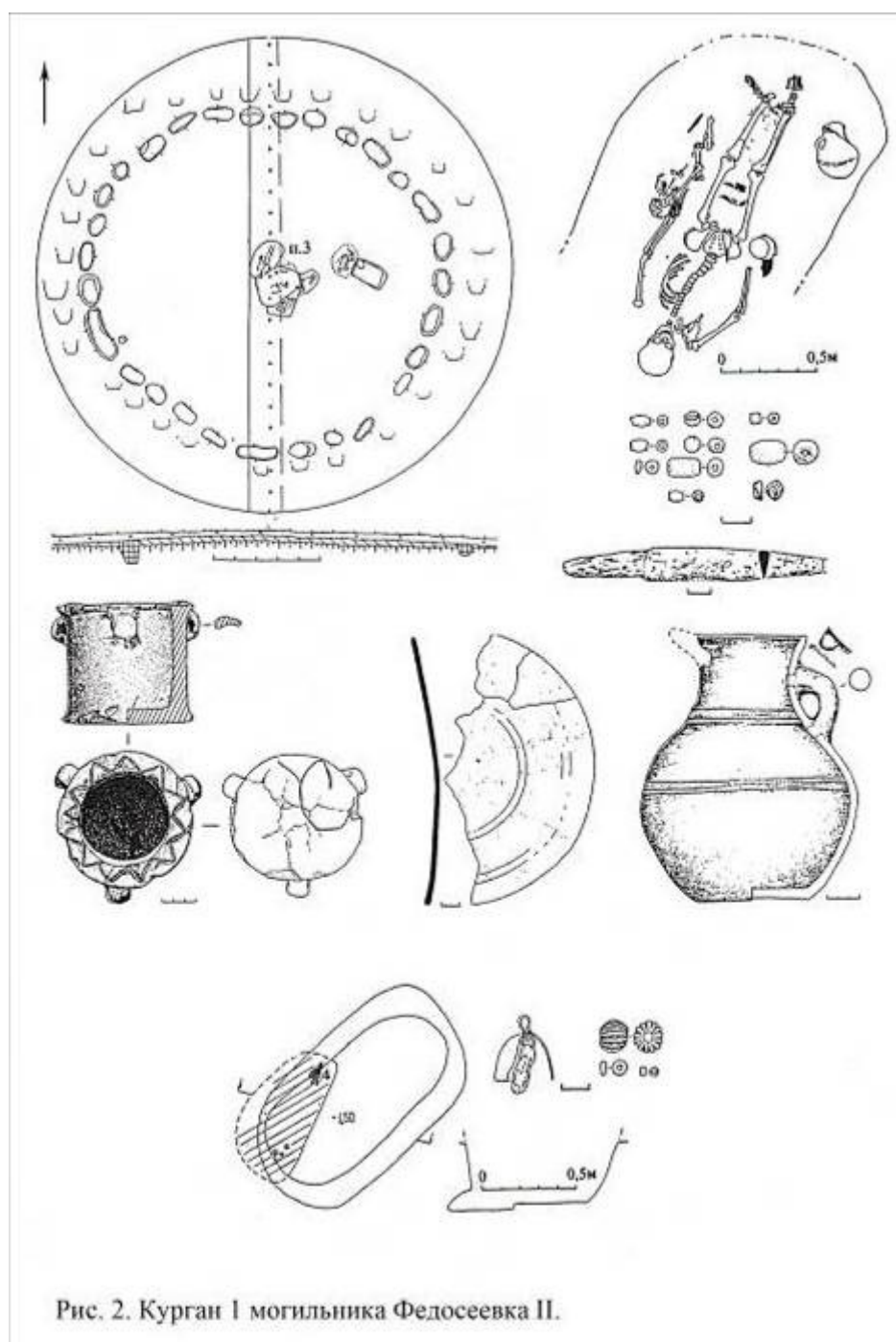

Рис. 2. Курган I могильника Федосеевка II.

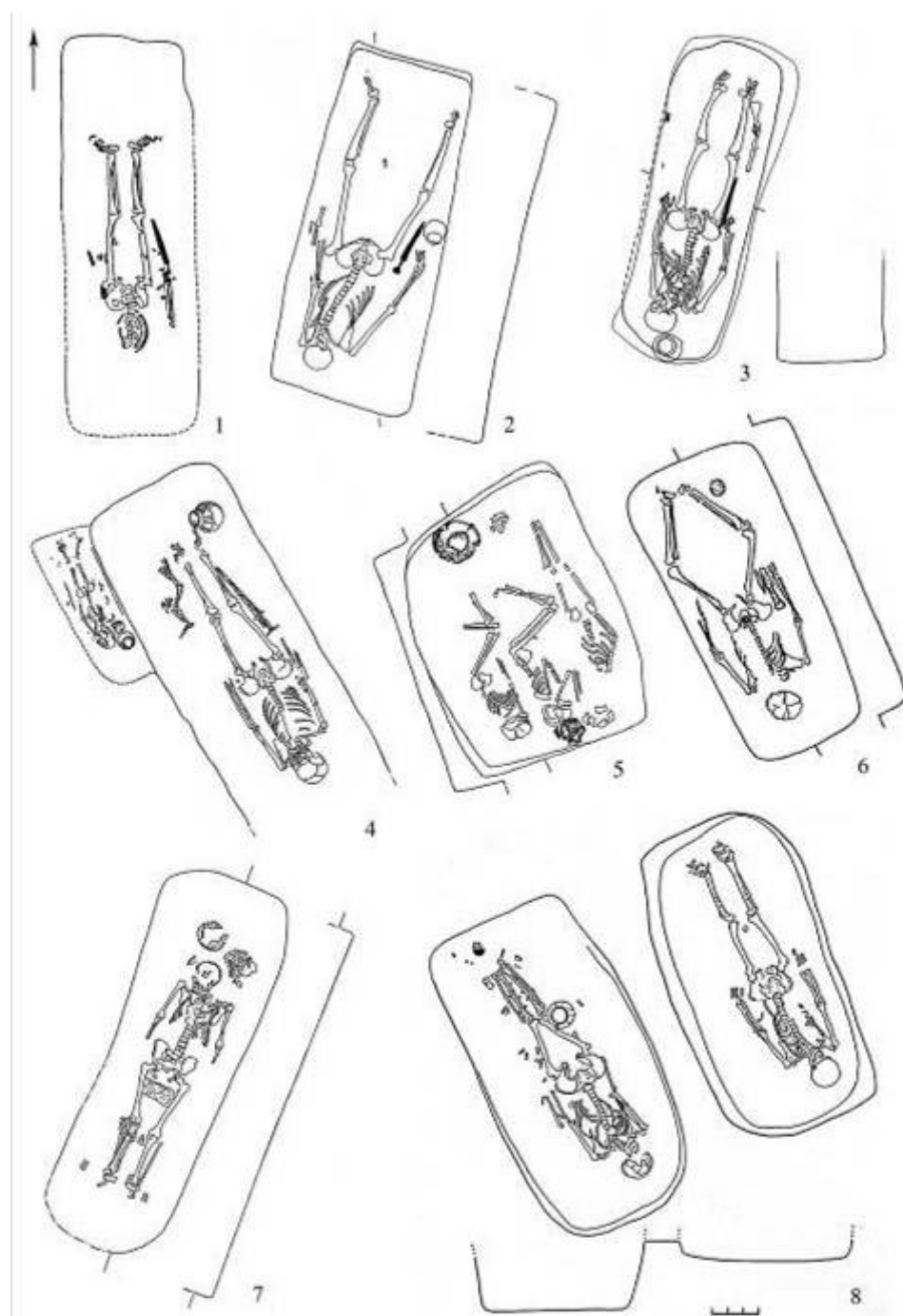

Рис. 3. Погребения в подпрямоугольных ямах.

1 – Донской (Новочеркасская ГРЭС) 5-10, 2 – Криволиманский I 8-5,
 3 – Сагванский I 5-3, 4 – Попов 30/6 - 13,14, 5 – Валовый I 3-5,
 6 – Западенский 1-13, 7 – Аюта I 1-3, 8 – Балабинский I 28-2,3.

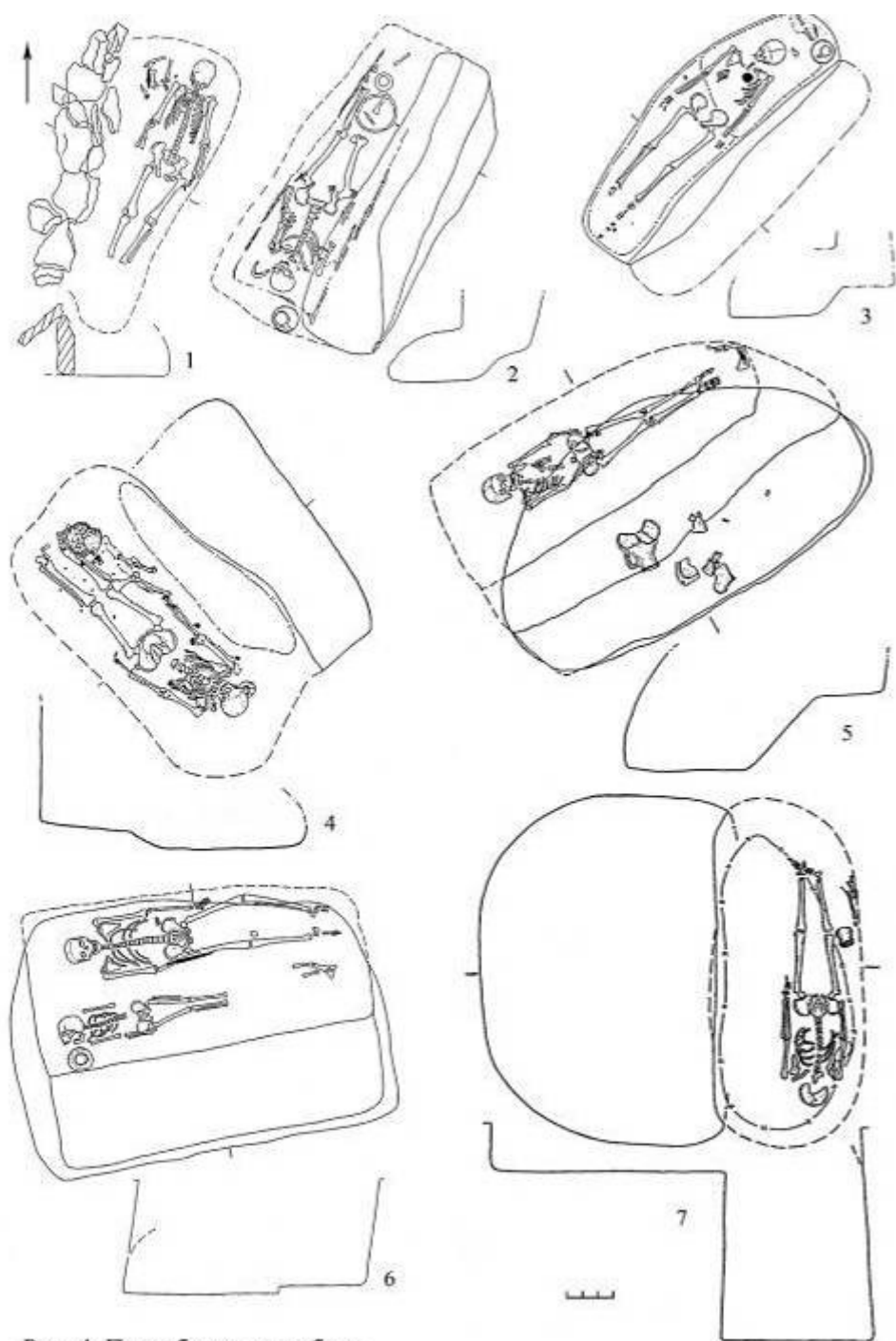

Рис. 4. Погребения в подбоях.

1 – Валовый I 40-3, 2 – Темерницкий 2-2, 3 – Никитин I 3-5, 4 – Отрадный II 1-7, 5 – Отрадный II 15-4, 6 – Пирожок 5-9, 7 – Красногоровка III 4-4.

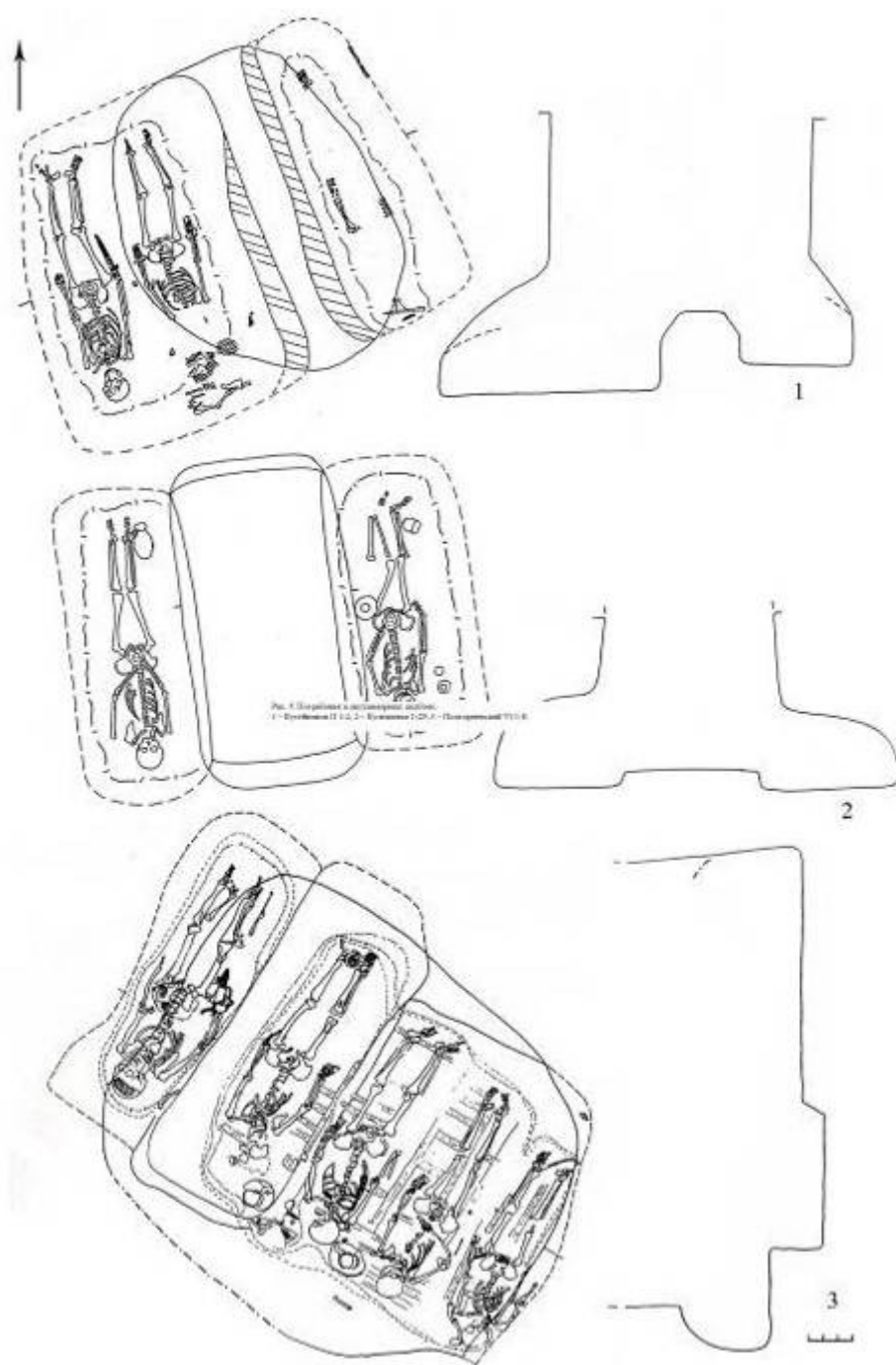

Рис. 5. Погребения в двухкамерных подбоях.
 1 – Кутейников II 1-2, 2 – Кулешовка 1-29, 3 – Подгорненский VI 1-8.

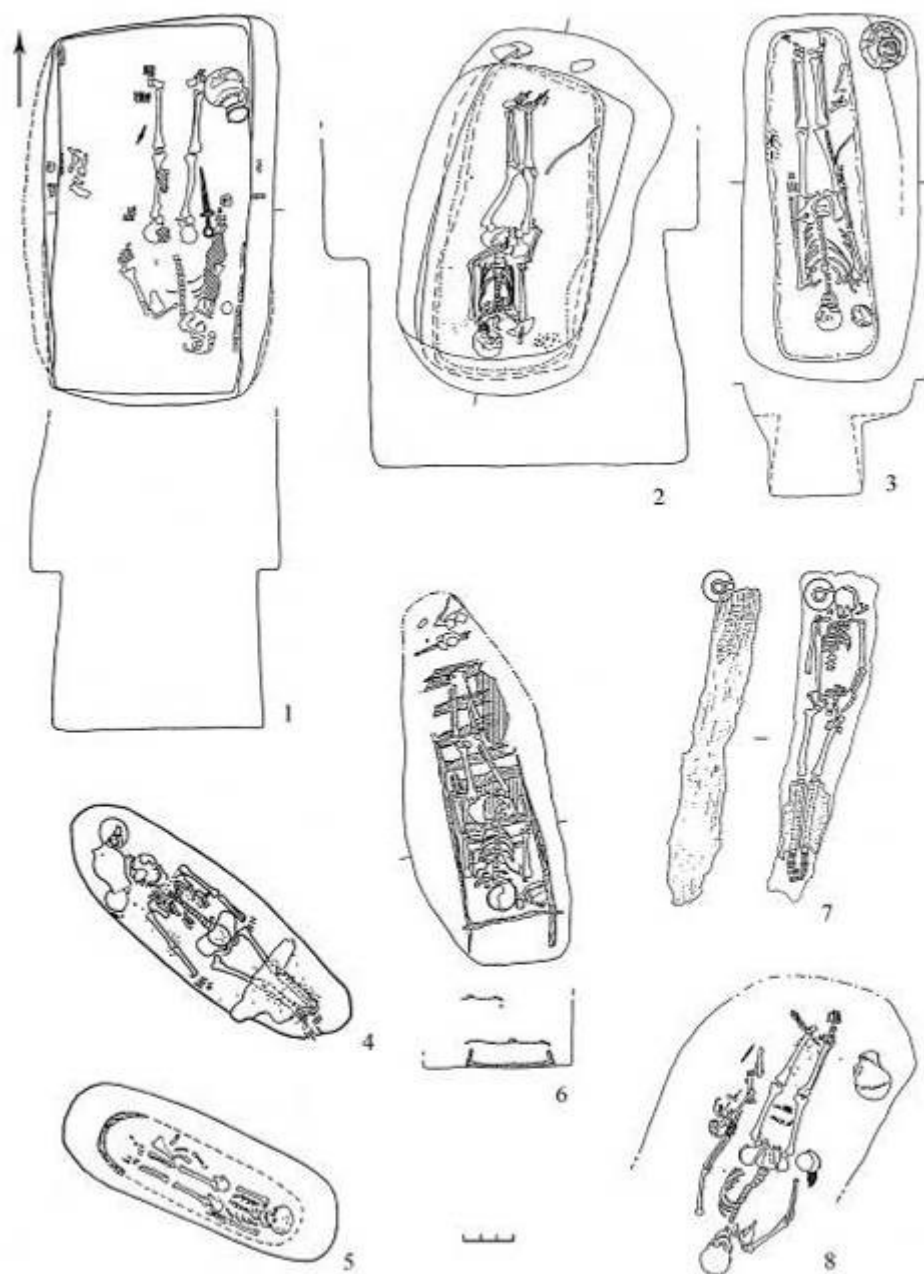

Рис. 6. Погребения в заплечиковых ямах, овальных ямах и ямах неправильной формы.

1 – Саловский 3-1, 2 – Подгорненский I 1-8, 3 – Серебряковка I-19,
 4 – Сторожевой курган, п. 3, 5 – Северо-Западный I 1-3, 6 – Донской
 (Новочеркасская ГРЭС) 2-7, 7 – Федосеевка II 1-3.

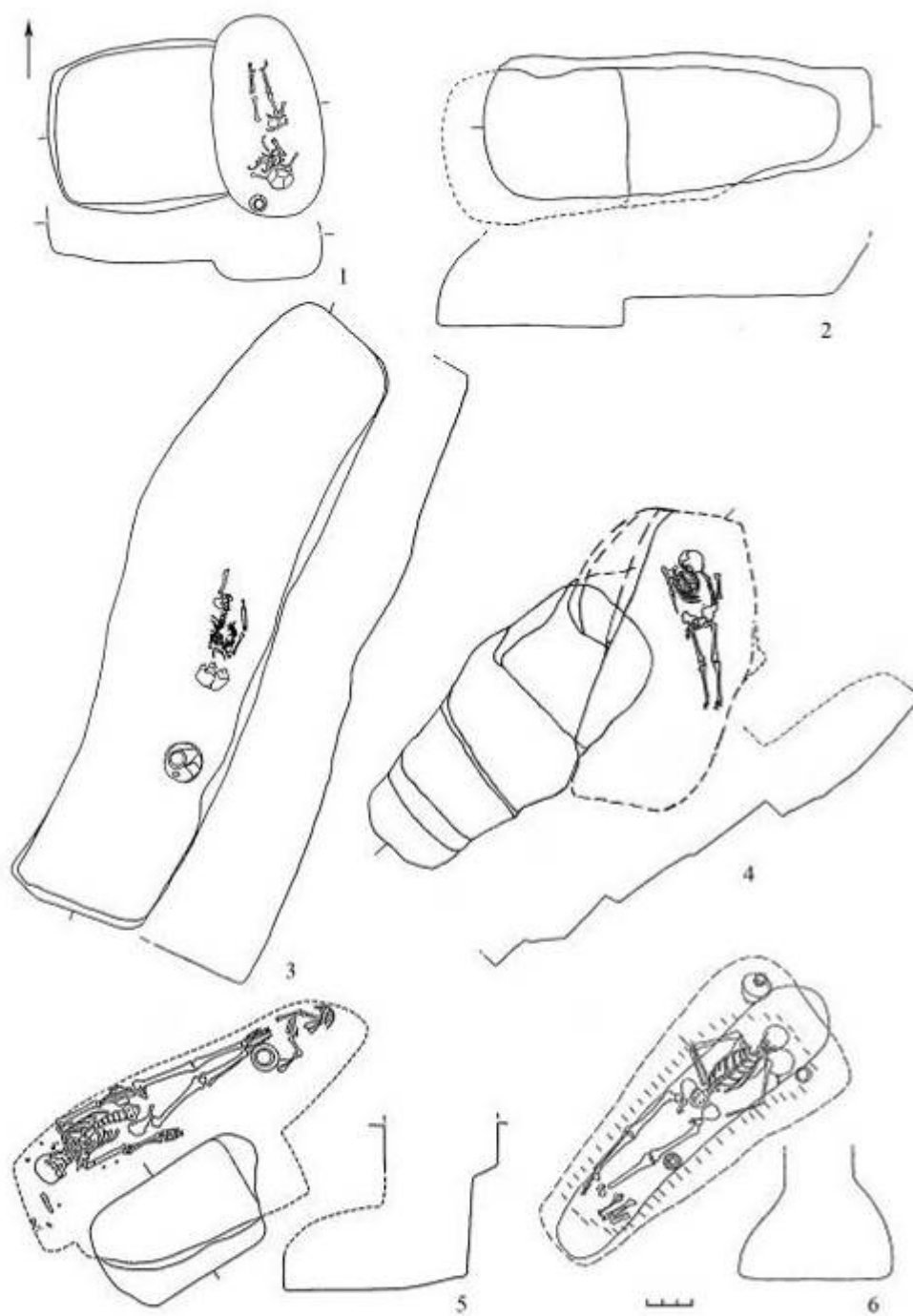

Рис. 7. Погребения в катакомбах.

1 – Маньчский I 1-16, 2 – Подгорненский IV 5-1, 3 – Подгорненский IV 1-9, 4 – Ливенцовский VII 17-1, 5 – Мокрочалтырский карьер, п. 10, 6 – Ливенцовский VII 22-7.

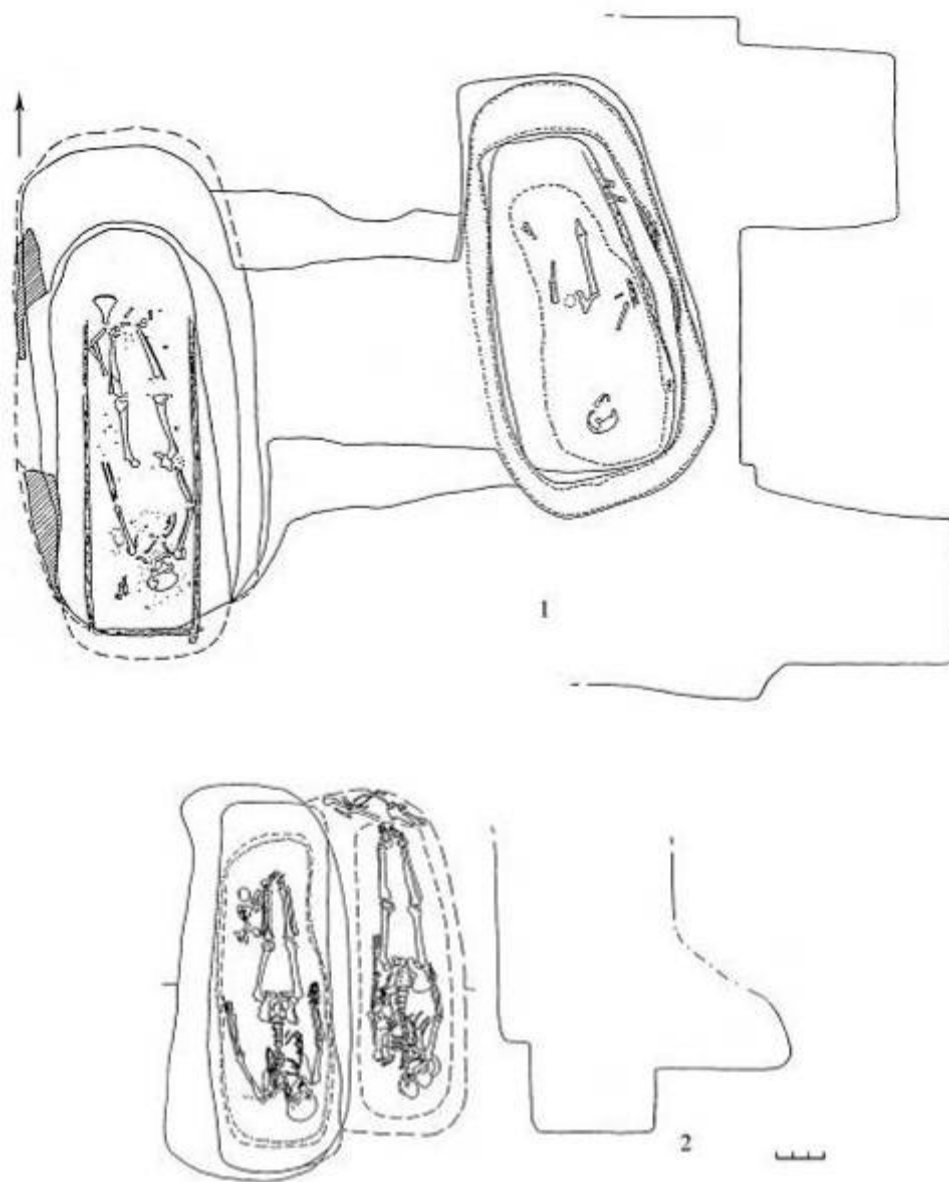

Рис. 8. Комбинированные погребальные сооружения.
1 – Подгорненский V 1-7,9, 2 – Подгорненский VI 1-5.

Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI – V вв. до н.э.: истоки*

В степях Южного Урала в конце VI в. до н.э. появилась культура, получившая название «савроматской» [Смирнов. 1964] или «древнепрохоровской» [Таиров, Гаврилюк. 1988. С. 147]⁸. Несмотря на то, что основные черты этой культуры возникают в «готовом сложившемся виде» [Железчиков, Пшеничнюк. 1994, с. 5-6], формирование ее протекало совсем не одинаково в зауральской и предуральской частях региона.

В Южном Зауралье это событие происходило в ходе взаимодействия пришлых элементов с носителями тасмолинской ИЭО, обитавшими здесь на предшествующем этапе [Таиров. 2007. С. 9-10]. Поэтому здесь в культуре наблюдаются, с одной стороны культурно-генетическая преемственность, а с другой, многие черты погребального ритуала, не имеют местных корней [Таиров. 1999, с.173-176; Таиров. 2000, с. 7].

Степи же к западу от хребтов Южного Урала и Мугоджар в VII – первой половине VI вв. до н.э. были, в принципе, свободны от кочевого населения. Однако в конце VI по V вв. до н.э. в предуральской зоне насчитывается уже 230 погребений. Курганы этого времени, как правило, земляные. Они располагаются как некрополями, так и в одиночку – на плато, на первых надпойменных террасах, на речных увалах.

В насыпи каждого четвертого кургана – остатки тризны. В каждом десятом – захоронения взнузданных коней или черепа лошадей на погребенной почве. Нередко в южных секторах курганов находят уздечные наборы.

При строительстве гробниц широко применялось дерево. При этом деревянные шатры составляли 18%; срубы – 9,5%; настилы – 9%. Есть и наземные бревенчато-столбовые сооружения (Кадырбаев, 1984. Рис. 3). Деревянные конструкции

[□] Сохранена стилистика автора (Прим. ред.)

⁸ Эти понятия не являются синонимичными, как это может показаться из текста автора (Прим. ред.)

опирались на глиняный вал. Нередко они со следами воздействия огня⁹. Прокалы, вкрапленный уголь или золы фиксируются в каждом четвертом кургане.

Иногда погребения впущены в насыпь. 13% захоронений – на уровне древнего горизонта. Но, как правило, погребения совершались в грунтовых ямах – узких прямоугольных (61%), квадратных (11%), круглые или овальные (6%), дромосные (5,6%) и подбойно-катакомбные (5,6%). Иногда в могилах есть заплечики и уступы вдоль стен, еще реже – канавки вдоль стен.

Обычно ямы закрывались деревянным настилом, часто покрытым ветками или камышом. По центру или вдоль стен крупных могил фиксировались опорные столбы, на которых держалось деревянное перекрытие шатрового типа. Иногда могила была завалена камнем. Вход в катакомбы перекрывался каменными плитами или деревом.

На дне могильных ям фиксируется подстилка из органики. Иногда дно посыпалось мелом, известью, углем или золой. Редко в ямах находят глиняные очаги.

Обычны одиночные погребения, но есть также парные и коллективные. Последние совершены, как правило, в дромосных могилах или на площадке на уровне погребенной почвы.

Трупосожжения редки. Обычно погребенные укладывались вытянуто на спине. В отдельных случаях покойники помещались с подогнутыми ногами, либо скорченно на боку. Иногда умерших хоронили сидя. Прослежено несколько вариантов намеренного расчленения покойников: 1) отчленение черепа; 2) отчленение черепа и конечностей; 3) «упаковка» костей скелета. Изредка в могильных ямах погребенных располагали ярусами.

Останки умерших обычно находились по центру ямы, реже – у одной из ее стенок или по диагонали. Иногда они располагались в центре конструкции в виде деревянной рамы. В коллективных погребениях покойники часто укладывались ортогонально.

⁹ Наблюдения последних лет говорят о том, что очень часто фиксация остатков костра под курганом и в погребении не является проявлением ритуальных действий, связанных с культом огня (см., н.п.: Ульянов, 2000).

Среди установленных ориентировок преобладает западный сектор (З, З-ЮЗ, З-СЗ) – 50%. Ориентировка на Ю составляет 26%, на В – около 14%, на ЮЗ – около 7% и на С – около 3%.

В $\frac{1}{4}$ могил встречаются ритуальные вещества. Остатки мясной пищи представлены костями обезглавленной туши или ребрами с передними конечностями МРС (61%), костями лошади (30%), КРС (7%), птицы (3%) и рыбы (1%).

В отдельных могильниках находят «святилища огня» – сооружения прямоугольной формы, внутри которых находилась яма, заполненная углями, битой керамикой, костями животных и пр. [Смирнов, Попов. 1969; Гуцалов. 1998]. В кургане 1 могильника Жанабаз в яме был установлен каменный антропоморф, сопровождаемый детскими черепами, костями овцы, предметами культа и пр. [Гуцалов, Таиров. 2000].

Анализ погребального обряда кочевников Южного Приуралья конца VI-V вв. до н.э. говорит, во-первых, о его смешанности; и, во-вторых, о привнесённом характере основных его признаков. Отсюда возникает необходимость рассмотреть этнокультурную ситуацию в сопредельных с Южным Уралом кочевых обществах предыдущего времени, с целью определить регионы, откуда могли быть привнесены черты новой культуры.

Таковыми в VII-VI вв. до н.э. не могли быть территории Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана, памятники которых входят в тасмолинскую ИЭО. Памятники номадов Восточного Казахстана, Алтая и Южной Сибири, сходные по многим параметрам с комплексами тасмолинской ИЭО [Таиров. 2007] также не могут рассматриваться в качестве основных доноров южноуральской культуры конца VI-V вв. до н.э.

В то же время среди скотоводческих культур Казахстана и Средней Азии особняком выглядит район Приаралья. Так, погребальный обряд номадов низовьев Сырдарьи отличают такие черты: «шлаковые курганы» с ямой по центру, заполненной углями и культурными остатками [Итина. 1984]; земляные курганы; захоронения на уровне древнего горизонта, в прямоугольных и квадратных ямах;

каркасные деревянные конструкции, как на уровне погребенной почвы, так и с основанием в могильных ямах, которые иногда поджигались; дромосные конструкции, как наземные, так и в ямах; нередко на дно могил помещались деревянные решетки, устланные камышом, изредка встречаются остатки мелких кусков жертвенного мяса; покойники укладывались в вытянутом положении на спине головой обычно на З, ЮЗ, Ю, С и на ЮВ. Часто в могилу помещались ритуальные вещества. Среди сопровождающего инвентаря нередко предметы вооружения, конского убора и культа [Вишневская. 1973, с. 60-70; Итина, Яблонский. 1997, с. 30-66].

Для погребальных сооружений некрополей Сакар-Чага 3-6 в Южном Приаралье характерно частое использование камня при возведении курганов. Захоронения совершались как на уровне древнего горизонта, так и в грунтовых ямах квадратной или прямоугольной форм. Фиксируются ямки столбов надмогильных деревянных конструкций. Прослежена посыпка песком погребальной площадки на уровне погребенной почвы, иногда окруженной кольцевым валом из камня. Дно могил иногда выстилалось камышом. Погребения как одиночные, так и коллективные многоактные. Покойники помещались обычно вытянуто на спине головой на З, реже – на В, С или на Ю. Однако есть и скорченные, и расчлененные. Инвентарь представлен глиняной посудой, украшениями, предметами культа, вооружения и конской упряжи [Яблонский. 1996, с. 20-50].

Немногочисленным погребениям VII-VI вв. до н.э. в степях между Уралом и Дунаем присущ нестабильный обряд захоронения. Преобладают могилы, впущенные в курганы эпохи бронзы. Среди основных прослежена сожженная деревянная гробница на уровне погребенной почвы и каменная стела в насыпи [Смирнов. 1964; Мурзин. 1984; Мурзин. 1990. с. 17-20, 51; Ольховский. 1991, с. 56; Левицкий, Демченко. 1995].

Обращает на себя внимание погребения в низовьях Дона, которые разбивается на две хронологические группы. Для более ранней – конца VII – первой половины VI в. до н.э. характерны впускные захоронения в крупных квадратных могильных ямах, иногда со столбовой конструкцией и положением погребенных по диагонали

могилы, вытянуто с разворотом на правый бок, головой на ЮЗ, З и СЗ. В могилах – остатки больших кусков жертвенного мяса. Сопровождающий инвентарь представлен каменными жертвенниками, бронзовыми зеркалами с петлей на обороте, лощеными корчагами [Кореняко, Лукьяшко. 1982; Максименко. 1983; Парусимов. 1991; Ильюков, Лукьяшко. 1994]

Группу середины – второй половины VI в. до н.э., отличает впускные захоронения в ямах узкой прямоугольной формы, часто с подбоями вдоль одной из длинных стен. Покойники лежали вытянуто на спине головой на З или В. Погребальный инвентарь стандартен: бронзовые наконечники стрел, железные крючки, костяные застёжки, гончарные (греческие), а также лепные лощеные сосуды [Кореняко, Лукьяшко, 1982; Беспалый, Парусимов. 1991; Ильюков. 2002].

Кочевнические погребения конца VII-VI в. до н.э. широко представлены в предгорьях Северного Кавказа. Здесь преобладают основные захоронения. Но если в Закубанье курганы – земляные, то в Центральном и Восточном Предкавказье при их строительстве часто использовался камень [Петренко. 2006; Батчаев. 1985; Махортых. 1991. с. 18]. В насыпях находят кости животных и фрагменты керамики. Нередко на погребальной площадке, ограниченной глиняным валом, сооружалась деревянная конструкция шатрового или срубного типов, обложенные тростником и часто подожженные. На Ставрополье обычны каменные склепы. В значительной части курганов зафиксированы сопровождающие захоронения коней – на погребенной почве или в могиле.

Большинство захоронений совершалось в ямах, отдельные – на дневной поверхности. Могилы обычно широкие прямоугольные, часто перекрытые деревом, а стены обшиты досками [Маслов, Петренко. 1998, рис. 5; Петренко, Маслов, Канторович. 2004, рис. 6]. Зафиксированы и канавки вдоль стен. Захоронения как одиночные, так и коллективные. Погребенные укладывались вытянуто на спине, головой в разные направления [Виноградов. 1974; Батчаев. 1985; Галанина. 1997; Петренко. 2006 и др.]. В Нартанском могильнике преобладает положение скорченно на боку, реже – вытянуто, головой на Ю или ЮЗ

[Батчаев, 1985]. Погребенных сопровождала пища в виде больших кусков жертвенного мяса.

На Северном Кавказе повсеместно были распространены каменные антропоморфные стелы, имеющие региональные особенности [Ольховский, Евдокимов. 1994, с. 34-39]. Показательно преобладание мужских погребений, насыщенных оружием и предметами конской узды. Следует подчеркнуть, что по основным параметрам погребального обряда, памятники кочевников Северного Кавказа не обнаруживают единства, что, скорее всего, говорит об этнической пестроте кочевого населения региона.

В днепровской лесостепи обычай возводить курганы возродился в VII-VI вв. до н.э. [Ильинская. 1975, с. 79]. Другой особенностью данной зоны является наличие городищ – свидетельство контакта номадов с оседлым населением.

На правом берегу Днепра наблюдается значительное ритуальное разнообразие. При этом, пестрота и неустойчивость обряда – отличительная черта впускных погребений рядовых номадов [Ильинская. 1975, с. 79]. В то же время, в курганах с основными погребениями прослеживаются устойчивые обрядовые черты, встречающиеся, к тому же, в тесной связи друг с другом [Ильинская. 1975; Ильинская и др., 1980; Ковпаненко. 1981; Скорий. 1990]. Курганы знати отличаются размеры (до 8-11 м в высоту), деревянные конструкции шатрового и срубного типов, возведенные на погребальной площадке окруженной глиняным валом, под которыми на дневной поверхности или в больших прямоугольных ямах, часто с дромосом, совершались коллективные захоронения с ортогональным положением погребенных с ориентировкой их головой на Ю или В [Ильинская. 1975, с. 22-37; Ковпаненко. 1981, с. 13-15, 35-45]. Умершие укладывались вытянуто на спине, редко скорчено на боку. Преобладает ориентировка головой на З, но при этом ориентировка на Ю составляет около трети погребений. Сопровождающий инвентарь здесь либо воинский, либо культового характера, часто в сочетании друг с другом [Ильинская. 1975, Табл. VIII-X; XII]. Изредка встречается сопровождающее захоронение коня.

На левом берегу Днепра выделяются памятники Посулья [Ильинская. 1968. С. 67-71]. Курганы этого региона обладают крупными размерами – до 20 м в высоту. В насыпях – остатки тризны. Примерно в половине из них зафиксированы деревянные гробницы (срубы, шатры, накаты), возведенные внутри погребальной площадки, окруженной глиняным валом. Обычны парные захоронения, совершенные в прямоугольных ямах в вытянутом положении головой на Ю, редко – С. Остатки заупокойной пищи представлены костями КРС и МРС. Инвентарь насыщен предметами вооружения, конской узды и культа. Можно констатировать, что население Посулья в рассматриваемое время было наиболее монолитной к тому же, элитарной кочевой группой в днепровской Лесостепи.

Погребальный обряд номадов Воркслы и Северского Донца характеризуется пестротой. В курганах фиксируются глиняные валы, устроенные на уровне погребенной почвы по периметру прямоугольных ям, часть из которых имеет дромос. Нередко в могилах присутствует ровик вдоль стен и деревянный настил на дне. Ямы (иногда со столбовыми конструкциями) перекрыты деревянным накатом, на котором разводился костер [Радзиевская. 1985, с. 257-260; Черненко. 2000. с. 297-303]. Покойники укладывались как скорченно на боку, так и вытянуто на спине, головой на С и З, но чаще на Ю [Моруженко. 1986, с. 115, рис. 2, 6-10; Моруженко. 1989, с. 27-28]. В состав инвентаря входят предметы вооружения и культа, украшения и домашняя утварь.

Погребальные памятники лесостепного Подонья редки, отличаются пестротой обряда и невыразительностью инвентаря [Медведев. 1999].

Таким образом, можно сделать вывод, что в погребальном обряде номадов Восточной Европы VII-VI вв. до н.э. присутствовали разнородные черты, при том, что рядовое население демонстрирует культурное сходство, выражающееся в простоте устройства погребений, преобладании ориентировки погребенных головой на З, скромности инвентаря. В то же время, кочевая элита обладала устоявшимся набором обрядовых черт, тесно связанных друг с другом и, несмотря на определенное сходство, специфичным в каждой зоне.

Истоки культуры номадов Южного Приуралья конца VI-V вв. до н.э. следует видеть в Приаралье, на Северном Кавказе и в Поднепровье. Отдельные элементы этих параллелей отражены в сравнительных таблицах (рис. 1-3).

Так, в Приаралье в качестве источниковых надо рассматривать следующие элементы: «святилища огня», наземные и внутримогильные деревянные каркасные конструкции (в том числе, дромосные), захоронения на уровне древней дневной поверхности, канавки вдоль стен и глиняные очажки в могилах и, может быть, ориентировка погребенных головой на Ю и ЮЗ. Учитывая большое сходство материальной культуры скотоводов Приаралья и Южного Урала, можно констатировать, что вероятность участия скотоводов Приаралья в сложении южноуральского объединения кочевников является очень большой.

Культура номадов Северного Кавказа также имеет ряд сходных черт с погребальным обрядом кочевников Южного Приуралья. К таковым относятся: подкурганые деревянные конструкции шатрового и срубного типов, захоронения взнузданных коней на древней поверхности; большие могильные ямы квадратной или широкой прямоугольной форм, захоронения на древнем горизонте, южная ориентировка погребенных, каменные антропоморфы.

В культуре номадов днепровской лесостепи также наблюдаются признаки, присущие погребальному обряду элиты Южного Урала конца VI-V вв. до н.э. Это каркасные деревянные конструкции; погребения взнузданных коней; крупные ямы квадратной или прямоугольной форм; ортогональное положение и южная ориентировка погребенных. Причем наибольшие параллели находятся в обряде кочевого населения Посулья.

Показательно, что исходные обрядовые традиции на Южном Урале не наблюдаются в «чистом» виде. Надо заметить, что историко-культурные процессы, происходившие на рубеже VI-V вв. до н.э. в степях Восточной Европы имели общий характер. Это подчеркивает то, что количество погребальных памятников резко возросло повсеместно и везде наблюдается сильная обрядовая смешанность. При этом, во всех регионах обряд захоронения рядовых кочевников и знати

заметно отличается¹⁰. Скорее всего это говорит о смешении разных групп населения, которые занимая новые территории, вступали друг с другом в отношения социально-этнической иерархии. Об этом свидетельствует, кстати, и тот факт, что «степи Самаро-Уральского региона первоначально осваивали скотоводческие коллективы, являющиеся либо преимущественно, либо сугубо мужскими по своему составу» [Мышкин. 2004, с. 11].

Природно-климатические условия, сложившиеся на рубеже VI-V вв. до н.э. способствовали массовому хозяйственному освоению кочевниками степей. В частности, пик периода похолодания в Европе, приходившийся на середину I тыс. до н.э., сопровождался значительным увлажнением климата, что привело к повышению уровня рек и озер, а также многочисленным выходам пресных грунтовых вод в аридной зоне, в частности, на Арало-Каспийском водоразделе [Клименко. 2004, с. 46-50].

Причина сосредоточения элитарных памятников в районе Орска [Смирнов. 1977, с. 43-51] и в верховьях Илека [Смирнов. 1964; Смирнов. 1975, с. 149-155; Кадырбаев, Курманкулов. 1976; Кадырбаев, Курманкулов. 1977; Кадырбаев. 1984] заключается в стремлении кочевой знати контролировать залежи цветных металлов¹¹ и железа на Южном Урале, и, соответственно, поток металлов в степи Восточной Европы. Об этом говорит тот факт, что уже в VI в. до н.э. доля восточного сырья среди металлических изделий в курганах Сулы и Воркслы составляла 24%, а в V в. до н.э. она возрастает до 36% [Барцева. 1981, с. 23]. Именно в это время в лесостепи произошла общая переориентация в использовании источников сырья, что выразилось в увеличении доли восточного металла [Барцева. 1981, с. 36]. Данное обстоятельство объясняется наличием в VI-V вв. до н.э. торгового пути, проходившего «через земли нескифских племен в область савроматских кочевий» [Барцева. 1981, с. 24; Таиров. 2008]. Бассейн р.

¹⁰ В этом плане несколько отличается Нижнее Поволжье, что, возможно, говорит о периферийности этого региона в данное время.

¹¹ Подчеркну, что среди южноуральских месторождений меди – месторождения в Мугоджарах – самые значительные [Архипова, Ястребов. 1982. с 62-70] и активно эксплуатировались с эпохи поздней бронзы (материалы полевых исследований В.В.Ткачева последних лет).

Сулы и Орская долина, вероятно, являются узловыми станциями этого торгового пути.

Учитывая наличие в погребальном обряде элиты номадов Южного Урала специфических черт культуры кочевников Предкавказья (каменные антропоморфные изваяния, гекатомбы, типы деревянных гробниц и пр.), можно предположить, что какие-то родо-племенные группы могли осуществить продвижение в приуральские степи непосредственно с территории Северного Кавказа. Вероятно, именно этим можно объяснить сходство ряда памятников кочевников низовьев Волги (Никольский и Комсомольский могильники, Хошеутовский комплекс) с южноуральскими, с одной стороны, и северокавказскими, – с другой.

Раннесакские приаральские культурные маркеры проявились в целом ряде курганных некрополей в верховьях Ори, в верхнем и среднем течении Илека, на территории Уральского Левобережья на рубеже VI-V вв., свидетельство тому, что прибытие сюда мигрантов из низовьев Сырдарьи и Амударьи произошло не раньше конца VI в. до н.э. [Таиров. 1999, с. 173-175], тем самым завершая процесс формирования союза южноуральских номадов.

Список литературы:

Архипова, Ястребов. 1982. Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы: очерки истории открытия и изучения природы Урала. – Челябинск.

Барцева. 1981. Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье. – М.

Батчаев. 1985. Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. – Нальчик.

Беспалый, Парусимов. 1991. Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА, , № 3.

Вишневская. 1973. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // ТХАЭЭ. – Т. VIII.

Галанина. 1997. Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. – М.

Гуцалов. 1998. Гуцалов С.Ю. Культурный комплекс на горе Жилантау // УАВ. – Вып. 1. – Уфа.

Гуцалов, Таиров. 2000. Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.

Железчиков, Пшеничнюк. 1994. Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Племена Южного Приуралья в VI-III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции. – Волгоград.

Ильинская. 1968. Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). – Киев.

Ильинская. 1975. Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясьмин (VII-VI вв. до н.э.) – Киев.

Ильинская, Мозолевский, Тереножкин. 1980. Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. – Киев.

Ильюков. 2002. Ильюков Л.С. Каратаевский могильник // Археол. записки. – Вып. 2. Ростов-на-Дону.

Ильюков, Лукьяшко. 1994. Ильюков Л.С., Лукьяшко С.И. Новые памятники скифского времени на нижнем Дону // Донские древности. – Азов. Вып. 2. Азовский краеведческий музей.

Итина. 1984. Итина М.А. Загадочные ограды на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.

Итина, Яблонский. 1997. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984.

- Кадырбаев, Курманкулов.** 1976. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата. **Кадырбаев, Курманкулов.** 1977. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата.
- Клименко.** 2004. Клименко В.В. Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии. – М.
- Ковпаненко.** 1981. Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. – Киев.
- Кореняко, Лукьяшко.** 1982. Кореняко В.А., Лукьяшко С.И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА, № 3.
- Левицкий, Демченко.** 1995. Левицкий О.Г., Демченко Т.И. Памятники скифской архаики на территории Молдовы // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье.
- Максименко.** 1983. Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. – Ростов-на-Дону.
- Марковин.** 1965. Марковин В.И. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия) // – СА, № 2.
- Маслов, Петренко.** 1998. Маслов В.Е., Петренко В.Г. Курган № 12 могильника Новозаведенное-II // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. 1. Археология.– Ставрополь.
- Махортых.** 1991. Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. – Киев.
- Медведев.** 1999. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. – М.
- Моруженко.** 1986. Моруженко А.А. Скифские погребения в бассейне Воркслы // Проблемы археологии Поднепровья: Сборник научных трудов. – Днепропетровск.
- Моруженко.** 1989. Моруженко А.А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА, № 4.

Мошкова. 1974. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.

Мурзин. 1984. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. – Киев.

Мышкин. 2004. Мышкин В.Н. О характере формирования общества кочевников Самаро-Уральского региона V-IV вв. до н.э. // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара.

Ольховский. 1991. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). – М. **Ольховский, Евдокимов.**

1994. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. – М.

Петренко. 2006. Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Степные народы Евразии. Том III. – М., Берлин, Бордо.

Петренко, Маслов, Канторович. 2004. Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века юга России: – М.

Радзиевская. 1985. Радзиевская В.Е. Курганы VI в. до н.э. у пос. Коломак на Харьковщине // СА, № 1.

Скорий. 1990. Скорий С.А. Курган Переп"ятыха: (До етнокультурної історії Дніпровського Лісостепоного Правобережжя). – Київ.

Смирнов. 1964. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.

Смирнов. 1975. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.

Смирнов. 1977. Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа.

Смирнов, Попов. 1969. Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. – М.

Таиров. 1988. Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск.

Таиров. 1999. Таиров А.Д. Средняя Азия во второй половине VI в. до н.э. и кочевой мир Южного Урала // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул.

Таиров. 2000. Таиров А.Д. Погребальный обряд ранних кочевников Южного Зауралья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. – Самара. **Таиров.** 2007. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н.э. – Челябинск.

Таиров. 2008. Таиров А.Д. О причинах движения «скифов» на Южный Урал во второй половине VI в. до н. э. // Вестник Южно-Уральского государственного университета.. № 6 (106). Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 10.

Ульянов. 2000. Ульянов И.В. Об использовании огня в погребальной практике ранних ираноязычных кочевников евразийских степей // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицына (1900-1972). – Саратов-Энгельс.

Черненко. 2000. Черненко Е.В. Люботинский курган // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.

Яблонский. 1996. Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). – М.

Список сокращений к докладу:

С.Ю. Гуцалов. Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI – V вв. до н.э.: истоки

СА – Советская археология

ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции

УАВ – Уфимский археологический вестник

Подписи к рисункам к докладу С.Ю. Гуцалова

Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI – V вв. до н.э.: истоки

Рис. 1. Погребальные комплексы кочевников Южного Приуралья конца VI-V вв. до н.э. и Восточного Приуралья VII-VI вв. до н.э.:

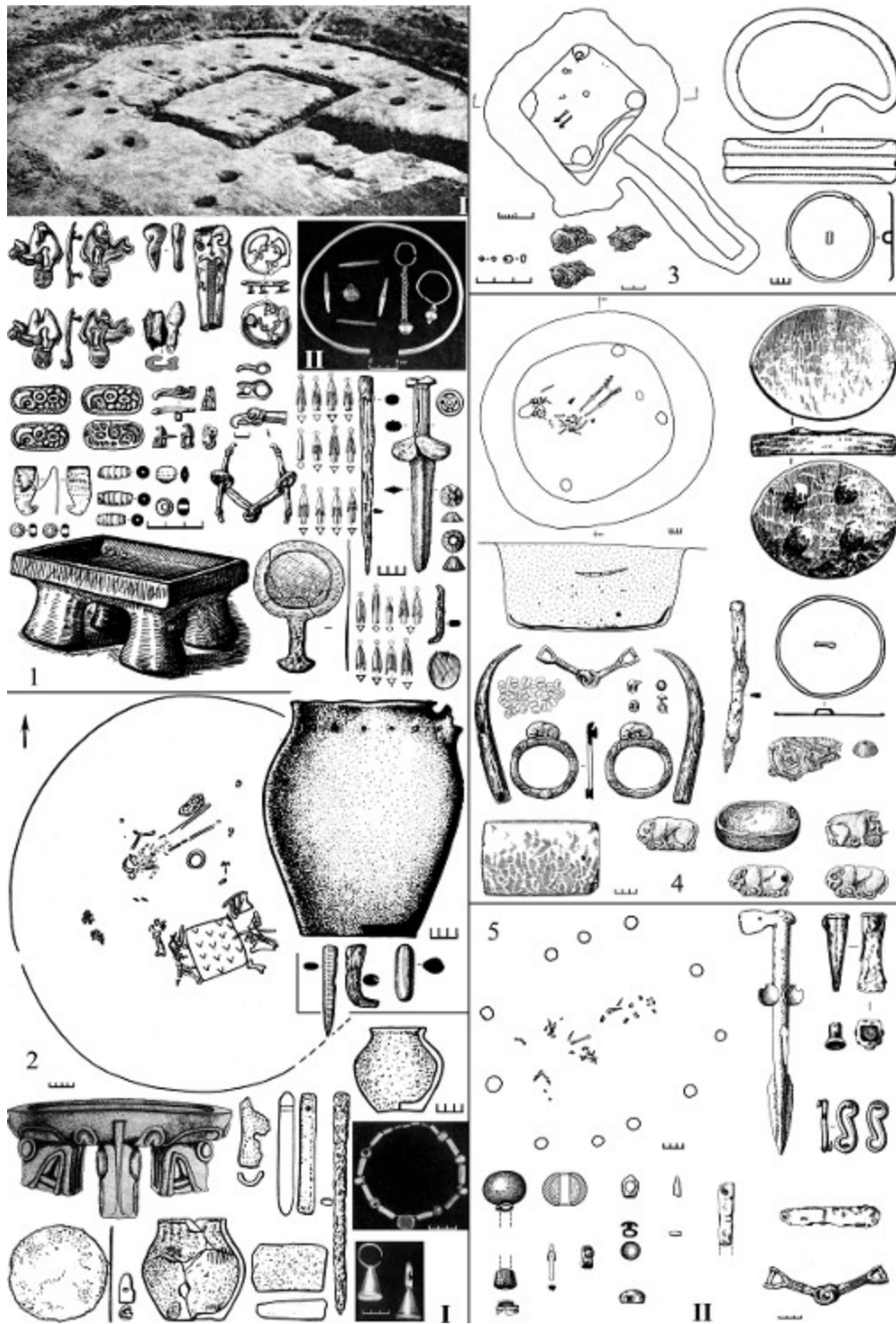
I – Южное Приуралье: 1 – Бесоба, курганы 4, 8-9; 2 – Бесоба, курган 3; II – Восточное Приуралье: 3 – Южный Тагискен, курган 66; там же, курган 45; 5 – Уйгарак, курган 25. I – по: (Кадырбаев, 1984 и Кадырбаев, 1978); 3,4 – по: (Итина, Яблонский, 1997); 5 – по: (Вишневская, 1973).

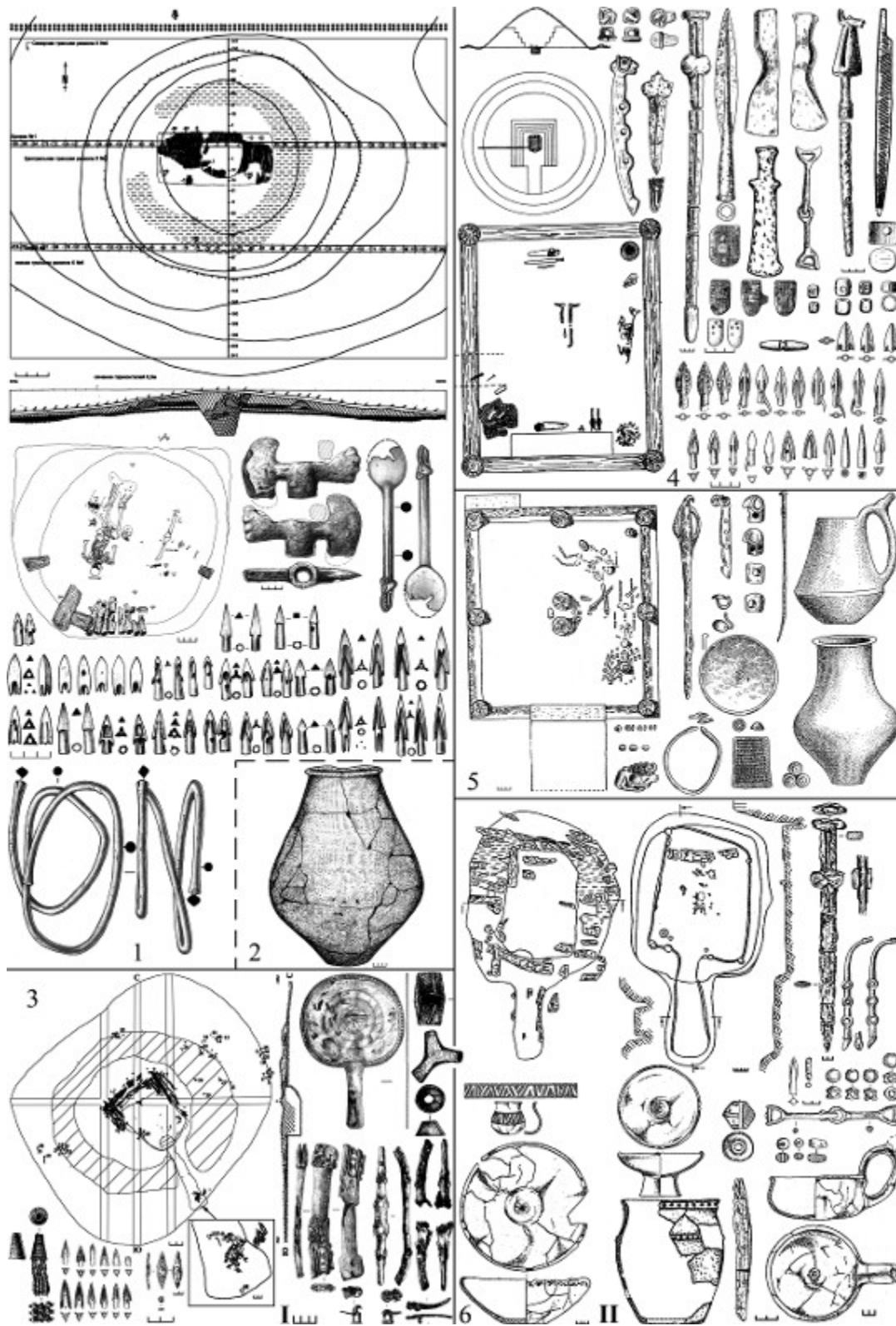
Рис. 2. Погребальные комплексы кочевников Южного Приуралья конца VI-V вв. до н.э. и Предкавказья конца VII-VI вв. до н.э.:

I – Южное Приуралье: Пятимары I, 8; II – Предкавказье: Келермес, ст. Костромская и Елизаветинская, Нартан. I – по: (Смирнов, 1961 и Смирнов, 1964); II – по: (Галанина, 1997; Граков, 1971; Батчаев, 1985).

Рис. 3. Погребальные комплексы кочевников Южного Приуралья конца VI-V вв. до н.э. и лесостепного Поднепровья конца VII-VI вв. до н.э.:

I – Южное Приуралье: 1 – Баюли-Тау, курган 5; 2 – там же, курган 1, п. 3; 3 – Кырык-Оба II, курган 15; II – лесостепное Приднепровье: 4 – ур. Стайки Верх, Старшая могила; 5 – Журовка, курган 407; 6 – Яснозорье, курган 6, п.1. 1-2 – по: (Богданов и др., 2006); 4 – по: (Ильинская, 1968); 5 – (Ильинская, 1975); 6 – по (Ковпаненко и др., 1994).

**В.А.Демкин, С.Н.Удальцов, Т.С.Демкина,
В.М.Клепиков, А.С.Скрипкин, А.Н.Дьяченко**

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕСАРМАТСКОГО КУРГАНА (1 в. н.э.) У с. ПЕРЕГРУЗНОЕ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН
Волгоградский государственный университет

В 2000 г. у с.Перегрузное (Октябрьский район Волгоградской области) комплексной почвенно-археологической экспедицией Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН и Волгоградского государственного университета были начаты исследования курганного могильника, продолжающиеся с некоторым перерывом (2006-2008 гг.) до настоящего времени. Всего изучено около 50 курганов, время сооружения которых относится к эпохам энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья (4 тыс. до н.э. – 14 в. н.э.), причем ведущее место занимают памятники сарматской эпохи. Могильник приурочен к плоской вершине межбалочного водораздела, ориентированного в направлении восток – запад. Абсолютные высоты около 90 м. Грунтовые воды залегают глубже 30 м. Естественный травяной растительный покров представлен типчаково-полынной ассоциацией с проективным покрытием до 60-70%. В общем геоморфологическом отношении территория представляет собой западный склон Северных Ергеней, полого спускающийся к долине Дона. С поверхности она сложена лессовидными карбонатными суглинками. Район исследований находится в восточной периферийной части ареала каштановых почв на границе с пустынно-степной зоной, где развиты светло-каштановые почвы.

Среди исследованных в 2010 г. сарматских курганов могильника «Перегрузное» особый интерес представляет наиболее крупный курган №45 (1 в. н.э., среднесарматская культура), высота которого в настоящее время более 1 м,

диаметр около 40 м. Следует отметить, что исходные размеры кургана претерпели существенные изменения вследствие современного антропогенного воздействия. По имеющейся информации, распашка участка, где расположены памятники, началась около 30 лет назад. Не вызывает сомнений, что ей предшествовала мелиоративная планировка поверхности со срезкой верхней части курганных насыпей. В частности, центральная часть насыпи кургана №45, на наш взгляд, была срезана не менее чем на 1 м, что подтверждается наличием вокруг кургана ареала не нарушенного почвенного покрова шириной до 10-15 м, погребенного под пахотным и перемещенным почвенно-грунтовым слоем мощностью 30-35 см и более. Следовательно, высота насыпи до планировки в 70-е гг. прошлого века составляла не менее 200-250 см.

При сооружении насыпи кургана №45 применялась «монокристаллическая» технология [Демкин, Борисов, Удальцов. 2010. с.15] с использованием в качестве строительного материала монолитов, вырезанных из верхнего слоя древней палеопочвы в форме куба или параллелепипеда. Как правило, эти монолиты представляют собой гор.А1 и В1 (белесого и коричнево-бурого цвета соответственно) палеосолонцов и сильно солонцеватых каштановых палеопочв. По химическому составу и величине магнитной восприимчивости эти горизонты близки своим аналогам, залегающим *in situ*. Подобного рода строительный материал можно было получить лишь при достижении определенной влажности в верхнем слое почвы, которая в исследуемом регионе обычно достигается в поздневесенний период (вторая половина апреля – май). Следовательно, можно полагать, что сооружение данного памятника происходило именно в это время.

По археологическим материалам основное женское погребение 3 (вероятно, жрицы) кургана №45 датируется в рамках 1 в. н.э. В связи с этим представляет особый интерес определение возраста органического вещества (гумуса) подкурганных палеопочв по ^{14}C , что в данном случае дает возможность оценить точность радиоуглеродного метода при исследовании подобного рода объектов, а также получить новую информацию о закономерностях формирования гумусового профиля почв. Определение возраста органического вещества проводилось в

радиоуглеродных лабораториях Киева (Украина) и Нюрнберга (Германия) (табл. 1). Объектами изучения послужили гор.А1 и В1 погребенной (курган №45, р. Д-754) и гор.А1 современной фоновой (р. Д-678) каштановых почв. Для определения возраста археологических памятников (курганов) используются данные радиоуглеродного датирования органического вещества гор.А1 палеопочвы,

Таблица 1. Возраст органического вещества подкурганной («Перегрузное-2010», курган №45) и современной почв

Разрез	Почва	Горизонт, глубина, см	№ образца	Лаборатория	Возраст по ^{14}C , ВР
Д-754	Подкурганная каштановая солонцеватая глубоко солончаковатая	А1, 93-105	Кі-1	Київська радіовуглецева лабораторія	2340 ±70
		В1, 105-125	Кі-2		3960 ±90
Д-678	Современная каштановая солонцеватая солончаковатая	А1, 0-18	Erl-12821	AMS-Labor Erlangen, Nurnberg	573± 66

а в качестве контроля – гор.А1 современной почвы. Как известно, возраст гумуса дневных каштановых почв является довольно постоянной величиной и, как правило, колеблется в пределах 400-600 лет, не изменяясь на протяжении тысячелетий. Это обусловлено глобальными и региональными биоклиматическими закономерностями круговорота и скоростью обновления органического углерода в

гор.А1 при почвообразовании. Поэтому возраст кургана определяется по разности возраста органического углерода в гор.А1 подкурганной и современной почв. В исследованных нами почвах он составляет 2340 ± 70 и 573 ± 66 лет соответственно (табл. 1). Следовательно, с учетом возможных отклонений от среднего возраст кургана №45 по данным ^{14}C органического вещества гор.А1 составляет ~ 1900 лет, то есть он сооружался в конце 1 – начале 2 вв. н.э. Этот вывод подтверждается и данными морфолого-химических исследований подкурганых палеопочв, на которых мы остановимся ниже. В заключение отметим, что возраст органического вещества в гор.В1 палеопочвы равен 3960 ± 90 лет, то есть он совпадает со временем эволюции каштановидных палеопочв в зональные каштановые солонцеватые палеопочвы и палеосолонцы, которая имела место в первой четверти 2 тыс. до н.э. [Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010, с.35-36].

Насыпью кургана №45 на значительной площади (около 1000 кв. м.) перекрыт древний комплексный почвенный покров среднесарматского времени, представленный мелкими и средними солонцами, каштановыми солонцеватыми и несолонцеватыми почвами и лугово-каштановыми почвами. Подобного рода объект впервые исследован в степях Нижнего Поволжья. По профилю пяти курганных бровок проведена нивелировка (через 0.5 м) древней поверхности с фиксацией границ различных палеопочвенных контуров. Это дало возможность впервые, причем для достаточно крупного участка площадью более 300 м^2 , составить гипсометрическую и палеопочвенную карты. Остановимся на их характеристике. Максимальный перепад высот в пределах исследуемого участка 40-45 см, причем могильная яма приурочена к микроповышению. Микрорельеф выражен слабо, хотя для структуры палеопочвенного покрова характерна резкая контрастность с формированием трехчленного солонцового комплекса. При этом не наблюдается обычной строгой приуроченности различных почвенных типов к элементам микрорельефа, когда на микроповышениях развиты солонцы, на микросклонах – зональные каштановые почвы, а в микрозападинах – лугово-каштановые почвы. Доминирующее положение в составе палеопочвенного покрова занимают солонцы, а также каштановые почвы различной степени солонцеватости.

Последние приурочены к наиболее повышенному участку микрорельефа и склонам, а палеосолонцы, как правило, - к склоновым поверхностям. Ареалы лугово-каштановых палеопочв не всегда совпадают с микродепрессиями рельефа. На наш взгляд, подобного рода инверсии в структуре почвенного покрова обусловлены развитием микрорельефа с трансформацией, денудацией и планировкой его отдельных элементов. Эти процессы обычно усиливаются в периоды с повышенной среднегодовой нормой атмосферных осадков, когда возрастает мощность снежного покрова, а, следовательно, усиливается поверхностный водный сток при весеннем снеготаянии. В результате происходит более активный снос мелкоземистого материала с повышенных и склоновых участков микрорельефа в понижения. Явление несоответствия приуроченности почв к элементам микрорельефа зафиксировано нами при изучении близ расположенного курганного могильника «Аксай-3» (курган 3, 1 в. н.э.), где к выровненному участку древней поверхности с перепадом высот всего лишь ± 2 см были приурочены палеосолонцы и каштановые палеопочвы различной степени солонцеватости. Таким образом, мы полагаем, что в 1 в. до н.э. – 1 в. н. э. в результате повышения увлажненности климата [Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010, с.82-83], скорее всего за счет увеличения количества атмосферных осадков в зимний период, в сухих степях Северных Ергеней происходила планировка поверхности плакорных (водораздельных) участков рельефа с преобразованием бугорково-западинного типа микрорельефа в элементы нанорельефа с последующим возникновением инверсий в составе палеопочвенного покрова.

Исследования подкурганых палеопочв проводились в траншее (около 4 м) и серии разрезов, что позволило получить детальную характеристику морфологических и химических свойств упомянутых выше палеопочв и выявить закономерности их пространственной изменчивости. Современные фоновые каштановые почвы и солонцы изучены в нескольких разрезах на прилегающем к пашне целинном участке в 200 м от кургана №45. Остановимся на наиболее важных и информативных результатах сравнительного анализа различных свойств подкурганых и современных почв. Прежде всего следует отметить, что по

некоторым морфолого-химическим параметрам погребенные и современные солонцы и каштановые почвы достаточно близки. Это касается гранулометрического состава (средне-тяжелосуглинистый), мощности гумусового слоя (гор.А1+В1), глубины вскипания, средневзвешенного содержания карбонатов и легкорастворимых солей (слой 0-150 см), а также гипса (слой 0-100 см).

Подкуранные палеопочвы характеризовались большей гумусированностью, в частности, содержание гумуса в гор.А1 и В1 как минимум в 1.5-2 раза превышало современные показатели. Реакция среды погребенных почв менее щелочная, чем современных, величина рН по генетическим горизонтам колеблется в пределах 7.6-8.4 и 7.9-9.1 соответственно. Весьма интересным представляется наличие в иллювиальном гор.В1 подкуранных солонцов и солонцеватых каштановых почв новообразований оксидов марганца биогенного (бактериального) происхождения, причем их количество постепенно снижается в ряду солонец мелкий – солонец средний – каштановая солонцеватая почва. В каштановых несолонцеватых и палеопочвах эти новообразования встречаются единично, а в подкуранных лугово-каштановых и современных почвах вовсе отсутствуют. При этом максимальные величины магнитной восприимчивости (более 70 единиц СИ) зафиксированы в гор.В1 палеосолонцов. Учитывая существенные различия между гор. А1 и В1 по гранулометрическому составу и водно-физическим свойствам, одной из возможных причин формирования новообразований оксидов марганца могло быть большее по сравнению с современностью количество атмосферных осадков в зимний период. При весеннем снеготаянии возникала избыточная увлажненность верхней части профиля палеопочв, причем иллювиальный солонцовый гор.В1 являлся водоупорным слоем вследствие его существенных отличий от гор.А1 по плотности сложения, гранулометрическому составу, физико-химическим и физическим свойствам. В результате в гор.В1 имели место резкие изменения окислительно-восстановительных условий, которые способствовали активизации бактерий *Metallogenium*, в частности, марганце-редукторов, которые в свою очередь обусловили формирование обильных новообразований оксидов марганца.

Обращает на себя внимание сравнительно высокая засоленность лугово-каштановой палеопочвы, что, как правило, не характерно для этих почв, приуроченных к микрозападинам. Максимальное содержание легкорастворимых солей и гипса во всех исследованных почвах отмечается в зоне основной аккумуляции в гор. Cs, г, где их содержание, как правило, составляет 1% и более. В лугово-каштановой палеопочве содержание гипса превышает 9%, но при этом его аккумуляция залегает на 50-60 см глубже по сравнению с другими почвами. Особого внимания заслуживают следующие особенности профильного распределения содержания легкорастворимых и гипса в подкурганых палеопочвах. Во-первых, их основные аккумуляции совмещены по глубине залегания и имеют ровную и резкую верхнюю границу. Во-вторых, верхняя метровая толща всех палеопочв характеризуется сравнительно высокой концентрацией легкорастворимых солей (до 0.5-0.6%) и выщелоченностью от гипса (0.0-0.2%). В-третьих, в составе солей в слое 0-100 см доминирует хлорид натрия, концентрация которого, например, в гор. А1 превосходит концентрацию сульфатов на порядок. Подобное сочетание солевых характеристик в почвенном профиле однозначно свидетельствует о смене климатических условий почвообразования в эпоху сооружения кургана от сравнительно влажных к более засушливым.

Таким образом, полученные данные о морфологических, химических, магнитных свойствах подкурганых палеопочв свидетельствуют о повышенной увлажненности климата в сухих степях Северных Ергеней в среднесарматское время, которая превышала современные показатели атмосферных осадков не менее чем на 30-50 мм/год. Вместе с тем, повышенное содержание хлоридов в верхних горизонтах исследованных подкурганых палеопочв является свидетельством начальной стадии аридизации климата, которая в Прикаспийском регионе прежде всего проявляется в интенсификации эолового переноса легкорастворимых солей, главным образом хлоридов натрия, с акватории Каспийского моря и с поверхности многочисленных солончаков с последующей их аккумуляцией в верхних горизонтах почв. Наряду с этим процессом накопление хлоридов в верхней

метровой толще почвенного профиля, как наиболее подвижных минеральных соединений, происходило и за счет их восходящей миграции из зоны аккумуляции, приуроченной к гор.Сs,г, которая, как известно, резко усиливается в засушливые климатические периоды. Исследования подкурганых палеопочв позднесарматского времени, проведенные нами ранее на территории Ергенинской (в том числе и могильника «Перегрузное») и Приволжской возвышенностей, Прикаспийской низменности, показали [Демкин, Демкина, Алексеев и др., 2009, с.84-86; Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010, с.82-83], что во 2-й пол. 2 – 1-й пол. 3 вв. н.э. климатические условия в регионе были более засушливыми по сравнению с предшествующей среднесарматской эпохой со снижением среднегодового количества атмосферных осадков примерно на 50 мм. Учитывая эти данные, а также изложенные выше материалы изучения подкурганых палеопочв, мы имеем основания полагать, что сооружение кургана №45 могильника «Перегрузное-2010» скорее всего имело место в конце 1 – начале 2 вв. н.э. Напомним, что к такому же выводу мы пришли и по результатам палеопочвенных исследований среднесарматских курганов этого же могильника в 2009 году [Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010. с.48-50].

Особо отметим, что курган №45 является уникальным объектом как для палеопочвенных, но и для археологических исследований. Комплексный естественнонаучно-археологический подход в изучении данного памятника позволил реконструировать не только технологию и сезон сооружения насыпи, но и выявить ряд важных и, вероятно, новых особенностей в погребальном обряде среднесарматских племен Нижнего Поволжья. На древней поверхности к востоку от основного погребения 3 нами обнаружена площадка овальной или подпрямоугольной формы, примыкающая к краю могильной ямы и ориентированная по длинной оси запад - восток. Ее размер примерно 10 x 8 м, мощность в центральной части около 20 см, к периферии постепенно уменьшается до 5-10 см. Как показал полевой модельный эксперимент, слагающий площадку материал представляет собой гомогенную смесь серовато-желтого цвета гор.А1 и С

палеосолонцов и сильно солонцеватых каштановых палеопочв. Лабораторными химическими анализами установлено, что этот слой характеризуется сравнительно

Таблица 2. Характеристика состава материала «ритуальной площадки» и модельной смеси с соотношением гор.А1 и С 50% + 50%

Объект	Гумус, %	pH _{водн}	CaCO ₃ , %	CaSO ₄ , %	Ил, %	Глина, %	Сумма солей, %
Ритуальная площадка	0.72	8.4	2.4	0.00	9.0	25.0	0.33
Модельная смесь	0.28	8.3	5.4	0.00	14.7	29.6	0.38

высоким содержанием гумуса, легкосуглинистым гранулометрическим составом, низким содержанием карбонатов, отсутствием гипса, незначительным содержанием легкорастворимых солей (табл. 2). Для определения соотношения материала гор.А1 и С, использованного при сооружении площадки, нами была приготовлена и проанализирована модельная смесь с соотношением упомянутых почвенных горизонтов 50% + 50% (табл. 2). Химический состав этих субстратов оказался довольно близким. Вместе с тем, более высокое содержание гумуса, несколько меньшее содержание карбонатов, ила, глины и легкорастворимых солей свидетельствуют, что гор.А1 в материале ритуальной площадки была немного выше, но не превышала 60%. Этот вывод подтверждается и несложным математическим расчетом. Но прежде остановимся на источниках почвенно-грунтового материала, использовавшегося для строительства площадки. Как показали палеопочвенные исследования курганных бровок, в пределах двух ареалов палеосолонцов и сильно солонцеватых каштановых палеопочв, расположенных к северо-западу и северо-востоку от могильной ямы, гор.А1 белесого цвета оказался срезанным вплоть до иллювиального гор.В1 коричнево-бурого цвета. Другим источником оказался гор.С желтого цвета, извлеченный из могильной ямы, причем в полном объеме, так как в качестве выкида гор.С не

зафиксирован ни в одной из курганных бровок. Обнаруженный же выкид к югу от могильной ямы представляет собой довольно равномерную смесь гор.А1, В1, В2са и ВСса древней почвы. Объем грунта, слагающего площадку, составляет примерно 12 м^3 из расчета ее размера $10 \times 8 \text{ м}$ и средней мощности 0.15 м . Мощность гор.С, вскрытого в могильной яме размером $2.8 \times 1.9 \text{ м}$, около 1 м . Следовательно, его объем составил 5 м^3 . В таком случае на долю гор.А1 пришлось 7 м^3 или 60% общего объема материала площадки. При средней мощности гор.А1 10 см площадь срезанной древней поверхности оказалось равной 70 м^2 . На наш взгляд, данная площадка в погребальном обряде имела своего рода ритуальное назначение, на которой могла происходить церемония прощания с умершей, после чего по прошествии определенного времени (какого именно мы рассмотрим ниже) было совершено ее захоронение.

Теперь перейдем к рассмотрению, на наш взгляд, наиболее интересного и нового сюжета в естественнонаучном исследовании кургана №45, непосредственно связанного с реконструкцией погребального обряда. На дне могильной ямы основного погребения №3 строго в границах фрагментарно сохранившейся деревянной конструкции (вероятно, настила), на которой было расположено тело умершей, обнаружен слой рыхлого материала органического происхождения, состоящий из мелких (преимущественно $1-3 \text{ мм}$) белесых образований овальной формы. Под некоторыми костями скелета мощность слоя достигала 5 мм . С помощью микроскопического анализа эти структуры идентифицированы как обезвоженные (высохшие) хитиновые покровы личинок (пупариев) мух, причем хорошо сохранившиеся (рис. 1). Как известно, хитин относится к числу устойчивых трудно разлагаемых органических соединений, которые в почвах и грунтах могут сохраняться сотни и тысячи лет. В частности, в глиняном горшке в одном из среднесарматских курганных захоронений в Заволжье (могильник «Колобовка») нами были обнаружены хитиновые надкрылья жужелиц [Демкин, Гольева, Сергацков и др. 2001, с.14-25]. Определить видовую принадлежность

пупариев не удалось. Однако можно считать, что они относятся к одному или нескольким семействам Tachinidae, Muscidae,

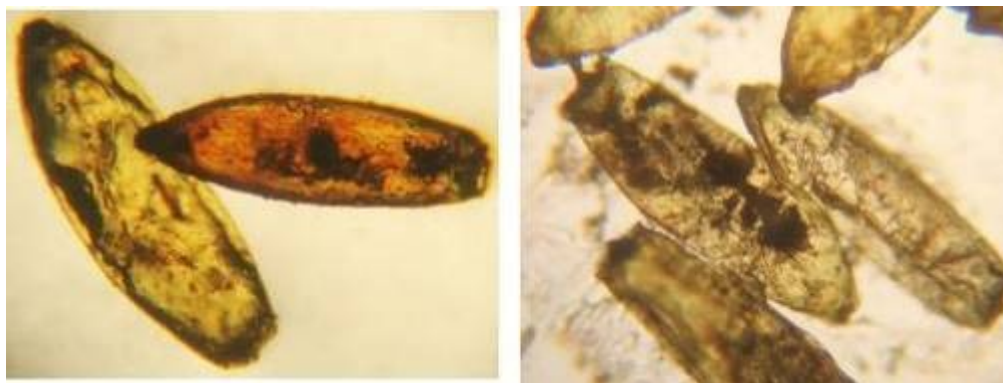

Рис. 1. Микрофотографии пупариев мух (погребение 3, курган №45)

Calliphoridae, Sarcophagidae мух [Васильев. 2005, с.34], обитающих в степной зоне России. Известно [Судебная медицина. 2008, с.245], что появление трупа в окружающей среде является биологическим сигналом для уничтожения его многочисленными представителями животного мира. Деятельность большинства насекомых отличается сезонностью. Например, в средних широтах наибольшая активность падает на позднюю весну, лето и раннюю осень. В каждой климатической зоне сезонное время начала и окончания жизнедеятельности насекомых имеет строго определенные временные пределы. Следовательно, оценивая деятельность насекомых, можно определить не только время смерти, но и время года, когда наступила смерть. Лучше всего изучен порядок заселения трупа различными насекомыми. Так, при нахождении трупа в условиях теплого открытого воздуха с доступом мух отряда Diptera (Двукрылые), как правило, через два дня после смерти их личинки первыми заселяют гниющие ткани. Например, очень тонкое обоняние самок зеленой падальной мухи (род *Lucilia*) позволяет им чувствовать запах трупа на расстоянии многих сотен метров [Васильев. 2005, с.34]. Уже через несколько часов мухи откладывают яйца под веками, в полости носа и рта, в складках кожи. К концу первых суток из яиц образуются белые мелкие

личинки (пупарии), которые выделяют фермент, «расплавляющий» мягкие ткани, что значительно ускоряет процесс их уничтожения. К концу второй недели, после нескольких линек, личинки уползают в темные места (под труп, под одежду), теряют подвижность и окукливаются. Куколки вначале имеют желтовато-серый цвет, который постепенно становится темно-бурым. Поверхность куколки покрывается плотной оболочкой, внутри которой в течение двух недель развивается взрослая особь. Полностью сформировавшееся насекомое прогрызает один из концов оболочки и выползает наружу. Биологический цикл развития мух, охватывающий в среднем около 4 недель, с повышением температуры окружающей среды может сокращаться, с понижением — несколько увеличиваться. При гидротермических условиях, обеспечивающих максимальную активность, личинки мух могут полностью скелетировать труп взрослого человека от двух до четырех недель [Васильев. 2005, с.36; Судебная медицина. 2008, с.245.]. Напротив, при возникновении пороговой температуры активности (ниже 20°C) и при ограниченном доступе кислорода личинки практически сразу погибают. В связи с этим отметим, что в исследованном погребении кургана №45 куколки обнаружить не удалось. Поэтому можно полагать, что в данном случае биологический цикл развития мух прервался на стадии личинки в связи с возникшими неблагоприятными экологическими условиями (низкая температура, кислородное голодание).

Подводя итог сказанному, мы имеем основания предложить следующий алгоритм погребальной церемонии умершей жрицы в кургане №45. Она началась с рытья погребальной камеры, причем верхние горизонты палеопочвы (A1 – BCca) в смешанном состоянии складировались полукольцом к югу от нее. С момента вскрытия почвообразующей породы (гор.С) она смешивалась до гомогенного состояния с материалом срезанного гор.А1. Из полученной почвенно-грунтовой смеси к востоку от могильной ямы была сооружена ритуальная площадка. Использование именно этих «строительных» материалов, на наш взгляд, можно объяснить следующими причинами. Во-первых, суглинистый гор.С являлся

компонентом, «цементирующим» рыхлый и пылеватый материал гор.А1, обедненный илистой фракцией. Во-вторых, подобное сочетание почвенных горизонтов могло иметь и ритуальное назначение, символизируя соединение мира живущих людей (корнеобитаемый «живой» слой гор.А1) и мира умерших («мертвый» слой гор.С). Подготовка погребальной камеры и ритуальной площадки скорее всего заняла несколько дней. Затем на площадку был помещен деревянный настил с телом умершей и погребальным инвентарем для совершения поминальной церемонии. Мы полагаем, что ее голова, а также глиняный сосуд в ногах (для большей устойчивости) располагались на рыхлых грунтовых «подушках». За прошедшие дни труп был заселен мухами, причем за этот период из яиц образовались личинки, которые начали активное разрушение мягких тканей в благоприятных условиях окружающей среды с доступом кислорода и при температуре выше 20°C. Однако стадии куколки биологический цикл развития мух не достиг. Поэтому есть веские основания считать, что тело умершей находилось на открытом воздухе на ритуальной площадке не более двух недель, а затем настил с останками, которые в значительной степени или целиком были скелетированы, поместили в погребальную камеру. Но прежде имело место расчленение останков с отсечением головы (черепа), нескольких грудных позвонков и ступней ног с фалангами пальцев. Мы полагаем, что упомянутые части тела, а также некоторый погребальный инвентарь (плохо сохранившиеся фрагменты железных, серебряного и бронзового изделий, несколько золотых бляшек, «пешня», фрагменты деревянного и керамического сосудов) были размещены на деревянном перекрытии могильной ямы. Причем керамический сосуд, находившийся на настиле в ногах умершей на грунтовой «подушке», был расколот, а часть его обломков помещена на перекрытии. След от горшка в виде вмятины в грунте сохранился на дне могильной ямы. В данном случае вполне очевиден ответ на вопрос: зачем умершей «пища в дорогу», если ее лишили головы? Оставшаяся часть тела была прикрыта покрывалом, расшитым золотыми бляшками. Изложенные особенности процедуры захоронения подтверждаются находением на одном уровне в засыпи могильной ямы (примерно в 20-30 см от дна)

перечисленных выше частей скелета и артефактов, скоплением *in situ* золотых бляшек на месте, где были бы расположены ступни, а также находением пупариев мух строго в границах деревянного настила. Что же касается последних. В условиях недостатка кислорода и низкой температуры (не более 10-15°C) личинки быстро погибли и цикл развития мух на этой стадии завершился. Заключительный этап погребального обряда – сооружение над могильной ямой насыпи. Учитывая различные размеры и степень оформленности почвенных монолитов, слагающих насыпь, мы полагаем, что ее сооружение заняло достаточно продолжительное время (вероятно, несколько недель), на протяжении которого влажность верхних горизонтов палеопочв постепенно понижалась. Это затрудняло процесс вырезания блоков и нарушало прочность их сложения. Наиболее четко монолитно-блочное строение насыпи выражено в профиле первой восточной и первой западной бровок, а также в северной и южной частях центральной бровки. Поэтому, по-видимому, сооружение насыпи началось сразу же после размещения на ритуальной площадке настила с умершей от периферии к центру. Центральная часть насыпи над могильной ямой оказалась сложенной из более высохшего и перемешанного почвенного-грунтового материала со сравнительно небольшими фрагментами гор.А1 и В1.

Таким образом, морфолого-химические свойства палеопочв, почвенно-архитектурные особенности курганной насыпи и весьма активная жизнедеятельность мух (это подтверждается обилием пупариев) свидетельствуют о том, что сооружение кургана №45 скорее всего происходило в первые недели мая в конце 1 – начале 2 вв. н.э. Между днем смерти жрицы и днем ее захоронения прошло не более двух недель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев. 2005. Васильев Ю.М. Деструкция органических веществ при двухактных погребениях // Вестник ДВО РАН.. №2.

Демкин, Гольева, Сергацков, Демкина, Райхль. 2001 Демкин В.А., Гольева А.А., Сергацков И.В., Демкина Т.С., Райхль С. Курганный могильник "Колобовка-3" (опыт комплексного археологического и естественно-научного изучения) // Донская археология.. №1-2.

Демкин, Демкина, Алексеев, Хомутова, и др. 2009.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Алексеев А.О., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удадьцов С.Н., Алексеева Т.В., Борисов А.В., Демкина Е.В., Журавлев А.Н. Палеопочвы и климат степей Нижнего Поволжья в I-IV вв. н.э. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН,

Демкин, Борисов, Удадьцов. 2010. Демкин В.А., Борисов А.В., Удадьцов С.Н. Палеопочвы и климат юго-востока Среднерусской возвышенности в эпохи средней и поздней бронзы (XXV-XV вв. до н.э.) // Почвоведение. №1.

Демкин, Борисов, Демкина, и др. 2010. Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удадьцов С.Н., Ельцов М.В. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). Пушино: SYNCHROBOOK.

Судебная медицина. 2008. Под ред. В.Н.Крюкова. М.: Медицина.

Ильюков Л.С.

(г. Ростов-на-Дону)

Двухкамерные подбои раннесарматской культуры Нижнего Дона.

Погребальные памятники сарматской культурно-исторической общности на левобережье Нижнего Дона имели ряд особенностей. Одна из них состояла в том, что в этом регионе погребальная традиция раннесарматской культуры сохранялась дольше, чем ... в Поволжье. Видимо, в салько-маньских степях при смене раннесарматской и среднесарматской культур не произошло резкой смены населения. Вещи, типичные для I в. до н.э. - I в. н.э. встречаются в погребениях, которые были устроены по погребальной традиции, характерной для раннесарматской культуры. Создается впечатление, что здесь раннесарматская культура сохраняла значительный консерватизм. По-видимому, в этих степях какое-то время она существовала даже в течение первого века нашей эры [Ильюков, Власкин. 1992, с.230; Ильюков. 1998, с.21,22]. Исследователи соглашаются, что раннесарматская культура в бассейне Дона не исчезает сразу, ее памятники прослеживаются на протяжении большей части I в. н.э. [Глебов. 2010, с.27]. Однако механизм сосуществования ранне- и среднесарматской культур остается неизученным. Шлейф раннесарматских традиций оказался столь значительным, что в рамках раннесарматской культуры в междуречье Сала и Маныча по данным погребального инвентаря следует выделять два этапа в ее развитии: ранний II - I вв. до н.э. и поздний I в. до н.э. - I в. н.э. Предположение В.П. Глебова о том, что в бассейне Нижнего Дона одна из первых миграционных волн сарматов датируется IV - начале III вв. до н.э., вызывает возражения, поскольку погребальный обряд ее носителей существенно отличался от погребального обряда кочевников второй волны миграции, которая относилась ко II в. до н.э. - I в. н.э. [Глебов. 2010, с.19-21]. Видимо, это обстоятельство заставило В.П. Глебова признать, что период IV - начало III вв. до н.э. «не может быть охарактеризован как раннесарматский» [Глебов. 2010, с.21].

В раннесарматских курганах довольно часто погребения располагались под одной курганной насыпью по кругу, не нарушая друг друга, что свидетельствовало об их относительной одновременности. Это был один из отличительных признаков курганов этой культуры [Мошкова. 1989]. Очевидно, они были оставлены близкородственным населением [Скрипкин. 1982, с.89]. Конструкции могильных ям варьируют. А.С.Скрипкин сделал выборку из двух десятков курганов Поволжья, содержащих полторы сотни раннесарматских погребений. В ней оказались простые ямы прямоугольной формы, ямы с заплечиками, подбой, катакомбы и захоронения в насыпи. Им было отмечено сочетание в одной конструкции разных типов ям: простая яма и подбой, яма с заплечиками и подбой и простая яма и катакомба. В одном случае в этих погребениях были захоронены взрослые и дети, в других – разнополые взрослые. Он предположил, что в первом случае это были дети и родители, во втором – видимо, супруги или находящиеся в других степенях семейного родства взрослые [Скрипкин. 1982, с.90]. Он же отметил, что «форма могильной ямы может нести в себе ритуально-религиозную или социальную смысловую нагрузку, она характеризует какие-то внутренние особенности развития культуры данного общества и поэтому отражает его этническую специфику» [Скрипкин. 1982, с.93]. Однако, почему в одной могильной яме, в некоторых случаях сочетались две конструкции, которые обычно существовали самостоятельно?

Рассмотрим выборку из раннесарматских погребений из междуречья Сала и Маныча. В этом районе был отмечен тот же набор типов погребальных конструкций, что и в Поволжье [Ильюков, Власкин. 1992, с.170-185].

1). Могилы в виде простых ям, перекрытые плахами, или в виде простой ямы с уступом (уступами), на которые опирались плахи перекрытия (яма с заплечиками). Средняя глубина простой ямы в бассейне Сала и Маныча около 1,2 м, средняя глубина ямы до заплечиков около 1,35 м, а глубина ямы ниже заплечиков около 0,8 м [Ильюков, Власкин. 1992, с.172,173].

2). Могилы подбойного типа. Входная яма у дна имела в продольной стенке

подбой. Обычно его дно было отделено ступенькой от дна входной ямы. Вход в подбой был загорожен плахами и рогожей. По пропорциям входная яма с подбоем слабо отличалась от простой ямы (отношение ширины к длине для простой ямы – 0,43, а для входной ямы, имевшей подбой, - 0,48) [Ильюков, Власкин. 1992, с.177].

3). В раннесарматской культуре редкими были катакомбы коридорного (дромосовидного) типа. По данным В.П.Глебова, в Нижнем Подонье среди раннесарматских погребений катакомбы составляют всего лишь около 1% [Глебов. 2010]. Обычно исследователи рассматривают их не как подбои, а как катакомбы коридорного типа. С одной стороны, их малочисленность, а с другой, их встречаемость в одной конструкции вместе с обычным подбоем позволяет такие конструкции рассматривать как «особую разновидность подбоя», тогда как в позднесарматское время подбои с зауженным устьем, по-видимому, являлись «особой разновидностью катакомб».

4). **Двухкамерные конструкции.** В Сало-Маныском междуречье открыто всего 10 двухкамерных погребений раннесарматского времени. Обе подбойные камеры в одной могиле могли находиться в продольных стенках входной ямы, либо они были в одной ее поперечной стенке, либо в двух смежных стенках [Ильюков, Власкин. 1992, с.177-185, табл.3]. Аналогичные могильные ямы обнаружены в Поволжье: в Калиновке (курган 19 погр. 20) [Скрипкин. 1982, рис.3,2] и в Жутово (курган 27 погр. 5, 6) [Скрипкин. 1982, рис.3,2].

Наряду с двухкамерными погребениями в бассейне Нижнего Дона известны двухъярусные погребения (Подгорненский VI к.31 п.1; Попов к.50/18 п.10). В этих погребениях совершалось подзахоронения той же культуры к уже ранее совершенному. Отметим случай, когда захоронения были совершены одновременно в разных камерах, а иногда еще и во входной яме (Подгорненский VI курган 1 погр.8).

По-видимому, особое место занимали подбои «коридорного» типа с двумя камерами, расположенными в одной узкой стенке входной ямы. Связующим звеном между простым подбоем и подбоем «коридорного» типа являются могилы,

в которых простой и «коридорный» подбоя имели общую входную яму [Скрипкин. 1982, рис.3,1; Ильюков, Власкин. 1992, рис.23, 17]. В таких погребениях, судя по полевым наблюдениям, не было подзахоронений; оба захоронения было одновременными. В Подгорненском могильнике V в кургане 1 две рядом расположенные заплечиковые могилы соединялись между собой ритуальной ямой. Они рассматриваются в работе В.П.Глебова как единую конструкцию, он их относит к группе нетипичных раннесарматских погребений на территории Нижнего Подонья [Глебов. 2010]. Аналогичный комплекс из двух простых могил, связанных жертвенной ямой, был обнаружен в Первомайском VII могильнике [Мамонтов. Архив ИА РАН, р-I № 11313].

Судя по антропологическим определениям, выполненных Е.Ф.Батиевой, в двухкамерных подбоях находились захоронения либо мужчин (5 комплексов), либо женщин (1 комплекс), либо детей вместе с подростком (1 комплекс).

Судя по данным погребального обряда, вероятно, раннесарматское общество было потестарным, состоявшим из различных групп систем: возрастной, территориальной, линиджной (генеологической), кроме того, оно было расчленено по половозрастному принципу [Куббель. 1988; Эванс-Причард, 1985]. Возможно, у них был распространен обычай побратимства, согласно которому, помимо кровного родства, в кочевом обществе, имели место сакральные связи между людьми [Толстая С.М. 2002, с.367-369]. Греческий историк Ксенофонт приводит интересный сюжет об обычае гостеприимства в древнем мире. Согласно ему, спартаец Агесилай в знак гостеприимства получает от сына персидского сатрапа Фарнабаза дар в виде копья, а затем он снимает со своего коня две бляхи и отдает их в качестве ответного дара (Ксенофонт. Греческая история. IV,I, 39) [Ксенофонт. 1993]. По словам спартанца, между жителями различных греческих городов иногда заключались подобные союзы гостеприимства. У Лукиана описаны разные примеры гостеприимства. Токсарид восклицал: «Будем же друзьями и гостеприимцами: ты для меня здесь, в Элладе, я же для тебя ... в Скифии» [Лукиан из Самосаты. Токсарид, или дружба. 63] Однако проследить такие следы гостеприимства крайне сложно [Ильюков. 2000, с. 134, 135].

Судя по археологическим источникам в раннесарматской культуре саломаныхских степей наиболее ярко был отражен принцип деления погребенных в системе возрастных групп и в системе половозрастной дифференциации. Особого внимания заслуживают курганы, в которых находились останки «сверстников» одного пола, объединенные одной насыпью [Ильюков, Власкин. 1992, с.182].

Двухкамерные подбои раннесарматской культуры, являясь редким типом погребальных сооружений. Вероятно, они предназначались для захоронений умерших, имевших не столько родственные отношения. В каких-то случаях (?), возможно, между людьми устанавливалась сакральную связь, которую переносили в «загробный мир», помещая умерших в разные погребальные камеры, но в одной могиле, с единым входом в нее. Возможно, между людьми устанавливалась связь, которая опиралась на принцип гостепреимства между ними. В этих случаях умерших помещали в разные погребальные камеры, имевших один вход, одну входную яму. В них оба погребенных, вероятно, имели самостоятельный путь в «загробный мир», для этого они находились в «самостоятельных погребальных камерах», и в тоже время, между ними была какая-то «сакральная связь».

Литература

Глебов. 2010. Глебов. В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II - I вв. до н.э. // Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.

Ильюков, Власкин. 1992. Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.

Ильюков. 1992. Ильюков Л.С. Кочевники междуречья Сала и Маныча II в. до н.э. - II в. н.э. (по материалам курганных могильников близ хут.Нового) // Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.

Ильюков. 2000. Ильюков Л.С. Два серебряных фалара из Новочеркасского музея истории донского казачества // Донская археология, № 3-4.

Ксенофонт. 1993. Ксенофонт. Греческая история. Санкт-Петербург.

Куббель. 1979. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.

Мамонтов. 1986. Мамонтов В.И.. Отчет о работе Поволжского отряда ЛОИА АН СССР в Донской экспедиции ВГПИ за 1986 год // Архив ИА РАН р-I № 11313.

Мошкова. 1989. Мошкова М.Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности // Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.

Скрипкин. 1982. Скрипкин А.С. Этнические проблемы сарматской культуры // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа.

Лукиан из Самосаты. 1991. Лукиан из Самосаты. Токсарид, или дружба //Избранная проза. М.

Толстая. 2002. Толстая С.М. Побратимство // Славянская мифология. М.

Эванс-Причард. 1985. Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. М.

Е.А. Коробкова

(Волгоград)

Половозрастные особенности погребального обряда поздних сарматов (по материалам могильников Есауловского Аксая).

Особенность археологической науки заключается, прежде всего, в специфичности ее источниковой базы. Основным, а зачастую и единственным источником по истории многих древних обществ являются погребальные комплексы. Именно на них опираются исследователи, разрабатывая культурно-хронологический построения, выявляя политические и экономические связи, определяя социальную структуру и другие аспекты жизни бесписьменных обществ, при этом оставляя в стороне изначальный смысл своего источника – ритуальное действие.

Именно ритуал обуславливал определенный тип захоронения, вещевой комплекс и многое другое, и связан он не только с общемифологическими представлениями и племенными обрядами, но и с родовыми обычаями, половозрастным и социальным положением и даже с местом и способом смерти человека. И если скоррелировать погребальную обрядность со способом, местом смерти или прижизненным социальным статусом весьма проблематично, то выявить половозрастные особенности погребального обряда населения небольшой территории, относящиеся к определенной эпохе, вполне возможно.

Для исследования были выбраны памятники позднесарматского времени Есауловского Аксая. В настоящее время на данной территории обнаружено чуть более 100 погребальных комплексов позднесарматского времени, правда, большинство из них разграблены и не все имеют половозрастные определения.

Половозрастные определения были сделаны для 79 погребенных¹² 55 погребений были отнесены к мужским, 22 к женским и только два являлись детскими.

Как для мужских, так и для женских погребений характерны признаки общие для погребального обряда позднесарматского времени (индивидуальная насыпь, погребение в центре кургана, форма могильной ямы, поза погребенного, основной набор погребального инвентаря и его расположение в верхней части тела погребенного, в основном в области головы). Но есть и различия между этими группами.

Так, в насыпях мужских курганов присутствуют кости лошади (4 случая), в женских же они не обнаружены. Разброс форм могильных ям больше в мужской выборке, но, как и в женской, «предпочтение» отдается узкой яме с подбоем в западной стенке (63,6% женских и 44,2 % мужских могил устроены по этому способу), вторыми по «популярности» являются подквадратные и широкие прямоугольные ямы, встречающиеся в равной пропорции в обеих группах, но диагональное положение погребенного преобладает в женской группе (21%).

Разнятся в этих двух группах и возраст дожития, большинство женщин похоронены в возрасте от 25 до 45 лет (57,8%), в то время как мужчины в возрасте от 45 лет и старше (50,9%) с преобладанием стариков (15 случаев). Деформация черепа, являющаяся основной черной позднесарматской эпохи, чаще встречается у женщин (77,2 %) чем у мужчин (52,7%).

Ориентировка головы данной группы на указанной территории отличается от классической, так как большинство погребенных уложены головой на юг, что характерно в равных пропорциях, как для мужских, так и для женских погребений (42,8 % и 40 % соответственно).

¹² Абганерово II (К.3 П.1, К.4 П.1, К.6 П.1, К.8 П.1, К.9 П.1, К.12 П.1, К.13 П.1, К.17 П.1, К.19 П.1, К.20 П.1, К.21 П.1, К.22 П.1, К.23 П.1, К.24 П.1, К.25 П.1, К.27 П.1, К.28 П.1, К.29 П.1, К.30 П.1, К.31 П.1, К.32 П.1, К.33 П.1, К.34 П.1, К.35 П.1), Абганерово III (К.8 П.1, К.9 П.1, К.10 П.1, К.11 П.1), Абганерово IV (К.1 П.1, К.2 П.1, К.3 П.1, К.4 П.1, К.5 П.1, К.6 П.1, К.11 П.1, К.12 П.1), Аксай I (К.1 П.1), Аксай II (К.1 П.1, К.2 П.1, К.3 П.1, К.4 П.1, К.5 П.1, К.7 П.1, К.8 П.1, К.27 П.1), Аксай IV (К.1 П.1, К.2 П.1, К.3 П.1), Аксай V (К.1 П.1, К.1 П.2, К.2 П.1, К.3 П.1, К.4 П.1), Аксеновский II (К.11 П.1), Жутово (К.1 П.1, К.2 П.1, К.3 П.1, К.29 П.1, К.38 П.1, К.44 П.1, К.56 П.1), Новоаксайский (К.1 П.1, К.3 П.1), Перегрузное (К.1 П.1, К.15 П.1, К.17 П.1, К.20 П.1, К.21 П.1, К.27 П.1, К.34 П.1, К.35 П.1), Терновский (К.14 П.1, К.44 П.1, К.45 П.1, К.48 П.1), Шургановы курганы (К.1 П.1, К.2 П.1).

«Ритуальные» вещества чаще встречаются в женских нежели в мужских погребениях, при этом существует отличие и по их составу, так у женщин чаще всего был обнаружен кусок мела, не встречающийся в мужских захоронениях, и наоборот кремь (19,3%) и ярозит (12,7%) часто встречаемые в могилах мужчин в женском погребении встречен лишь однажды.

Наиболее распространенным жертвенным животным в позднесарматское время, как и в предыдущие эпохи, была овца, и погребальные комплексы Есауловского Аксая в этом плане не являются исключением. Но, если в женских погребениях овца является единственным жертвенным животным (кости других видов зафиксированы лишь однажды), то в мужских погребениях набор жертвенной пищи разнообразнее. Кроме костей овцы в их погребениях зафиксированы также остатки лошади, КРС и птицы. В целом мужских погребений с останками жертвенных животных, пусть и не значительно, но все же больше чем женских. Различается и часть туши помещаемая в могилу, так, если в мужских погребениях чаще встречаются кости задней ноги и таза (55%), то в женских – просто ноги. Однолезвийные ножи, которые, по-видимому, правильнее связывать с животной жертвой, так как более 50% ножей и их обломков зафиксировано среди костей животных, чаще встречаются в мужских погребениях.

Количество посуды в мужских и женских погребениях вполне сопоставимо. В среднем на каждое из погребений приходится по два сосуда, но вот состав ее разный, в женских погребениях хоть и не значительно преобладают горшки, обнаруженные в 81,8 % погребений, в мужских погребениях они встречены в 61,8 % погребений, и, наоборот, в мужских погребениях чаще чем в женских встречаются миски (34, 5% погребений). При этом в женских погребениях преобладает лепная, а в мужских кружальная керамика.

Как и ожидалось в мужских погребениях, хоть и не часто, встречены различные типы вооружения, не обнаруженные в женских погребениях (кроме одного случая находки в женском погребении кинжала), а вот пряслица* которые обычно считают

□ Часто за пряслица принимают темлячные подвески, обычно, каменные (Прим. ред.)

атрибутом женского погребения (45,4 %) встречаются и в мужских погребениях (три случая).

Зеркало чаще встречается в женских, нежели в мужских погребениях (40,9% и 3,6% соответственно), как и различные категории украшений, которые более свойственны женским погребениям. Они встречены практически во всех захоронениях женщин, в то время как в 47% мужских погребений какие либо типы украшений не были зафиксированы вовсе, но вот разделить украшения на чисто мужские и женские на представляется возможным.

Погребальный обряд различных возрастных групп в целом повторяет общие обрядовые черты и различается лишь в отдельных моментах.

В группе зафиксировано лишь два детских погребения (2 и 6 лет). Оба ребенка захоронены вместе со взрослыми (ребенок двух лет с мужчиной, а шестилетний ребенок - с женщиной) и уложены слева от них. Вещевой набор, который можно соотнести с детьми, не богат. В одном случае это зеркальце-подвеска и бусы, в другом небольшой лепной горшочек.

В погребальных комплексах, где возраст погребенных старше 60 лет, не зафиксированы следы тризны в насыпях курганов. Следует отметить, что именно эта возрастная группа в большей степени отличается от основного обряда. Так если для всех возрастных групп основным типом могильного сооружения является подбой в западной стенке, составляющий от 50 до 78% могильных конструкций в каждой возрастной группе, то погребения стариков чаще сделаны в узких прямоугольных ямах. В этой группе большинство умерших уложены головой на север, в то время как в других возрастных группах преобладает южная ориентировка погребенных. Такая же тенденция характерна и для возрастной группы от 35 до 45 лет.

Погребения взрослых от 25 до 35 лет так же выделяются из общего погребального обряда, именно в этой группе чаще, чем в других встречаются «ритуальные» вещества, обнаруженные в 57,1 % погребений, зеркала (21,4%), миски (42,8%) и мечи (42,8%).

Таким образом, половозрастные группы позднесарматского времени Есауловского Аксая обнаруживают как ряд общих черт с погребальной обрядностью позднесарматской эпохи, так и ряд существенных отличий, выделяющих этот район.

Как уже отмечалось, в этой группе, как и во всей позднесарматской культуре, наблюдается явный перекоп в «пользу» мужских захоронений, и практически полное отсутствие детских погребений, а так же высокий возраст дожития (Балабанова, 2000), что вряд ли отражает реальную демографическую картину, а может свидетельствовать лишь об особенностях погребального обряда позднесарматского населения, при котором под курганами погребались не все члены общества. Вполне возможно, что для отдельных групп, в том числе и половозрастных, существовали другие места погребений.

Характер и особенности погребального обряда, обусловленные полом и возрастом умершего известны во многих культурах.

Так, например, у русских существовало понятие «заложных покойников», ярко выразившееся в погребальных обрядах. Заложных покойников не хоронили в земле, а бросали либо в убогие дома, либо в водоемы со стоячей водой [Зеленин. 1994. с. 247, 261]. При этом к заложным покойным относились не только люди умершие неестественной смертью, но и женщины умершие при родах.

Киргизы не справляют поминки ни по женщине, ни по детям [Фиельструп. 2002, с. 171], что, по-видимому, является отголоском иного погребального обряда для этих половозрастных групп, существовавшем у киргизов до принятия ислама.

В Нартском эпосе, в сказании «Сын Албега, маленький Тотраз» говорится о том, что не мог Тотраз получить свою могилу на Нартском кладбище, погибнув бесславно [Нарты. 1989, с. 388].

У осетин еще в конце XIX в. был зафиксирован обычай дотрагивания до груди женщины означающий усыновление чужого человека. Так, если убит единственный сын матери, то молодой убийца бежит с кинжалом к матери убитого и принуждает ее подать ему грудь. Во время этого насильственного требования родственники требуют кровной мести. Решение предоставляется матери. Если же

все же убийцу лишают жизни, она теряет этим самым двух сыновей. Женщины, зачастую сами подавали грудь убийце, ведь если они лишаются сыновей, то их продают или держат как рабынь в семье [Штедер. 1967, с. 33], а значит и место на родовом кладбище они получить не могут.

Алтайцы хоронили (хотя и не всегда) на деревьях умерших девушек и людей, погибших от удара молнии. Таких покойников поднимали на деревья с помощью веревок, привязывали к ветвям или устраивали в сидячем положении [Ситнянский. 2001. с. 175].

Но чаще всего «иные» способы погребения применялись по отношению к детям.

Так, захчины, одна из групп ойратов, клали умершего ребенка в мешочек из выделанной шкуры, который, приторачивали с правой, неправильной стороны седла. Привязывали торочными ремешками, делая легко развязывающийся узел. Когда ехали, то всадник, не оборачиваясь, тянул узел и сбрасывал мешочек с телом ребенка. Этот способ похорон назывался «гээх» («потерять») [Мэнас. 1992, с. 124]. Алтайские телеуты детские трупы вешали на деревьях [Ситнянский. 2001, с. 175].

Такие случаи детской погребальной обрядности, по-видимому, были связаны с тем, что ребенок еще не успел пройти обряд инициации, а, следовательно, не принадлежал еще данному обществу и этому миру. Одним из таких обрядов перехода и связывания ребенка с этим миром является наречение имени или узнавания истинного имени ребенка. Причем в разных культурах время наречения имени колеблется от нескольких дней после рождения (например, крещение) до нескольких лет (наречение после обряда инициации и вступления во взрослую жизнь).

Так, например, у кетов ребенку до года (точнее, до появления зубов) не дают имени, он считается принадлежащим небесному миру (в случае смерти его хоронят на дереве, а не в земле), такой же обычай зафиксирован у тибетцев [Итс. 1991, с.129].

Объяснялся иной обряд захоронения детей тем, что не имеющий имени младенец не может поминаться.

Так, в некоторых русских селах вплоть до начала XX века, детей закапывали под порогом избы, теперь крестьяне объясняют этот обычай в христианском духе: они говорят, что священник, идя со крестом, переступает порог и тем самым сообщает освящение душе некрещеного младенца [Афанасьев. 1995, с. 84].

Похожее объяснение существует и в Нартском эпосе. Был у Урызмага безымянный сын, умерший в малолетстве и никто не поминал его, так как не было у него имени. [Нарты. 1989, с. 463].

По-видимому, погребение детей вместе со взрослыми может быть связано с тем, что ребенок не получил еще имя, и поминки справляли по взрослому с которым он был захоронен, а тем самым поминался и ребенок.

Проведенный анализ погребального обряда позднесарматской культуры Есауловского Аксяя по половому признаку показал, что группа мужских и женских погребений весьма однородна, в ней практически невозможно выделить специфические признаки свойственные только мужским или женским погребениям или наиболее характерные для них. Кроме, пожалуй, наличия в мужских погребениях оружия и удил, встречаемых, правда, не часто, и отсутствующих в женских погребениях, а также некоторых типов «ритуальных» веществ и видов жертвенных животных. Здесь, правда, надо отметить, что в обеих выборках значительный процент (30%) занимают так называемые погребения «переходного» типа, в которых сохраняются погребальные традиции предыдущего периода. Практически все эти погребения датируются второй половиной II в. и при их исключении из выборки погребальный обряд этих двух групп становится более структурированным. И в каждой группе выделяются свои специфические особенности. Четкое структурирование погребального обряда, как в общих, так и в половозрастных группах Есауловского Аксяя, начиная с III в. н.э. свидетельствует о культурной однородности группы. Но малочисленность этих выборок не позволяет говорить о репрезентативности таких данных.

Список литературы

Афанасьев. 1995. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу:

Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 3. М.

Балабанова. 2000. Балабанова М.А. Демография поздних сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград. **Зеленин.**

1991. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901 – 1913. М.

Итс. 1991. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. М.,

Мэнас. 1992. Мэнас Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX — начала XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск.

Нарты. 1989. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М..

Ситнянский. 2001. Ситнянский Г.Ю. О происхождении древнего киргизского погребального обряда // Среднеазиатский этнографический сборник. Выпуск IV. М.

Фиельструп. 2002. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.

Штедер. 1967. Штедер. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. М.

Краева Л.А.
(Оренбург)

**Керамика в погребальном обряде ранних кочевников Южного Приуралья
VI-I вв. до н.э.¹³**

Керамическая посуда у многих народов активно эксплуатировалась в быту, а также всегда использовалась в похоронной церемонии и других религиозных обрядах. Во многих мифах глина считается материалом, из которого были созданы первые люди на Земле, горшки представляют собой живительную силу, воплощенную в воде, часто содержащейся в этих сосудах, а "принимающая" полость глиняной емкости символизирует утробу матери и Мать-Землю.

Все важные моменты жизни могут сопровождаться глиняными принадлежностями – от рождения и омовения ребенка до обмывания усопших. Предметы, которые помещались в могилы, чтобы умерший мог использовать их в следующей жизни, включали керамику [Сентенс. 2005, с. 200-205].

Керамика ранних кочевников Южного Приуралья VI-I вв. до н.э. является самой массовой категорией погребального инвентаря.

Исследование технологии изготовления данной керамики (263 сосуда) (рис. 1), производимое по методике А.А. Бобринского, позволило затронуть проблему роли керамики в погребальном обряде ранних кочевников на качественно ином уровне. Методика анализа посуды базируется на бинокулярной микроскопии, физическом моделировании, сравнительном анализе по эталонным сериям и трасологии [Бобринский. 1978; 1999; Краева. 2008].

В одно погребение на протяжении VI-I вв. до н.э. ранние кочевники помещали от одного до четырех сосудов, но обычно ставился только один сосуд. Количество сосудов не зависело от числа погребенных.

Посуду ставили не в каждое захоронение, чаще всего ее помещали в погребения женщин и детей, однако жесткой взаимосвязи с полом погребенного все же не прослеживается. Какая-либо связь между размещением посуды и формой могильной ямы также не обнаружена.

¹³ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-81102 а/У

Посуда сопровождала не только человеческие захоронения, но и погребения животных. Так в могильнике Шумаево II лепной сосуд был помещен в погребение козы (к. 9 п. 7), похороненной по человеческому обряду [Моргунова и др. 2003, рис. 81, 1-2] (рис. 2, 1).

Известны местонахождения керамики на деревянном перекрытии могилы, а также в насыпи кургана или могилы, что связано с ритуальным кормлением духов и тризной. Наибольший процент составляет посуда, поставленная в погребения в качестве приношения усопшему, в чем проявляется любовь и забота о близких, в частности, об их жизни после смерти [Сентенс. 2005, с. 204].

Наиболее часто встречается помещение целых сосудов, реже фрагментов или разбитых в ходе погребальной церемонии горшков.

Наблюдается определенный стандарт в местоположении керамики в погребении: Посуду ставили: 1) за головой; 2) в ногах; 3) у таза; 4) у руки. Чаще всего размещали керамику в ногах или за головой покойного. По мнению В.А. Демкина и Я.Г. Рыскова, местоположение керамики могло быть связано с содержимым сосудов. Полученные исследователями данные по материалам левобережного Илека показывают, что в 80 % сарматских погребений прослеживается закономерность: сосуды с водой расположены у головы, с кашей или бульоном – в ногах, а в погребениях, где имеется лишь один сосуд с водой, как правило, отмечается присутствие и костей животных [Демкин, Рысков. 1994, с. 78-79].

Как и при использовании, сосуды устанавливались в погребение на дно. Необычное исключение составляют два сосуда котловидной формы высотой 29,6-34,3 см из могильника Шумаево I (к. 4 п. 1), которые были обнаружены в заполнении могилы в перевернутом состоянии плотно прижатыми друг к другу [Моргунова и др., 2003, с. 30, рис. 20, 2, 4].

Очень важным представляется вопрос: могла ли посуда изготавливаться специально для погребальной церемонии или в могилы помещалась только посуда, используемая в быту.

К сожалению, четкие критерии, помогающие ответить на этот вопрос, пока выделить сложно. К косвенным признакам бытового использования посуды можно отнести: 1) наличие нагара на внутренних и внешних стенках сосудов; 2) следы ремонта; 3) старые сколы керамики с завальцованными краями (отбитые ручки, края сосудов и т.д.); 4) следы потертости, бытовая полировка; 5) цветовые изменения поверхностей сосуда и слоев излома черепка. Однако исследователям надо быть предельно осторожными с однозначной интерпретацией даже этих внешне выглядящих безусловными признаками. Остановимся на некоторых из них.

Большинство сарматской керамики имеет следы нагаров и копоти. Но не всегда они могут быть связаны с варкой пищи, так как в ряде случаев, как показывают экспериментальные работы, такие следы могут образовываться при обжиге посуды. Для того чтобы говорить о пищевом происхождении нагаров необходимо специальное их изучение.

Особой толщиной нагаров выделялись сосуды из могильников Шумаево II (к. 9 п. 4 с. 1) (рис. 2, 2), Прохоровка I (к. 4 п. 2 с. 2) (рис. 2, 3), Покровка II (к. 8 п. 10 с. 2) (рис. 2, 4) [Моргунова и др. 2003, с. 129, рис. 83, 2; Краева, в печати, рис. 1, 3; Курганы левобережного Илека. 1995, с. 38-39, рис. 61, 2]. Сосуды из данных захоронений имели небольшие размеры (13,5 см; 10,7 см; 9,5 см), внутренние их поверхности были покрыты толстым слоем нагара толщиной 3-4 мм, а внутрь помещены камни или фрагменты керамики. По определению А.А. Гольевой, в шумаевском сосуде сжигались веточки и травы, но не конопля, а приготовление или хранение в нем какой либо пищи исключено. Сосуд также мог быть приспособлен для освещения при погребальной церемонии [Моргунова и др. 2003, с. 218]. Видимо все эти сосуды использовались в каких-то сходных ритуальных церемониях, что сближает их по функциональному назначению с курильницами, хотя по форме они ничем не отличаются от обычных сосудов.

Наиболее полному исследованию такой категории сарматской керамики как курильницы была посвящена специальная работа К.Ф. Смирнова "Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии". В ней он изложил свои взгляды на функциональное назначение, типологию, происхождение и хронологию этих

предметов. Курильницы и туалетные сосудики рассматривались в единой классификации, а функциональное назначение этих сосудиков в пределах одного типа определялось условно по их общему сходству между собой. Сосудики, имеющие следы действия огня, относились автором к курильницам, в которых воскуривались ароматические вещества богам и предкам. Помещение красящих веществ рядом или внутри отдельных курильниц служило основанием отнесения их к туалетным сосудикам для хранения косметических средств [Смирнов. 1973, с. 166-179]. К сожалению, как уже отмечалось выше, визуальная интерпретация нагара не всегда может быть корректной. Наряду с "классическими" курильницами, которые выделяются своеобразными формами, вполне могли быть использованы в ритуалах с огнем и простые сосуды (Шумаево II к. 9 п. 4 с. 1; Прохоровка I к. 4 п. 2 с. 2; Покровка II к. 8 п. 10 с. 2) (рис. 2, 2-4). Примечательно, что во всех этих сосудах помимо толстого слоя нагара находились камни, "тальковые молоточки" или обточенные днища сосудов, что также подтверждает их особое использование в ритуалах. Однако, на наш взгляд, описание такой посуды должно производиться по алгоритму описания обычного сосуда, и только при достаточно веской аргументации высказываться мнение об использовании его в качестве курильницы, чтобы не вносить путаницу в терминологию.

Интересное использование керамики в обрядовой церемонии, связанной с огнем, зафиксировано в могильнике Бердянка V (к. 5 п. 3). В катакомбе на столике, сложенном из угля и гумуса, вместе с обожженными камнями и мелом находился небольшой сосудик со следами маслянистого вещества на внешней и внутренней поверхностях. Рядом с ним лежала перевернутая вверх дном миска (рис. 2, 5) со следами в виде темно-коричневых "звездочек" на внутренней и частично на внешней поверхностях [Моргунова, Мещеряков. 1999, с. 129; Краева. 2000, рис. 1, 3, 4-5]. Как свидетельствуют проведенные эксперименты, такие следы могли образоваться в результате целенаправленного разбрызгивания маслянистого вещества.

Технологический анализ показал, что при изготовлении курильниц IV-I вв. до н.э. были зафиксированы в основном более архаичные навыки, характерные для

гончарства савроматского периода. Это преобладание рецептов из ожелезненной «тощей» глины, ила и глиноподобного сырья с добавлением органических добавок и шамота; отсутствие выбивания при формообразовании; заглаживание пальцами. Только в формовочных массах курильницы из Линевского одиночного кургана (п. 3) (рис. 2, 6) и сосудов редких форм (КМ Филипповка к. 7, КМ Акоба II к. 1 п. 3) была зафиксирована примесь шерсти [Пшеничнюк. 1988, с. 17, рис. 106; Мещеряков. 1996, с. 48, рис. 5, 5; Краева, Моргунова. 2007, с. 201-203; Краева. 2009. с. 198, рис. 1, 17-19]. Видимо, примесь шерсти имела культовое назначение и подчеркивала связь животных с этими ритуальными сосудами.

Комплексный подход в изучении керамики позволил сделать предположение о функциональном назначении сосуда редкой формы из могильника Акоба II (к. 1 п. 3) [Краева. 2006, с. 197-201]. Сосуд имитировал форму вымени козы. Сосуды в форме вымени известны у разных скотоводческих народов (алтайцы, киргизы, башкиры, арауканы). Их можно разделить на две группы: 1) сосуды, изготовленные непосредственно из вымени животных – сосуды, имитирующие вымя животных, изготовленные из камня, дерева и керамики [Зиберт. 1953, с. 93-97, рис. 1-3, 5-6; Руденко. 1955, с. 141-143]; 2). Именно ко второй группе относится сосуд из могильника Акоба II (рис. 2, 7), а также сосуд из КМ Филипповка I (к. 7), имитирующий кобылье вымя (рис. 2, 8).

Вполне возможно, что данные предметы могли использоваться в качестве емкости для выжимания творога или даже священной Сомы, так называемого "вымени Сомы", упоминаемого в Ригведе [Федоров. 2001, с. 32]. Однако наблюдения под микроскопом за следами на сосуде позволили выдвинуть альтернативную гипотезу его использования. Внешняя поверхность акобинского сосуда была сильно повреждена отслоившимися участками. Наряду с "выколами", образовавшимися в результате обжига, отдельные поврежденные участки связаны с бытовым использованием сосуда. Сходные следы повреждения внешних поверхностей зафиксированы нами на курильницах с одним боковым отверстием, они возникают в ходе бытового использования керамики под частым воздействием огня (рис. 2, 9). Очень тонкий слой нагара фиксировался на таких участках на

высоте 1-1,5 см от края устья на внешней поверхности, а также по срезу венчика сосуда. На внутренней поверхности слой нагара читался лучше и проходил по кругу полосой шириной 1-1,5 см от края устья. Следы от нагара аналогичной толщины были зафиксированы на внутренней поверхности сквозных отверстий «выступов-ножек». Учитывая, что сосуд имел только две неустойчивые ножки и расположение нагара, можно предположить, что он ставился в перевернутом положении на какое-то горящее вещество, дым от которого выходил из отверстий "ножек-сосков". В таком случае, по всей видимости, мы имеем дело с предметом, используемым в ритуальных целях. Косвенно подтверждает эту гипотезу и абстрактный орнамент на сосудице, напоминающий взвивающиеся языки пламени.

По данным исследователей известно, что кочевникам были знакомы такие достаточно сложные технологии, как курение конопли, при котором они использовали целый комплекс оборудования [Очир-Горяева. 2004, с. 173]. По сообщению И. Идеса и А. Бранда для курения приобские остяки пользуются каменным сосудом, куда они втыкают специально сделанный для этого чубук. Набрав немного воды в рот, они могут в два или три вдоха выкурить целую трубку. Дым они вдыхают в себя и потом падают на землю и лежат по полчаса без сознания, как мертвые, с закатившимися глазами и дрожью в руках и ногах [Идес, Бранд. 1967, с. 103]. В Азербайджане известен процесс курения с помощью полых палочек, вставленных в наполненный дымом от пахучих трав мешок.

В исследованной выборке керамики 15 % сосудов имели следы ремонта. Традиция ремонта посуды имеет давние корни. Она широко известна на территории Южного Приуралья и других регионов у различных народов в эпоху неолита, энеолита и бронзы [Гутков. 2000, с. 179]. Следы ремонта на исследуемой керамической посуде ранних кочевников VI-I вв. до н.э. представлены в виде просверленных сквозных отверстий, располагающихся обычно парами по краям трещин. Количество отверстий варьирует от 2-х до 22-х. Сосуд с наибольшим количеством отверстий (22) для ремонта был исследован в могильнике Шумаево I (к. 4 п. 1 с. 1) [Моргунова и др. 2003, с. 30, рис. 20, 2]. Отверстия на отремонтированной посуде имеют, как правило, круглую форму. Высверливание

их производилось твердым предметом в основном с внешней стороны сосуда обычными круговыми движениями, о чем свидетельствуют концентрические полосы и штрихи на внутренних поверхностях отверстий. Наличие специальных скоб, скрепляющих эти отверстия, как, например, в позднем бронзовом веке, очень редкое явление. Примером может служить ремонт сосуда из могильника Прохоровка I (к. "Б" п. 1), у которого верхняя часть венчика была прикреплена с помощью бронзовой проволоки, продетой через просверленные сквозные отверстия [Яблонский, Мещеряков. 2008, с. 185, рис. 9, 6].

Видимо, обычно отверстия для ремонта соединялись шнурами из органических материалов растительного или животного происхождения (кожа, ткань и т.д.), которые не сохраняются. Корни такой традиции видятся в широком использовании кочевниками сшитой кожаной посуды.

Примером активного бытового использования служит кувшин из погребения 4 одиночного кургана у с. Благодлавленка [Краева, Мещеряков, Моргунова. 2000, с. 188, рис. 4, 1] (рис. 2, 10). В результате исследования было выявлено несколько признаков его хозяйственного использования, прежде чем он попал в могилу. Ручка и венчик этого кувшина были отбиты в древности и поверхности сколов завальцованы, в средней части тулова и по горлу располагались сквозные отверстия для ремонта. Нижняя часть сосуда имела блестящую поверхность в результате полировки мягким материалом после обжига в ходе бытового использования. По этнографическим данным известно, что женщины-гуцулки Карпат наводили на свою глиняную посуду "глянец" после варки пищи мягким материалом типа замши или ветошью, в результате чего она становилась блестящей¹⁴.

Кроме того, как показал проведенный эксперимент по выявлению низкотемпературного обжига, благодлавленский сосуд был обожжен при температурах ниже 450°C [Бобринский. 1989, с. 20-23]. При помещении образца в воду из его формовочной массы можно было скатать жгутик, следовательно, сосуд мог использоваться только для хранения сыпучих продуктов, а не для жидкости.

¹⁴ Устное сообщение д.и.н. А.А. Бобринского.

Не исключено также, что в ряде случаев посуду специально изготавливали для погребальной церемонии. Так сосуд из могильника Прохоровка I (к. "б" п. 6) (рис. 2, 11) не имел нагара, был сформован крайне небрежно из плохо промешанной формовочной массы глина+шамот+навоз, имел грубые естественные железистые включения в исходном пластичном сырье (размерами до 1 см) и слабое соединение между строительными элементами. Он был подвергнут кратковременному воздействию температур менее 450°C, о чем свидетельствует проверка на низкотемпературный обжиг: фрагмент при пребывании в воде в течение 1 минуты превратился в глинистую массу из которой можно было скатать жгутик [Краева, в печати, рис. 3, 1].

Косвенные признаки, указывающие на специальное изготовление керамических предметов для религиозной церемонии, были зафиксированы в захоронении рубежа VI-V вв. до н.э. у с. Пятилетка [Краева, Богданов. 2000, с. 168-171, рис. 2-3]. В погребении "женщины-жрицы" наряду с другими предметами культа были найдены сосуд (рис. 2, 12) и коническое пряслице. Эти керамические вещи имели схожую орнаментацию из пиктограмм и знаков, а также были изготовлены из аналогичного исходного пластичного сырья и общего состава формовочной массы (глина+шамот+органический раствор), нагар внутри сосуда отсутствовал.

Таким образом, керамика у ранних кочевников VI-I вв. до н.э. имела многофункциональное назначение. Она активно использовалась как в хозяйстве, так и в религиозных церемониях. В могилы могли помещать специально подготовленные для обряда погребения сосуды, а также уже использованную в быту посуду, в том числе реставрированную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский.** 1978. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.
- Бобринский.** 1989. Бобринский А.А. К методике изучения обжига керамики // Первая кубанская археологическая конференция. Тезисы докл. Краснодар.
- Бобринский.** 1999. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.

- Гутков.** 2000. Гутков А.И. О традиции ремонта глиняной посуды // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск.
- Демкин, Рысков.** 1994. Демкин В.А., Рысков Я.Г. Реконструкция погребальной пищи в курганных захоронениях бронзового и раннежелезного веков // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М.
- Зиберт Э.В.** 1953. Зиберт Э.В. Сосуды из коровьего вымени в коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XIV. М.-Л.
- Идес, Бранд.** 1967. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695). М.
- Курганы.** 1995. Курганы левобережного Илека. М. Вып. 3.
- Краева.** 2000. Краева Л.А. Технология изготовления керамики из "прохоровских" погребений на р. Бердянка // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 2. Самара.
- Краева.** 2003. Краева Л.А. Техничко-технологическое исследование керамики из сарматских погребений Шумаевских курганов // Шумаевские курганы. Оренбург.
- Краева.** 2006. Краева Л.А. Сарматский ритуальный сосуд из второго курганного могильника у с. Акоба // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. вып.: Актуальные проблемы истории и археологии. Самара.
- Краева.** 2008. Краева Л.А. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI-I вв. до н.э.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.
- Краева.** 2009. Краева Л.А. Технология изготовления керамики ранних кочевников Южного Приуралья в IV-I вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград.
- Краева.** (в печати). Краева Л.А. Технология изготовления лепной керамики из могильника Прохоровка 1 // Прохоровка: у истоков сарматской археологии.
- Краева, Богданов.** 2000. Краева Л.А., Богданов С.В. Сарматские погребения могильника у с. Пятилетка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург.

Краева, Мещеряков, Моргунова. 2000. Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Моргунова Н.Л. Одиночный курган у с. Благодославенка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург.

Краева Л.А., Моргунова. 2007. Краева Л.А., Моргунова Н.Л. Сарматский курганный могильник Акоба II в Оренбургской области // Материалы XVII Уральского археологического совещания. Екатеринбург.

Мещеряков. 1996. Мещеряков Д.В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург.

Моргунова, Мещеряков. 1999. Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург,

Моргунова, Гольева, Краева, Мещеряков, Турецкий, Халяпин, Хохлова. 2003. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург.

Очир-Горяева. 2004. Очир-Горяева М. О возможном назначении парных бронзовых котлов у кочевников раннего железного века Евразии // Археологические памятники раннего железного века юга России. М.

Пшеничнюк. 1987. Пшеничнюк А.Х. Отчет о раскопках Филипповских курганов в Илекском районе Оренбургской области в 1987 году. // Архив ИА РАН.

Руденко. 1955. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л.

Сентенс. 2005. Сентенс Б. Керамика. Путеводитель по традиционным техникам мира. М.

Смирнов. 1973. Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Федоров. 2001. Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых "савроматских жертвенников" Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. Уфа.

Яблонский, Мещеряков. 2008. Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Доследование курганного могильника у д. Прохоровка // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург.

Подписи к рисункам

Рис. 1. Карта памятников ранних кочевников Южного Приуралья VI-I вв. до н.э.: 1-Акоба 2; 2-Акоба 5; 3-Близнецы; 4-Линевка ОК; 5-Мечет-Сай; 6-Покр. 1; 7-Покровка 2; 8-Покровка 7; 9-Покровка 8; 10-Привольное; 11-Филипповка; 12-Черный Яр; 13-Бердянка 5; 14-Благославенка ОК; 15-Краснопартизан 2; 16-Краснохолм 1; 17-Краснохолм 2; 18-Ниж. Павловка 5; 19-Ниж. Павловка ОК; 20-Чкаловский; 21-Болдырево 1; 22-Болдырево 4; 23-Мустаево 5; 24-Шумаево 1; 25-Шумаево 2; 26-Рязановка 5; 27-Прохоровка 1; 28-Новый Кумак; 29-Пятимары I; 30-Тара-Бутак; 31-Пятилетка; 32-Красный Яр; 33-Барышников; 34-Медведка; 35-Липовка; 36-Ивановская дюна

Рис. 2. Керамика ранних кочевников: 1– Шумаево 2 к. 9 п. 7; 2 – Шумаево 2 к. 9 п. 4 с. 1; 3– Прохоровка 1 к. 4 п. 2 с. 2; 4 – Покровка 2 к. 8 п. 10 с. 2; 5 – Бердянка к. 5 п. 3; 6 – Линевка ОК п. 3; 7 – Акоба 2 к. 1 п. 3; 8 – Филипповка к. 7; 9– Шумаево 1 к. 3 п. 2 с. 3; 10 – Благославенка ОК п. 4; 11 – Прохоровка 1 к. "б" п. 6; 12 – Пятилетка к. 4 п. 1.

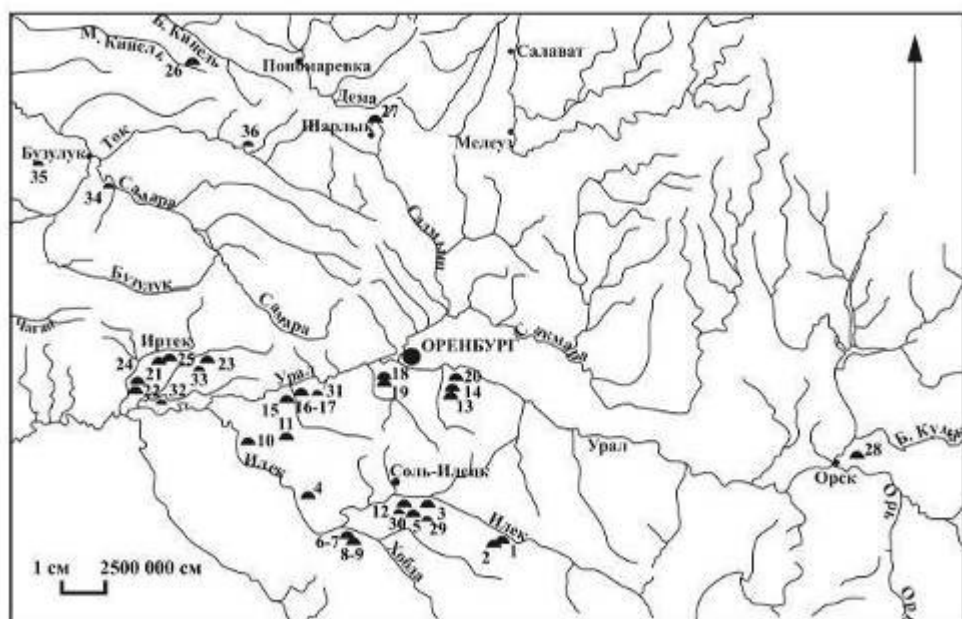

Рис. 1. Карта памятников ранних кочевников Южного Приуралья VI-I вв. до н.э.

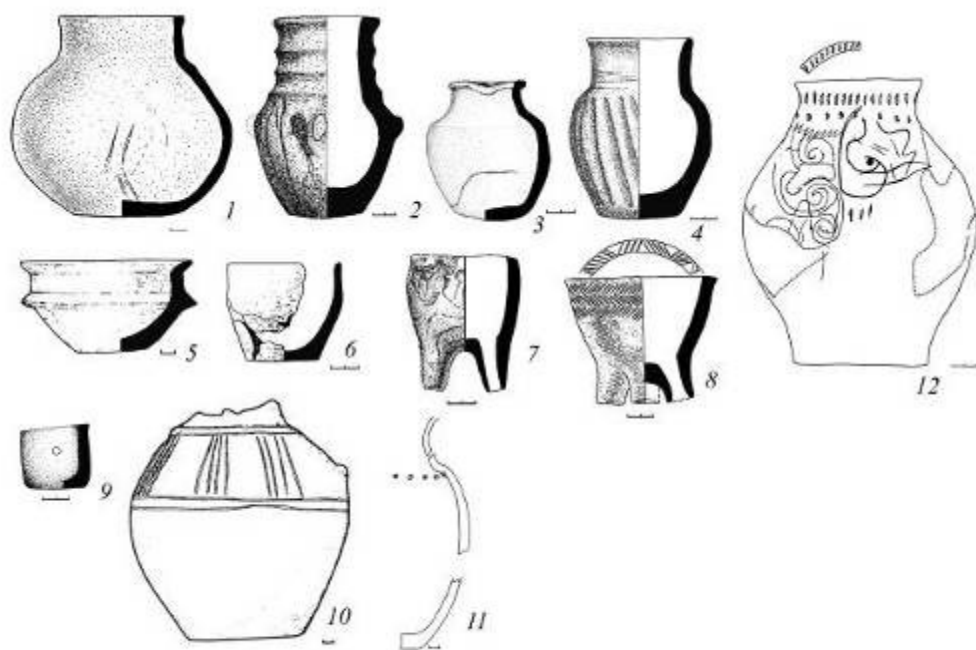

Рис. 2. Керамика ранних кочевников.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЗДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА)

Проблема хронологии позднесарматской культуры Нижнего Поволжья постоянно находилась в поле зрения исследователей [(Rau. 1927, s. 61-65, 79, 111-112; Смирнов. 1947, с. 75-78, 82; Граков, 1947, с. 120-121; Скрипкин, 1984; Кривошеев, Скрипкин, 2006; Статистическая обработка..., 2009)]. Суммируя выводы этих работ, можно следующим образом охарактеризовать этапы развития позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье. Середина и вся вторая половина II в. н.э. – период её становления. С конца II – до середины III вв. н.э. господство сформировавшейся позднесарматской культуры. Вторая половина III- конец IV в. н.э. относятся к завершающему этапу позднесарматской культуры Нижнего Поволжья.

Многолетние исследования позволяют очертить круг основных признаков, присущих позднесарматской культуре исследуемого региона: преобладание погребений под индивидуальными, небольших размеров курганными насыпями; широкое распространение ориентированных в меридиональном направлении узких прямоугольных ям и подбойных могил с узкими входными ямами; ориентировка погребенных головой в северный сектор; массовое распространение обычая искусственной деформации черепов. Кроме того, позднесарматская культура характеризуется целым рядом других признаков, о которых речь пойдет ниже.

Для того чтобы выявить основные особенности формирования позднесарматской культуры, следует дать общую характеристику среднесарматской культуры. В среднесарматское время ведущими типами погребальных ям в Нижнем Поволжье были средние, широкие прямоугольные и квадратные конструкции (здесь и далее принятые размерные значения для погребальных ям взяты из изданий «Статистической обработки погребальных памятников Азиатской Сарматии. Раннесарматская культура». Вып. II. М., 1997. В северной части междуречья Волги и Дона (к северу от Волгограда) суммарно

погребения в квадратных и широких прямоугольных ямах составляли 61,25%, в южной 49,23%, в Заволжье – 35,44% [Статистическая обработка... 2002, с. 93, табл. 1]. Большой процент в них составляют диагональные погребения. В междуречье Волги и Дона – от 13,85% до 18,75%, в Заволжье – 28,21% [Скрипкин. 1990, с. 185, табл. 16; Глухов. 2005, с. 89, 134, табл. 6; Статистическая обработка..., 2002, с. 94, табл. 1].

Узкие прямоугольные могилы среднесарматской культуры в Нижнем Поволжье составляют – 9,66%: в междуречье они известны в 8% случаев, в Заволжье – в 15,81%. Подбойные захоронения занимают одну из ведущих позиций среди иных погребальных конструкций (16,34%). Ямы с заплечиками в сарматское время не были широко распространены в Нижнем Поволжье и в среднесарматскую эпоху их количество составляет 3,49% [Статистическая обработка... 2002, с. 93, табл. 1].

После середины II в. н.э. соотношение типов погребальных ям резко изменяется (рис. 1, табл. 1). Подбой теперь занимает ведущее положение среди других типов ям: 36% от общего числа ям (рис. 1/9,10). При этом в Заволжье они составляют 48%, в междуречье – 30,5%. Во второй половине II- нач. III в. н.э. широкие прямоугольные ямы составляют 33% (104 погребения) от общего числа ям (рис. 1/1-8). В Заволжье они фиксируются в 12,5% курганов, в междуречье Волги и Дона в 43%. Необходимо отметить, что в позднесарматское время квадратные ямы практически исчезают, в подавляющем большинстве случаев это широкие прямоугольные ямы, ориентированные длинной осью в меридиональном направлении. В 41% широких прямоугольных ям зафиксировано диагональное положение погребенного (43 погребения): из них лишь 14% диагональных погребений находилось в Заволжье и 86% в междуречье (рис. 1/1-6).

Во второй половине II- первой половине III в. н.э. узкие прямоугольные ямы занимают третье место по частоте встречаемости и известны в 24% случаев от общего числа ям (рис. 1/11,12, табл. 1). В Заволжье они встречаются в 39,5% случаев, в междуречье – в 16% курганов.

Катакомбные конструкции, неизвестные в погребальном обряде среднесарматской культуры, в позднесарматское время встречаются в 4% курганов

(12 погребений) на территории междуречья Волги и Дона (табл. 1). В Заволжье такие конструкции пока неизвестны.

Ямы с заплечиками в позднесарматское время встречаются также редко, как и в среднесарматскую эпоху, только в междуречье Волги и Дона они составляют 3% от общего числа ям (табл. 1).

Со второй половины II в. еще более, по сравнению с предыдущим периодом, сокращается количество впускных захоронений: так в междуречье впускные могилы составляют 5,5%, в Заволжье 4,6%. В среднесарматское время, к примеру, этот показатель в целом достигал 42,55% [Статистическая обработка... 2002, с. 93, табл. 1].

Сравнение ориентировок погребенных в среднесарматский и позднесарматский периоды указывает на серьезные изменения, произошедшие в погребальном обряде. В среднесарматский период ведущим было положение головой в южный сектор. Северный сектор занимал 1,64% [Статистическая обработка... 2002, с. 94, табл. 1]. В позднесарматское время наблюдается иная картина (табл. 2). Северная ориентировка во второй половине II- первой половине III в. н.э. в Нижнем Поволжье составляет 57,6%, южная – 38%. Однако распределение её по районам показывает преобладание южной ориентировки в междуречье – 54,2%, северная составляет 40,7%. В Заволжье ситуация противоположная - северная ориентировка составляет 84,2%, южная – 12,3%.

В подбоях отмечается значительное преобладание северной ориентировки над южной: 73% и 26% соответственно. При этом в Заволжье северная ориентировка составляет 89%, южная – 11%, в междуречье северная – 59%, южная – 39%.

Наблюдаются изменения и в широких прямоугольных ямах во второй половине II-первой половине III в. н.э.: северная ориентировка здесь фиксируется в 25% погребений, южная в 67,6% (рис. 1/1-6). В Заволжье северная ориентировка в этих ямах значительно преобладает над южной – 69% и 23% соответственно. В междуречье ситуация прямо противоположная: 15,5% погребенных ориентированы в северный сектор, 77,5% в южный. Диагональные погребения в широких

прямоугольных ямах отличаются консервативностью в плане ориентировки: 72% погребенных в них были уложены в южный сектор, лишь 16% в северный.

В узких прямоугольных ямах суммарно северная ориентировка (72%) также преобладает над южной (22%). В Заволжье погребенные ориентированы к северу в 84% случаев, к югу в 10% случаев. В междуречье северная ориентировка отмечается в 56,5% могил, южная – в 39%.

Новым явлением в позднесарматской культуре стало массовое распространение обычая искусственной деформации головы (табл. 3). Наиболее часто деформация встречается в подбойных могилах (50% от числа определенных), реже в узких прямоугольных ямах (25,5%), на третьем месте широкие прямоугольные ямы (21,7%), единичные случаи деформации обнаружены в ямах с заплечиками (1,5%) и в катакомбах (0,8%).

В Заволжье деформация отмечена в 56% случаев в подбоях, в 42% случаев в узких прямоугольных ямах и лишь в 2% в широких прямоугольных ямах. В междуречье деформация в 46% случаев отмечена в подбоях, в 15,3% в узких прямоугольных ямах, в 34,7% в широких прямоугольных ямах, в 1,4% в катакомбах и в 2,6% в ямах заплечиках.

Интересно отметить, что в диагональных погребениях в подавляющем большинстве случаев, в 8 погребениях, деформация черепов у погребенных сочетается с южной ориентировкой и лишь однажды с восточной. Обратная зависимость наблюдается в подбойных могилах – в 78% случаев деформация черепа сочетается с северной ориентировкой и 22% с южной. В подбоях Заволжья сочетание деформации черепа и северной ориентировки погребенных значительно выше, чем в междуречье. В узких прямоугольных ямах деформация черепов у погребенных отмечена только в комплексах с территории междуречья, где в 72% она сочетается с северной ориентировкой и в 24% с южной.

Появление новых погребальных традиций не связанных со среднесарматской культурой может свидетельствовать о том, что в середине II в. н.э. в среде кочевников Нижнего Поволжья происходят значительные этнические изменения. Причем этот процесс носил крупномасштабный характер, поскольку ведущие,

определяющие черты позднесарматской культуры синхронно распространяются на огромной территории от Приуралья до Северного Причерноморья.

Отмеченные изменения были вызваны, скорее всего, проникновением в уральские и волго-донские степи новых кочевых традиций из более восточных районов. В наиболее чистом виде признаки позднесарматской культуры во всем ареале её распространения проявляются в памятниках Южного Приуралья [Статистическая обработка.... 2009, с. 164]. В Нижнем Поволжье восточное происхождение позднесарматской культуры отражается в наиболее интенсивном распространении новых традиций в первую очередь в Заволжье. Здесь гораздо быстрее затухают традиции среднесарматской культуры по сравнению с междуречьем Волги и Дона. Так северная ориентировка погребенных в Заволжье с 1,64% в среднесарматских памятниках возрастает до 84% в позднесарматских второй половины II- первой половины III в. н.э. Количество погребений в широких прямоугольных ямах здесь уменьшается до 12,5%, число подбойных ям в этом районе увеличивается с 14,1% до 48% во второй половине II- первой половины III в. н.э. Таким образом, в Заволжье после середины II в. фиксируется господство позднесарматской археологической культуры при сохранении только отдельных элементов среднесарматской культуры.

Ситуация в междуречьи Волги и Дона во многом была иной, чем в Заволжье. Продвижение носителей позднесарматской культуры с востока и закрепление их на левом берегу Волги во второй половине II в. н.э. привело к оттоку населения среднесарматской культуры из Заволжья в районы междуречья., что объясняет длительное сохранение здесь погребальных традиций среднесарматской культуры. В междуречьи в это время ведущим типом являлись широкие прямоугольные ямы, южная ориентировка преобладала над северной. Однако довольно высокий процент северной ориентировки и искусственной деформации черепов у погребенных указывают на достаточно интенсивное распространение позднесарматских традиций в среде среднесарматского населения и в междуречьи. Здесь в одном могильнике встречаются одновременные погребения, относящиеся к различным культурным традициям. Так в могильнике Перегрузное I в кургане 21 в

широкой прямоугольной яме по диагонали была погребена женщина с деформированным черепом, ориентированная головой к юго-западу. В качестве примера в кургане 27 в узкой прямоугольной яме также была погребена женщина, ориентированная головой на север, череп её также деформирован. По сопутствующему инвентарю, среди которого в обоих погребениях найдены по две профилированные фибулы 1 серии 2 варианта, можно предположить, что оба кургана синхронны, и датируются в рамках второй половины II в. н.э. (рис. 3/2) [Клепиков, Кривошеев. 2004, с. 169-185]. Таким образом, искусственная деформация черепа в одинаковой мере встречается как в погребениях с среднесарматскими, так и позднесарматскими традициями.

Вероятно, районы междуречья, хоть и в меньшей степени по сравнению с Заволжьем, но также испытывали влияние позднесарматских традиций. Это отразилось в появлении здесь большого количества памятников синкретического характера во второй половине II в. н.э., сочетающих в себе черты обеих культур.

Для позднесарматской культуры характерно нарушение соотношения погребенных по полу и возрасту. Явное преобладание мужских захоронений над женщинами: 71,7% и 28,3% соответственно, практически полное отсутствие детских захоронений. Не исключено, что позднесарматское население не всех своих умерших хоронило под курганными насыпями, отдавая в первую очередь предпочтение пожилым и старым мужчинам, затем более молодым мужчинам и женщинам, в исключительных случаях детям [Балабанова. 2001, с. 110].

С появлением позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье резко меняются некоторые обрядовые нормы, о которых еще не упоминалось, которые были характерны для предшествующих сарматских культур. Эти изменения коснулись всех погребений, как со среднесарматскими обрядовыми нормами, так и с позднесарматскими. После середины II в. перестали класть в могилы по две курильницы, как это практиковалось в среднесарматское время. Получили распространение курильницы квадратной формы, вместо круглой, встречающиеся по одной в погребении. Эта традиция сохранялась до конца позднесарматской культуры, но после середины III в. встречается гораздо реже.

В среднесарматское время в могилы клали, как правило, переднюю ногу и лопатку овцы. После середины II в. этот обряд резко трансформируется, и в могилы в подавляющем большинстве случаев кладут заднюю ногу овцы с тазовой костью. Чаще всего их обнаруживают за головами погребенных.

Обращает на себя внимание практически полное отмирание обряда положения в могилу стрел. Если в среднесарматское время довольно часто встречаются погребения со стрелами, то в позднесарматское эти случаи единичны, в могилы клались часто один или несколько наконечников для обозначения их наличия.

В позднесарматских погребениях часто встречается уголь. Он обычно находился в заполнениях могильных ям. Часто стали класть в могилы кусочки кремня, находки которых сочетаются с находками минералов желтого цвета (сера, ярозит).

Говорить о характере взаимоотношений между пришлым и местным населением в Нижнем Поволжье в рассматриваемое время, опираясь только на археологический материал, сложно. Мы не располагаем данными о каких-либо военных конфликтах между различными кочевническими группировками. Археологические свидетельства позволяют предполагать высокую военизацию позднесарматского населения [Кривошеев. 2007, с. 65-70]. Это подтверждается данными антропологии. Палеопатологический анализ антропологического материала из погребений позднесарматского времени выявляет очень высокий по сравнению с предшествующими сарматскими культурами уровень травматизма, в том числе и связанного с военной деятельностью [Балабанова, Перерва. 2007, с. 178-181].

Во второй половине II- первой половине III в. н.э. в Нижнем Поволжье вооружение встречается в 25% погребений. Клинковое оружие в позднесарматских погребальных комплексах представлено мечами и кинжалами преимущественно одного типа без металлических наверший и перекрестий (рис. 4/20,21,23,24). Причем это относится и к тем комплексам, которые сохраняют традиции среднесарматской культуры.

Анализ массового материала показывает, что со второй половины II в. н.э. у сарматов Нижнего Поволжья происходит смена типов клинкового оружия. Практически исчезают мечи и кинжалы с кольцевыми навершиями и прямыми перекрестиями, являвшимися в предыдущий период ведущим типом оружия [Глухов. 2005, с. 60]. На смену им приходит другой тип, известный и ранее в сарматских древностях, но встречаемый крайне редко [Хазанов. 1971, с. 20]. Таким образом, мечи и кинжалы без металлического перекрестия и навершия являются господствующими в памятниках сарматского времени со второй половины II по IV в. н.э. [Кривошеев. 2007, с. 70].

Новый тип вооружения стал не единственным атрибутом, сопровождающим появление позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье. В погребениях с середины II в. н.э. появляются и другие типы вещей, не встречающиеся или редко встречающиеся в среднесарматское время.

Одной из наиболее четко датируемых категорий инвентаря в сарматских погребениях являются фибулы (рис. 2/1-11). Процент их встречаемости в погребениях позднесарматского времени в Нижнем Поволжье резко возрастает по сравнению с предшествующим периодом. Фибулы встречаются в 28,4% погребений второй половины II - первой половины III в. н.э.

Другим признаком, погребального обряда позднесарматской культуры, как уже отмечалось, являются квадратные курильницы (рис. 4/18,19). Наибольшее распространение четырехугольные курильницы получают во второй половине II - первой половине III в. н.э. именно в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону. После середины III в. н.э. они встречаются значительно реже.

Интересны находки в позднесарматских погребениях довольно массивных оселков. Размер оселков в позднесарматское время увеличивается по сравнению со среднесарматскими аналогами, которые чаще всего имеют длину около 10-12 см. Позднесарматские оселки достигают в длину 15-20 см (рис. 3/47-49). Оселки больших размеров, длиннее 40 см, сопровождают воинские комплексы с богатым набором инвентаря и оружия в Приуралье (Целинный I 6/1), в Поволжье (Суслынка,

Колобовка III 1/1) и особенно на Нижнем Дону (Веселый VI 1/1, Новоалександровка 20/2, Камышевский 8/1, Центральный 16/8, Гремячая 1/2).

Массовое распространение элементов погребального обряда позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье можно связать со второй половиной II в. н.э. Как уже описывалось выше, такие элементы как северная ориентировка погребенного, деформация черепа, узкие подбойные могилы после сер. II в. н.э. господствуют в Заволжье, проникают в междуречье Волги и Дона. В междуречье черты позднесарматского обряда сосуществуют со среднесарматскими, но последние преобладают до конца II в. н.э.

Этот период развития характеризуется определенным набором сопутствующего инвентаря (рис. 2-4). После середины II в. н.э. массовое распространение получают бронзовые фибулы. Анализ показывает, что на территории Нижнего Поволжья синхронно существуют две различные схемы фибул, которые устойчиво сочетаются с разными культурными традициями. При этом профилированные фибулы локализуются в междуречье Волги и Дона и исчезают вместе с традициями среднесарматской культуры в конце II - нач. III в. н.э. Лучковые фибулы 4 варианта также появляются около сер. II в. н.э., существуют на протяжении второй половины II – первой половины III в. н.э. и к середине III в. практически исчезают.

Часто в погребениях позднесарматского времени встречаются зеркала. Наиболее распространенным типом зеркал в это время стали зеркала-подвески с боковым ушком и орнаментированной обратной стороной, датируемые чаще всего II-III вв. н.э. [Хазанов. 1963, с. 65, 67; Абрамова. 1971, с. 121-132; Скрипкин. 1984, с. 48] (рис. 2/13-18). Зеркала с боковым ушком (рис. 2/13-16) показывают высокую взаимовстречаемость с профилированными фибулами 1 серии 2 варианта (рис. 2/4-7), датируемыми второй половиной II в., и лучковыми 4 варианта (рис. 2/8-10), относящимися ко второй половине II – первой половине III в. н.э.

Наиболее массовым материалом в сарматских погребальных памятниках Нижнего Поволжья является керамическая посуда (рис. 4/1-17). В 77% погребений второй половины II-первой половины III в. н.э. обнаружена керамическая посуда как импортного, так и местного производства. В этот период кружальной посуды,

которая, как правило, являлась импортным товаром, встречается больше, нежели лепной в 1,2 раза. Круговые сосуды представлены в основном кувшинами и мисками. Лепные сосуды в большинстве случаев горшками. Глиняная посуда в могилах ставилась в подавляющем большинстве случаев в головах погребенного.

Анализ вещевого материала позволяет определить хронологию развития погребальных традиций в Нижнем Поволжье в период с II- по сер. III в. н.э.

К наиболее ранним комплексам с элементами позднесарматской культуры можно отнести лишь единичные погребения. Они характеризуются наличием таких позднесарматских элементов в погребальном обряде как деформация черепа (Старица 11/1), северная ориентировка погребенного (Жутово 2/1). Погребальный инвентарь из этих комплексов, среди которого присутствуют четырехугольные курильницы, длинный оселок, уверенно датируется в основном по фибулам первой половиной II в. н.э. Эти погребения можно расценивать как первые проявления позднесарматских традиций в Нижнем Поволжье в первой половине II в., до массового распространения позднесарматской культуры в этом регионе. Видимо, отдельные признаки позднесарматской культуры появляются и в Заволжье еще в первой половине II в., но мы не имеем достаточно точных датировок по этому региону.

Широкое распространение новых позднесарматских традиций в Нижнем Поволжье приходится на вторую половину II в. н.э. Выше был приведен анализ некоторых вещей, которые помогают вычлнить комплексы второй половины II в. из массива памятников второй половины II- первой половины III в. Это профилированные и лучковые фибулы отдельных вариантов (рис. 2/4-7), определенные типы гончарной и лепной керамики некоторые другие категории погребального инвентаря.

Вторую половину II в. можно назвать периодом становления позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье. Продвижение населения, носителей позднесарматской культуры, шло с востока на запад, о чем свидетельствует быстрое исчезновение традиций предшествующей среднесарматской культуры сначала в Заволжье. В пользу этой гипотезы может свидетельствовать появление в

это время некоторых вещей, имеющие восточное происхождение. К ним, к примеру, относятся длинные мечи без навершия и перекрестия с каменной отделкой (портупейные скобы, каменные навершия, перекрестия), встречающиеся в основном на Нижнем Дону и имеющие восточные прототипы в памятниках последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры [Безуглов. 2000, с. 178-180].

В основном в Нижнем Поволжье и восточнее концентрируются находки ножей с бронзовыми деталями рукоятей (рис. 4/26,27), известны они и в среднеазиатских памятниках [Литвинский. 1978, с. 14, рис. 4/1].

В Заволжье в позднесарматских памятниках обнаружены костяные наконечники стрел, аналогии которым можно найти в памятниках Приуралья [Боталов, Гуцалов. 2000, с. 58-60, рис. 28/1-17, 40-44; Овсянников и др. 2007, с. 64-65].

Связь со среднеазиатским регионом просматривается также в могильных конструкциях. В Средней Азии были исследованы подбойно-катакомбные конструкции II в. до н.э. – I в. н.э. [Обельченко. 1964, с. 213, 232; 1965, с. 185-200; Мандельштам. 1966; 1975; Литвинский. 1972], очень схожие с узкими прямоугольными могилами и подбоями с узкими входами позднесарматского периода Урало-Донского региона. Ряд черт погребального обряда в некоторых могильниках Средней Азии позднее получил распространение в позднесарматское время: преобладание погребений под индивидуальными насыпями, северная ориентировка погребенных, четырехгранные курильницы [Обельченко. 1961, с. 125-127, 159, рис. 27].

Появление нового объединения кочевников в Нижнем Поволжье, вероятно, явилось предпосылкой к передвижению части среднесарматского населения из Заволжья в междуречье Волги и Дона. Этим объясняется длительное сохранение среднесарматских традиций в междуречье, выразившееся в наличии большого числа памятников синкретического облика во второй половине II в. н.э. Эти погребения сочетают в себе традиции среднесарматской культуры, такие как широкие прямоугольные ямы, диагональное положение костяков с позднесарматскими признаками – ориентировка в северный сектор, наличие

искусственной деформации черепов. При этом существуют синхронные погребения, зачастую в этих же могильниках, которые соответствуют канонам позднесарматских погребальных традиций. Набор и типы вещей в этих погребениях могут совпадать (рис. 3). Примечательно, что крайне редко во всех типах погребений, в том числе и в комплексах смешанного характера, встречаются обрядовые вещи, такие как курильницы, зеркала, минералы и др., характерные для среднесарматской культуры. Ни в одном из учтенных нами погребений не обнаружено алебастровых сосудиков, довольно часто встречаемых в среднесарматских комплексах [Глухов. 2005, с. 67-68]

С распространением позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье происходит отказ от многих обрядовых норм, характерных для среднесарматского времени. Однако этот процесс в разных районах этого региона по времени протекал не одинаково. В междуречье Волги и Дона традиции среднесарматской культуры сохраняются до конца II в. н.э. Здесь отмечается господство южной ориентировки, продолжают существовать диагональные погребения. Анализ археологического материала в определенной мере подтверждается и антропологическими данными. В некоторых могильниках на территории междуречья прослеживается генетическая связь между населением средне- и позднесарматского времени [Балабанова. 2001, с. 108]. Преобладание позднесарматских традиций здесь происходит к концу II – началу III вв., что было связано с возрастающим проникновением носителей позднесарматской культуры в междуречье [Кривошеев, А.С. Скрипкин. 2006].

В середины III в. преимущественно на Нижнем Дону распространяются погребальные памятники своим происхождением непосредственно не связанные с позднесарматской культурой Нижнего Поволжья. Отличительной их чертой является сооружение катакомб под курганной насыпью, обнаруживающих близкие аналогии на Северном Кавказе, что, видимо, объясняется появлением на Нижнем Дону нового этнического компонента. В междуречье Дона и Волги и на Нижней Волге памятники позднесарматской культуры продолжают существовать и после середины III в., видимо, вплоть до гуннского нашествия. Для погребального обряда

этого времени характерно единообразие, преобладание узких прямоугольных и подбойных ям с северной ориентировкой погребенных. Ощущается ослабление связей с античными центрами Северного Причерноморья, что не дает возможности достаточно убедительно датировать многие комплексы заключительного этапа позднесарматской культуры..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова. 1971. Абрамова М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.

Балабанова. 2001. Балабанова М.А. Обычай искусственной деформации голов у поздних // НАВ. Вып. 4.

Балабанова, Перерва. 2007. Балабанова М.А., Перерва Е.В. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск.

Безуглов. 2000. Безуглов С.И., Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-н/Д.

Боталов, Гуцалов. 2000. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Глухов. 2005. Глухов А.А., Сарматы междуречья Волги и Дона в I- первой половине II в. н.э. Волгоград.

Граков. 1947. Граков Б.Н., Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. № 3.

Клепиков, Кривошеев. 2004. Клепиков В.М., Кривошеев М.В., Комплексы позднесарматского времени могильника «Перегрузное I» // Материалы и исследования по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград.

Кривошеев. 2007. Кривошеев М.В., 2007. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск.

Кривошеев М.В., Скрипкин. 2006. Кривошеев М.В., Скрипкин А.С., Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития // РА. № 1.

Литвинский. 1972. Литвинский Б.А., Курганы и курумы Западной Ферганы. М.

Литвинский. 1978. Литвинский Б.А., Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.

Мандельштам. 1966. Мандельштам А.М., Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136.

Мандельштам. 1975. Мандельштам А.М., Памятники кочевников Кушанского времени в Северной Бактрии. Л.

Обельченко. 1961. Обельченко О.В., Лявандакский могильник // История изучения материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент.

Обельченко. 1964. Обельченко О.В., К изучению курганных погребений в Средней Азии // История изучения материальной культуры Узбекистана. Вып. 5. Ташкент.

Обельченко. 1965. Обельченко О.В., К изучению курганных погребений в Средней Азии // История изучения материальной культуры Узбекистана. Вып. 6. Ташкент.

Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев. 2007. Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н., Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа.

Скрипкин.1984. Скрипкин А.С., Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

Скрипкин.1990. Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Смирнов. 1947. Смирнов К.Ф., Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. V. М.

Статистическая обработка. 1997. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Раннесарматская культура. Вып. II. М.

Статистическая обработка. 2002. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Среднесарматская культура. Вып. III. М.

Статистическая обработка. 2009. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Позднесарматская культура. Вып. IV. М.

Хазанов. 1963. Хазанов А.М., Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.

Хазанов. 1971. Хазанов А.М., Очерки военного дела сарматов. М.

Rau. 1927. Rau P., Die hugelgraber romischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk. Подрисуночные подписи к статье Кривошеева, Скрипкина.

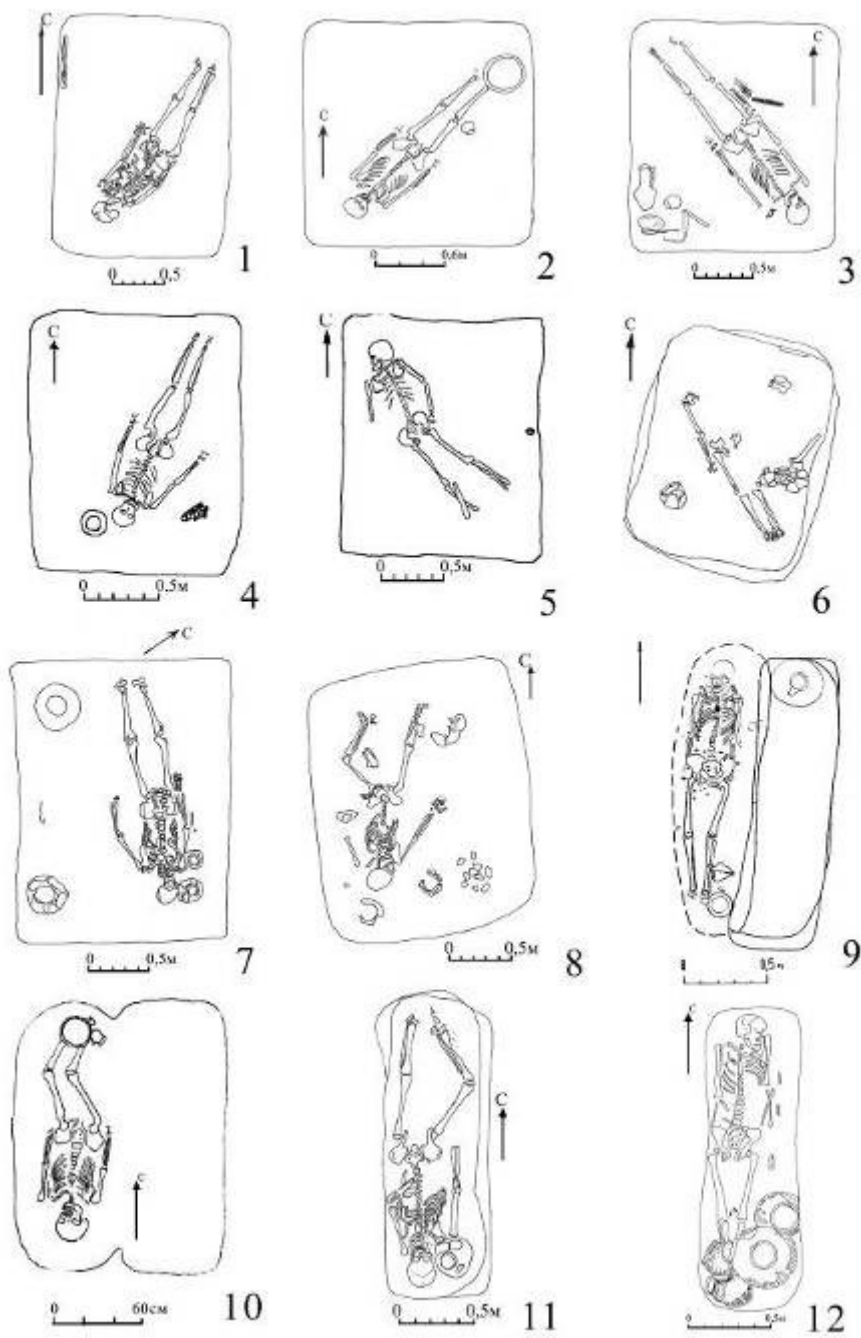
Рис. 1. Типы погребений. 1- Джангар кург. 9 погр. 1; 2- Вост. Маныч II кург. 53 погр. 1; 3-Абганеры кург. 3 погр. 1; 4- Новый Рогачик кург. 9 погр. 1; 5- Жутово кург. 2 погр. 1; 6-Дорофеевский кург. 6 погр. 2; 7- Терновский кург. 45 погр. 1; 8- Крив. Лука XVII кург. 8 погр. 1; 9- Новый кург. 103 погр. 1; 10- Вост. Маныч II кург. 77 погр. 1; 11- Аксай I кург. 1 погр. 1; 12-Перегрузное I кург. 27 погр. 1.

Рис. 2. Фибулы и зеркала из погребений II- первой половины III в. н.э. 1,2- Старица 11/1; 3- Жутово 2/1; 4- Усатово F16/1; 5- Старица 55/1; 6- Перегрузное I 12/1; 7- Жутово 3/1; 8- Бережновка II 73/1; 9- Харьковка I 4/2; 10-Усатово F16/1; 11- Абганерово IV 3/1; 12- Племхоз 8/1; 13- Абганерово II 17/1; 14- Бережновка II 49/1; 15- Кузин хутор 24/1; 16- Маляевка V 10/1; 17- Западные могилы 23/1; 18- Бережновка II 60/1; 19- Западные могилы 24/1; 20- Блюменфельд Б 6/1; 21- Вербовский I 5/1; 22- Старица 20/1.

Рис. 3. 1- Старица 55/1; 2- Перегрузное I 27/1; 3- Сидоры 11/1.

Рис. 4. Вещи, характерные для позднесарматской культуры Нижнего Поволжья сер. II- первой половины III в. н.э. 1- Перегрузное I 15/1; 2- Первомайский VII 55/1; 3- Абганерово IV 4/1; 4- Аксай I 1/1; 5- Жутово 3/1; 6- Абганеры 1/1; 7- Перегрузное I 15/1; 8- Абганеры 3/1; 9- Аксай I 1/1; 10- Кузин

хутор 26/1; 11- Вербовский I 5/1; 12- Старица 69/1; 13- Старица 62/2; 14- Первомайский VII 55/1; 15- Колобовка III 1/1; 16- Авиловский II 13/1; 17- Аксай I 1/1; 18- Сусловский 3/1; 19- Старица 61/1; 20- Лебяжье 7/1; 21- Кривая Лука VI 2/1; 22- Старица 26/2; 23- Октябрьский III 1/1; 24- Калиновский 16/1; 25- Ковыльнов III 5/1; 26- Аксай II 27/1; 27- Бережновка II 73/1; 28- Кривая Лука VI 2/1; 29- Кривая Лука I 9/1; 30- Нагавский II 11/1; 31- Лятошинка 2/1; 32- Крепь II 3/1; 33- Громославка II 3/1; 34- Жутово 1/1; 35, 36- Старица 60/1; 37- Первомайский I 9/1; 38- Вербовский I 5/1; 39- Джангар 9/1; 40- Вербовский I 5/1; 41- Барановка I 23/1; 42- Лебяжье 7/1; 43- Калиновский 7; 44- Колобовка III 1/1; 45- Успенка I 2/1; 46- Бородаевка F4/1; 47- Гусевка I 6/1; 48- Джангар 15/1; 49- Колобовка III 1/1.

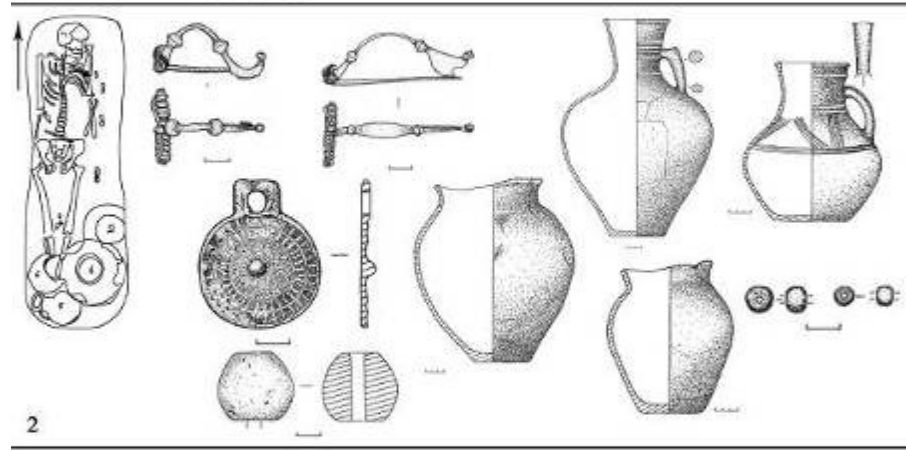
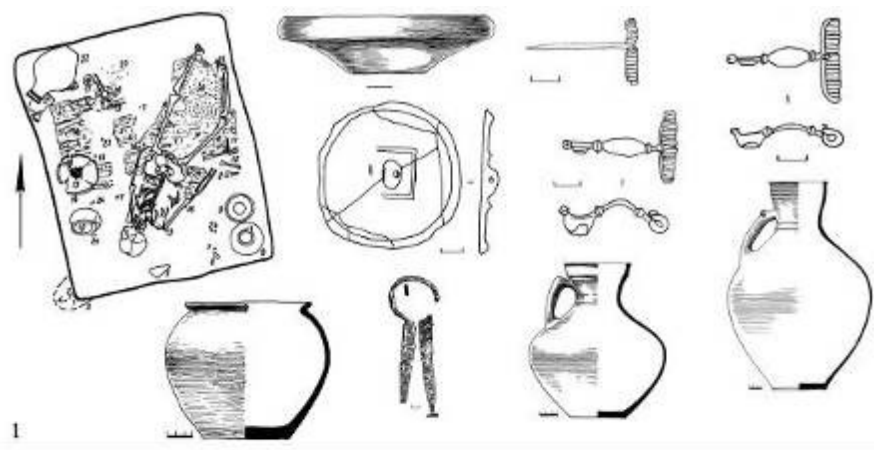

Табл. 1

Табл. 2

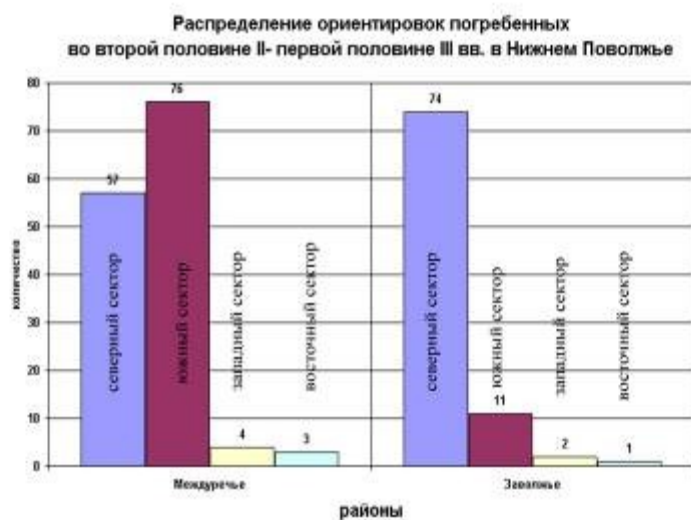
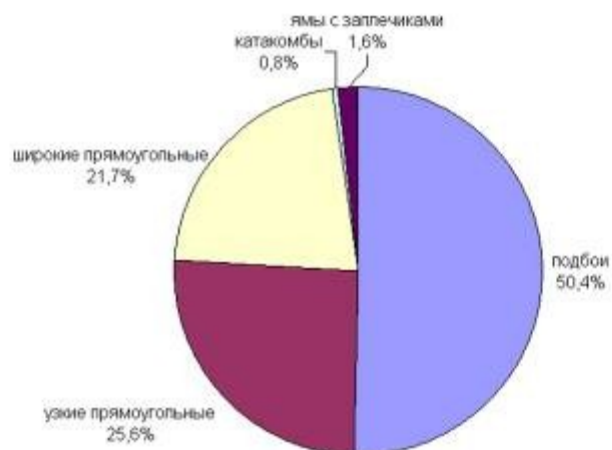

Табл. 3

**Встречаемость деформации черепов в различных типах ям
во второй половине II- первой половине III вв. в Нижнем Поволжье**

Кропотов В.В.

ЗНАЧЕНИЕ ФИБУЛ В КОМПЛЕКСНОМ ИЗУЧЕНИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА САРМАТОВ.

Погребальный обряд сарматов изучается давно и пристально. На сегодняшний день уже охарактеризованы его наиболее выразительные черты, выявлены основные этапы развития, показана региональная специфика. Дальнейшее более углубленное изучение сарматских погребальных традиций требует комплексного подхода к анализу собранных данных и разработки как можно более подробной хронологической схемы, в которой расположенные за тысячи километров друг от друга памятники будут надежно синхронизированы.

В этих условиях необходим удобный, часто встречающийся и достаточно информативный хронологический репер, который позволил бы узко датировать и с высокой степенью достоверности сопоставлять время бытования отдельных сарматских памятников, выстраивая их в хронологические ряды и группы.

Такую возможность предоставляют нам металлические застёжки-фибулы, со II в. до н.э. ставшие неотъемлемой частью костюма древнего населения юга Восточной Европы. Массовость этих изделий, повсеместное распространение одних и тех же типов на огромной территории от Карпат до Урала и постоянное изменение формы и стиля делают их незаменимыми для любых хронологических построений, поскольку ни одна другая категория находок не обладает подобным комплексом качеств.

Более того, территория распространения фибул так называемых причерноморских типов точно совпадает с ареалом сарматской культуры и культур народов, находившихся под сильным сарматским влиянием – поздних скифов Нижнего Днепра и Крыма, меотов Кубани и Нижнего Дона, греков Боспора и других античных центров, оседлого населения Северного Кавказа и лесостепной

полосы Южного Урала. За пределами этих культур находки таких украшений единичны.

Общий анализ фибул юга Восточной Европы II в. до н.э. – III в. н.э. позволил разделить их на 17 основных типологических групп. Это фибулы со свободной ножкой раннелатенской схемы (группа 1), фибулы с закрепленной ножкой среднелатенской схемы (группа 2), воинские фибулы со сплошным приемником (группа 3), лучковые подвязные фибулы (группа 4), дужковые фибулы с двумя иглами (группа 5), миниатюрные фибулы с выпуклой спинкой и сплошным приемником (группа 6), смычковые фибулы (группа 7), фибулы с завитком на конце сплошного приемника (группа 8), фибулы с кнопкой на конце сплошного приемника (группа 9), сильно профилированные фибулы с бусинами на дужке (группа 10), так называемые "гибридные" фибулы, совмещающие в себе признаки нескольких групп (группа 11), провинциальные сильно профилированные фибулы с расширенной головкой (группа 12), шарнирные дуговидные фибулы (группа 13), броши с двумя иглами (группа 14), броши с застежкой-фибулой (группа 15), броши с шарниром из двух стоек (группа 16), фибулы редких на юге Восточной Европы западных типов (группа 17).

На основе сопоставления результатов картографирования и стратиграфических наблюдений, а также анализа встречаемости фибул в закрытых комплексах для большинства этих групп были предложены узкие датировки и дробное деление на серии и варианты.

Устойчивое сочетание одних и тех же типов застежек в закрытых комплексах и почти полная смена этих типов каждый раз при переходе от одного хронологического этапа к другому дали возможность разделить все фибулы на шесть временных групп, тесно связанных с определенными периодами развития юга Восточной Европы.

Итоговая типолого-хронологическая таблица фибул юга Восточной Европы II в. до н.э. – III в. н.э. представлена на рис. 1 – 4.

Первую хронологическую группу образуют фибулы ранне- и среднелатенских

групп (группы 1 и 2), а также двуигольные броши (группа 14). Бытование этих застежек приходится на период расцвета в Северном Причерноморье раннесарматской культуры (вторая половина II – I вв. до н.э.). При этом, если фибулы раннелатенской схемы применялись лишь в начале этого периода, то застежки среднелатенской схемы бытовали в течении всего периода, а двуигольные броши продолжали использоваться и в последующее время.

Ведущими типами застежек второй хронологической группы (период, непосредственно предшествующий широкому распространению римского импорта – конец I в. до н.э. и первая половина I в. н.э.) были воинские (группа 3) и лучковые фибулы I, II и IV серий варианта 1 (группа 4). Значительно меньшим количеством находок в это время представлены двуигольные броши (группа 14) и первые составные (т.е. состоящие из пластинчатого щитка, прикрепленного к спинке дужковой фибулы – группа 15). По-видимому, лишь к концу данного периода появляются первые провинциально-римские шарнирные изделия (группа 13), массово распространившиеся уже на следующем этапе.

Украшения третьей хронологической группы (период повсеместного расцвета среднесарматской культуры – вторая половина I и начало II вв. н.э.) наиболее разнообразны. Среди них можно выделить фибулы лучковые I, II и IV серий варианта 2 (группа 4), дужковые с двумя иглами (группа 5), миниатюрные с выпуклой спинкой (группа 6), с завитком (группа 8, серия I) и с кнопкой (группа 9, варианта 1) на конце приемника, пружинные фибулы-броши (группа 15), а также провинциально-римские шарнирные дуговидные фибулы типа "Авцисса" (группа 13) и броши с шарниром из двух стоек простых форм со сквозным железным стержнем на щитке, фигурные рельефные и полурельефные гладкие (группа 16). В это же время проникают и первые дакийские застежки – ложечковидные (группа 17), сильно профилированные с бусинами на дужке (группа 10, серия I) и с расширенной головкой (группа 12).

Четвертую хронологическую группу, бытовавшую в период формирования позднесарматской культуры (первая половина и середина II в. н.э.), составили

фибулы лучковые I и II серий варианта 3 (группа 4), смычковые (группа 7), с завитком (группа 8, серия I и серия II, форма 1) и с кнопкой (группа 9, вариант 2) на конце приемника, сильно профилированные с бусинами на дужке I (вариант 2), II и III серий (группа 10), пружинные фибулы-броши (группа 15), а также провинциально-римские сильно профилированные застёжки с расширенной головкой (одночленные образцы – группа 12), шарнирные дуговидные (рельефные, эмалевые и отдельные "Авциссы" – группа 13) и немногочисленные броши, украшенные разноцветной эмалью (равноконечные и фигурные полурельефные – группа 16).

Застёжки пятой хронологической группы (период повсеместного господства позднесарматской культуры – заключительная часть II и первая половина III вв. н.э.) довольно однообразны. Почти половину всех находок составляют лучковые фибулы I серии варианта 4 (группа 4). В Крыму наравне с ними также использовались смычковые фибулы (группа 7) и лучковые "инкерманские" (группа 4, серия II, вариант 4), на Нижнем Дону – сильно профилированные с бусинами на дужке II серии (группа 10), в Поволжье и Южном Приуралье – коленчатые с завитком на конце приемника (группа 8, серия II, форма 2). Среди других типов застёжек, представленных гораздо меньшим числом находок, следует отметить фибулы с завитком на конце приемника с плавно изогнутой дужкой (группа 8, серия II, форма 1), пружинные фибулы-броши (группа 15), а также провинциально-римские сильно профилированные изделия с расширенной головкой (двучленные образцы – группа 12) и шарнирные броши сложных и геометрических форм, украшенные разноцветной эмалью (группа 16).

В последнюю шестую хронологическую группу (период готских походов – вторая половина III в. н.э.) вошли, по сути, только двучленные лучковые фибулы (группа 4, серия III), поскольку разгром готами в середине III в. н.э. большинства северопричерноморских производственных центров привел к приостановке выпуска и выходу из употребления почти всех использовавшихся ранее типов застёжек. Лишь в Южном Приуралье наряду с двучленными лучковыми фибулами изредка встречаются коленчатые фибулы с завитком на конце приемника (группа 8,

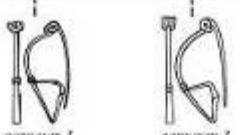

серия II, форма 2), а в Крыму – "инкерманские" (группа 4, серия II, вариант 4) и смычковые (группа 7) застёжки. Использование в это время на юге Восточной Европы других типов фибул археологическими материалами пока не подтверждается.

Выводы

1. Металлические застёжки-фибулы являются наиболее удобным, достаточно информативным и надёжным хронологическим индикатором для погребальных комплексов сарматской эпохи.
2. Территория распространения фибул причерноморских типов точно совпадает с ареалом сарматской культуры и культур народов, находившихся под сильным сарматским влиянием.
3. Устойчивое сочетание одних и тех же типов застёжек в закрытых комплексах и почти полная смена этих типов каждый раз при переходе от одного хронологического этапа к другому позволили выделить шесть временных групп фибул юга Восточной Европы сарматского времени.
4. Хронологические группы фибул сохраняют свою идентичность во всем ареале распространения сарматской культуры начиная со II в. до н.э.
5. Использование фибул в качестве хронологического репера позволит узко датировать и с высокой степенью достоверности сопоставлять время бытования отдельных сарматских памятников и выстраивать их хронологические ряды и группы.

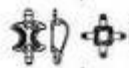

Подписи к иллюстрациям

Рис.1-4. Типолого-хронологическая таблица фибул юга Восточной Европы II в. до н.э. – III в. н.э.

Шестая хронологическая группа				 <p>серия III</p>	III в. н.э.
Пятая хронологическая группа				 <p>вариант 4 вариант 4</p>	III в. н.э.
Четвертая хронологическая группа				 <p>вариант 3 вариант 3</p>	II в. н.э.
Третья хронологическая группа				 <p>вариант 2 вариант 2 вариант 2</p>	I в. н.э.
Вторая хронологическая группа				 <p>вариант / серия I вариант / серия II вариант / серия IV</p>	I в. н.э.
Первая хронологическая группа	 <p>серия I</p>	 <p>серия II серия III</p>			I в. до н.э.
Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4		II в. до н.э.

	Первая хронологическая группа	Вторая хронологическая группа	Третья хронологическая группа	Четвертая хронологическая группа	Пятая хронологическая группа	Шестая хронологическая группа
			вариант 1 серия I	вариант 2 серия II серия III		
Группа 10						
Группа 11						
Группа 12						
Группа 13						
	II в. до н.э.	I в. до н.э.	I в. н.э.	II в. н.э.	III в. н.э.	

хронологическая группа				
------------------------	--	--	--	--

	Первая хронологическая группа	Вторая хронологическая группа	Третья хронологическая группа	Четвертая хронологическая группа	Пятая хронологическая группа	Шестая хронологическая группа	
Грунна 14							
Грунна 15							
Грунна 16							
Грунна 17							
	III в. до н.э.	I в. до н.э.	I в. н.э.	II в. н.э.	III в. н.э.		

Куринских О.И.

(Москва)

Катакомбные конструкции могильников у с. Покровка (левобережье Илека).

В археологической литературе вопросу о катакомбах, как специфической форме могилы в погребальном обряд ранних кочевников, уделяется немало внимания. Как правило, это касается проблемы этнической принадлежности, происхождения и времени бытования.

Это не мешает исследователям также заниматься их типологией и классификацией с учетом новейших данных, как на региональном уровне, так и на всей территории распространения памятников ранних кочевников степной полосы от Дона до Южного Приуралья.

Представляется интересным рассмотреть особенности данного вида погребальных сооружений на отдельно взятом памятнике, полностью изученном в археологическом плане. Целью работы является, с одной стороны, введение в научный оборот, хотя уже и опубликованных, но пока мало изученных материалов, а с другой стороны определение места и роли этих погребальных конструкций среди разнообразных форм могил, бытовавших у локально близкой группы населения, оставившей эти памятники в раннесарматское время.

Данная работа посвящена рассмотрению катакомбных погребений, раскопанных в пяти курганных могильниках, расположенных у с. Покровка на левом берегу р. Хобда в Левобережье Илека (Покровка I, II, VII, VIII и X) [Курганы... 1993, 1994, 1995, 1996; Яблонский. 1998, 1999; Малашев, Яблонский. 2004, 2005].

Всего на указанных памятниках было исследовано 29 катакомб из 205 погребений (14%), относящихся к VI – I вв. до н.э. Катакомбы были как впускными (76%), так и основными (24%). В целом, погребения из покровских могильников, совершенные в катакомбах, относятся ко времени IV – I вв. до н.э. Определение

дробной хронологии не стоит в задачах настоящего исследования. Остановимся на вопросах их типологии, исходя из данной выборки.

Несмотря на то, что вопрос о погребальных конструкциях ранних кочевников рассматривался в археологической литературе неоднократно, исследователи так и не пришли к использованию общей терминологии. Начиная с Б.Н. Гракова, который выделил отдельно погребения с камерами, при этом, не различая подбойные конструкции и ямы с катакомбами [Граков. 1964], предпринимались как попытки создания унифицированных классификаций для данных видов погребений, так и их терминологического разъяснения. Отмечаются разногласия, особенно в описании деталей катакомбного погребения. Прежде всего, это касается входной ямы, которую называют либо дромосом, либо шахтой или колодцем, а непосредственный вход в камеру – устьем, лазом, или опять же дромосом [Габуев. 1988, с.147; Мошкова, Малашев. 1999, с. 173]. В любом случае, исследователи, обозначая подобную погребальную конструкцию, говорят о входной яме, в одной из стен которой сооружалась непосредственно погребальная камера, где располагался погребенный; вход в камеру, чаще, располагался в узкой (торцевой) части входной ямы [Смирнов. 1972, с.74].

Варианты соотношений осей входной ямы и камеры могут быть различны, в соответствии с чем выделяются различные типы, впервые предложенные в типологии К.Ф. Смирнова [Смирнов. 1972]. В дальнейшем эта типология практически без изменений использовалась многими исследователями. Так для Поволжско-Приуральских катакомб К.Ф. Смирнов предложил следующие три основных типа, разделив их по основным конструктивным особенностям:

I. «Камера вырыта в узкой части дромоса по своей длине иногда равна, а чаще всего шире дромоса». – В данном случае автор употребляет понятие «дромос», которое равнозначно понятию «входная яма». Формулировка этого типа несколько неясна, поэтому исследователи называют катакомбы подобной конструкции «Т-образными», имея в виду, что продольные оси входной ямы и камеры перпендикулярны друг другу.

II. «Камера расположена по продольной оси входной ямы или дромоса, иногда она отделена от дромоса суженным устьем». – Собственно это наиболее распространенный тип катакомб в Южном Приуралье и все остальные типы, по сути, являются лишь теми или иными его модификациями.

III. «Камера, вырытая в узкой части входной ямы, находится под тупым или прямым углом по отношению к ней». – Этот тип также назван автором производным от типа II. При этом отмечается, что погребенные в таких катакомбах, как правило, лежат ногами к входу, что скорее зависит не от конструкции, а от доминирующей ориентировки, но об этом будет сказано ниже.

IV. К.Ф. Смирнов, характеризуя уже катакомбные конструкции Северного Кавказа, отмечает, что здесь «выявляются катакомбы IV типа: входная яма и дромос расположены параллельно друг другу; они соединяются между собой при помощи узкого устья». – Скорее всего, здесь имелся в виду не дромос, а камера, продольная ось которой расположена параллельно продольной оси входной ямы, при этом камера смещена относительно входной ямы в сторону, лишь частично смыкаясь с ней, как правило, в ее южной части. Этот тип также выделяется М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашевым, где они отмечают, что во всех известных им случаях камеры примыкали к западной стенке, а вход в камеру занимал около одной трети или половины стенки дромоса.

Дополняя типологию К.Ф. Смирнова, М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев в своем исследовании, посвященном непосредственно типологии и хронологии сарматских катакомб, выделили собственно еще два типа, кроме IV, о котором уже упоминалось выше. Помимо основного соотношения продольных осей камеры и входной ямы, во внимание также был принят такой признак, как расположение погребенного по отношению к длинной оси входной ямы, уточняя, таким образом, тип I по К.Ф. Смирнову, когда собственно не удастся зафиксировать расположение самой камеры, и некоторые другие признаки [Мошкова, Малашев. 1999, с.173].

V. «Дромос и камера примыкают друг к другу под острым углом».

VI. «Входная яма имеет округлую форму (как ствол шахты), и связь ее с камерой бывает различна, как различны и формы самой камеры» [Мошкова, Малашев. 1999, с.174].

Я так подробно остановились на этих двух классификациях только потому, что в сарматологии это наиболее употребляемая и всеми принятая схема описания погребений с катакомбными конструкциями. Но, поскольку в нашей выборке некоторых типов нет, и в то же время есть масса промежуточных форм, было принято решение ввести для данного исследования собственную нумерацию типов, оговорив, как они соотносятся с уже имеющейся типологией.

Для характеристики катакомб из покровских могильников были выделены следующие признаки и их значения, на основе которых мы выделили типы, подтипы и варианты типов и подтипов. Эти признаки следующие: I – соотношение продольных осей входной ямы и камеры (1 – на одной прямой или оси расположены под тупым углом, 2 – оси параллельны со смещением, 4 – расположение костяка перпендикулярно длинной оси входной ямы); II – форма входной ямы в плане (1 – прямоугольная или вытянутая с закругленными углами, 2 – круглая или квадратная и подквадратная.); III – форма камеры в плане (1 – прямоугольная или вытянутая с закругленными углами, 2 – трапециевидная, 3 – овальная); IV – расположение камеры и входной ямы относительно сторон света (1 – меридиональное: А – камера примыкает к входной яме в южном секторе, Б – в северном секторе; 2 – широтное, В – камера примыкает с востока или с запада); V – соотношение дна входной ямы и камеры (1 – через ступеньку, 2 – дно плавно понижается от задней стенки входной ямы в камеру, 3 – уровень дна одинаковый); VI – количество камер с одной входной ямой (1 – одна камера, 2 – две камеры).

На основе данных признаков, учитывая, с одной стороны, доминирующее положение значения признака соотношения осей входной ямы и камеры на одной прямой, а с другой стороны, многообразие промежуточных форм, типы были выделены при сочетании следующих критериев: 1 – соотношение длинных осей; 2 – форма входной ямы и камеры в плане; 3 – количество камер с одной входной

ямой. Сначала описываются типы с одной камерой, и один, последний тип выделен по признаку двухкамерности катакомбы.

Таким образом, наши катакомбы были разделены на пять типов. Количество катакомб в типах не одинаково. Наиболее многочисленным является **тип I** (тип II и III по К.Ф. Смирнову). Он характеризуется катакомбами, у которых продольные оси входной ямы и камеры расположены на одной прямой, с небольшими отклонениями в ту или иную сторону. В этот тип вошло 20 погребений (70%). Для этого типа характерны в основном прямоугольные или подпрямоугольные с сильно скругленными углами (почти овальные) в плане входные ямы и камеры, примерно равные по длине.

По расположению камеры относительно входной ямы по сторонам света из 20 катакомб этого типа 19 ориентированы меридианально, у 15 из которых камера примыкала с юга к входной яме, а у четырех – с севера. В одном случае камера примыкала с востока, а сама катакомба имела широтную ориентировку.

В пяти катакомбах переход дна входной ямы в дно камеры осуществляется через ступеньку (I-2-3, I-3-4, I-12-3, VII-8-1, VIII-6-4¹⁵). При этом во входной яме может также фиксироваться еще одна ступенька (I-2-3, I-3-4, I-12-3). В семи погребениях дно входной ямы плавно переходит в дно камеры (I-3-1, II-25-2, VII-1-1, VII-9-1, VII-9-9-ск2, VII-10-1, X-55-1). В трех случаях это понижение не плавное, а имеет форму пандуса, в то время как полы во входной яме и камере горизонтальные (II-25-2, VII-10-1, X-55-1). Еще в семи погребениях дно расположено на одном уровне (I-2-7, I-2-12, I-4-3, I-6-1, VII-8-3, VIII-5-3, X-12-1).

В погребении 2 кургана 6 Покровки I удалось зафиксировать только камеру, которая примыкала, по всей видимости, с севера к входной яме, разрушенной при сооружении более позднего погребения с подбоем (погр. 3).

К.Ф. Смирнов в свое время отмечал, что в катакомбах II и III типов костяки располагались в основном ногами ко входу и редко наоборот. Как видно из выше сказанного, это скорее зависит не от конструкции катакомбы, а от того, что катакомбы чаще всего были ориентированы меридианально, а камеры могли

¹⁵ Номер погребения следует читать так – Могильник-курган-погребение-скелет (там, где погребение с одним номером имеет и камеру катакомбы, и нишу подбоя).

примыкать к входной яме не только с юга, но и с севера. При этом расположение костяка, в данном случае, зависит от характерной для подобной формы погребального обряда ориентировки самого костяка, которая во всех случаях относилась к южному сектору, за редкими исключениями восточного или западного секторов, в не зависимости от того, с какой стороны камера примыкала к входной яме.

Тип II представлен тремя катакомбами (10%). По соотношению продольных осей этот тип ни чем не отличается от типа I. Выделен же он скорее по форме входной ямы и камеры в плане, и, как представляется, составляет несколько другую конструкцию, чем катакомбы типа I. Входная яма у этих катакомб очень короткая, практически шахта (колодец), а камера напротив, очень длинная и узкая. Учитывая небольшой количественный состав, этот тип не разделяется на подтипы и варианты, но в двух случаях камеры примыкали к входной яме в южном секторе (II-8-4, X-6-6), а в одном – с севера (II-7-1). При этом соотношение полов различается во всех трех случаях, и характеризуется и переходом через ступеньку (X-6-6), и плавным понижением в камеру (II-8-4), и одинаковым уровнем (II-7-1). Ориентировка костяков, там, где она фиксируется, относится к южному сектору.

Тип III. В этот тип вошла одна катакомба (I-4-4), которая имеет те же характеристики, что и тип I, то есть длинные оси камеры и входной ямы расположены на одной прямой. Существенным отличием является то, что камера, примыкающая с юга, не вытянутая прямоугольная, а широкая трапециевидная. Так что противоположная от входа стенка почти в полтора раза превышает ширину входной ямы. В этой камере зафиксированы два костяка, лежащие вдоль длинных боковых стен в индивидуальных гробовинах на большом расстоянии друг от друга. Перед входом в камеру у небольшой ступеньки лежала доска, обозначая, таким образом, перекрытие устья. По составу инвентаря (железная пряжка с неподвижным язычком, сочетанием двух кинжалов с прямым перекрестием и, в одном случае, с серповидным навершием, а в другом случае – с кольцевым) эта катакомба, скорее всего, датируются II – I вв. до н.э. Подобные камеры зафиксированы на могильнике Нижний Джулат в Центральном Предкавказье

(погребение 30, 36, 46). Они датированы М.П. Абрамовой II – I вв. до н.э. [Абрамова. 1972, рис. 15; Она же. 1993, с. 23. Рис. 7, 7, 8, 9]. Автор относит их ко второй группе катакомб II типа, которые характеризуются широкими камерами, чаще всего трапециевидной формы, которые содержали коллективные захоронения [Абрамова. 1993, с. 22]. Иногда у исследователей возникает вопрос – относить ли подобные конструкции с широкими камерами к катакомбам с расположением осей на одной прямой или же их оси были перпендикулярны [Габуев, Малашев. 2009, с. 107]. Поэтому чаще всего учитывается значение признака расположение костяка перпендикулярно длинной оси входной ямы. В данном случае мы имеем продольное расположение обоих костяков вдоль длинных боковых стен камеры. М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашеву рассматриваемая катакомба III типа представляется, исходя из ее конструктивных особенностей, не однокамерной, а с двумя камерами, расположенными под углом друг к другу и имевшими одну входную яму [(Мошкова, Малашев. 1999, с. 179)]. Если это так, то наиболее близкой аналогией ей можно назвать погребение 14 из кургана 9 Шумаево II [Моргунова и др..2003, с. 159], которое также датируется прохоровским временем. На наш взгляд, учитывая общее устье камеры, заложённое доской, и некоторый инвентарь, лежащий в пространстве между скелетами, это все же одна камера с парным захоронением, пусть даже в индивидуальных гробовинах, что, скорее всего, подчеркивает статус погребенных, а не первоначальную раздвоенность катакомбы на две камеры.

Тип IV выделен по соотношению продольных осей камеры и входной ямы параллельно друг другу или с небольшим отклонением. Он соответствует типу IV по К.Ф. Смирнову для северокавказских катакомб, а М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев выделили его и для других территорий [Мошкова, Малашев. 1999, с. 174]. Во всех трех случаях камера примыкала к продольной стенке входной ямы в ее юго-западной трети. Длина камеры и входной ямы приблизительно равны, а их дно находится на одном уровне (I-3-2, VII-1-2, VIII-6-5). Во всех случаях погребенные были ориентированы головами на юг.

Тип V – двухкамерная катакомба. Подобных конструкций в Покровских могильниках насчитывается всего две. Эти катакомбы имели прямоугольную входную яму, которая вместе с камерами была ориентирована меридионально. Камеры фиксировались в коротких северном и южном торцах ямы. В одном случае катакомба была полностью ограблена, и установить положение костяка не удастся (I-1-2). При этом были нарушены первоначальные границы входной ямы, на дне которой в беспорядке лежали человеческие кости примерно трех индивидов. Как в южной, так и в северной камере на дне был зафиксирован тлен от органической подстилки, что подтверждает наличие двухкамерной конструкции. Вторая катакомба (VIII-2-3,5) несколько отличается от первой. Камеры и входная яма были ориентированы меридионально и расположены на одной прямой, при этом костяк в северной камере был ориентирован на ЮЗЗ и лежал почти перпендикулярно длинной оси входной ямы, что в некоторых случаях учитывается как признак катакомб типа I по К.Ф. Смирнову, когда очертания самой камеры нечеткие. В южной камере находилось парное захоронение (взрослый мужчина с ребенком), и погребенные лежали головой на юг вдоль длинной оси камеры и входной ямы. Поэтому здесь в некотором смысле комбинированная катакомба, но, тем не менее, одновременность захоронений не вызывает сомнений. Дно входной ямы и камеры в той и другой катакомбе этого типа находилось либо на одном уровне, либо наблюдалось небольшое понижение в сторону камеры.

Любопытно, что когда в своей работе М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев характеризовали покровские катакомбы (правда к тому времени были еще не известны некоторые материалы из раскопок Покровки 10), они отнесли к типам II и III по К.Ф. Смирнову большую часть зафиксированных ими конструкций (21 из 27), а три катакомбы также были отнесены к типу IV (Мошкова, Малашев, 1999. С. 179). Авторы обращают внимание на одно погребение с камерой катакомбы и подбоем одновременно (Покровка VII, кург. 9, погр. 9). Костяк, расположенный в камере катакомбы принадлежал девочке-подростку 12-13 лет, при этом в подбое также был захоронен ребенок лет 7-8. Инвентарь в обоих погребениях в целом характерен для раннесарматского времени, и отличается лишь по гендерному

составу. Так, как у девочки преобладали в основном бусы и другие украшения, а около скелета мальчика были обнаружены сосуды и бронзовые наконечники стрел. Возникает вопрос, считать ли подобную конструкцию двухкамерной могилой с совершенными одновременно камерой и подбоем. Авторы раскопок, судя по характеру заполнения, утверждают, что сначала было совершено захоронение в катакомбе, а затем уже в подбое [Курганы левобережного Илека. 1996, с. 40]. Создается впечатление, что устроители захоронения действительно сначала совершили погребение в катакомбе, а потом, с незначительным интервалом времени, впустили во входную яму другое погребение, сделав в восточной стенке подбой. Иначе как объяснить столь точное попадание во входную яму ранее совершенного захоронения, и при этом разный состав ее заполнения до уровня подбоя, расположенного выше дна входной ямы катакомбы? Судя по набору наконечников стрел при скелете 2, погребение можно датировать концом IV – началом III вв. до н.э. Следовательно, катакомба также может быть датирована не раньше конца IV века до н.э.

Еще одно погребение (Покровка 10, кург. 4, погр. 2) [Малашев, Яблонский. 2005, с. 152], которое М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев отнесли к типу VI своей типологии [(Мошкова, Малашев. 1999, с. 176)], на мой взгляд, все же является подбоем, поскольку катакомбные конструкции в целом представлены относительно небольшим количеством на фоне других видов конструкции; относить к столь редкому типу подобные сооружения, которые больше напоминают подбой, имеющие наибольший процент встречаемости среди камерных погребений в покровских могильниках, не представляется совсем обоснованным. Авторы также отмечают, что основная масса катакомб датируется II в. до н.э., несколько – III – II вв. до н.э., а одно – IV – III вв. до н.э. [Мошкова, Малашев. 1999, с. 179], что в целом соответствует и нашим представлениям.

В данном случае мы не ставили задачу подробного хронологического анализа состава инвентаря, это будет целью дальнейшего исследования, но, рассмотрев все возможные особенности конструкций катакомбных сооружений Покровских могильников можно сделать следующие заключения.

Наиболее распространенный тип I чаще всего фиксируется в могильнике Покровка I (см. Табл. 1). По типовому и количественному составу встреченных конструкций наиболее близки между собой могильники Покровка I, VII и VIII (типы I, IV и V). Тип II присутствует только в могильниках Покровка II и X, которые также близки по типовому составу (тип I и II). Таким образом, пять могильников можно условно разделить по типовому составу встреченных катакомб на две группы, но в той и другой группе доминирующим по-прежнему остается тип I.

Разнообразие выделенных типов объясняется лишь наличием всевозможных модификаций промежуточных форм двух наиболее распространенных типов по К.Ф. Смирнову, т.е. типов II и III (тип I в данной классификации), что в целом характерно как для Южного Приуралья в раннесарматское время, так и для Северного Кавказа, где подобные конструкции часто встречаются среди курганных могильников последних веков до н.э. [Абрамова. 1993, с. 22; Габуев. 2005, с. 512, 513].

Среди покровских катакомб нет наиболее раннего типа (тип I по К.Ф. Смирнову), который можно было бы отнести к V в. до н.э., встреченных в других памятниках Южного Приуралья (могильники Пятимары I, Мечет-Сай, Новый-Кумак, Лебедевка). Наиболее ранние катакомбы, судя по предварительному анализу погребального инвентаря датируются не раньше IV в. до н.э., хотя точные датировки еще предстоит выяснить.

Распределение половозрастного состава погребенных¹⁶ с учетом индивидуальных и коллективных захоронений, выглядит следующим образом: женщины составляют 50%, мужчины – 33%, дети и подростки – 17 % погребенных. При чем, среди индивидуальных захоронений также больше половины женских костяков. Наибольший процент составляют индивидуальные захоронения (83%), парные и коллективные захоронения, которые наиболее характерны для грунтовых катакомб Северного Кавказа III – I вв. до н.э., у ранних кочевников покровских могильников единичны (от 3 до 4%).

¹⁶ Определения Л.Т.Яблонского

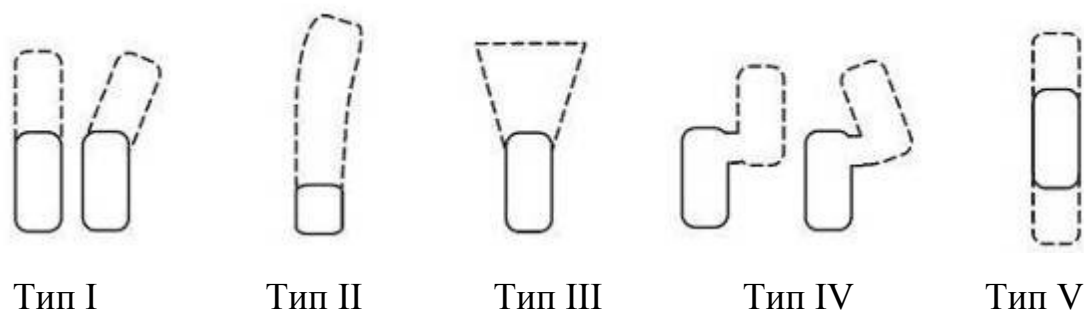
Катакомбы всех типов являются в основном впускной формой могил. В некоторых курганах, сооруженных в более ранний период, они занимают центральное положение и являются основными для раннесарматского времени, вокруг которых располагаются все остальные погребения разнообразных конструкций.

Если судить в общем, то катакомбы покровских могильников представляют собой относительно однообразный материал, и встречаются среди захоронений ранних кочевников, оставивших эти памятники, начиная с IV в. до н.э. Они существуют наряду с другими видами конструкций погребальных сооружений, но при этом являются достаточно редкой формой. Использование подобной конструкции возможно объяснялось причинами социально-экономического порядка. Они являлись видом обряда для статусно значимых категорий населения. Это лишь гипотеза, поскольку выделение каких-то критериев социальной или экономической стратификации на основе набора инвентаря пока не проводилось и может стать задачей дальнейших исследований памятников ранних кочевников всего региона в целом.

Таблица 1. Распределение типов катакомб по могильникам.

Могильник	Т ип I	Т ип II	Т ип III	Т ип IV	Т ип V	Итого
Покровка I	9		1	1	1	12 (41%)
Покровка II	1	2				3 (10%)
Покровка VII	6			1		7 (25%)
Покровка VIII	2			1	1	4 (14%)
Покровка X	2	1				3 (10%)
Итого	20 (70%)	3 (10%)	1 (4%)	3 (10%)	2 (6%)	29(10 0%)

Рис. 1. Типы катакомб в могильниках у с. Покровка.

Список литературы:

Абрамова. 1972. Абрамова М.П. Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик.

Абрамова. 1993. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.

Габуев. 1988. Габуев Т.А. Классификация катакомб Центрального Предкавказья II в. до н.э. – VII в. до н.э. // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Орджоникидзе.

Габуев. 2005. Габуев Т.А. Две катакомбы сарматского времени у ст. Черная в Северной Осетии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М. 2005.

Габуев, Малашев. 2009. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.

Граков. 1964. Граков Б.Н. Погребальные сооружения и ритуал общинников степной Скифии // АСГЭ. Вып. 6.

Курганы...1993-1996. Курганы левобережного Илека. 1993-1996. М.

Моргунова, Гольева, Краева, Мещеряков, Турецкий, Халяпин, Хохлова. 2003. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург.

Малашев, Яблонский. 2004. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Ранние кочевники Южного Приуралья (по материалам могильника Покровка 10) // Археологические памятники раннего железного века юга России. М.

Моргунова, Трунаева. 1993. Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М.

Мошкова. 1983. Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов.

Мошкова, Малашев. 1999. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград.

Смирнов. 1972. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. №1.

Смирнов. 1975. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.

Яблонский. 1998. Яблонский Л.Т. Работы комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.2. Оренбург.

Яблонский. 1999. Яблонский Л.Т. Некоторые итоги работ комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Яблонский, Малашев. 2005. Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10 // НАВ. Волгоград. Вып. 7.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.

(Краснодар. КГУ)

ПОДБОЙНО-КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ МЕОТСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ КУБАНИ.

Впервые подбои и катакомбы на меотских грунтовых могильниках были открыты в 1938 г. в ст-це Владимирской, а затем в 1944 г. – в Ладожской и Тбилисской. Н.В. Анфимов, который обследовал их, по аналогии с античными склепами, назвал эти погребальные сооружения земляными склепами [Анфимов. 1947]. При публикации материалов Усть–Лабинского могильника № 2 он стал называть их подбоями [Анфимов. 1951, с. 169, 191]. В последующих работах все захоронения в подбоях и катакомбах он относил к камерным гробницам или могилам с подбоем. Автор считал, что «по обряду погребения и общему облику культуры курганные погребения «Золотого кладбища» идентичны одновременным им погребениям грунтовых могильников ... поэтому их нельзя относить к другому племени» (т.е. сарматскому – Н.Л., И.М.). В пользу этого, по его мнению, свидетельствует и более раннее (II в. до н.э.), чем в курганах, появление таких захоронений на меотских могильниках. Появление камерных гробниц, которые, по его мнению, отличались от других погребений богатством, он объяснял имущественной дифференциацией меотского общества [Анфимов. 1958, с. 66, 67]. В дальнейшем тезис о богатстве подбойно-катакомбных меотских погребений закрепился в литературе [Абрамова. 1982, с. 16; Абрамова. 2007, с. 51; Анфимов. 1986, с. 50].

Появление «камерных гробниц» или могил с подбоем на грунтовых меотских могильниках Н.В. Анфимов относил ко II в. до н.э. [Анфимов. 1947, с. 156; Анфимов. 1958, с. 67]. Правда, при публикации материалов Усть-Лабинского могильника № 2, он предположил, что погребение 40/1938 г., которое, как он считал, относится к финалу второй хронологической группы (IV – начало III в. до н.э.), может быть подбойным. На это, по его мнению, как будто указывает череп с

отпавшей нижней челюстью, и миска, которая лежала вверх дном на плечевой кости [Анфимов.1951, с. 164]. В настоящее время раскопано большое количество погребений IV–II вв. до н.э., в которых зафиксирована такая деталь погребального обряда как специально перевернутая вверх дном миска (Прикубанский могильник, могильники Старокорсунского городища № 2, городища № 3 хут. Ленина и др.). А отпавшая нижняя челюсть не дает никаких оснований предполагать наличие подбойной могилы, такая ситуация часто наблюдается в простых ямах. О наличии подбойных могил можно судить по стратиграфическим данным, когда более позднее погребение находилось под ранним, и по наличию скелетов животных, расположенных выше захоронения человека, справа или слева от него. Катакомба 55/1938 была выявлена по расположению скелета лошади в ногах погребенного, который находился на 0,45 м выше скелета человека.

Н.В. Анфимов отнес несколько погребений третьей хронологической группы (III – начало I вв. до н.э.) к подбойным (14/1936, 24/1936, 12/1937, 69, 70, 83/1938). Причем он оговорил, что наиболее глубокие погребения относятся к концу этой хронологической группы [Анфимов. 1951, с. 169]. Анализ вещевого материала из подбойных погребений третьей хронологической группы позволяет уточнить их датировку. Так, погребение 14/1936г. (раскопки М.В. Покровского), в котором находилась вертикально поставленная плита (заклад), по кованному зеркалу с ручкой (тип IV, 1 по И.И. Марченко) и сероглиняному канфару на конической ножке датируется второй половиной II в. до н.э. [Марченко. 1996, с. 17, 18, рис. 3]. К этому же времени относится и погребение 24/1936 г., в котором были найдены аналогичные зеркало и канфар, а также подвесная чашечка (светильник). Погребения 12/1937, 69, 70, 83/1938 по сероглиняным канфарам датируются широко – II – началом I в. до н.э. [Лимберис, Марченко. 2005, с. 238. Хронол. табл.].

И.Н. Анфимов, ссылаясь на стратиграфические наблюдения Н.В. Анфимова, отмечает, что «камерные могилы» появляются в Усть-Лабинском могильнике № 2 в III в. до н.э. [Анфимов. 1986, с. 50]. Такую датировку (III–II вв. до н.э.) подбойных могил Усть-Лабинского могильника № 2 приняла М.П. Абрамова

[Абрамова. 2007, с. 28]. Но, как мы показали выше, ни одно из подбойных погребений этого могильника не может быть датировано раньше II в. до н.э.

В результате изучения отчетов М.В. Покровского и Н.В. Анфимова о раскопках Усть-Лабинского могильника № 2¹⁷, а также находок из этого могильника, которые хранятся в Краснодарском историко-археологическом музее-заповеднике, удалось выделить и продатировать 15 подбойных погребений и одну катакомбу (55/1938). Семь подбоев можно объединить в раннюю группу (II–I вв. до н.э.). Остальные 8 погребений – в позднюю группу (I–II вв. н.э.).

Для подбоев II–I вв. до н.э. характерен большой разброс ориентировок: представлены южная (2), юго-восточная (2), восточная (1), северо-западная (1) и северо-восточная (1). Для погребений I–II вв. отмечены восточная (3), западная (2), южная (2) и северная (1) ориентировки. В 6 погребениях в яме подбоя лежали скелеты коровы, причем Н.В. Анфимов отмечал, что они принадлежали молодым особям. В основном, скелеты животных находились слева от погребенного, и только в одном случае – справа. В погребении 46/1937 в яме подбоя справа от погребенного была положена лошадь. В одной яме подбоя (88/1938) находилось три скелета животных: коровы, лошади и собаки.

Катакомба 55/1938 может быть датирована по шарнирной круглой фибуле с крестовидным центром (тип Эттлингер 40,1) второй четвертью I в. н.э. [Лимберис, Марченко. 2004, с. 225, рис. 3, 6]¹⁸. К сожалению, конструкция катакомбы не была прослежена, как и в других случаях на этом могильнике.

Все погребения в подбоях и катакомбе Усть-Лабинского могильника № 2 по набору погребального инвентаря относятся к рядовым захоронениям. В погребениях присутствуют стандартные наборы керамических сосудов, предметы вооружения, зеркала и бусы. В трех погребениях I в. н.э. найдены мечи с кольцевым навершием и прямым перекрестием. В катакомбе с мечом был захоронен ребенок. В двух подбоях были найдены стеклянные сосуды. Погребение 88/1938г. по стеклянному скифосу типа Isings 39 датируется I в. н.э. [Лимберис,

¹⁷ Архив ИИМК, Ф. 2, оп. 1, 1936, № 264; Ф.2, оп. 1, 1937, № 190, 358; Ф. 2, оп. 1, 1938, № 20, 274.

¹⁸ В тексте нашей статьи ошибочно указано, что в этом погребении отсутствует меч с кольцевым навершием, о котором говорил А.К. Амброз [Лимберис, Марченко. 2004, с. 225].

Марченко. 2003, с. 180]. Чаша типа AR 3.2 (по Б. Рютти) из погребения 90/1938 позволила датировать комплекс первой половиной I в. н.э. [Лимберис, Марченко. 2003, с. 110, 181]. Отметим, что стеклянные сосуды встречены и на других меотских памятниках в погребениях, совершенных в простых ямах, с небольшим набором погребального инвентаря [Лимберис, Марченко. 2003, с. 181–183].

По количеству инвентаря погребения II–I вв. до н.э. отличаются от погребений I–II вв. н.э., но это чисто хронологическое различие. Для погребального обряда меотских грунтовых могильников характерно уменьшение количества погребальных даров от IV в. до н.э. к I–II вв. н.э. Поэтому следует признать, что погребения Усть-Лабинского могильника № 2 в подбоях и катакомбах не отличаются богатством и обилием инвентаря от погребений в простых ямах.

На могильнике Воронежского городища № 3 Н.В. Анфимовым было раскопано в 1966–1969 гг. 9 катакомб и 12 подбоев. Ориентировка погребенных в катакомбах более устойчивая. В 6 погребениях отмечена западная ориентировка с небольшим отклонением к северу или югу, в 3 погребениях – юго-западная. Во входных ямах 3 катакомб были помещены жертвенные лошади, в 5 случаях зафиксированы скелеты коров. В погребении 102/1969 во входной яме были захоронены лошадь и корова, которая была положена на лошадь. Причем Н.В. Анфимов отмечал, что и в катакомбах, и в подбоях, в основном, захоронены молодые особи. Во всех катакомбах погребенные были положены ногами к входной яме. В погребении 73/1966 дно камеры, как отметил Н.В. Анфимов, наклонное. Этот признак указывает на катакомбу типа II. Такие погребальные сооружения характерны для сираков Прикубанья и Золотого кладбища.

В воронежских подбоях, как и в Усть-Лабинском могильнике № 2, отмечается неустойчивая ориентировка погребенных: в 3 случаях зафиксирована южная и северная, дважды – западная и юго-западная, по 1 случаю – северная и северо-восточная. Для подбоев характерны захоронения во входной яме телят, лошадь встречена в одном случае (65/1969). Входные ямы располагались слева (6 случаев) или справа (6 случаев) от погребенного. В катакомбе 95/1969 были захоронены женщина и ребенок. Парное погребение встречено в одном подбое (161/1967).

Все погребения в подбоях и катакомбах, за исключением одного, датируются I–II вв. н.э. Из погребения в подбое 117/1967 происходят два трехручных канфара на конической ножке и кольцевом поддоне, которые наиболее характерны для II в. до н.э. [Лимберис, Марченко. 2005, с. 238. Хронол. табл.]. В других погребениях были найдены миска и кувшин, фибулы (4 экз.), зеркала–подвески (3 экз.), бусы (4 погребения). Оружие представлено двумя кинжалами с прямым перекрестием и кольцевым навершием и одним мечем с прямым перекрестием и кольцевым навершием. В трех погребениях присутствовали железные черешковые наконечники стрел, еще в трех – наконечники копий. В катакомбе 33/1966 и подбое 17/1966 были найдены стеклянные сосуды (бальзамарии и кушинчик). Подбойное погребение 67/1966в было безинвентарным. Таким образом, подбойно-катакомбные захоронения могильника Воронежского городища № 3 по набору погребального инвентаря ничем не отличаются от синхронных захоронений в простых ямах, как этого могильника, так и других некрополей правобережья Кубани. Не связаны они и с какой-то профессиональной группой населения, например воинской, так как и в подбоях, и в катакомбах встречаются как женские и мужские, так и детские захоронения.

Две катакомбы и семь подбоев были исследованы на могильнике Старокорсунского городища № 2. Входная яма катакомбы 241з расположена под углом к камере, дно камеры наклонное. Погребенный (мужчина) лежал вытянуто на спине, головой на запад, к входной яме. Погребальный инвентарь представлен сероглиняными миской и кружкой, бронзовой пряжкой и железным ножом (рис. 1, 1–5), которые позволяют датировать катакомбу I в. н.э.

Входная яма второй катакомбы (29в/35в) расположена на одной оси с камерой. Во входной яме был захоронен мужчина. В камере, как и во входной яме, погребенный (мужчина) лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад, к входу. По лучковой фибуле 1 варианта и мечу без навершия катакомбу можно датировать I в. н.э. Погребальный инвентарь захоронений представлен также кружками, мисками, пряжками (бронзовой и железной), бритвами и ножом, оселком и костяным темляком (рис. 2).

К ранним захоронениям можно отнести три подбоя. Подбой 152в по набору керамики (канфар, кувшин, курильница) датируется II в. до н.э. (рис. 3). К I в. до н.э. по набору керамики относится подбойное захоронение мужчины (208в). В этом погребении кувшин с носиком-сливом стоял во входной яме. (рис. 4, 1–4). Подбой 292в, в котором был захоронен подросток, по набору втульчатых наконечников стрел датируется II–I вв. до н.э. Остальные подбои входят в позднюю хронологическую группу погребений I–II вв. н.э. Хронология определяется лучковыми фибулами 1 и 4 вариантов (рис. 1, 6–13; 4, 6–13).

Как и в других некрополях, ориентировка погребенных в подбоях различна. В ранних подбоях погребенные (мужчины – 4, женщины – 2, подросток – 1) лежали головой на юг, юго-запад и северо-восток. В подбоях I–II вв. н.э. дважды зафиксирована юго-западная ориентировка погребенных, по одному случаю – южная и западная. В трех случаях входная яма расположена справа от погребенного, в четырех – слева.

В двух подбоях во входных ямах лежали кости животных. В погребении 152в – кости овцы (разрубленная на части туша, без черепа), в погребении 14в – кости ноги лошади без черепа.

Погребальный инвентарь в подбойных погребениях не богат и представлен наборами керамических сосудов, фибулами, оселками, бусами. Лишь погребение 152в II в. до н.э. по большому количеству керамических сосудов отличается от более поздних, но, как отмечалось выше, это особенность погребений данного времени.

Н.Е. Берлизов и И.Н. Анфимов при публикации погребений из могильника Ладожского городища № 5 (по данным рукописного архива Н.В. Анфимова) отмечают, что для этого некрополя характерно большое количество подбоев и катакомб. По их подсчетам «из двадцати одного погребенного девять похоронены в катакомбах и семеро – в подбоях или катакомбах» [Берлизов, Анфимов. 2005, с. 120]. Однако Н.В. Анфимов лишь при описании двух погребений отмечает, что они были совершены в земляных склепах (погребения 1/1944 г. и 10/1946 г.). В обоих случаях их конструкция не прослежена, но, судя по количеству

погребенных, это были катакомбы. В одной катакомбе было захоронено 5 человек, во второй – 4. При описании еще пяти погребений Н.В. Анфимов делает необоснованное предположение о наличии подбоев [Берлизов, Анфимов. 2005, с. 113, 116]. В своей статье, посвященной земляным склепам Прикубанья, он отмечал, что все погребения этого типа из Усть-Лабинского могильника № 2 находятся на глубине от 2,10 до 2,75 м [Анфимов. 1947, с. 149]. Этот признак и стал для исследователя главным аргументом при выделении подбойных могил. Наши раскопки грунтовых могильников Старокорсунского городища № 2 и городища Спорное № 1 позволили выявить захоронения II–I вв. до н.э. и первых веков н.э. в простых ямах на глубине от 2,0 до 2,40 м. На наш взгляд, большая глубина захоронений не может свидетельствовать о наличии подбоев и катакомб, если не прослежена их конструкция, отсутствуют стратиграфические данные, свидетельствующие о наличии этого типа погребальных сооружений, или скелеты животных, расположенные рядом с погребенным, на 20 см и выше от дна. Набор инвентаря из двух катакомб Ладожского могильника не отличается от синхронных захоронений в ямах из других могильников. В некоторых ямных погребениях инвентарь более разнообразен: амфоры, мегарские чаши, стеклянные скифосы, украшения, зеркала и предметы вооружения [см.: Бочковой, Лимберис, Марченко. 2005, рис. 16–18; Лимберис, Марченко. 2005, рис. 19, 23, 26, 27]. Среди известных в то время материалов из меотских грунтовых могильников находки двух золотых сережек и двух браслетов из Ладожского погребения 1/1944 были большой редкостью, что и создало миф о богатстве «земляных склепов». Аналогичные сережки происходят из погребений в простых ямах 17в, 198з Старокорсунского городища № 2.

К более позднему времени относится двухкамерная катакомба 2/1944 г. Тбилисского могильника № 1. Входы в камеры были заложены каменными плитами. В северной камере находились скелеты мужчины и женщины, ориентированные черепами на юго-восток. В северной камере, которая частично обвалилась в обрыв, лежал на левом боку, черепом на восток скелет взрослого человека [Берлизов, Анфимов. 2005, с. 118, рис. 3]. Судя по находке бронзового

зеркала с ручкой и меча с кольцевым навершием и прямым перекрестием, захоронения в северной камере можно датировать I в. н.э. Данных для датировки погребения в южной камере нет. Отметим, что набор инвентаря не отличается богатством от синхронных рядовых могил грунтовых могильников этого времени.

В 1938 г. Н.В. Анфимов обследовал три разрушенных камерных погребения. Материалы он опубликовал, но из его описания нельзя точно восстановить конструкцию этих погребальных сооружений. В 1949 г. из этого же могильника в Краснодарский музей поступили вещи из разрушенной могилы у ст-цы Владимирской. В описи, составленной Н.В. Анфимовым (КГИАМЗ, КМ 1877), указано, что этот «археологический материал обнаружен при добыче песка близ могильника городища № 1 в земляном склепе № 1». К сожалению, и в этом случае не удалось выяснить конструкцию «земляного склепа». Не ясно, было ли это погребение связано с грунтовым могильником, или оно происходит из курганного погребения. В отличие от погребений 1938 г., обнаруженных в этом же карьере, погребальный инвентарь из погребения (погребений?) 1949 г. содержит импортные бронзовые и стеклянные сосуды, кольчугу, меч с кольцевым навершием, наконечники копий, удила, **сарматский** бронзовый котел, зеркала подвески и др. Ойнохоя типа Еггерс 124, стеклянные литые скифосы и кубок AR 53, 2 датируются первой половиной I в. н.э., а патера типа Миллинген – второй половиной I – первой половиной II в. н.э. [Marčenko, Limberis. 2008, p. 385, taf. 115–120]. Были ли эти вещи в одном погребении, или в двух, сказать затруднительно. Наличие котла дает возможность сделать предположение о захоронении сарматского катафрактария. Нельзя отрицать возможность курганного захоронения.

Из этого же могильника в ГИМ от местного жителя поступили вещи, найденные в «склепах», которые опубликовала И.И. Гущина. В основном, разрушенные погребения датируются I–II вв. н.э. [Гущина. 1958, рис. 1, 3, 4; 2, 1–8]. Курильницу и трехручный канфар [Гущина. 1958, рис. 1, 1, 2] следует датировать II в. до н.э.

Интересные данные были получены при исследовании могильника в Закубанье у хут. Городской [Сазонов. 1992; Сазонов. Спасовский и др. 1995]. Достоверно подбойными можно считать 13 могил (№ 1–5, 7, 8, 10, 13, 14, 16, 18, 21–22),

которые автор датирует в пределах конца I – II в. н.э. Выявлена также одна Т-образная катакомба (№ 19) II – начала III в. [Сазонов. 1992, с. 257; Сазонов и др. 1995, с. 115, 127]. Три подбоя (№ 20–22) были впущены в насыпь кургана эпохи бронзы. Преобладает ориентировка погребенных в юго-западном секторе. Погребения в подбоях сопровождались захоронениями лошадей. В основном, погребения принадлежали воинам. Однако лишь 4 подбоя выделяются богатством инвентаря (импортная бронзовая, серебряная и стеклянная посуда, римские и провинциально-римские фибулы, золотые украшения). В одном погребении встречены лишь оселок, тесло и удила. А.А. Сазонов связал воинские погребения с кольчугами и шлемами с захоронениями меото-сарматских катафрактариев [Сазонов. 1992, с. 248, 250, 257; Сазонов. Спасовский и др. 1995, с. 115].

В 2003–2004 гг. был исследован участок грунтового могильника городища Спорное № 1, на котором было исследовано 5 подбоев и 17 катакомб [Раев, Марченко. 2005, с. 230]¹⁹. Три катакомбы и два подбоя датируются II в. до н.э. (рис. 6, 7). К I в. до н.э. относятся 3 катакомбы и 1 подбой (рис. 8). Первым веком н.э. можно датировать 9 катакомб и 3 подбоя (рис. 9, 5–10). Две ограбленные в древности катакомбы датируются широко – I в. до н.э. – I в. н.э. (рис. 9, 1–4). Датировки основаны на родосских амфорах, стеклянных скифосах, фибулах, зеркалах и др. Самым поздним является подбой (№ 161) второй половины II в. н.э., дата которого устанавливается по набору бронзовых пряжек и железному умбону.

Все катакомбы, за исключением одной (тип II), Т-образные (тип I), в основном, с подпрямоугольными, реже овальными или круглыми входными ямами. Камеры в плане подпрямоугольные со скругленными углами и овальные. В 12 катакомбах во входных ямах находились скелеты животных (9 лошадей, 4 коровы). Причем, в одном случае корова и лошадь лежали в одной входной яме, здесь же находилась собака.

Ориентировка погребенных в ранних катакомбах (II–I вв. до н.э.) различна. В двух случаях погребенные были ориентированы головой на запад, в двух – на юг и по одному разу на юго-запад и юго-восток. В подбое II в. до н.э. зафиксирована

¹⁹ В первой публикации неверно указано количество погребений, так как материал не был еще полностью обработан.

западная с отклонением к югу ориентировка. В катакомбах I – начала II вв. н.э. преобладает ориентировка в западный сектор, отмеченная в шести случаях. Из них дважды – с отклонением к югу. По два раза встречено положение скелетов черепом на юг (с отклонением к востоку) и юго-запад, один раз – на восток. В наиболее позднем подбое, который датируется второй половиной II в. н.э., погребенный лежал головой к востоку.

Что касается половозрастного состава погребенных, то и в подбоях, и в катакомбах были захоронены, за единственным исключением, взрослые мужчины и женщины. Парные (мужчина и женщина) захоронения встречены в двух катакомбах, коллективное (мужчина, женщина, подросток) – в одной. Подбои представлены одиночными захоронениями.

Во всех подбоях и в большинстве катакомб (11) присутствовало оружие (мечи, наконечники копий, дротиков, стрел) и защитное вооружение (щит, кольчуга). В погребениях найдено 7 мечей с кольцевым навершием и брусковидным перекрестием, а в позднем подбое (№ 161) – меч без перекрестия и навершия.

По набору и количеству погребального инвентаря погребения в катакомбах и подбоях из могильника городища Спорное не отличаются от захоронений в ямах, а иногда и уступают им. Примером может служить катакомба № 96 и захоронение в яме № 136 [Бочковой, Лимберис и др. 2005, рис. 3–6; 7–10].

Ранние (II–I вв. до н.э.) катакомбы и подбои из рассмотренных могильников не отличаются от погребений в ямах богатством инвентаря. Это касается также большинства подбойно-катакомбных погребений I–II вв. н.э., за исключением нескольких погребений у хут. Городского и, возможно, разрушенных погребений 1949 г. из могильника Владимирского городища № 1 с римскими импортами.

Таким образом, тезис о том, что катакомбы и подбои появляются на меотских памятниках в результате имущественной и социальной дифференциации археологическими материалами не подтверждается.

Вопрос о появлении и развитии катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе рассматривался в литературе неоднократно [Е.П. Алексеева, Н.В. Анфимов, В.Б. Виноградов, А.М. Ждановский и др.]. М.П. Абрамова,

исследуя эту проблему, первоначально не связывала распространение катакомб с притоком сарматского населения, объясняя этот процесс социальными и идеологическими причинами, а также влиянием боспорской традиции [Абрамова. 1982, с. 17]. В последней работе распространение катакомб типа II в курганах Золотого кладбища она объяснила влиянием традиций: с одной стороны – сиракской знати, а с другой – знати синдов [Абрамова. 2007, с. 51].

Среди сиракских памятников правобережья Кубани выделяется небольшая группа погребений в катакомбах (30) и подбоях (14). Причем, все катакомбы относятся к типу II. О том, что не сразу этот тип катакомбы стал господствующим, свидетельствует присутствие двух типов катакомб в ранний период (II–I вв. до н.э.) существования Чегемского и Курганинского курганов-кладбищ и Нижне-Джулатского могильника. В Прикубанье нам известна лишь одна T-образная катакомба (тип I) III–II вв. до н.э. из кургана в Тимашеском районе (погребение 21), ограбленная в древности [Каминский. 1990, с. 98–100, рис. 31].

Самая ранняя катакомба из кургана у хут. Белевцы датируется второй половиной IV – началом III в. до н.э. по мечу синдо-меотского типа с брусковидным навершием [Марченко. 1996, с. 84, рис. 103]. Наибольшее количество катакомб приходится на II в. до н.э. Во входной яме катакомбы № 2 из кургана 5 у ст-цы Батуриной первой половины II в. до н.э. была захоронена взнузданная лошадь [Марченко. 1996, рис. 75, 5]. Хотя это единичный случай, известный нам, важно отметить, что обряд захоронения лошади во входной яме был известен сиракам.

Одним из авторов этой работы уже говорилось об определенной тенденции в развитии катакомбного обряда в среде сиракского союза племен, которая выражается в постепенном закреплении этого типа погребальных сооружений в группе кочевников высокого ранга (воинов дружинников и жриц), что подчеркивало их социальный статус, а не этническую принадлежность. До середины I в. н.э. катакомбы не составляют и 10% среди всех сарматских погребений этого региона. На этом фоне выделяется Золотое кладбище, где все погребения катакомбные. Одновременно в Закубанье сохраняются традиции

погребального обряда сиракского союза, но и здесь процент катакомб невелик. Несмотря на то, что все погребения Золотого кладбища, за исключением одного, ограблены, несомненно, они принадлежали наиболее богатой группе населения. Таким образом, именно в погребениях Золотого кладбища закрепляется катакомбный обряд, подчеркивающий социальный статус погребенных, который усиливается индивидуальной курганной насыпью над катакомбой [Марченко. 1996, с. 138].

Итак, обряд захоронения в катакомбах впервые появляется у кочевников сиракского союза, а, как минимум, через столетие – у меотов. Интересен и тот факт, что катакомбные и подбойные погребения встречены на меотских памятниках, удаленных от границ Боспора. Наибольшая концентрация подбойно-катакомбных погребений отмечается в Среднем Закубанье (Спорное, Ладожская, Тбилисская, Владимирская). Самыми западными памятниками являются могильники Старокорсунского городища № 2 и городища № 3 хут. Ленина. Но их количество минимальное. На более чем 700 погребений II в. до н.э. – II в. н.э. Старокорсунского могильника, приходится 2 катакомбы и 7 подбоев, а на могильнике городища № 3 хут. Ленина – всего 1 подбой II в. до н.э. на более чем 200 погребений (рис. 5). Эти данные позволяют отказаться от гипотезы о появлении катакомб у меотов под влиянием Боспора.

Не выдерживает критики и аргумент М.П. Абрамовой о «варварском» или «синдском» влиянии на погребальный обряд «знати разных племен», в том числе и меотов – появление сырцовых закладов в катакомбах [Абрамова. 2007, с. 48, 51]. Во-первых, такие заклады встречены только в катакомбах Золотого кладбища, т. е. значительно позже, чем появились катакомбы и подбои в Прикубанье. Во-вторых, они ни разу не отмечены в грунтовых меотских могильниках. В-третьих, меоты знали сырцовый кирпич, о чем свидетельствуют их жилища и гончарные печи.

В рамках сирако-меотского союза племен протекали процессы оседания кочевников на землю. Одним из элементов этого процесса является появление подбоев и катакомб на меотских могильниках, начиная со II в. до н.э. Эти особенные типы погребальных сооружений призваны были подчеркнуть

этническое отличие селившихся на меотских городищах сарматов/сираков от местного населения.

В процессе оседания кочевников появляется также возможность или потребность в сооружении семейных погребений. Этот процесс был подробно проанализирован А.М.Хазановым на материалах поздних скифов в Крыму [Хазанов. 1975, с. 67]. Т-образная катакомба наилучшим образом отвечает этой задаче.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Абрамова. 1982. Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.

Абрамова. 2007. Абрамова М.П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой. М.

Анфимов.1947. Анфимов Н.В. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. Вып. XVI.

Анфимов. 1951. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской // МИА. № 23. М.

Анфимов. 1958. Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. XXVIII.

Берлизов, Анфимов. 2005. Берлизов Н.Е., Анфимов И.Н. Могильники Среднего Прикубанья эпохи позднего эллинизма и римского времени (по материалам рукописного архива Н.В. Анфимова) // МИАСК. Вып. 5. Армавир.

Бочковой, Лимберис, Марченко. 2005. Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // МИАК. Вып. 5. Краснодар. Гущина И.И. Находки из Краснодарского края // СА. 1962. № 2.

Каминский. 1990. Каминский В.Н. Сарматские погребения из Тимашевского кургана в степном Прикубанье // Древние памятники Кубани, Краснодар.

Лимберис, Марченко. 2003. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // МИАК. Вып. 3. Краснодар.

Лимберис, Марченко. 2004. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Римские и провинциально-римские фибулы из Прикубанья // МИАК. Вып. 4. Краснодар.

Лимберис, Марченко. 2005. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. Вып. 5. Краснодар.

Сазонов. 1992. Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Сазонов, Спасовский и др. 1995. Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахтарьек З.Н., Тов А.А. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп.

Marčenko, Limberis. 2008. Marčenko I.I., Limberis N.Ju. Römische Import in sarmatischen und maiotischen Denkmäler des Kubangebites / Archäologie in Eurasien. Band 25. Mainz.

Список сокращений

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа

СА – Советская археология

Список подрисуночных подписей

Рис. 1. Могильник Старокорсунского городища № 2. 1 – 1–5 – катакомба 241з с инвентарем; 6–13 – подбойное погребение 14в с инвентарем.

Рис. 2. Могильник Старокорсунского городища № 2. 1 – план и разрезы катакомбы 29/35в. 2–8 – инвентарь погребения во входной яме; 9–17 – инвентарь погребения в камере катакомбы.

Рис. 3. Могильник Старокорсунского городища № 2. Подбойное погребение 152в с инвентарем.

Рис. 4. Могильник Старокорсунского городища № 2. 1–4 – подбойное погребение 208в с инвентарем; 5–13 – подбойное погребение 284з с инвентарем.

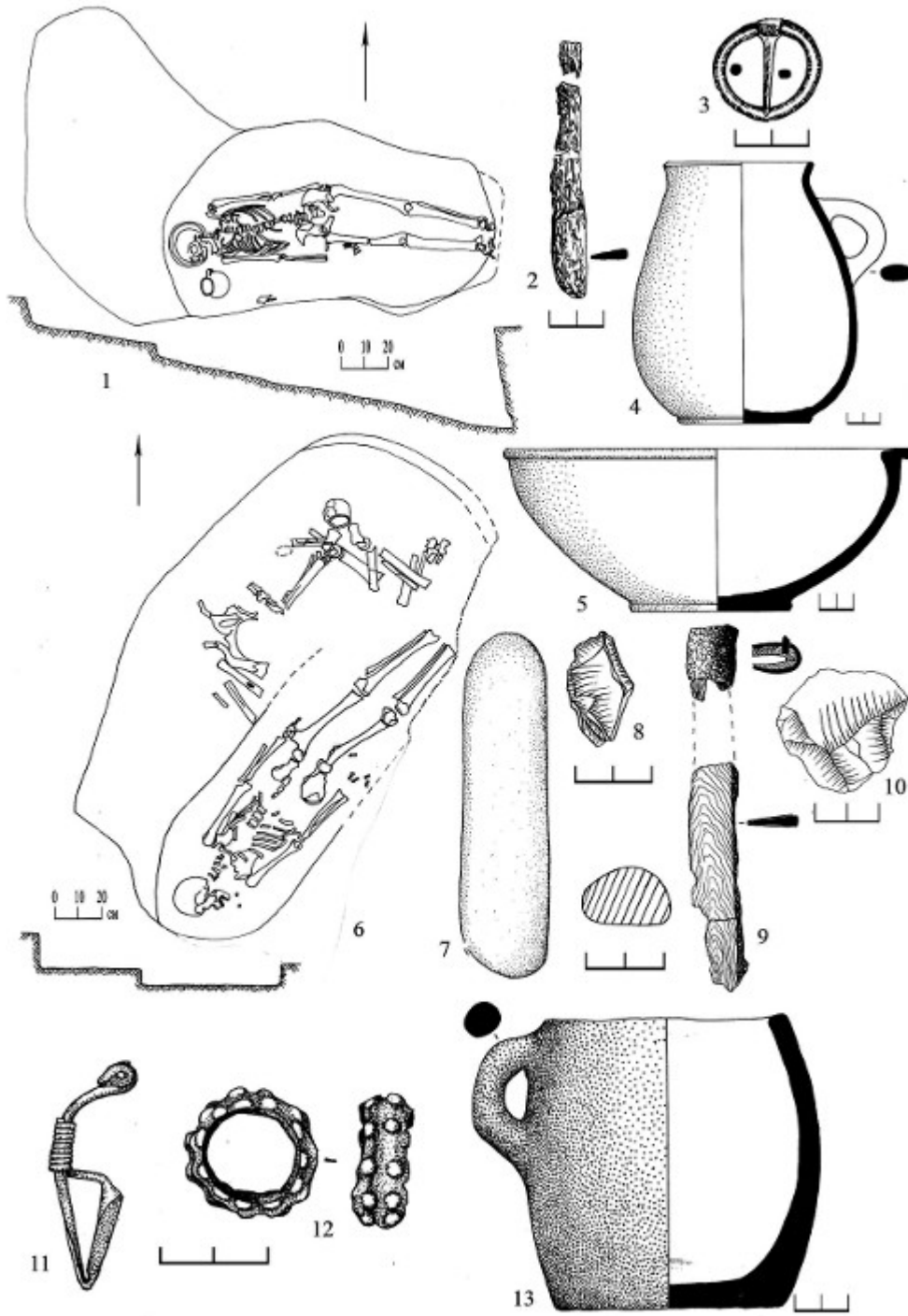
Рис. 5. Могильник городища № 3 хут. Ленина. Подбойное погребение № 31 (2008 г.) с инвентарем.

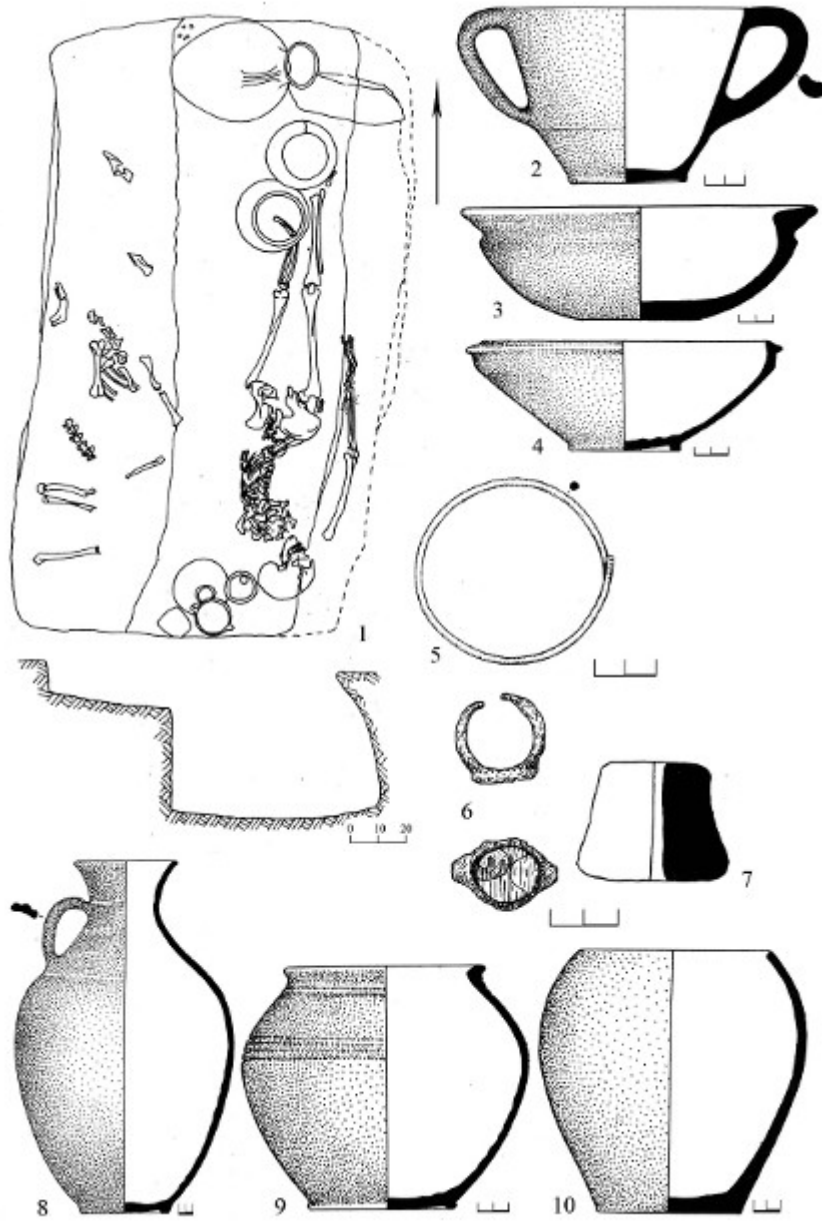
Рис. 6. Могильник городища Спорное. Катакомба № 96 с инвентарем.

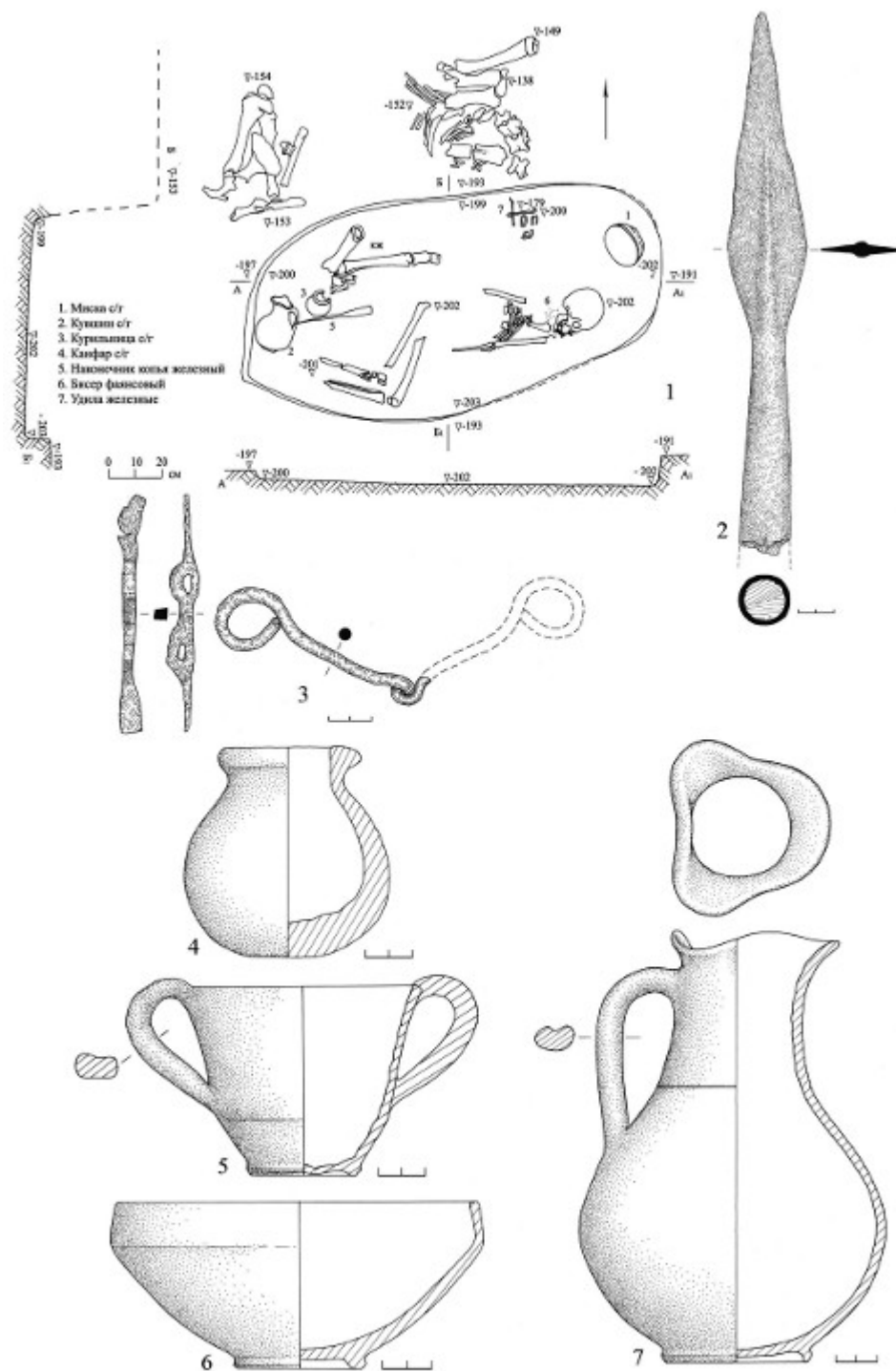
Рис. 7. Могильник городища Спорное. Инвентарь катакомбы № 96.

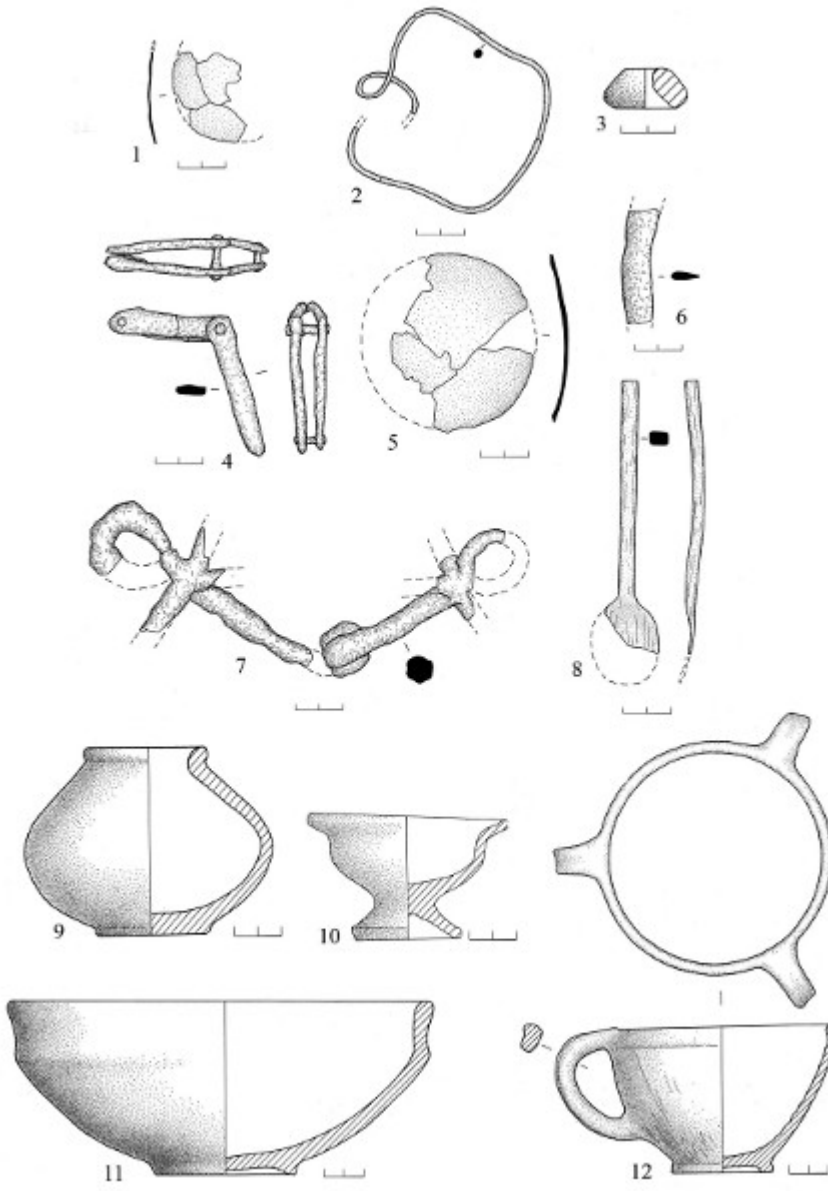
Рис. 8. Могильник городища Спорное. Катакомба № 119 с инвентарем.

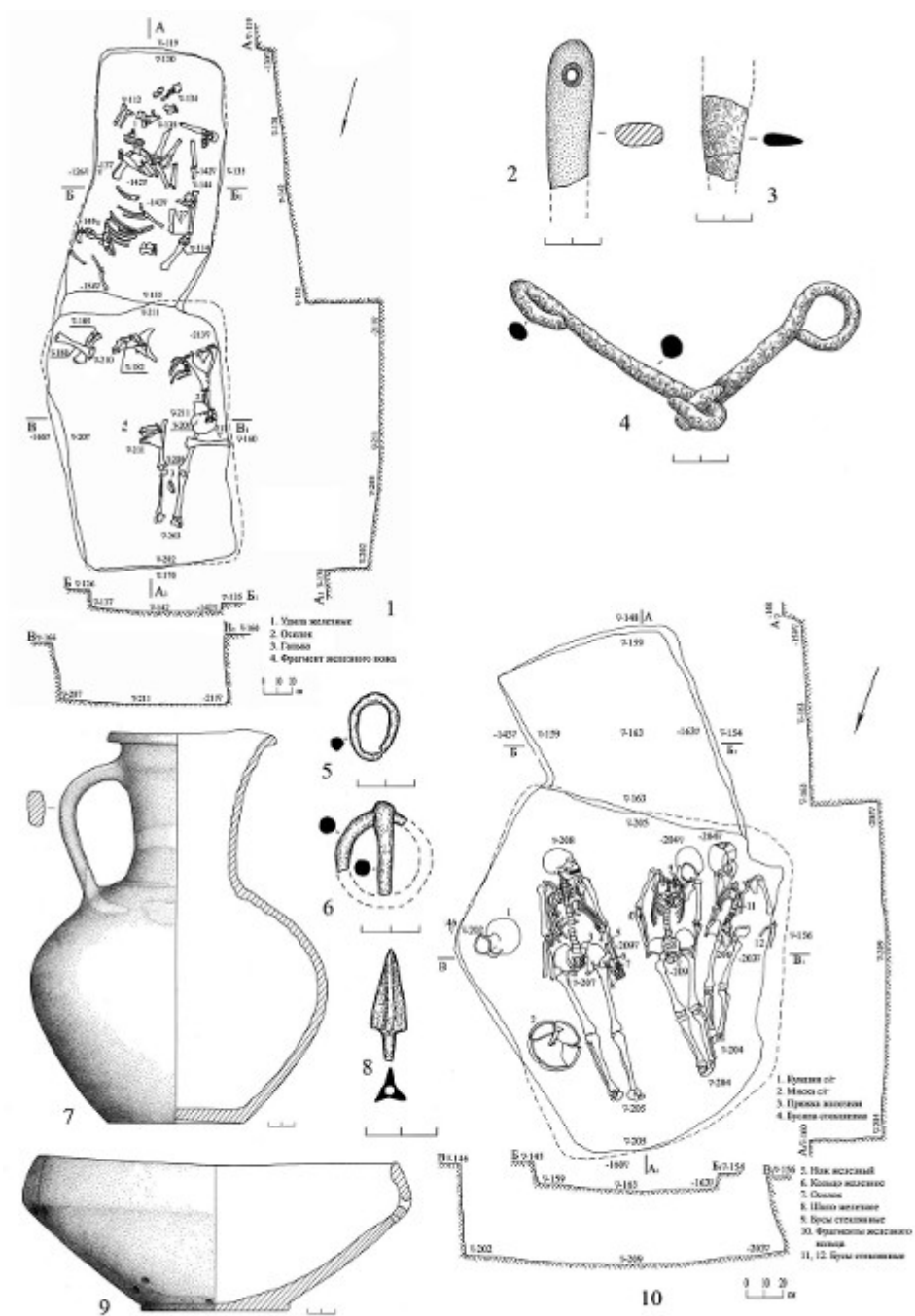
Рис. 9. Могильник городища Спорное. 1–4 – катакомба № 124 с инвентарем (ограблена в древности); 5–10 – катакомба № 188 (коллективное захоронение) с инвентарем.

Лылова Е.В.
(Оренбург)

Серьги (височные подвески?) в погребальном обряде кочевников раннесарматской эпохи Южного Приуралья.

Украшения в виде проволочных спиралей в 1,5-2 оборота были массово распространены в Южном Приуралье с рубежа V-IV в.в. до н.э. по II в. до н.э. Несмотря на частое обращение к данной категории инвентаря, исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о функциональном назначении подобных украшений. М.И.Ростовцев, рассматривая украшения из Прохоровки, считал их или серьгами или привесками [Ростовцев. 1918,с.18]. К.Ф.Смирнов называет подобные украшения и серьгами, и височными кольцами [Смирнов. 1964, с.143]. М.Г.Мошкова при классификации ранне-сарматских украшений равнозначно использует оба термина [Мошкова. 1963, с.44].

В.Г.Петренко в своем исследовании по классификации украшений Скифии объединяет в один раздел серьги и височные подвески, ссылаясь на то, что в большинстве случаев способ ношения этих украшений остается нам не известным [Петренко. 1978, с.21].

Исследователями не раз отмечалось, что традиционные украшения, как исторический источник имеют свою специфику [Заднепровская. 1996, с.20]. Комплекс украшений различных народов состоит в особом неповторимом сочетании различных типов изделий и определяется выбором формы, предпочтением определенного материала, особенностями декоративного и орнаментального решения [Заднепровская. 1996, с.20]. Существует мнение, что в эпоху ранних кочевников именно серьги могут претендовать на роль «индикатора», указывающего на пол индивидуума, его социальное положение и даже этническую принадлежность [Чугунов. 2003, с.386]. Серьги относились к семантически значимым предметам, что подтверждается их изображением на оленных камнях [Савинов. 1994, с.95, 107]. Делаются попытки установить связь между полом

погребенного и находимыми в погребениях серьгами, их типом и способом ношения, реконструируемом на основании данных об их расположении относительно скелета. Эти попытки основаны на сопоставлениях с обычаями различных народов, в частности с обычаем калмыков, у которых мужчины носили серьги в левом ухе, незамужние девушки - в правом, и только замужние женщины имели право носить по серьге в каждом ухе как символ принадлежности к роду мужа и к роду отца. [Дворниченко и др. 1997, с.138]. Так на территории Саяно-Алтая и Казахстана в погребениях раннескифского времени в мужских могилах обычно находят одну серьгу слева от черепа, в не потревоженных женских - две. Та же закономерность иногда фиксируется и в западных регионах. [Чугунов. 2003,с.386].

В продолжение развития данной темы целью настоящей работы было попытаться установить по имеющимся на сегодняшний день материалам погребальных комплексов кочевников Южного Приуралья раннесарматского времени, какое место в костюме этих народов занимали проволочные спирали и более сложные украшения, сделанные на их основе (спирали с цилиндрическим блоком, разнообразными подвесками на цепочках и т.д.).

Мною было учтено 111 комплексов, из которых происходит 181 экземпляр сережек (подвесок?).

Из 111 учтенных комплексов один представлял собой кенотаф, в четырех случаях из-за разрушения погребений невозможно определить причастность украшений к костякам. В остальных 106 комплексах рассматриваемые украшения были связаны с четырьмя мужскими скелетами, 54 женскими, 11 подростковыми и 42 скелетами, пол которых не определялся.

Для установления способа ношения этих украшений было проанализировано их расположение относительно черепа погребенного. Нахождение их на уровне височной кости рассматривалось как ношение в качестве височных подвесок, в нижней части черепа (на уровне нижней челюсти – плечевых костей) как возможное употребление в качестве сережек. Так же привлекались

половозрастные антропологические определения с целью попытки выявить, отражали ли украшения (их тип, способ ношения) гендерные различия.

Конечно же, интерпретация украшений, найденных в районе нижней челюсти - плечевых костей в качестве сережек, не является бесспорной. Можно предположить и такой способ ношения, как подвешивание на достаточно длинных шнурах. Однако при привлечении изобразительных источников становится ясным, что украшения в виде спиралей в раннем железном веке использовались, в том числе, и в качестве сережек. Известно много изображений вставленных в мочку уха спиральных колец, относящихся ко времени их бытования. Например, серебряная тетрадрахма из Сиракуз 420-400 гг. до н.э. с изображением нимфы Аретусы, в ухо которой вставлена спиралевидная серьга с окончаниями в виде голов баранов [Уильямс, Огден. 1995, с.201, рис.58]. В мочках ушей женских головок, являющихся окончаниями спиралевидной серьги, предположительно происходящей из Тарента 350-320 гг. до н.э., изображены спиралевидные серьги [Уильямс, Огден. 1995, с.212, кат. №145]. Подобные серьги видны на женских головках с ожерелья из Тарента 350-330 гг. до н.э. [Уильямс, Огден. 1995, с.204, кат. №135]. Но самым главным доказательством употребления подобных предметов в качестве сережек у ранних кочевников на территории Южного Приуралья является находка бронзовой спирали с заходящими концами в окислившемся фрагменте мочки уха погребенного в Казачей Губерле I КЗП5 из раскопок О.Ф.Бытковского [Бытковский. 1998, рис.67, 68].

Из 181 экземпляра 80 составляли пары (40 пар), 37 найдено по одному. Из 13 разрушенных погребений происходит 20 экземпляров сережек, шесть экземпляров происходит из четырех комплексов, при описании которых не указано об их месторасположении в погребениях и в 20 комплексах серьги (38 экземпляров) были положены в могилы среди прочего инвентаря (в виде жертвенных подношений), поэтому для достоверности они не учитывались при подсчете парных и не парных случаев.

В используемой выборке только в четырех случаях украшения были связаны с мужскими скелетами. Два мужских черепа, с левой стороны которых лежало по

одной серьге, происходит из нарушенного комплекса Блинецы К1П4. Со скелетом, антропологически определенным как мужской (определения М.С.Акимовой), связаны две серьги из Старых Киишек К20П11. Видимо украшения не составляли костюм погребенного, а были положены в могилу в качестве погребального инвентаря, так как одна серьга лежала между сосудом и могильной стенкой, а вторая обнаружена слева от черепа. С костюмом погребенного мужчины связано украшение в виде спирали с цилиндрическим блоком из Филипповки I К28П1, находившееся у правой височной кости, из чего можно сделать вывод, что оно носилось в качестве височной подвески.

Рассматриваемые украшения находились с 54 скелетами, антропологически определенными как женские. С ними связано 87 экземпляров украшений, из которых 48 составляли пары (24 пары), 15 найдены по одному, восемь происходило из потревоженных погребений, 14 были положены в могилы в качестве погребального инвентаря и о расположении двух экземпляров из одного комплекса при его описании ничего не указано.

Из 15 непарных экземпляров по публикациям известно, что один найден у левого виска, семь - у правого виска, два – слева от черепа, один – справа от черепа, один – внутри черепа, два - под черепом, один – под нижней челюстью. Таким образом, можно предположить, что восемь непарных экземпляров были использованы как височные подвески, так как найдены на уровне височных костей: в одном случае у левого виска и в семи случаях у правого виска. Все эти экземпляры были представлены спиралевидными типами. Такое местонахождение в могиле, как «внутри черепа», так же как и описания «слева от черепа» и «справа от черепа» не позволяют сделать вывод о способе ношения рассматриваемых предметов. И лишь в одном случае нахождение предмета под нижней челюстью позволяет предположить, что он носился в качестве серьги (спиралевидная с цепочками и лунницами).

Из парных экземпляров: 10 экземпляров (пять пар) – по обе стороны черепа; 14 экземпляров (семь пар) – у височных костей, шесть экземпляров (три пары) – у черепа; четыре экземпляра (две пары) – под черепом; два экземпляра (одна пара)

располагались по обе стороны черепа, на уровне височной кости и нижней челюсти; 12 экземпляров (шесть пар) - по обе стороны черепа, на уровне нижней челюсти и плечевых костей. Таким образом, мы можем предположить, что восемь пар были использованы в качестве височных подвесок, так как они были найдены на уровне височных костей, а шесть пар могли носиться в качестве сережек, так как найдены в районе мочек уха. Из найденных на уровне височных костей 10 экземпляров (пять пар) относились к типу спиралевидных, четыре экземпляра (две пары) к спиралевидным двукольчатым. Из найденных на уровне мочек: восемь экземпляров (четыре пары) относились к типу спиралевидных, два экземпляра (одна пара) к спиралевидным с цилиндрическим блоком, два экземпляра (одна пара) – к спиралевидным с бусинами на подвесках.

С 42 скелетами, пол которых не определялся, связано 64 экземпляра рассматриваемых украшений, из них 26 составляли пары (13 пар), 15 найдены по одному, четыре произошло из потревоженных погребений, 15 были положены в могилы в качестве погребального инвентаря и о расположении четырех экземпляров из трех комплексов при их описании ничего не указано.

Из 15 непарных экземпляров по описаниям погребений в публикациях известно, что один найден у левого виска, два у правого виска, четыре слева от черепа, пять справа от черепа, один под черепом, один у черепа, один под шейными позвонками. Таким образом, три экземпляра носились как височные подвески (все они представлены спиралевидным типом), и возможно, что два экземпляра, найденные под черепом и под шейными позвонками носились в качестве сережек (так же представлены спиралевидным типом).

Из парных экземпляров: 16 (восемь пар) найдены по обе стороны черепа, два (одна пара) – у височных костей; два (одна пара) в черепе, четыре (две пары) у черепа, две (одна пара) под черепом. Таким образом, можно предположить, что одна пара, найденная у височных костей в костюмном комплексе занимала место височных подвесок (представлена спиралевидном типом), и одна пара, найденная под черепом, возможно, носилась как серьги (спиралевидные с цилиндрическим блоком).

С 11 детскими и подростковыми скелетами найдено 16 экземпляров рассматриваемых украшений: шесть в парах (три пары), четыре по одному со скелетом, два из потревоженных погребений и четыре были положены в качестве инвентаря.

Непарные были расположены в одном случае слева от черепа, в одном случае справа от черепа, в одном случае справа у челюсти. Парные в одном случае по обе стороны черепа, в одном случае у черепа, и в одном случае по обе стороны черепа, на уровне височной кости и нижней челюсти. Потенциально мы можем отнести случай расположения непарной серьги справа у челюсти, как способ ношения в правом ухе (спиралевидный тип), а случай, с парными экземплярами, когда они зафиксированы по обе стороны черепа, на уровне височной кости и нижней челюсти как способ ношения в виде височных подвесок (спиралевидный тип). С детскими скелетами были найдены и более сложные типы – спиралевидные двукольчатые, которые происходят из потревоженного погребения и спиралевидные с бусиной на цепочке, которые были положены в погребение в качестве инвентаря, из-за чего способ их ношения не может быть определен.

Таким образом, на основе анализа места расположения украшений в погребениях, мы можем сделать следующие заключения.

Рассматриваемые украшения могли употребляться и как височные подвески и как серьги. В основном их ношение было характерно для женщин (54 случая). Только в четырех случаях из представленной выборки они были связаны с мужскими скелетами. Из этих четырех случаев только в одном можно восстановить способ ношения: спираль с цилиндрическим блоком использовалась в качестве височной подвески. Женщины носили эти украшения и парно (24 случая) и по одному (15 случаев). Парные носились в восьми случаях в качестве височных подвесок (представлены спиралевидными типами и спиралевидными двукольчатыми) и в шести случаях могут быть интерпретированы как серьги (представлены спиралевидными типами, спиралевидными с цилиндрическим блоком, спиралевидными с бусинами на цепочках). В восьми случаях зафиксировано использование непарных экземпляров в качестве височных

подвесок (представлены спиралевидными типами) и в одном случае, возможно в качестве серьги (спиралевидная с цепочками и лунницами). Со скелетами, пол которых не определялся, связано восемь случаев парного ношения и 15 случаев ношения по одному. Использование парных украшений в качестве височных подвесок зафиксировано в одном случае, где они представлены спиралевидным типом и в одном случае могут быть интерпретированы как серьги (спиралевидные с цилиндрическим блоком). Непарные также носились в качестве височных подвесок (зафиксировано три случая со спиралевидным типом) и возможно в качестве сережек (два случая со спиралевидным типом). Дети так же носили их в качестве височных подвесок в паре (зафиксирован один случай, тип украшений – спиралевидные) и возможно в качестве серьги (зафиксирован один случай со спиралевидной серьгой).

Так же можно сказать, что украшения одного типа носились и в качестве височных подвесок, и в качестве сережек, парно и не парно. Это относится не только к самому простому типу – спиралевидному, но и к более сложному типу – спиралевидному кольцу с цилиндрическим блоком. Такие украшения были найдены по одному в качестве височной подвески с мужским скелетом и в паре с женским, где они носились, видимо как серьги.

Из-за того, что далеко не все скелеты из рассматриваемых комплексов были определены антропологически, мы не можем однозначно подтвердить, что для мужчин было характерно носить по одной серьге или височной подвеске, а для взрослых женщин по две. В единственном антропологически определенном мужском погребении, где было *in situ* зафиксирована спираль с цилиндрическим блоком, она находилась в одном экземпляре и использовалась в качестве височной подвески с правой стороны. Отражал ли способ ношения, в том числе в паре или по одному экземпляру семейное положение женщины, на основании имеющихся материалов судить трудно. Материалы погребений дают нам расположение спиралевидных колец и возраст женщин. Женские скелеты из рассматриваемой выборки относятся ко всем возрастным группам: от 18 до 55 лет и старше. Потенциально эти женщины могли быть как замужними так и не замужними. С

ними спиралевидные кольца встречались как попарно, так и по одному. Способ их ношения реконструируется и как в качестве височных подвесок, и как в качестве сережек. Относительно детских погребений можно так же сказать, что там, где удалось определить их пол как женский, кольца так же встречались как в паре (Шумаево II К9П6) [Моргунова и др. 2003, с.137, рис.85, 9], так и по одному (Покровка 7 К9П9) [Яблонский и др. 1996, с.134, рис.52, 1].

И все же в большей степени, височные подвески и серьги были характерны для женского костюма, чем для мужского.

Литература и источники:

Бытковский.1988. Бытковский О.Ф. Отчет о работе Орской археологической экспедиции в 1998 г. // Архив ИА РАН, №22109

Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева. 1997. Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА.. №3.

Заднепровская. 1996. Заднепровская А.Ю. Украшения народов Среднего Поволжья как компонент традиционной культуры // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников первого colloquium «Памятники ювелирного искусства и проблемы их изучения и реставрации». С-Пб.,

Моргунова и др. 2003. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург,.

Мошкова. 1963. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д 1-10. М.,

Петренко. 1978. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э.// САИ. Вып. Д 4-5. М.

Ростовцев. 1918. Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Петроград.

Савинов. 1994. Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.

Смирнов. 1964. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов. 1975. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.

Уильямс, Огден. 1995. Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV века до н.э. СПб.

Чугунов. 2003. Чугунов К.В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул.

Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, Малашев. 1996.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып.4. М.,

Яблонский. 2010. Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.

Таб.1.

Серьги (височные подвески) в комплексах ранних кочевников с территории Южного Приуралья.

№ п/п	Название	Сохранность погребения		Пол		Общее кол-во экз. в погребении	Парные /не парные		Нахождение в погребении									
		Потревоженное	Не потревоженное	м	ж		Риб./подр.	Не определялся	кеногаф	Парные (1 пара)	по одной	На уровне височных костей	плечевых костей нижней челюсти – На уровне	+++По отношению к черепу без уточнений	В черепе	Под черепом/ шейными позвонками	В составе погребального инвентаря	Расположение в погребении не указано
1	Алебастрово I К18П1	+				1												
2	Альмухаметово К6		+	1		1		1		+								
3	Бекешево III К2П2		+			1	1	1					+					
4	Бердинская гора 4		+			1	1											+
5	Бердянка V К4П5		+			1	2											+

58	Покровка 2 К7П2	+	1	2	1	+			
59	Покровка 2 К7П4	+	1	2	1		+		
60	Покровка 2 К7П7	+	1	2	1	+			
61	Покровка 2 К8П5	+	1	2	1		+		
62	Покровка 2 К23П13	+	1	1	1			+	
63	Покровка 2 К23П18	+	1	2	1		+		
64	Покровка 7 К9П4	+	1	1	1			+	
65	Покровка 7 К9П9	+	1	1	1		+		
66	Покровка 8 К1П15	+	1	2	1		+		
67	Покровка 8 К2П2	+	1	1	1		+		
68	Покровка 8 К6П1	+	1	2	1		+		
69	Покровка 10 К5П2	+	1	2	1		+		
70	Покровка 10 К5П5	+	1	1	1		+		
71	Прохоровка I КБП3	+	1	1	1	+			
72	Прохоровка I КБП2	+	1	2	1	+			
73	Прохоровка I К2П5	+	1	2	1			+	
74	Прохоровка I К4П1	+	2	3					
75	Старые Киишки К11П2	+	1	1	1	+			
76	Старые Киишки К11П3	+	1	1					+
77	Старые Киишки К11П16	+	1	1	1			+	
78	Старые Киишки К13П5	+	1	1	1		+		
79	Старые Киишки К13П12	+	1	1					+
80	Старые Киишки К14П7	+	1	2					+
81	Старые Киишки К14П14	+	1	1	1		+		
82	Старые Киишки К15П10	+	1	1	1	+			
83	Старые Киишки К18П9	+	1	1					+

84	Старые Кишки К18П27	+			1		1		1	+		
85	Старые Кишки К18П33	+				1	1		1		+	
86	Старые Кишки К20П11	+		1			2					+
87	Тавлыкаево IV К2	+				1	1		1		+	
88	Танаберген II К1П7	+				1	1		1		+	
89	Уавак К8П1	+			1		2					+
90	У Телевышки К4	+				1	2					
91	Филипповка I К1	+					2					
92	Филипповка I К2П1		+		1		2					+
93	Филипповка I К4П5		+		1		1					+
94	Филипповка I К7		+			2	3	1	1		+	
95	Филипповка I К15П2	+			1		1					
96	Филипповка I К16П2		+		1		2	1			+	
97	Филипповка I К28П1		+		1		1		1		+	
98	Филипповка I К29П2		+		2		4					+
99	Филипповка I К29П5		+			1	3					+
100	Челкар III К6П1		+		1		2					+
101	Челкар III К6П2		+		1		2	1			+	
102	Челкар III К9	+			1		1					
103	Черный Яр К20П5,7	+					2					
104	Чкаловский К4П10		+			1	1					+
105	Шумаево II К3П6		+		1		2	1			+	
106	Шумаево II К3П9		+		1		2	1			+	
107	Шумаево II К9П4		+		1		2					+
108	Шумаево II К9П6		+			1	2	1			+	
109	Шумаево II К9П8		+		1		2	1			+	

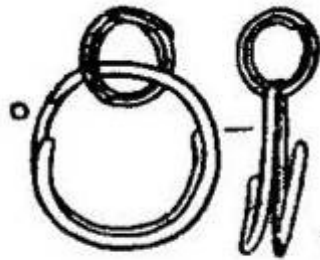
110	Шумаево II К9П11	+	1		2						+
111	Якутово II К3П2	+		1	1	1					+

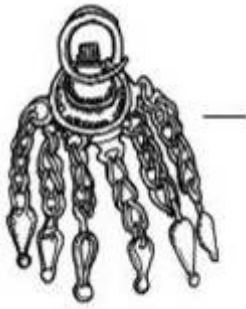
1

2

3

4

5

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА СОЛЕНЬИ ДОЛ В КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕСАРМАТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 09-01-85113а/У

Введение в научный оборот новых археологических материалов является неотъемлемой составляющей процесса научного познания. В последнее десятилетие на территории Южного Зауралья было выявлено 20 могильников, которые содержали не только традиционные простые земляные насыпи курганов, но и так называемые «гантелевидные» курганы и подквадратные сооружения в виде четырехугольных валов.

В полевые сезоны 2006–2009 гг. отрядом Комплексной археолого-этнографической экспедиции Центра «Аркаим» и Челябинского государственного университета было проведено сплошное археологическое обследование площадки и раскопки нескольких курганов могильника Соленьи Дол (самого крупного из 20), который находится в Брединском районе Челябинской области.

Могильник Соленьи Дол расположен на водоразделе правого берега р. Синташта в 6 км к западу от пос. Мирный и к ЮЮЗ от с. Рымникский, в 8 км от районного центра пгт. Бреды, на левом краю одноименной балки Соленьи Дол. Левый край балки Соленьи Дол переходит в относительно высокий увал высотой 30-35 м над урезом воды. Наивысшей точкой увала является насыпь кургана № 1, на котором возведен триангуляционный пункт (отметка 349,0 от уровня Балтийского моря). По данным дешифровки могильник представляет цепочку насыпей, протянувшуюся на 860 м по линии СВ-ЮЗ и состоит из 27 круглых земляных насыпей диаметром 10-25 м. Из них семь насыпей расположены на пашне. В структуру могильника также входят 5 кольцевидных сооружений диаметром 25-30 м, 2 «подковообразных» сооружения диаметрами 25-35 м и 3 «гантелевидных» кургана длиной 30-50 м.

Все описываемые курганы были исследованы стандартным способом – круговым раскопом с оставлением двух взаимно перпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света.

За четыре полевых сезона было исследовано пять курганных насыпей, одно сооружение и один «гантелевидный» курган. В настоящем докладе мы остановимся на традиционных курганах позднесарматского (гунно-сарматского?) времени.

Все исследованные курганы (№№ 3, 4, 5, 20, 22) могильника Солёный Дол представляют собой земляные невысокие (высотой от 0,1 до 0,25 м) насыпи диаметром от 12 до 18 м. Курганы №№ 3, 4, 5 расположены на северо-восточной оконечности могильника, курганы №№ 20 и 22 на юго-западной.

При вскрытии насыпи кургана № 4 выявлены мощные следы присутствия огня в насыпи и остатки каменной ограды и двух каменных выкладок. Под каждой курганной насыпью на уровне материка было выявлено очертание одной могильной ямы (за исключением кургана № 22, в которой помимо основного было выявлено еще и погребение ребенка). На уровне материка ямы были практически невидимы. Их месторасположение определялось по большим трещинам в грунте или при косом освещении на закате. При этом все очертания могильных ям хорошо прослеживались по очень слабым прослойкам могильных выкидов в профилях бровок. Пятна могильных ям представляли собой длинные прямоугольные очертания с скругленными углами ориентированными по линии СЗ – ЮВ с небольшими отклонениями. Скорее всего, эти отклонения носили сезонный характер. При этом все могильные ямы ориентированы практически в меридиональном направлении.

Исследованные могильные ямы по своим конструктивным особенностям оказались разными. Среди шести исследованных могильных ям выделяется несколько типов: ямы с подбоями (курганы №№ 4, 22, погр. 2); прямоугольные ямы с заплечиками (курганы №№ 5, 20); прямоугольные ямы с скругленными углами (курганы №№ 3, 22, погр.1 (?)).

Могильные ямы с подбоями состоят из узкой прямоугольной со скругленными углами входной ямы, которая образует ступеньку шириной 0,20-0,30 м, ведущую в

подбой, сооруженный в западной длинной стенке. Дно подбоя ниже горизонтали ступеньки на 0,15-0,25 см. Своды подбоев куполообразные, укрепленные обмазкой из сырой суглинистой смеси. Ямы с заплечиками в плане представлены прямоугольными со скругленными углами очертаниями, которые имеют вертикальные стенки, упирающиеся в заплечики шириной от 0,15 до 0,30 см, расположенные практически по всему периметру могильной ямы. Особняком стоит простая прямоугольная со скругленными углами яма курган № 3, которая на глубине 85 см (от уровня материка) была залита десятисантиметровым слоем розового супесного раствора, создавая прочную плиту перекрытия при застывании.

Во всех могильных ямах (кроме кургана № 22, погр. 1) в той или иной степени сохранности встречались остатки деревянных внутримогильных конструкций. Причем нет ни одной типологически одинаковой. Так, в кургане № 4 на дне подбоя располагалась очень мощная деревянная конструкция, состоящая из двух торцевых стенок, из спилов ствола лиственницы и продольных досок, которые выступали за торцы, а также трех относительно широких досок перекрытия (возможно крышки), поверх которых сохранялись остатки бересты. В кургане № 5 дерево в виде фрагментов досок и жердей фиксировались под костяком и на его уровне, что может говорить о возможном использовании в погребении рамчатого гроба «сарматского» или «гуннского» типа. В погребении 2 кургана № 22 сохранились фрагменты деревянного перекрытия в виде досок, лежавших параллельно ступеньки подбоя и перекрывавших погребенного. Особый интерес представляет деревянная конструкция погребения из кургана № 3. Она представлена плохо сохранившимися досками (и следами от них на дне ямы), причем у северо-западной торцевой стенки они имели форму конуса, образуя в плане очертания деревянной досчатой лодки, которая имела еще одну поперечную доску на расстоянии двух третей ее длины. К сожалению, сохранность досок во всех могилах очень плохая. Удалось законсервировать только торцевые спилы лиственницы из кургана № 4.

Тем не менее, несмотря на разнообразие внутренних деревянных конструкций, положение усопших в них оказывается стандартным. Все погребенные лежали в

вытянутом положении, кости рук вдоль тела, кисти под тазовыми костями или на них, ноги были слегка сдавлены в коленных суставах или лежат параллельно. Черепа смещены с первоначального месторасположения и лежали на боку. Погребенные ориентированы головой на северо-запад с незначительными отклонениями. Черепа носят следы искусственной деформации. Исключение составляет детское погребение из кургана № 22. Кости ребенка очень плохой сохранности, череп фрагментирован. По расположению сохранившихся костей, ребенок лежал на боку головой на СЗ.

Исследования курганов могильника Солёный Дол дали небольшой, но весьма интересный материал, как по погребальному инвентарю, так и по находкам в насыпях курганов. В четырех из пяти курганов были обнаружены находки в насыпи. В подавляющем большинстве это развалы и фрагменты лепных сосудов (курганы №№ 3, 4, 20, 22), однако в кургане № 4 помимо керамики обнаружен и другой инвентарь (возможно, выброшенный из могильной ямы), к которому относятся: бронзовая рамка пряжки, пять костяных изделий (пуговицы или накладки на ремень?), деревянный предмет в виде пирамидки полый внутри. В насыпи кургана № 3 найдены развалы трех сосудов, а также обнаружены: половина плоского круглого прясла и четыре фрагмента конического прясла, специально разбитого и разбросанного по поверхности насыпи кургана.

Вещевой материал в погребениях обнаружен в курганах №№ 3, 4, 5, 20, 22, погр. 1. Погребение 2 кургана 22 оказалось безынвентарным. Весь вещевой комплекс, включая находки из насыпей, представлен предметами вооружения, конской узды, поясной гарнитуры, быта, украшениями, ритуальным комплексом, глиняной посудой.

К предметам вооружения следует отнести сильно разрушенный, но сохранившийся в нескольких больших фрагментах, двулезвийный меч или кинжал с рукоятью-штырем без перекрестия и навершия (курган № 4) и железный нож с прямым лезвием и костяными накладками рукояти из кургана № 5. Причем с фрагментами меча (кинжала) сочетается небольшая безщитковая бронзовая пряжка с рамкой подовальной формы с ярко выраженным утолщением в передней части и

слабо изогнутым язычком, не выходящим за пределы контура рамки, а также, крупная халцедоновая бусина с коническим отверстием в центре. И пряжка, и бусина обнаружены в непосредственной близости от железных фрагментов меча (кинжала), поэтому могут рассматриваться как элементы портупей. Возможно, что пряжка скрепляла ремни ножен, а халцедоновая бусина вполне могла украшать темляк рукояти меча. Также в этом же погребении была обнаружена бронзовая обойма, внутри которой находился фрагмент железного клинка и, скорее всего, она принадлежала не сохранившемуся ножу.

Сохранившиеся фрагменты, особенно рукоять-штырь, свидетельствуют о том, что в кургане № 4 некогда находился меч или кинжал, тип которого широко распространяется в евразийской степи и лесостепи в позднесарматское (гунно-сарматское?) время и связан с прототипами восточного происхождения о чем неоднократно писали многие исследователи [Скрипкин, 2000, с. 17-19; Медведев. 2008. с. 41; Любчанский. 2009, с. 21-22].

Вторая категория инвентаря представлена элементами конской узды из кургана № 5, состоящими из железных грызель и кольчатых псалиев. Этот тип удила также входит в обиход в позднесарматское время и становится доминирующим вплоть до времени тюркских завоеваний середины VI в. н.э., хотя сами удила такого типа сохраняются и используются вплоть до настоящего времени. Аналогии им встречаются во многих памятниках позднесарматского времени Восточной Европы, Поволжья, Южного Урала и памятниках гунно-сарматского времени Казахстана, Сибири и Алтая [Скрипкин. 1984, Малашев, Яблонский. 2008, рис. 156, 1; Пшеничнюк. 1983 и др.]

Фрагменты поясной гарнитуры представлены, на мой взгляд, бронзовой литой фасетированной рамкой пряжки, углы которой оформлены в виде подквадратных площадок с небольшими прорезами наружу и пятью костяными накладками-пуговицами подпрямоугольной формы в торцевых краях которых имеются дуговые вогнутости (насыпь кургана № 4). Наличие в насыпи и яме следов старых нор, говорит о возможности первоначального расположения этого комплекса в могильной яме. По форме и технике изготовления рамка от пряжки находит

аналогии в районах Подонья и Нижнего Поволжья (мог. Ново-Александровка I, 20/2; Три Брата II, к-н 17; Дружное, к-н 20, п. 1) [Скрипкин. 1984, рис. 15, 9; Малашев. 2000, рис. 6Г]. К тому же подобные пряжки встречаются в могильниках Среднего Поволжья и Прикамья (мог. Суворовский, мог. Азелинский) [Генинг. 1979, с. 98, 101- 103]. Появление подобных пряжек в степных районах соотносится с первой половиной III в. н.э [Малашев. 2000, с. 208; Шиманский. 2010]. А распространение их в Прикамье, на территории носителей азелинской традиции, связано с глобальными изменениями в степи во II-III вв. н.э. Исследователи склонны относить такие пряжки ко времени III-IV вв. н.э [Генинг. 1979, с. 103].

К предметам быта можно отнести остатки деревянного сосуда и керамические сосуды. Деревянный сосудик небольшой, круглодонный, с округлым венчиком, короткой шейкой переходящей в шаровидое тулово. Фрагмент сосуда сохранился благодаря тому, что был подвергнут термическому воздействию. На венчике и шейке сохранился оттиск бронзовой накладки. Аналогичные накладки были найдены в этом же погребении кургана № 4. В силу того, что деревянная посуда в степях от Волги до Урала сохраняется очень плохо, прямых аналогий найти не удалось. Однако наличие большого количества деревянной посуды в погребениях носителей традиций кенкольской культуры Средней Азии, культуры хуннов Китая не исключает ее массового существования и в памятниках позднесарматского (гунно-сарматского) времени Волго-Уральского региона. Что касается керамических сосудов, то все они представлены исключительно горшками разных размеров, но одного морфологического типа – это лепные, плоскодонные, с плавно профилированной шейкой и округлым венчиком; серо-черного цвета, относительно хорошего обжига. Черепок плотный. По форме они относятся к типу I, варианту 1 (по типологии И.Э. Любчанского) [Любчанский. 2000, с.18]. Интересен красноглиняный кувшинообразный горшок с тремя параллельными каннелюрами и следами зеленоватого ангоба на поверхности. Сосуд достаточно высокий с бомбовидным туловом и широким плоским дном. Сосуд находит прямые аналогии в поселенческой и погребальной керамике памятников Средней Сырдарьи, Хорезма и Ферганы [Левина. 1994, с. 216, рис. 98, 3,5]. Также к бытовым

предметам можно отнести и каменный оселок прямоугольной формы из кургана № 5.

Украшения могильника Солёный Дол представлены многочисленными бисером и бусами, которые обнаружены в курганах 3, 20 и в детском погребении кургана 22 (погр. 1): ожерельем, янтарной боченковидной бусиной, двумя серьгами и одной фибулой. Бусы из разноцветного бисера в количестве более 200 шт. обнаружены в районе левого предплечья и черепа погребенной в кургане № 3. Они располагались компактно, а под ними фиксировался тлен органического (тканевого) происхождения. Это свидетельствует о том, что бисер зеленого и синего цвета использовался в качестве материала для украшения погребальной налобной повязки или шапочки. Белые пастовые мелкие боченковидные бусы, найденные в погребении кургана № 20 в области шеи, и кистей обеих рук идентифицируются как шейное украшение из бус и низки из бус, используемые как браслеты. У погребенной в кургане № 3 в области шеи также обнаружено ожерелье из восьми 14-тигранных гагатových бус, разделенных между собой 10 бронзовыми пронизками пружинного типа в 8 оборотов. Пронизки и бусы соединялись между собой дополнительно плотной шерстяной нитью, которая обнаружена внутри каждой бронзовой пронизи. Здесь же найдена небольшая по размеру квадратная по форме стеклянная бусина с внутренней позолотой. Также в погребении кургана № 3 были найдены две одинаковые серьги. Это бронзовые проволочные серьги украшенные спиральными трубчатыми отвесами из той же самой бронзовой проволоки. Серьги очень похожи на височные подвески пьяноборской эпохи Западного Приуралья и Прикамья [Генинг. 1988, с. 142, рис. 32, 3; Голдина. 1999, рис. 129, 4].

Справедливости ради отметим, что серег такого облика в «угорских» районах Урала практически нет. Здесь же, возле грудины обнаружена довольно большая бронзовая лучковая фибула с пружинным приемником и расширяющейся в нижней части ножкой. Данные фибулы получают широкое распространение в памятниках средне- и позднесарматской культуры Нижнего Поволжья. Типология лучковых фибул разнообразна. Данная фибула относится к позднему варианту. Подобные фибулы имеют широкое территориальное распространение. Они встречены на

Дону и Волге, Урале и в Казахстане [Скрипкин. 1977; Малашев, Яблонский. 2008, рис. 167, 4; 177, 1; Боталов, Гуцалов. 2000, с. 126 -127,рис. 38, 121, 123].

Набор вещей, определенный нами как ритуальный комплекс, содержит два куска мела, железный нож с деревянной рукоятью, бронзовое зеркальце с центральной петелькой, орнаментированное сложным геометрическим узором в кожаном чехле, а также развалы двух тонкостенных невысоких кувшиновидных сосудиков с узким горлом и сильно отогнутым венчиком, раздутым туловом и плоским дном. На одном из сосудов нанесен пуансонный орнамент. Все эти предметы обнаружены компактно друг над другом между ступнями ног погребенной в кургане № 3. Сочетание ножа, мела и зеркальца вполне соответствует обряду позднесарматского времени. Однако вместо традиционных квадратных курильниц в комплексе стоят сосуды явно среднеазиатского происхождения.

На первый взгляд вопрос о хронологии могильника Солёный Дол очевиден. По погребальному обряду, памятник входит в хронологические рамки существования позднесарматской культуры Нижнего Поволжья и может быть датирован в пределах II–IV вв. н.э. Однако полученный материал позволяет дать более узкие датировки для исследованных курганов. Так, погребальный комплекс кургана № 3 может быть датирован по серьгам, ожерелью, фибуле и бронзовому зеркальцу с центральной петелькой и орнаментом. Корреляция хронологического разброса бытования вещи приводит к выводу, что погребение сооружено в первой половине III в. н.э. Погребальный набор (меч, поясная гарнитура, деревянный сосуд) и обряд погребения кургана 4 также соотносит сооружение этого комплекса с первой половиной III в. н.э. Хотя не исключена возможность, что комплекс может укладываться в рамки середины III в.н.э. Курган № 5 может датироваться по обнаруженному в нем железному ножу с костяными накладками на рукоять. Такие ножи характерны для памятников позднесарматского времени Южного Урала. Они встречены в могильниках Покровка 10, Агаповский, Лебедевский, Курайлинский и др. [Малашев, Яблонский. 2008; Боталов, Гуцалов. 2000] и датируются концом II – первой половиной III вв. н.э. Аналогии этим ножам находим в женских

погребениях могильников Ферганы, которые датируются более поздним временем – III–IV вв. н.э. [Горбунова. 1999, с. 124, рис. 8, 13; С. 130 – 131].

Датировка курганов №№ 20 и 22 весьма затруднительна. Обнаруженные белые пастовые бусы ничего не проясняют в плане хронологии, а янтарная боченковидная бусина из детского погребения кургана 22 может говорить, что погребение совершено не ранее рубежа I–II вв. н.э. Однако эти курганы хорошо коррелируются по устройству погребальной камеры. Могила кургана № 20 сочетается с могилой кургана № 5 – это погребения в могильных ямах с заплечиками. Такую же пару составляют погребение 2 кургана № 22 и могила кургана № 4 (захоронение в подбоях). На этом основании, хоть и весьма условном, мы можем синхронизировать все погребения могильника Солёный Дол и датировать их в пределах первой половины III в. н.э.

Много вопросов ставит полученный краниологический материал. Пять исследованных черепов взрослых погребенных имеют одинаковую кольцевую деформацию, при этом все черепа достаточно полиморфны на расовом уровне второго порядка. В курганах № 4 и № 5 черепа европеоидные, в кургане № 3 – уралоидный, в кургане № 20 – европеоидно-уралоидный и в кургане № 22 европеоидно-монголоидный [Китов, Хохлов. 2010]. Коррелируя черепа из курганов могильника Солёный Дол с вещевым материалом, мы видим, что комплекс инвентаря курганов №№ 4, 5 соотносится с мужскими особями европеоидного типа, в богатом погребении кургана № 3 покоится женщина уралоидного облика. В рядовых женских погребениях курганов №№ 20 и 22 покоятся особи смешанных типов – европеоидно-уралоидного и европеоидно-монголоидного облика, соответственно.

Таким образом, исследованные курганы могильника Солёный Дол однозначно входят в круг памятников, которые оставлены этнически неоднородным кочевым населением Южного Зауралья гунно-сарматского (позднесарматского) времени, погребальный обряд которых характеризует процесс формирования нового этнического коллектива в первой половине III в. н.э.

Список литературы:

- Боталов, Гуцалов. 2000.** Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей // «Этногенез уральских народов». – Челябинск.
- Генинг. 1979.** Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158.
- Генинг. 1988.** Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. – М.
- Голдина. 1999.** Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.
- Горбунова. 1999.** Горбунова Н.Г. Талмазарский и Урюкзорский могильники в Фергане // АСГЭ. СПб. Вып. 34.
- Китов, Хохлов. 2010.** Китов Е.П., Хохлов А.А. Краниология могильника Солёный Дол позднесарматского времени в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник, Уфа.
- Левина. 1994.** Левина Л.М. Джетыясарская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV. Могильники Алтынасар 4. Ч. 3–4. М.
- Любчанский. 2009.** Любчанский И.Э. Материальная культура номадов Южного Зауралья во II – начале VI века н.э.: комплекс вооружения // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 34. 28.
- Любчанский. 2000.** Любчанский И.Э. Керамика южноуральской лесостепи середины первого тысячелетия н.э. как источник по этнокультурной реконструкции: Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. историч. наук: 07.00.06. Уфа.
- Малашев. 2000.** Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.
- Малашев. 2008.** Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. – М.: Восточная литература.
- Медведев. 2008.** Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. – М.
- Пшеничнюк. 1983.** Пшеничнюк А.Х. Ранние кочевники Южного Урала. – М.

Скрипкин. 1977. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. № 2

Скрипкин. 1984. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

Скрипкин. 2000. Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. Вып. 3

Шиманский. 2010. Шиманский Е.О. Могильник Солёный Дол: вещевой инвентарь (по материалам раскопок 2006–2009 гг.) // Уфимский археологический вестник, Уфа.

Максименко В.Е., Буйновская О.П.

(Ростов на Дону)

Проблемы этнокультурной интерпретации погребальных памятников Подонья скифского времени.

В науке весьма сложно найти продолжительный период, когда по какому-либо вопросу существовало полное и бесспорное единогласие. Среди скифологов и сарматологов по ряду вопросов, касающихся памятников раннего железного века, единогласия как не было сто лет назад, так нет и сейчас. Плюрализм мнений обусловлен целым рядом причин: постоянным пополнением археологического материала, позволяющим сделать сенсационные открытия, и периодически проводимым анализом письменных источников, приоткрывающим ранее не известные глубины наиважнейшей информации, и обработкой палеоантропологического материала, данных палеоэкологии и палеозоологии. Порой, причиной многообразия точек зрения становится банальный «субъективный фактор» - т.е. простое отсутствие у некоторых исследователей четкого представления о предмете своего исследования или же «неведение» о современном состоянии той или иной проблемы. В качестве примера можно привести высказывание Крупнова Е.И. по поводу киммерийской проблемы, в котором именно этим субъективным фактором «собственно и объясняется многочисленность различных попыток освещения киммерийской проблемы» [Крупнов, 1958.с. 177]. Так или иначе, именно в эволюции взглядов, мнений, теорий и гипотез на протяжении всего времени развития скифологии, и сарматологии кроются некоторые причины нынешнего состояния проблемы этнической интерпретации памятников скифской эпохи.

За последнее десятилетие вопрос об этнической интерпретации памятников Подонья приобрел особую остроту. Трудности определения этноса на Нижнем Дону в эпоху раннего железного века состоят в том, что эта территория являлась своеобразной контактной зоной, местом столкновения племенных объединений,

различных по этнокультурному признаку и хозяйственному укладу. Материальная и духовная культура населения этого региона всегда носила смешанный характер. До сих пор некоторые исследователи, являясь проводниками «глобального» подхода, полагают, что на территории Подонья в определенные периоды раннего железного века существовала единая археологическая культура, без особых локальных различий, и население считали либо «скифским» (до II в. до н.э.), либо меотским (в дельте Дона), либо савроматским или сарматским. Ранее используемый метод поиска археологической культуры и определения ее территориальных границ с учетом свидетельств античных авторов, а также дальнейшее сопоставление «найденной и закреплённой» на определенной территории археологической культуры с этническим термином из письменных источников в полной мере не оправдал себя, и более того, привел к невообразимой путанице [Максименко. 2004, с. 133]. Более того, высказанное более 50-ти лет назад Граковым Б.Н. и Мелюковой А.И. мнение о неравнозначности культуры и этноса стало определяющим сейчас, особенно при решении вопроса соотношения этнонима (за которым с легкой руки античных авторов закреплена та или иная территория) с несоответствием той археологической культуре, которая по многим признакам может принадлежать и другому этносу [Максименко. 2000, с. 181].

Ни природно-климатические, ни археологические, ни письменные, ни антропологические характеристики нижнедонского региона в скифское время не позволяют судить о нем как о единой территории ни в этнокультурном, ни в природно-географическом плане [Максименко. 1998, с. 179-182]. Привычное историко-географическое деление территории Нижнего Подонья по течению реки Дон на правобережье и левобережье потеряло свою некогда неоспоримую актуальность. Безусловно, многим исследователям трудно отказаться от традиционного, начиная чуть ли не с первого научного интереса к древностям Нижнего Дона, разграничения региона по древней реке Танаис, которая изначально проектировалась на Дон.

Хотя здесь также есть свои нюансы и спорные моменты. Достаточно вспомнить хотя бы то, что поколебало эту уверенность: предположение Рыбакова Б.А. о том,

что под Танаисом во времена Геродота подразумевалось лишь нижнее течение Дона и Северский Донец. Традиционная точка зрения о соответствии Танаиса современному Дону долгое время господствовала в науке. Её поддерживали Тереножкин А.И., Шрамко Б.А., Смирнов А.П., Либеров П.Д., Граков Б.Н., Смирнов К.Ф. Однако, сторонников Рыбакова Б.А. так же не мало: Максименко В.Е., Яйленко В.П., Стрижак О.С., Мозолевский Б.Н., Мачинский Д.А., признали ее, хоть и позже Тереножкин А.И. и Шрамко Б.А. До сих пор данный вопрос остается спорным и интерес к нему не угасает. Доказательством могут послужить работы Мачинского Д.А. и Медведева А.П., отстаивающих противоположные точки зрения [Медведев. 2000, Мачинский. 1993].

Накопление археологического материала, в ходе работ более десятка важнейших экспедиций в последние 50 лет, его обработка с привлечением других видов источников, в том числе письменных, антропологических и др., позволили увидеть в скоплении различных видов памятников в разных районах Подонья отнюдь не случайность. Выделение локальных вариантов археологических культур по регионам было успешно произведено и ранее, в работе К.Ф. Смирнова относительно савроматской археологической культуры [Смирнов. 1964]. На Нижнем Дону узколокальные варианты археологических культур были выделены с учетом их временных характеристик на основе объединения памятников по принципу их наибольшей концентрации. В этом случае, возможна фиксация «эпицентров» владений кочевников (такowymi могут быть сконцентрированные в отдельных районах могильники, находящиеся под защитой рода, племени и не расположенные на границах с чужими владениями). Условное районирование на территориальные зоны, границами которых могли служить наиболее крупные реки или особенности рельефа, в свою очередь являющиеся временно установленными границами владений (кочевий) рода, племени, представляет Нижнее Подонье в следующем виде:

1. район между Миусом и Северским Донцом, в нижнем его течении;
2. район между Северским Донцом и Доном;

3. район между Доном и Волгой до места их наибольшего сближения у излучины;
4. район между Манычем и нижним течением Волги (по водоразделу рек, впадающих в Дон);
5. район между нижним течением Маныча и дельтой Дона;
6. район островов дельты Дона.

Вполне возможно и скорее всего владения могли охватывать не одну, а несколько зон, в зависимости от социально-экономических, политических, демографических и др. факторов [Максименко. 1998, с. 54-57].

Из всех шести районов наиболее спорными в плане этнокультурной интерпретации сейчас являются два – район междуречья Северского Донца и Дона и район дельты Дона.

Дельта Дона исследовалась одной из первых (Стемпковский И.А., Леонтьев П.М., Хицунов П.И., Миллер А.А) более 150 лет назад [Лунин. 1962, с. 6-13], но до сих пор эта территория в этнокультурном плане остается одной из спорных, наряду с зоной междуречья Дона и Северского Донца. Исследование дельты Дона началось с изучения поселения и курганного могильника V – IV вв. до н.э. в районе ст. Елизаветинской (ст. Елисаветовская) в устье Дона между основным руслом и протокой Мертвый Донец. Миллер А.А. высказался в пользу сарматской принадлежности, позже его поддержал Гайдукевич В.Ф. [Миллер. 1914, с. 221; Гайдукевич. 1963, с. 297- 298]. Точка зрения о скифской принадлежности отстаивалась Шиловым В.П., Брашинским И.Б., Марченко К.К. и поддерживалась Мелюковой А.И. [Шилов. 1962; Брашинский, Марченко. 1984; Мелюкова. 1989]. Граков Б.Н. и Каменецкий И.С. считали и поселение, и курганы меотскими [Граков. 1947, с. 110-111, Каменецкий. 1965]. Смирнов К.Ф. и Максименко В.Е. вслед за Ростовцевым М.И. утверждали о смешанном характере памятника, видя в нем и скифские, и меотские, и савроматские черты [Ростовцев. 1925, с. 533-534; Смирнов. 1964, с. 265; Максименко. 1983, с. 34, 121-123]. К этой же точке зрения склоняется и Шелов Д.Б., отождествляя Елисаветовское поселение с Алопекией Страбона, население которой согласно источнику было смешанным [Шелов. 1970,

с. 69-75]. О смешанном характере памятников – курганов – говорят и антропологические исследования. Анализ краниологического материала, проведенный Герасимовой М.М., показал савроматский и меотский компоненты. Примечателен тот факт, что определение «меоты» как этноним весьма спорно (меоты как географический, а не этнический термин) [Максименко. 2004, с.136], если же говорить о «меотах» как об оседлом населении, проживавшем по северному и восточному побережью Меотиды, без учета этнических различий, то о каком сопоставлении идет речь?

На савроматском характере памятников настаивает Берлизов Н.Е., статистически обработавший данные по Елисаветовскому некрополю, привязав начало функционирования родового некрополя ко времени вскоре после победы скифов, савроматов и будинов над Дарием I и лесостепными племенами [Берлизов. 2005, с. 38-43].

За последние двадцать лет исследователи более-менее четко определились в своих предпочтениях при оценке этнической и демографической ситуации, наблюдавшейся в дельте Дона в период с VI по IV века до н.э. На сегодняшний день существует два подхода.

Копылов В.П., Житников В.Г. и Янгулов С.Ю. отстаивают точку зрения о том, что заселение района в конце первой четверти V века до н.э. происходило в результате миграции из западных, собственно скифских районов [Житников. 1987; Копылов, Янгулов.1992].

Копылов В.П. появление в дельте Дона Елисаветовского городища и могильника связывает с появлением нового населения «после того как военно-политические усилия скифов на западном направлении потерпели крах и восточное направление становится главным. Именно в конце первой – начале второй четверти V в. до н.э. фиксируется резкое обострение военно-политической ситуации в Северном Причерноморье, что потребовало укрепления восточных границ.» [Копылов. 2000, с. 164]. Новое население, по мнению Копылова В.П., прибыло на территорию дельты Дона в конце первой четверти V в. до н.э. из лесостепного Левобережного Поднепровья, и являлось полномочным хозяином в Северо-

Восточном Приазовье до конца IV в. до н.э. Памятники дельты Дона связываются Копыловым В.П. с памятниками Среднего Дона как памятники одного культурного горизонта и из одной культурной зоны, памятники этнически родственные.

Складывание нового этноса, проживавшего на территории дельты Дона с первой четверти V в. до н.э., из этносов с различными экономическими укладами: оседло-земледельческим и кочевым – протекало в лесостепном Поднепровье с конца VII и весь VI в. до н.э. и было обусловлено социально-экономическими причинами [Копылов. 2000, с. 163-165].

Существует и иной взгляд на данную проблему, согласно которому население дельты Дона V – IV вв. до н.э. пришло из Прикубанья [Максименко В.Е., Лукьяшко С.И.]. Греческий историк Эфор называл его язаматами и считал савроматским племенем.

Территория дельты Дона с прилегающим к ней правобережьем, как и территория междуречья Дона и Северского Донца, на сегодняшний день одними исследователями объединяется в культурном плане с зоной среднедонских памятников и включается в состав крупного этнополитического образования «Европейская Скифия» (находилась она в степной и лесостепной зоне Северного Причерноморья между Дунаем и Доном в VII – IV вв. до н.э., где скифы-иранцы занимали господствующее положение) [Гуляев. 2000, с. 151]. Другие же настаивают на том, что каждая из выше перечисленных территорий имеет свои особенности с тяготением к той или иной культурно-исторической общности (Медведев А.П., Максименко В.Е., Алексеев А.Ю. и др. [Гуляев. 2006].

Проблема этнической интерпретации памятников междуречья Дона и Северского Донца сводится к следующему:

- к какой этнической группе отнести данный район – скифской (Гуляев В.И., Копылов В.П.), будино-гелонской (Медведев А.П.) или савромато-сирматской (Смирнов К.Ф., Максименко В.Е.)

- как связаны друг с другом этнонимы «савроматы», «сирматы» и «сарматы» [Максименко. 2009].

Причиной противоречивых мнений послужило то, что в начале 80-х гг. XX в. было привлечено внимание к факту сходства курганных комплексов V – IV вв. до н.э. в междуречье Дона и Северского Донца (имеются в виду курганы близ поселка Шолоховский, к. №4 и №25 Сладковского могильника, курган у х. Кащеевка, курганы у х. Карнаухова и др. [Максименко, 1983] со среднедонскими погребениями того же времени.

Однако данный факт исследователями был оценен по-разному:

Гуляев В.И. объясняет такое сходство тем, что «оба региона входили составной частью в Европейскую Скифию, образуя ее восточный форпост». Гуляев В.И. апеллирует к старой концепции Ростовцева М.И. о единой Скифии, включавшей в свои пределы как степную, так и лесостепную зоны Северного Причерноморья от Дона до Дуная. Так же на данную ситуацию смотрел и Граков Б.Н. (но до 1952 года), эту концепцию отстаивали Тереножкин А.И. и Ильинская В.А. [Гуляев. 2000, с.149-150]. Сейчас схожую точку зрения отстаивает Копылов В.П., и если Гуляеву В.И. «не так уж и важно, откуда именно пришли создатели среднедонской культуры в воронежские края – из левобережной украинской лесостепи или с Нижнего Дона» [Гуляев. 2000, с. 151], то Копылов В.П. выводит её из лесостепного Левобережного Поднепровья, как и памятники дельты Дона, появившиеся в конце первой четверти V в. до н.э. [Копылов. 2000, с. 165].

Мелюкова А.И. предложила компромиссный вариант, определив Воронежскую группу памятников «больше других локальных групп лесостепи ближе к скифским кочевническим погребениям», но признав наличие немалых черт савроматской культуры [Мелюкова. 1989, с. 47].

Примечателен тот факт, что К.Ф. Смирнов также обращался к исследованиям Ростовцева М.И. при решении вопроса локализации савроматов к западу от Дона (Ростовцев М.И. помещал савроматов в Подонье – Приазовье, согласно античной традиции). Смирнов К.Ф. относил памятники VI – IV вв. до н.э. к западу от Дона до низовьев к савроматским [Смирнов. 1964, с. 163]. Этноним же «сирматы» Смирнов К.Ф. связывал с западной частью савроматов, живших на правом берегу Дона и в северном Приазовье [Смирнов. 1983, с. 40].

Что касается некоторых комплексов IV в. до н.э. как левобережья, так и правобережья, то Мошкова М.Г. считала их доказательством появления савроматов в этом районе [Мошкова. 1977, с. 209].

Признавая будинов, гелонов, савроматов и сирматов носителями археологической культуры скифского типа (скифоидной), но с ярко выраженными особенностями, можно конечно, определить среднедонскую культуру как культуру, отличающуюся как от собственно скифской степной, так и от савроматской восточных регионов (по К.Ф. Смирнову), хотя ряд памятников V – III вв. до н.э. донского правобережья степной зоны явно тяготеет к ней [Максименко. 2000, с. 182]. Нельзя отрицать предположение, что междуречье Дона и Северского Донца населяли геродотовы савроматы, которые со временем усилились за счет притока населения из Задонья и составили ту группу, которая с IV в. до н.э. стала известна античным авторам под именем сирматов. Эти «сирматы» - объединение геродотовых савроматов и пришедших из Задонья «потомков» народа «сайрима» Авесты (по мнению Смирнова К.Ф.) или ранее известных античным авторам исседонов (по мнению Мачинского Д.А.), постепенно трансформируются в «сарматов» античной традиции и это происходит к западу от Дона.

Ко времени появления на Дону носителей прохоровской археологической культуры, которая собственно и называется сарматской, термин «сарматы» становится собирательным. А прежнее савромато-сирматское население (носители савроматской археологической культуры) вливается в потоки нового пришлого населения, нанесшего в последствии окончательный удар по Скифии [Максименко. 2000, с. 183-184].

Как известно, по поводу определения происхождения «сирматов» так же нет единогласия. Либеров П.Д. вслед за Брауном Ф. считал их частью финоязычных будинов [Либеров. 1969, с. 11-15]. Туаллагов А.А. возводит их происхождение к выходцам из дахо-массагетской среды и связывает с этнонимом «сираки» [Туаллагов. 1999, с. 11-15]. Десятчиков Ю.М., как и Шелов-Коведяев Ф.В. связывал сирматов с сарматами [Шелов-Коведяев. 1988, с. 446; Десятчиков. 1974, с. 9-10]. Симоненко А.В. разграничивает понятия «сарматы» и «сирматы», присоединяясь к

раннее высказанному мнению Смирнова К.Ф. Сирматы, по его мнению, - это одна из групп поздних савроматов, обитавших на обоих берегах Танаиса, а сарматы – это кочевники, появившиеся в междуречье Дона и Днепра не ранее II в. до н.э [Максименко. 2000, с. 183-184]. Мачинский Д.А. считает, что «сирматы» – искаженное название сарматов, «которые вместе с некоторыми савроматскими и меотскими племенами продолжали движение на запад, заняв в конце IV – III вв. до н.э. восточную и центральную часть древней Скифии» [Мачинский. 1971, с. 51].

Существует точка зрения о том, что лесостепная территория Среднего Дона населялась будинами и гелонами. Среднедонские некрополи VI – V вв. до н.э., по мнению Медведева А.П., принадлежат ираноязычным гелонам, потомкам одной из групп «ранних» или «старших скифов». На Среднем Дону в V – III вв. до н.э. существовали две культуры: земледельческо-скотоводческого оседлого населения (будины) и элитарной культуры военно-аристократического кочевого слоя (гелоны). За этими культурами, по всей вероятности, скрываются, по меньшей мере, два народа-этноса. Медведев А.П. выводит данное суждение из признания различия этнокультурного облика городищ и курганных могильников Среднего Дона [Медведев. 1999, с. 167]. Соответственно это будины и гелоны Геродота. Против этнокультурного разграничения городищ и курганных могильников Среднего Подонья выступает Пузикова А.И., считая данный ход преждевременным [Пузикова. 2000, с. 258-267].

Что же касается среднедонских курганов, то Медведев А.П. считает, что, не смотря на несомненное сходство инвентаря, они во многом сильно отличаются от скифских конца V – IV вв. до н.э., например, типом погребальных сооружений [Медведев. 2000, с. 199]. Однако, исследователь, насколько нам известно, не признаёт сходства среднедонских памятников с памятниками междуречья Дона и Северского Донца. И не удивительно, с учетом того, в какую «диалектическую ловушку» попадет, признав сходство и даже родство (как настаивает Гуляев В.И.) памятников степной зоны междуречья Дона и Северского Донца со среднедонскими, объединив в культурном плане эти два региона [Максименко. 2000, с. 182-183]. Гелонскими в этом случае назвать их весьма сложно, не

противоречия Геродоту и, по образному выражению самого Медведева А.П., «не совершая насилия над источниками». Ранее признаваемое им сходство считалось не столь важным, так как первенство в установлении связей среднедонских памятников с прилегающими территориями отдавалось памятникам Левобережного Поднепровья из-за их более ранней датировки и сходство инвентаря по большому количеству признаков [Медведев. 1999].

Весьма любопытное мнение по поводу проблемы этнической интерпретации донских памятников скифской эпохи высказал Березуцкий В.Д. [Березуцкий. 2005, с. 30-37]. Рассуждая о критериях при выборе этнокультурных показателей, Березуцкий В.Д. на примере работы Гуляева В.И., отстаивающего единство Скифии, убедительно показывает ограниченность метода поиска аналогий престижным вещам из среднедонских курганов и неоправданность построения выводов о культурном сходстве и этническом родстве на его основе: «Являясь по большей части произведениями греческих мастеров, они не несут на себе этнических признаков» [Березуцкий. 2005, с. 31]. По мнению Березуцкого В.Д., такие погребальные признаки как: деревянные конструкции в могилах, кольцевые ровики, культ огня, наличие входов-дромосов - несут в себе общеевразийские элементы [Березуцкий. 2005, с. 30-31]. Соответственно не могут считаться этноиндикаторами? Для Березуцкого В.Д., по всей видимости, нет.

Березуцкий В.Д. присоединяется к мнению Мелюковой А.И. об ограниченных возможностях «скифской триады» при определении «единства», т.к. различия ее составных элементов у разных групп населения Степи достаточно кардинальны [Яблонский. 1999, с. 40], и к мнению Ольховского В.С. о невозможности «скифской триады» быть этноиндикатором для скифской культуры, в виду ее широкого распространения в среде кочевого, полукочевого и оседлого населения [Ольховский. 1997, с. 90]. Культурная близость на уровне триады не является бесспорной на этническом уровне. Однако существует и альтернативное мнение по данному вопросу. Крупнейший скифолог Тереножкин А.И. утверждал, что «триада» не только объединяет ряд культур Евразии скифской эпохи, но каждая из таких «провинций» скифо-сибирского мира четко выделяется на фоне остальных в

силу ряда присущих только ей черт: «без надлежащего учета и самого широкого использования предметов вооружения, конского убора и звериного стиля, т.е. всего того, что составляет массовый, а очень часто и единственный материал степных и лесостепных гробниц, не может решаться ни один аспект скифской проблемы вообще, не может решаться вопрос о скифской культуре. Факт широкого распространения такого рода вещей никак нельзя расценивать иначе, чем прямое подтверждение существования культурного единства населения степной и лесостепной Скифии...» [Тереножкин. 1973, с. 13-18]. В этом вопросе солидарность проявляет и Гуляев В.И [Гуляев. 2006, с. 178], и Алексеев А.Ю. По мнению последнего, «скифская триада» подчеркивала лишь единство в образе жизни, не препятствуя выделению отдельных вполне самостоятельных «скифских» культур» [Алексеев. 2003, с. 40]. По-видимому, скифскую «триаду» сбрасывать со счетов при решении этнокультурных вопросов по меньшей мере преждевременно.

Примечательно и то, что Березуцким В.Д. отрицается факт (казалось бы, признанный многими исследователями) близости среднедонских памятников с известными курганами у пос. Шолоховский, хуторов Сладковский, Кашеёвка, Карнауховский и др. Отмечая малое количество сходства по вещевому комплексу, Березуцкий В. Д. отрицает данные погребального обряда (большая квадратная яма, дромос, перекрытие из бревен, следы сильного огня, заупокойная пища в виде частей туш животных, следы сожжения деревянного перекрытия входа - дромос) как признаки, на основе которых можно судить о схожести или различии памятников. Следующее высказывание не требует комментариев по степени своей категоричности: «Однако, не трудно увидеть, что перечисленные признаки несут в себе общевразийское достояние. Взятые по отдельности или вместе, они не могут служить надежным критерием ни культуры, ни этноса.» [Березуцкий. 2005, с. 36]. Что же остается среди этноиндикаторов? Заявляя о том, что «налицо явное преувеличение значения и представительности отдельных признаков материальной культуры в курганах Среднего Дона и междуречья Дона и Северского Донца», Березуцкий В.Д. говорит о том, что вышеперечисленные «признаки схожести составляют лишь малую долю по сравнению с более представительными

(«тотальными») признаками, которые характеризуют культуру племен, пришедших из-за Дона с востока.» [Березуцкий. 2005, с. 36]. Закономерен вопрос, что же это за «тотальные» признаки? А так же вопрос, какие же признаки можно считать этноидентифицирующими? Достоверными в этом отношении, по мнению исследователя, могут быть только данные анализа предметов звериного стиля и только с учетом процентного соотношения локальных признаков с общераспространенными. Интересно в этом плане высказывание о том, что «не получил широкого распространения в Нижнем Подонье и звериный стиль» [Березуцкий. 2005, с. 35-36]. При том, что сравнение процента предметов звериного стиля из среднедонских памятников происходит с учетом содержания предметов звериного стиля только в курганах Елизаветовского могильника, хотя Елизаветовский могильник и признается учеными эталонным, но, отнюдь, не единственным, особенно по части предметов звериного стиля. Статья Березуцкого В.Д. весьма спорна и потому, что сам автор довольно-таки вольно распоряжается «признаками», особенно типами погребальных сооружений: в одном случае они «несут в себе общеевразийское достояние» (в вопросе «схожести»), в других – служат подтверждением различий памятников: «далеко не все типы погребальных сооружений, господствовавших на Среднем Дону, представлены в Нижнем Подонье, а узкие длинные ямы, составлявшие не менее 55 % могил и вовсе отсутствуют на Среднем Дону» [Березуцкий. 2005, с. 36]. Единственная концепция о происхождении нижнедонских памятников скифского времени, которая не подверглась «критике» Березуцкого В.Д., высказана Копыловым В.П., хотя в ней так же есть спорные моменты. Иначе дискуссия по поводу населения дельты Дона исчерпала бы себя.

Плюрализм мнений по поводу этнокультурной принадлежности памятников скифского времени как Нижнего Дона, так и Среднего на данный момент остается признанным фактом. Однако характерной его чертой является и то, что к настоящему моменту многие исследователи если и не поменяли свои позиции, то, по крайней мере, пересмотрели и несколько смягчили их. Безусловно, положительную роль в данной ситуации сыграла международная конференция

«Скифы Северного Причерноморья в VII – III вв. до н.э.», посвященная столетию со дня рождения выдающегося российского археолога и историка Б.Н.Гракова, состоявшаяся в г. Дедовске в Подмосковье в 1999 г., и последующая дискуссия, развернувшаяся на страницах ВДИ в разделе «Международный круглый стол «Проблемы археологии Подонья в скифскую эпоху». Расставляя точки над «i», стоит отметить, что Медведев А.П. более не отводит первостепенную роль приднепровским памятникам скифского времени в установлении этнокультурной близости с памятниками Среднего Дона, а отмечает, что «при несомненном сходстве инвентаря среднедонские курганы во многом сильно отличаются от скифских конца V – IV вв. до н.э. Достаточно напомнить общеизвестный факт – основным типом погребальных сооружений собственно скифов в это время становятся катакомбы, тогда как в лесостепном Подонье по – прежнему, захоронения совершались в столбовых склепах, дромосных гробницах, реже в простых грунтовых ямах. Письменные свидетельства и данные археологии указывают на то, что сложившаяся здесь этнокультурная ситуация была гораздо более сложной и уж во всяком случае не такой однозначной, чтобы всю ее можно было без насилия над источниками непротиворечиво описать с помощью старой гипотезы «Скифы на Среднем Дону» [Медведев. 2000, с. 199]. К слову сказать, приверженцев гипотезы только «Скифы на Среднем Дону» как таковых уже и нет. Гуляев В.И. стоит на позиции, что «в Среднем и Нижнем Подонье жили не только скифы, но и другие этнические группы, что вполне естественно, учитывая пограничное географическое положение данного региона в скифскую эпоху и соседство с такими крупными этнокультурными массивами, как угро-финны, меоты, савроматы-сирматы и др. Однако если мы признаем факт существования единого государства – Скифии, то и присутствие самих скифов-иранцев (об их количестве здесь речь не идет; они были господствующей и контролирующей силой в этом регионе) также представляется вполне реальным. Что касается Нижнего Дона, то об этом прямо говорит Геродот, подтверждавший, что владения «скифов-царских» доходили до нижнего течения Танаиса-Дона.» [Гуляев. 2006, с. 177]. Что касается спора по поводу престижных вещей и их возможностей при

установлении этнокультурных связей, то для Гуляева В.И. они доказывают вместе с анализом погребальных комплексов Приднепровской лесостепи, Среднего Дона и Нижнего Дона факт «не только о торговых и культурных связях населения Среднего Дона с другими областями Скифии, но и полном совпадении субкультуры аристократической и военно-дружинной верхушки всех регионов степи и лесостепи Северного Причерноморья, входивших в состав скифского государственного объединения.» [Гуляев. 2006, с. 174]. Столь исчерпывающее заявления оставляет не решённым лишь один вопрос: «Представители каких этнических групп и составляли эту субкультуру аристократической и военно-дружинной верхушки? Этнические скифы?». Для Медведева А.П. элитарная субкультура военно-дружинной и аристократической верхушки, погребенной в среднедонских курганах, принадлежит «скифоидным гелонам» [Медведев. 2002, с. 158], для Гуляева В.И. – скифам. В этом плане интересно мнение Смирнова К.Ф. о том, что савроматы, являясь ближайшими соседями будинов Среднего Дона, оказали на последних значительное культурное влияние, а отдельные савроматские группы даже проникали на юг данного региона в V – IV вв. до н.э. и оставили там свои могильники (у с. Мастюгино и у с. Дуровка) [Смирнов. 1983, с. 26-27]. Можно ли считать савроматов, оставивших данные памятники на Среднем Дону, представителями военно-дружинной и аристократической верхушки?

Что же касается существования мощного военно-политического объединения в рамках Европейской Скифии, то с мнением Гуляева согласны многие. Это было военно-политическое объединение, а не этническое. И на северных, и восточных границах Скифии жили народы, отличающиеся от собственно «скифов-кочевников», «скифов-царских» и т.д., о которых писал Геродот» [Максименко. 2000, с. 182], что не ставит точку в вопросе об этнической интерпретации памятников, в первую очередь междуречья Дона и Северского Донца. Кочевнические комплексы V – III вв. до н.э. указанного региона, являясь памятниками «скифского типа», «скифоидными», близкими «скифской культуре», этнически однозначно не интерпретированы. Здесь, безусловно, правомерен вопрос о том, что можно считать этническими признаками, а что носит синкретический,

общеевразийский характер? И снова камнем преткновения в данной ситуации является такой признак как тип погребального сооружения. Признавая погребальный обряд важнейшим этнокультурным признаком любого древнего населения, Гуляев В.И. недвусмысленно показывает всю сложность определения «истинных» скифов: «на протяжении всего раннего периода истории скифов (VII – VI вв. до н.э.) единственным типом погребальных сооружений были подкурганые захоронения в простых ямах с деревянными конструкциями. Первые (первичные, а не впускные) катакомбы в скифских степных курганах появляются в V в. до н.э., а широкое распространение получают в IV в. до н.э... Ведь хорошо известно, что серьезные трансформации в типах погребальных сооружений и в ритуале связаны либо с коренными изменениями в идеологии, либо с приходом новых групп мигрантов... Если мы примем тезис о том, будто «истинными» скифами могут считаться лишь те, кто погребен в катакомбах, то мы лишаем скифской принадлежности все памятники эпохи архаики (VII – VI вв. до н.э.) в причерноморских степях и на Северном Кавказе. Однако о пребывании здесь скифских кочевых племен недвусмысленно сообщают античные авторы и особенно Геродот. [Гуляев. 2006, с. 178-179]» При всем этом, катакомбы, став в IV в. до н.э. в степной Скифии господствующим типом погребальных сооружений, не вытеснили целиком обряд захоронения в ямах с деревянными конструкциями [Ильинская, Тереножкин. 1983, с. 158]. А именно фактом отсутствия катакомб на Среднем Дону в указанное время аргументирует свою точку зрения Медведев А.П [Медведев. 2000, с. 199]. Исследователи по-разному объясняют господство катакомб у поздних скифов. Мурзин В.Ю., говорит о местном происхождении катакомб, появившихся еще в доскифский период и существовавших в зародыше еще в VI в. до н.э. [Мурзин. 1982, с. 51, 55]. Алексеев А. Ю., признавая факт «скифизации» Приднепровской Лесостепи со второй половины VII в. до н.э., причину появления и распространения катакомб видит в том, что на рубеже VI и V вв. до н.э. на территории Скифии произошли существенные культурные и социально-политические изменения и связаны они были с приходом с востока в

Причерноморские степи новой волны кочевников, родственников скифам [Алексеев. 2003, с. 172-184].

Уместен вопрос: «Кто же эти кочевники, родственные скифам, и откуда именно «с востока» они проникали в причерноморские степи?» Ведь сам Алексеев А.Ю. признает «несомненное единство культур «скифского» мира Евразии ... и их глубокие индивидуальные (этнические, культурные) особенности...» [Алексеев 2003, с. 40]. Остается без комментариев и тот факт, что на Среднем Дону и в степной части Нижнего Дона сохранилась старая традиция с типом захоронения в подкурганных ямах с деревянными конструкциями [Гуляев. 2006, с. 189]. Подтверждает это и то, что «археологическими доказательствами смены культур в V – IV вв. до н.э. на Дону мы пока не располагаем. Но резкое количественное увеличение памятников этого времени хорошо заметно. Это лишь подтверждает факт «мирного» проникновения нового, близкого по культуре и языку населения» [Максименко. 2004, с. 141]. Этим населением, по нашему мнению, являются ираноязычные сирматы-сарматы, пришедшие из-за Волги и являвшиеся носителями савроматской археологической культуры. Именно они усилили савроматскую группу междуречья Дона и Северского Донца, входившую в политический союз родственников по языку и культуре племен, известный по античной традиции к V в. до н.э. в степях Подонья как «савроматы». Проникали же в Скифию изначально донские, правобережные савроматы и сирматы-сарматы – носители донского варианта савроматской археологической культуры, и мирным путем: это могли быть браки, совместное участие в военных походах и т.д. Этот период дружественных отношений между скифами и савроматами продолжался вплоть до IV в. до н.э., пока Скифская держава была достаточно сильна. Естественно, что эти дружественные, мирные взаимоотношения не могли не оставить своих следов. Синтез двух культур – скифской и савроматской – и наблюдают исследователи на примере нижнедонских памятников [Максименко. 2004, с. 137-142]. Именно сходство памятников Нижнего Дона в широком смысле со скифской и савроматской археологическими культурами и породило плюрализм мнений в вопросе их этнической интерпретации. Замечание о том, что и в

скифской, и в савроматской культурах есть свои локальные особенности и их стоит учитывать [Максименко. 2004, с. 141-142], нашло своих сторонников.

Возвращаясь к существующему на данный момент в науке плюрализму мнений по поводу интерпретации памятников скифского времени Нижнего Подонья, а вместе с ними и памятников Среднего Дона и Левобережного Поднепровья, стоит отметить не только факт истолкования на свой лад сведений из четвертой книги Геродота и иллюстрации своей концепции археологическими материалами, что свойственно, по мнению Гуляева В.И., большинству современных исследователей [Гуляев. 2000, с. 146]. Почва для будущих дискуссий была подготовлена еще в начале XX века известным ученым Ростовцевым М.И., концепции и высказывания которого сейчас приобрели популярность и повсеместно используются в угоду своих интересов. Такую же схожую роль играют сейчас и исследования других известных историков и археологов, в том числе и работы Гракова Б.Н., Тереножкина А.И., Смирнова К.Ф. Безусловно, говоря о памятниках скифского времени, обойти стороной их исследования не представляется возможным. Стоит только избегать «жонглирования» концепциями при построении своей гипотезы, теории и т.д. Квинтэссенцией всего вышесказанного могут послужить слова Виноградова Ю.А. и Марченко К.К.: «Одной из дополнительных причин существующих трудностей – является отсутствие самостоятельной на сей счет разработки материалов самой археологией и, как следствие, неоправданно прямолинейное сопоставление ее данных с данными письменных источников. Следует заметить к тому же, что в таком сопоставлении отдельным, вырванным из контекста свидетельствам материальной культуры скифской эпохи отводится, как правило, сугубо вспомогательная роль: служить дополнением, подсветкой или просто иллюстрацией того или иного сообщения древних авторов» [Виноградов, Марченко. 1990, с. 45]. Многие вопросы скифологии и сарматологии остаются дискуссионными. Однако, в первую очередь, исследователям при решении задач этнокультурной интерпретации памятников стоит определиться с этноиндикторами и их возможностями на общем и локальных уровнях, с вопросом гидронимики и

топонимики (Танаис – Дон или Северский Донец ?), со степенью доверия свидетельствам античных авторов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев. 2003.** Алексеев А.Ю. Хронология Европейской Скифии VII - IV вв. до н.э. СПб.
- Березуцкий. 2005.** Березуцкий В.Д. Погребальный инвентарь из курганов скифского времени лесостепного Дона как этнокультурный показатель // Археологические записки ДАО. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 4.
- Берлизов. 2005.** Берлизов Н.Е. К вопросу об этнокультурной принадлежности Елисаветовских курганов на Нижнем Дону // Археологические записки ДАО. Ростов-на-Дону. Вып. 4.
- Брашинский, Марченко. 1984.** Брашинский И.Б., Марченко К.К. К вопросу об этнической атрибуции Елизаветинского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Виноградов, Марченко. 1990.** Виноградов Ю.А., Марченко К.К. К проблеме ранней истории Скифии // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти П.О. Карыковского. Одесса.
- Гайдукевич. 1963.** Гайдукевич В.Ф. Боспор и Танаис в доримский период // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Л.
- Граков. 1947.** Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. №3.
- Гуляев. 2000.** Гуляев В.И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V – IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.
- Гуляев. 2006.** Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии (по материалам археологии Подонья) // ВДИ. №1.
- Десятчиков. 1974.** Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора // Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.
- Житников. 1987.** Житников В.Г. Политическая и демографическая ситуация конца VI – начала V вв. до н.э. на Нижнем Дону и возникновение Елизаветовского

поселения // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье. Тез. докл. конференции. Новочеркасск.

Житников. 1997. Житников В.Г. К проблеме возникновения Елизаветовского городища на Дону // РА. №1.

Ильинская. 1983. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII – IV вв. до н.э. Киев.

Каменецкий. 1965. Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I – III вв. до н.э. Автореф.. дис. ...канд.ист.наук. М.

Копылов. 2000. Копылов В.П. Население дельты Дона в V – IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.

Копылов, Янгулов. 1992. Копылов В.П., Янгулов С.Ю. Этнополитическая ситуация в низовьях Дона (вторая пол. VI - первая пол. V в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VI конференции. Ростов-на-Дону.

Крупнов. 1958. Крупнов Е.И. Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. №68.

Либеров. 1969. Либеров П.Д. Савроматы ли сирматы? // МИА. 1969. №151.

Лукьяшко. 1992. Лукьяшко С.И. К вопросу об этнической характеристике населения Северо-Восточного Приазовья в VI – V вв. до н.э. // Донские древности. Азов, Вып.1.

Лунин. 1962. Лунин В.Б. Археологическое изучение Подонья – Приазовья в дореволюционные и довоенные годы // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.

Максименко. 1983. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Максименко. 1998. Максименко В.Е. Сарматы на Дону // Донские древности. Азов, Вып.6.

Максименко. 2000. Максименко В.Е. Население междуречья Дона и Северского Донца в V – III вв. до н.э. (савроматы, сирматы, сарматы) // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.

- Максименко. 2004.** Максименко В.Е. Проблемы этнической интерпретации нижнедонских памятников скифской эпохи // ВДИ. №3.
- Максименко. 2009.** Максименко В.Е. Савроматы ли сарматы ? НАВ, Волгоград, Вып.10.
- Мачинский. 1971.** Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып.13.
- Мачинский. 1993.** Мачинский Д.А. Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина // Скифия и Боспор. Новочеркасск.
- Медведев. 1999.** Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история). М.
- Медведев. 2000.** Медведев А.П. О некоторых источниковедческих проблемах этногеографии Подонья в скифское время // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.
- Медведев. 2002.** Медведев А.П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону // ВДИ. №3.
- Мелюкова. 1989.** Мелюкова А.И. Скифы и нескифские племена степи и лесостепи Восточной Европы в VII – III вв. до н.э. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Мелюкова. 1989.** Мелюкова А.И. Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Миллер. 1914.** Миллер А.А. Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 году // ИАК. Вып.56.
- Мошкова. 1977.** Мошкова М.Г. К вопросу о сирматах // Скифы и сарматы. Киев.
- Мурзин. 1982.** Мурзин В.Ю. Погребальный обряд степных скифов в VII – V вв. до н.э. // Древности степной Скифии. Киев.
- Ольховский. 1997.** Ольховский В.С. Скифская триада. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М.

Пузикова. 2000. Пузикова А.И. Городища и курганные могильники Среднего Подонья: к вопросу о их этнокультурном единстве // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.

Ростовцев. 1925. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л.

Смирнов. 1964. Смирнов К. Ф. Савроматы. М.

Смирнов. 1983. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Тереножкин. 1973. Тереножкин А.И. Скифская культура // МИА.

Туллагов. 1999. Туллагов А.А. Сарматы и сираки // Древности Кубани. Краснодар. Вып. 15.

Шелов. 1970. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III – I вв. до н.э. М.

Шелов-Коведяев. 1988. Шелов-Коведяев Ф.В. Скилак Кариандский. «Перипл обитаемого моря» // ВДИ. №1.

Шилов. 1962. Шилов В.П. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.

Яблонский. 1999. Яблонский Л.Т. Скифы, сарматы и другие в XXI в. // Археология России в XX веке: итоги и перспективы. Тез. докл. конф. М.

Малашев В.Ю.

(г. Москва)

Курганные могильники равнинной части центральных и восточных районов Северного Кавказа I-IV вв. н.э.

Роль и место степного населения средне- и позднесарматского времени в культурно-исторических процессах, протекавших в I-IV вв. н.э. на территории центральных и восточных районов Северного Кавказа, является одной из наиболее важных проблем кавказоведения сарматского времени. Однако, только в последние десятилетия стали намечаться определенные направления в решении данного вопроса. Одно из направлений связано с определением времени сложения аланской культуры Северного Кавказа, другое – с анализом традиций носителей среднесарматской культуры в сложении погребального обряда курганных могильников Нижнего Сулака III-IV вв. н.э. (а также культурно близких курганных некрополей гуннского времени типа Паласа-сырта) и третье – исследованные памятники собственно среднесарматской и позднесарматской культур в степях и предгорьях Северного Кавказа. Остановимся на каждом из них.

Одной из основных проблем изучения аланской культуры Северного Кавказа является вопрос о начальной фазе формирования памятников и основных компонентах – культурных составляющих. Прежде всего, я хочу отметить, что вслед за М.П. Абрамовой являюсь сторонником гипотезы о сложении погребального обряда аланской культуры из двух компонентов: местного, центральнокавказского (Т-образная катакомба – тип I по К.Ф. Смирнову) и степного (наличие курганной насыпи и идея ровика). Далее. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, анализ материалов поселений позволил сформировать принципиально новый подход к оценке облика аланской культуры [Габуев, Малашев. 2009 – там же литература] и ее нижней хронологической границы. Коротко повторю приводимую ранее аргументацию [Габуев, Малашев. 2009, с. 147-150]. Судя по материалам Зилгинского городища, керамика 2-й половины II в. н.э. дает набор форм сосудов и видов орнаментации, которые продолжают

существовать и позднее; формы сосудов, близкие посуде аланской культуры, появляются уже в погребениях I – начала II в. н.э. некрополей типа Нижнего Джулата. Данные материалы могут быть дополнены результатами раскопок Алханкалинского, Нижнеджулатского и Брутского городищ. Завершение процесса сложения поселенческого комплекса культуры (оформление керамического комплекса и структуры городищ) происходит во 2-й половине II в. н.э. Курганный могильник Брутского городища дал наиболее ранние погребения, относящиеся ко 2-й половине II в. н.э. При этом погребальный обряд в них предстает уже в сформировавшемся виде, что позволяет предполагать сложение его в более раннее время. Следует заметить, что комплексы позднего II в. н.э., а также в большом количестве погребения 1-й половины III в. н.э. исследованы, кроме Брутского, на некрополях Алхан-калы и Зилги (Бесланский могильник).

То есть, во 2-й половине II в. н.э. аланская культура фиксируется полностью сложившейся, как в отношении керамического комплекса и структуры поселенческих памятников, так и в аспекте, связанном с погребальным обрядом. Исходя из этого, можно предполагать, что данный процесс начался не позднее конца I – начала II в. н.э. и происходил в рамках 1-й половины II в. н.э. На подобную дату косвенно указывают материалы предшествовавшего культурного пласта – Чегемский курган-кладбище, а также курганы-кладбища Заманкульского могильника. Хроноиндикаторы, происходящие из комплексов этих некрополей (лучковые одночленные фибулы вар. 1 и 2, а также зеркала-подвески с боковой ручкой и умбоновидным выступом на обратной стороне), не дают возможности датировать эти памятники позднее конца I – 1-й половины II в. н.э. Исходя из всего сказанного выше, можно предполагать, что участие в формировании аланской культуры должно было принимать степное население среднесарматского времени.

Курганные могильники позднесарматского времени и начала эпохи Великого переселения народов с территории современного Дагестана (Львовские, Паласа-сырт и культурно близкие ему некрополи) являются опорными в изучении истории Северо-Восточного Кавказа данного времени. К данным материалам обращались многие исследователи, высказывая мнения относительно их культурной атрибуции

[см. историю исследований – Гмыря. 1993; Абрамова. 2007; Малашев. 2008].

Опираясь на выводы своих предшественников [Гаджиев. 1997, Абрамова. 2007], а также дополнив высказанную ранее гипотезу новыми аргументами и материалами, был предложен следующий взгляд на эти памятники.

Погребения могильников Львовский Первый – 2, Львовский Первый – 4, а также часть комплексов Львовского Шестого – подкурганые, чаще под индивидуальной насыпью. Преобладают подбои и катакомбы типа IV по К.Ф. Смирнову (Н-образные); несколько уступают им по численности ямы; катакомбы типа I (Т-образные) встречаются существенно реже. В подбоях, катакомбах типа IV и ямах доминирует ориентировка погребенных в южном секторе. Датировка – III (преимущественно, 2-я половина) – IV (в основном, 1-я половина) вв. [Абрамова, Красильников, Пятых. 2000; 2001; 2004]. В большей степени обрядовые особенности Львовских могильников восходят к традициям среднесарматской культуры [Гаджиев. 1997; Малашев. 2008]: во всех памятниках доминирует ориентировка погребенных в южный сектор; среди погребальных сооружений преобладают широкие подбои, а также встречаются широкие прямоугольные ямы; кроме этого, известно одно диагональное захоронение. Таким образом, целый ряд признаков погребального обряда Львовских могильников связан с традициями среднесарматской культуры, которые сохраняются и в позднесарматское время. Однако погребальный обряд Львовских могильников не идентичен обряду среднесарматской культуры; он осложнен наличием в составе погребальных сооружений катакомб и, в ряде случаев, широтной ориентировкой погребенных. Группа погребений в катакомбах типа I ассоциируется с древностями аланской культуры центральных районов Северного Кавказа. Речь может идти о миграции носителей аланской культуры, которые влились в состав потомков носителей среднесарматской культуры. Культура центральнокавказских мигрантов, видимо, повлияла на формирование катакомб типа IV – трансформацию подбоев в полностью оформившуюся камерную могилу под влиянием катакомб типа I. Таким образом, можно сделать вывод о наличии в составе Львовских могильников двух основных культурных компонентов – традиций среднесарматской культуры и

традиций аланской культуры. Своеобразие этих памятников Прикаспийского Дагестана позволяет выделить их в самостоятельную культурную группу в системе древностей восточноевропейской степи и Северного Кавказа позднесарматского времени.

С Львовскими некрополями сближается курганный Паласа-сыртский могильник (поздний IV – середина V в.), погребальные сооружения которого представлены, преимущественно, катакомбами типов I и IV. Около 50% сооружений составляют катакомбы типа I: входные ямы ориентированы меридионально с отклонением, камера находится у СЗ стенки входной ямы; погребенные лежат перпендикулярно длинной оси входной ямы [Гмыря. 1993]. Перечисленные признаки сближают их с погребальными сооружениями аланской культуры центральных районов Северного Кавказа. Сходство усиливается наличием у значительной серии катакомб Паласа-сырта аналогичных по конструкции ступенек у задней стенки входной ямы (26 % - по Гмыря, 1993; более 70% - по раскопкам автора 2008 и 2009 гг.). Катакомбы типа IV и немногочисленные подбои составляют около 40%. Изредка встречаются ямы. В совокупности, включающие в себя катакомбы типа IV, подбои и ямы, преобладает южная ориентировка погребенных; в катакомбах типа I ориентировка ЮЗ. По ряду аспектов погребения Паласа-сырта в культурном отношении восходят к Львовским некрополям, генетически связаны с ними и отражают следующий исторический период – эпоху Великого переселения народов [Абрамова.2007]. В основе погребального обряда памятников прослеживаются два компонента: один из них восходит к традициям среднесарматской культуры, другой – к аланской культуре; различия носят количественный характер: преобладание традиций среднесарматской культуры в Львовских и аланской культуры – в Паласа-сырте. При этом полного смешения традиций с выработкой новых обрядовых норм не происходит; в качестве взаимовлияния можно указать, с одной стороны, на распространение южной ориентировки в катакомбах типа I, с другой – на трансформацию подбоев в катакомбы типа IV.

И последнее. Важен факт, что памятники собственно среднесарматской культуры (подкурганные захоронения в квадратных или широких прямоугольных

ямах, часто с диагональным положением погребенного, ориентированного в южный сектор) достаточно далеко заходят на юг, вплотную примыкая к предгорьям – с. Ачикулак [Крупнов. 1957, с. 70], с. Коби Шелковского района Чеченской Республики [Березин, Ростунов. 2000, с. 19-20]. Помимо этого, подкурганые захоронения среднесарматской культуры под индивидуальной насыпью были выявлены могильнике Айгурский 2 [Бабенко, Березин. 2009], а также под Невинномысском [работы 2008 г. С.Н. Савенко и С.В. Мячина²⁰]. Для несколько более позднего времени на левобережье Сулака, помимо Львовских могильников, необходимо указать памятник Кохтебе 2 (раскопки автора 2009 г.), который дал комплексы, относящиеся к позднему II – 1-й половине III в. и по времени предшествующие Львовским. Памятник содержит более 60 насыпей; раскопано 6 курганов [Малашев. 2009а]. Особенности обряда (квадратные и широкие прямоугольные ямы, диагональное положение погребенных) позволяют соотнести эти захоронения с традициями среднесарматской культуры, сохранившиеся на территории Северного Дагестана в позднесарматское время.

При этом памятники позднесарматской культуры на территории степной и предгорной полосы Северного Кавказа практически неизвестны; речь может идти о единичных комплексах, не образующих могильников и относящихся, как правило, ко 2-й половине III в. н.э. [Малашев. 2008, с. 156-157] – времени затухания позднесарматской культуры [Малашев. 2009, с. 50]. Влияние носителей позднесарматской культуры на погребальный обряд памятников Северного Кавказа практически не фиксируется. Надо только отметить, что в некоторых захоронениях аланской культуры Северного Кавказа изредка встречается слабо выраженная кольцевая деформация черепов, она также эпизодически фиксировалась и у погребенных из памятников левобережья Сулака (Львовские могильники, Кохтебе 2); однако жесткой культурной этнической нагрузки она несет (достаточно вспомнить наличие ее в разнокультурных группах населения Средней Азии и Казахстана 1-й половины I тыс. н.э.). Это позволяет предполагать присутствие

²⁰ Благодарю С.Н. Савенко и С.В. Мячина за предоставленную информацию и возможность ее учесть в данной работе.

незначительного по численности позднесарматского компонента среди населения региона.

Таким образом, представляется, что в равнинной части Центрального и Северо-Восточного Кавказа, начиная с I в. н.э., фиксируется присутствие носителей среднесарматской культуры и их потомков. По всей видимости, именно это население сыграло важную (возможно, определяющую) роль в культурно-исторических процессах 1-й половины I тыс. н.э. на рассматриваемой территории, инициировало культурные и, видимо, этнические процессы в регионе в указанное время.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова. 2007. Абрамова М.П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. МИАР № 8. М.

Абрамова. 2000. Абрамова М.П. Красильников К.И., Пярых Г.Г., Курганы Нижнего Сулака. Т. I. МИАР. № 2. М.

Абрамова, Красильников, Пярых. 2001. Абрамова М.П., Красильников К.И., Пярых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака. Т. II. МИАР. № 4. М.

Абрамова, Красильников, Пярых. 2004. Абрамова М.П., Красильников К.И., Пярых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака. Т. III. МИАР. № 5. М.

Бабенко, Березин. 2009. Бабенко В.А., Березин Я.Б. Сарматские погребения могильников Айгурский 2 и Барханчак 2 (северное Ставрополье) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Ставрополь.

Габуев, Малашев. 2009. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. МИАР № 11. М.

Гаджиев. 1997. Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала.

Гмыря. 1993. Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала.

Малашев. 2000. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Малашев. 2007. Малашев В.Ю. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II-IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М.

Малашев. 2008. Малашев В.Ю. О культурном единстве Паласа-сыртского и Львовских курганных могильников // Северный Кавказ в древности и в средние века. Махачкала.

Малашев. 2009. Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. № 1.

Малашев. 2009а. Малашев В.Ю. Отчет об исследованиях курганного могильника Паласа-сырт в Дербентском районе и курганного могильника Кохтебе 2 в Бабаюртовском районе Республики Дагестан в 2009 г. // Архив ИА РАН, б/н.

А.М. Мамедов
(Актобе, Казахстан)

ПОГРЕБЕНИЯ III-II ВВ. ДО Н.Э. НА Р. ТАМДЫ.

Актюбинским областным центром истории, этнографии и археологии в 2009 г. совместно с Институтом археологии им. А.Х. Маргулана и Германским археологическим институтом были проведены исследования памятников ранних кочевников Западного Казахстана на р. Тамды (приток р. Илек).

Исследованный могильник находился на территории Алгинского района Актюбинской области Республики Казахстан, в 5 км к СВ от пос. Есет ата ауылы (бывш. Павловка). Памятник занимает ровную площадку третьей надпойменной террасы правобережья р. Тамды и состоит из 15 объектов, вытянутых широкой полосой с СВ на ЮЗ, представляющих собой каменные ограды и курганные насыпи с каменными конструкциями (рис. 1). Среди исследованных объектов погребения интересующего времени были обнаружены под курганом № 4, расположенным в центральной части могильника, в 123 м к СВВ от кургана № 1. Насыпь кургана земляная, линзовидная в разрезе, в плане – округлой формы. До начала раскопок на поверхности кургана, в его различных частях просматривались, торчащие из грунта камни. Размеры насыпи: высота 0,9 м от уровня материка, при диаметре 18-19 м.

После удаления верхнего дернового слоя, на глубине 5-25 см от уровня дневной поверхности, была расчищена каменная конструкция из плит различных размеров (рис. 2, I). Размеры некоторых из них достигали в длину 1,0-1,5 м, в ширину – 0,7-0,8 м, толщину – 0,2-0,25 м. Каменные плиты в большинстве своем лежали хаотично и следов кладки не отмечалось, кроме СЗ стороны конструкции. В этой стороне она имела округлые очертания, каменные плиты располагались вертикально и нижним концом были врыты в материк. Каменная наброска представляла собой, скорее всего, развал сложной конструкции подквадратной или

округлой в плане формы. В центральной части конструкции камни отсутствуют, образуя пустое пространство, заполненное суглинком коричневого и темно-бурого цветов с включением угольков, встречавшихся в основном над могильной ямой. С северной стороны к этому пространству был проделан коридорообразный проход из больших каменных плит, также врытых ребром в материк. Проход имел длину около 3,0 м, ширину – 0,25-0,75 м. Камни на периферии конструкции несут следы развала, были смещены во внешнюю и внутреннюю стороны. Некоторые из камней были обнаружены во рвах, примыкавших к конструкции с С и Ю. С целью фиксации находок и погребений каменная конструкция была полностью снесена до уровня материка.

В ходе расчистки конструкции были выявлены следующие находки: - среди камней в ЮВ части сооружения, в 3,75 м к Ю и в 5 м к В от центральной точки, на глубине 0,5 м от дневной поверхности был обнаружен фрагмент красноглиняного гончарного сосуда; - в С части под камнями сооружения, к З от прохода, в 3 м к С и 0,5 м к З от центральной точки на глубине 0,75 м от дневной поверхности был обнаружен плохо сохранившийся череп лошади.

Под курганом было выявлено четыре погребения.

Погребение № 1. Могильная яма находилась под центральной частью кургана и на уровне погребенной почвы выделялась суглинком темно-коричневого цвета. В северной части контуры могильной ямы начинались с прохода каменной конструкции, В и Ю стороны уходили под нее. После сноса конструкции выяснилось, что могильная яма имеет неправильную форму вытянутых очертаний, ориентированную с С на Ю с незначительным отклонением. На уровне погребенной почвы, в основном в С и Ю частях могильной ямы, были выявлены камни. Зачистка показала, что могильная яма представляет собой катакомбное погребение больших размеров с торцевой камерой (рис. 2, II, 1). Входная яма, ориентированная меридианально, имела размеры 2,5х1,6 м, глубина от уровня погребенной почвы 1,2 м. Стенки отвесные, у С борта имеется расширение. В заполнении входной ямы от уровня погребенной почвы встречались камни

различных размеров. Камни в нижней части располагались в Ю стороне входной ямы и представляли собой остатки заклада входа в погребальную камеру.

Некоторые из камней были завалены в камеру.

В южной торцевой стенке ямы был обнаружен вход в катакомбу, длинная ось которой продолжала длинную ось входной ямы. В плане камера имела подпрямоугольную форму длиной 3,57 м и шириной 1,57 м. Глубина от уровня древней погребенной почвы 3,6 м. Свод катакомбы полностью обрушился в древности, в результате чего В сторона камеры в верхней части приобрела округлые очертания. На разных уровнях в толще заполнения катакомбы встречались мелкие угольки обгоревшей древесины.

Погребенный находился в прямоугольной деревянной конструкции (носилки?) сверху перекрытой тонкими плахами. Сохранившаяся длина деревянной конструкции 1,85 м, ширина – 0,80-0,85 м. Скелет плохой сохранности лежал на спине с подогнутыми в коленях и широко расставленными ногами (поза всадника). Руки, согнутые в локте также были расставлены в сторону. Под костями скелета прослеживалась тонкая прослойка органики темного цвета. Погребенного сопровождали следующие предметы:

- под черепом находился бронзовое зеркало с ручкой штырем и слабо выраженным валиком по краю диска. Диаметр диска зеркала 14,7 см, ширина валика около – 1,5 см (рис. 2, II, 7).

- у В стенки на уровне головы стоял лепной сосуд с шаровидным туловом, воронкообразным горлом, отогнутым наружу венчиком, плоским и скошенным дном. Сосуд по шейке орнаментирован горизонтальным рельефным выступом. Поверхность сосуда хорошо заглажена, имеет неравномерный обжиг. Тесто в изломе темно-серого цвета. Высота сосуда - 263 мм, диаметр венчика – 113 мм, диаметр шейки - 120 мм, максимальный диаметр тулова - 224 мм, диаметр дна - 71 мм (рис. 2, II, 8);

- севернее сосуда, была расчищена тонкая прослойка органики растительного происхождения округлой формы. Органика, вероятно, представляла собой остатки деревянного сосуда. Сохранившийся диаметр около 10 см;

- у В стенки на уровне бедренных костей находилось деревянное блюдо овальной формы, поверх изделия и около него лежали ребра лошади. Блюдо изготовлено из тонких пластин дерева толщиной около 1,5 см, сохранившаяся длина – 39 см, ширина – 25,8 см (рис. 2, II, 6);

- у правой бедренной кости лежал железный кинжал с тонким брусковидным перекрестием и серповидным навершием. Длина кинжала – 41,7 см, ширина лезвия у перекрестия – 4,6 см, длина лезвия 35 см, ширина рукояти у перекрестия – 2,7 см (рис. 2, II, 5). На рукояти кинжала прослеживались отгиски материи. Одна тонкая хорошего плетения, вторая – из более толстых ниток. Рядом с рукоятью находилось бронзовое кольцо округлое в сечении, от которого сохранилась только половина. Примерный диаметр кольца 2,6 см (рис. 2, II, 4);

- слева от костяка лежал длинный железный меч с прямым брусковидным перекрестием и кольцевидным навершием. Длина меча 118 см, ширина лезвия у перекрестия – 3 см, длина лезвия – 102 см, ширина рукояти у перекрестия – 2,6 см (рис. 2, II, 9);

- здесь же лежали фрагменты железных изделий функциональная принадлежность, которых не восстанавливается;

- возле длинного меча, в районе его средней части лежали три пучка железных черешковых наконечников стрел. Плохая сохранность изделий не позволяет определить количество и форму некоторых из них. Наконечники в основном изящных форм, трехлопастные с треугольной боевой головкой и дуговидным срезом основания. Черешки тонкие, округлые в сечении, сохранившаяся длина черешков 1-2,4 см (рис. 2, II, 3);

Погребение № 2. Примыкало к погребению № 1 с 3 стороны и находился под камнями конструкции. На уровне погребенной почвы следы впуска и разрушений не прослеживались, следовательно, погребения являются единовременными, либо промежуток времени между ними был незначителен. Входная яма подпрямоугольной в плане формы была направлена по оси СВ-ЮЗ. Ее западный угол обвалился. Ее размеры составляли 1,5x0,87 м. Погребальная камера неправильной формы, была устроена с торцевой северо-восточной стороны.

Находилась под небольшим углом по отношению к длинной оси входной ямы. Имела размеры 1,34x0,9 м. Дно входной ямы и погребальной камеры находились на одном уровне и имели глубину 2,7 м от уровня погребенной почвы (рис. 2, II, 1). Во входной яме практически у камеры была обнаружена трубчатая кость мелко рогатого скота. В заполнении погребальной камеры также встречались мелкие угольки дерева. Погребение было совершено на деревянной конструкции небольших размеров длиной около 1 м, шириной – 40-42 см. От конструкции четко прослеживались продольные и поперечные бруски шириной около 3 см.

На дне камеры в деревянной конструкции лежал скелет ребенка вытянуто на спине головой на ЮЗ. Кости плохой сохранности. Кости грудной клетки, рук и ступней не сохранились. Под костями и вокруг деревянной конструкции прослеживалась тонкая органика темного цвета. Сопровождалось костями лошади, лежащими в ногах по обе стороны. Погребение безинвентарное.

Погребение № 3. Было обнаружено в В поле кургана, и примыкало к каменной конструкции. Могильная яма на уровне погребенной почвы и в разрезе под каменной конструкцией выделялась грунтом темно-серого цвета с включением камней. Погребение было совершено в могильной яме с заплечиками, ориентированной по оси С-Ю. Яма прямоугольной в плане формы расширяющаяся кужной короткой стенке, имела размеры по дну 2,17 м в длину, 0,8-1 м в ширину, глубина от уровня погребенной почвы 3,65 м (рис. 3, I, 1).

Погребенный лежал в деревянной конструкции (носилки?) вытянуто на спине, головой на Ю. Костяк плохой сохранности, кости верхних и нижних конечностей практически не сохранились. Под скелетом фиксировалась органика темно-серого цвета. Конструкция представляла собой деревянную раму длиной около 1,8 м, шириной около 0,74 м. Рама была изготовлена из брусков, скрепленных между собой, вероятно при помощи сквозных пазов. В юго-западном углу поперечные бруски выступали наружу. Вся конструкция поверху была закрыта деревянными плашками, перекрывавшими скелет поперек. Инвентарь погребенного представлен следующими предметами:

- в районе правого плеча находились фрагменты бронзового зеркала с небольшим валиком по краю диска. Зеркало, возможно, имело подпрямоугольную ручку. Примерный диаметр диска 12,2 см. Под зеркалом были обнаружены небольшие фрагменты дерева, вероятно, являющиеся остатками футляра (рис. 3, I, 3);

- в районе шейных позвонков и на костях запястья были расчищены различные типы бус. Бусы с шейных позвонков были стеклянные покрытые глазурью (рис. 3, I, 6). На запястьях бусы в большинстве гешировые дисковидные или цилиндрические, также имелись стеклянные как покрытые глазурью, так и без неё (рис. 3, I, 4-5);

- в ЮВ углу ямы, за пределами деревянной конструкции стоял лепной сосуд с шаровидным туловом, узким цилиндрическим горлом, отогнутым наружу венчиком, уплощенным и узким дном. На месте перехода от шейки к тулову имеются небольшие уступы. Под каждым уступом под наклоном нанесено по ряду насечек. Тулово сосуда орнаментировано вертикальными бороздами, нанесенными по 3-4 линии. Поверхность сосуда заглажена, имеет темно-серые оттенки. Обжиг неравномерный. Высота сосуда - 206 мм, диаметр венчика – 101 мм, диаметр шейки - 92 мм, максимальный диаметр тулова - 188 мм, диаметр дна - 56 мм (рис. 3, I, 2).

Слева и справа от костяка за пределами деревянной конструкции находились кости животных, не определяемых из-за плохой сохранности.

Погребение № 4. Представляло собой подбойное погребение. Располагался под каменной конструкцией, между погребениями №№ 1 и 2. Пятно могильной ямы было обнаружено при зачистке поверхности погребенной почвы. Оно имело неправильную в плане форму, выделялось коричневым суглинком с включением камней (рис. 3, II, 1).

Входная яма подпрямоугольной формы была ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Имела небольшие размеры: 1,64x0,8 м, глубина от уровня погребенной почвы 1 м. В северо-западной стенке входной ямы был расчищен заклад, состоящий из трех элементов:

- сам заклад, сооруженный из каменных плит положенных плашмя;
- подпорка из таких же каменных плит, поставленных вертикально на ребро.

Она фиксировалась только во входной яме;

- уступ, разделявший погребальную камеру от входной ямы. Состоял из трех каменных плит положенных плашмя и нижним основанием заглубленным в материк.

Погребальная камера подпрямоугольной формы, была ориентирована по оси северо-восток - юго-запад. Ее размеры 1,29х0,44 м, глубина 1 м. На дне камеры лежал скелет ребенка на спине с подогнутыми коленями и широко расставленными ногами (поза всадника). Ориентировка ЮЗ. Под скелетом и вокруг него прослеживалась органика коричневого цвета.

Погребенного сопровождал только плоскодонный лепной сосуд, поставленный в его изголовье. Он имел яйцевидную, плавно профилированную форму тулова, с вогнутой шейкой, отогнутым наружу венчиком и уплощенным, относительно узким дном. Край венчика наклонно срезан наружу. У сосуда выражен невысокий переход ко дну. Сосуд орнаментирован, главным образом в верхней части. На месте сочленения тулова и шейки имеется не широкий уступ, по верху которого проходит ряд горизонтальных коротких насечек различной длины. Ниже этой орнаментальной зоны проходят два круговых горизонтальных пояса, образованных рядами маленьких ямок. Орнамент был получен в результате вдавлений по сырой глине, совершавшихся под углом, относительно оси тулова снизу вверх, о чем свидетельствует образовавшиеся бугорки в правой верхней части ямок. Стенки сосуда в изломе черного цвета. Поверхность сосуда тщательно заглажена, имеет красноватый цвет. Обжиг равномерный. Сосуд в некоторых местах имеет следы нагара. Высота сосуда - 202 мм, диаметр венчика – 102 мм, диаметр шейки - 86 мм, максимальный диаметр тулова - 169 мм, диаметр дна - 72 мм (рис. 3, II, 2).

Таким образом, под насыпью кургана было исследовано четыре погребения, расположенных по так называемой кругово-центрической планировке. Все погребения располагались вокруг основного погребения № 1, не нарушая друг друга, что дает возможность предположить единовременность или небольшой

диапазон времени совершения захоронений. Судя по погребальному обряду и инвентарю, рассмотренные погребения относятся к прохоровской археологической культуре и датируются в рамках III-I вв. до н.э. Вещевой комплекс погребения № 1 достаточно выразителен и в основном представлен находками воинской амуниции. Так железный кинжал с серповидным навершием и тонким брусковидным перекрестием имел большое распространение в степях Южного Приуралья. По мнению многих исследователей подобные вещи датируются в пределах IV-II вв. до н.э. [Смирнов. 1961, с. 27; Мошкова. 1963, с. 34; Таиров, Ульянов. 1996, с. 144; Васильев. 2001, с. 172; Клепиков. 2002, с. 29; Гуцалов. 2004, с. 28-29]. О верхней границе погребения можно судить по длинному мечу с кольцевым навершием и брусковидным перекрестием. Мечи этого типа также довольно частая находка в сарматских памятниках, и находили применение кочевниками длительное время, начиная с III в. до н.э. до среднесарматского периода включительно [Мошкова. 1963, с. 34-35; Таиров, Ульянов. 1996, с. 144-146; Васильев. 2001, с. 173; Гуцалов. 2004, с. 30; Таиров. 2004, с. 147]. А по другому мнению с рубежа IV-III вв. до н.э., либо с III в. до н.э. [Клепиков. 2002, с. 30-31]. Совместная находка мечей обоих типов в погребениях прохоровской культуры позволяет уточнить время захоронения III-II или II в. до н.э. [Хазанов. 1967, с. 174], либо II-I вв. до н.э. [Скрипкин. 1992, с. 23].

Железные черешковые наконечники стрел с треугольной боевой головкой и лопастями, срезанными под острым углом к черешку, появляются в степях Южного Приуралья в III-II вв. до н.э. [Хазанов. 1971, с. 37-38; он же, 2008, с. 92]. Возможно, базы некоторых наконечников имели дуговидный срез основания. Обращает на себя внимание отсутствие в погребении бронзовых наконечников стрел, полная смена которых железными приходится на II в. до н.э. [Смирнов. 1961, с. 70; Хазанов. 1971, с. 35-36].

К предметам вооружения также относится железный колчаный крючок из круглого в сечении прута с широкой пластиной. Аналогичные крючки на территории Южного Приуралья автору не известны. Скорее всего, данное изделие представляет собой редкий тип, не получивший большого распространения в

сарматской среде.

Для определения хронологической позиции показателей и керамический комплекс погребений характерный для IV-II вв. до н.э. Все три сосуда плоскодонные с шаровидной и яйцевидной формами тулова, орнаментированные горизонтальными рельефными выступами, параллельными бороздами, насечками и ямками, присущими для прохоровского этапа развития культуры ранних кочевников Южного Приуралья [Мошкова. 1974, с. 20, 22-23; Смирнов. 1975, с. 171].

Оба зеркала, происходящие из рассматриваемых погребений объединяет типичный для IV-II вв. до н.э. элемент – валик по краю диска. Зеркало из основного погребения имеет боковую ручку-штырь и относится к IV типу по классификации А.М. Хазанова получившему распространение в III-II вв. до н.э. [Хазанов. 1963, с. 62]. Второе зеркало из погребения № 3, к сожалению, было разбито, что не позволяет более точно судить о его типе. Вероятно, оно имело прямоугольную ручку и представляет собой зеркало III типа, большинство находок которых встречается в погребениях в III-II вв. до н.э. [Хазанов. 1963, с. 62]. Остальной погребальный инвентарь (бусы, деревянные блюда) в принципе относится к тому же периоду, что и выше рассмотренные. Погребение выделяется большим числом бус (130 штук), увеличение количества которых падает на III-II вв. до н.э. Среди бус преобладают дисковидные и цилиндрические гешировые бусы. Второй по представительности являются стеклянные бусы покрытые глазурью [Мошкова, 1963, с. 45]. Судя по анализу погребального инвентаря рассматриваемые погребения, относятся к III-II вв. до н.э. В пользу данного положения говорит немногочисленность погребального инвентаря, состав заупокойной пищи, представленный в основном частью тушки мелко рогатого скота, использование деревянных носилок, южная ориентировка погребенных и т.д. [Смирнов. 1975, с. 162; Пшеничнюк. 1983, с. 106; Бисембаев, Гуцалов. 1998, с. 156].

Отнесение погребений к данному периоду не противоречат и другие признаки погребального обряда. Могильные конструкции кургана в принципе продолжают

культурные традиции более раннего периода. Так, могильные ямы с заплечиками появляются с V в. до н.э. [Мошкова. с. 233, рис. 5, 1-3].

Остальные являются камерными погребениями и относятся к I-1, II-1a и VI-1 типам по типологии В.С. Ольховского, в основе классификации которого, лежит взаиморасположение длинных осей входной ямы и камеры [Ольховский. 1991, с. 215, табл. II]. Катакомбы I-1 (погребение № 4), получивших название подбойных погребений, являются самой распространенной среди камерных типов могильных конструкции. Традиция их использования в погребальной практике существовала с конца VI-V вв. до н.э. На сегодня на территории занимаемой ранними кочевниками их известно 12 (Новокумакский 26-3,4, Салтак II, 6-2, Пятимары I, 4-1, Пятимары I, 4-2, Мечетсай 2-3, Покровка 1, 2-5, Покровка 10, 35, Липовка 9-3, Кырык-Оба II, 2-3, Кырык-Оба II, 18-4, Лебедевка VI, 5-1, Лебедевка VI, 40-1). В конце V-IV их количество постепенно увеличивается, а с конца IV-III вв. до н.э. они получают массовое применение в погребальной практике, что особенно характерно для бассейна р. Илек (Мечетсай, Покровский могильный комплекс).

Похожая ситуация прослеживается и с катакомбами II-1a (погребальная камера устроена в короткой торцевой стенке входной ямы и длинные оси входной ямы и погребальной камеры находятся на одной оси). В отличие от подбойных их процент намного меньше. Самая ранняя катакомба этого типа в Южном Приуралье была исследована К.Ф. Смирновым в могильнике Мечетсай к. 2 п. 1 [Смирнов. 1964, рис. 20-4, 5]. Следует отметить, что погребальная камера этой катакомбы намного шире входной ямы и погребенный лежал перпендикулярно ее оси, чем и отличается от более поздних катакомб этого типа датируемых концом V-IV вв. до н.э.. На территории Южного Приуралья таких катакомб пока не известно, хотя появляются катакомбы VI-1 типа, камеры которых также отходят от торцевой стенки входной ямы или от одного из углов, но их оси находятся под углом (Увак 11 -2, Покровка 2, 7-1, Покровка 2, 8-4). Гораздо больше доля торцевых катакомб становится в III-I вв. до н.э. Исследования последних лет увеличивают не только их количество, но и показывают их разнообразие. Возможно, отсутствие катакомб II-1a, восполнится новыми исследованиями.

Интересным является наличие под курганом каменной конструкции. Подобные сооружения, с различными в плане формами, в степях Южного Приуралья в IV-II вв. до н.э. встречаются редко [Мошкова. 1963, с. 19]. В отличие от них, рассматриваемая конструкция, имеет коридорообразный вход в центральную могилу. Поиск на рассматриваемой территории схожих аналогов конструкции не дал результатов. В сопредельных регионах, в частности, на Устюрте в IV-II вв. до н.э. появляются культовые комплексы Байте III, Терен и Карамунке, с круглыми конструкциями из крупных каменных блоков, внутрь которых вели узкие проходы [Ольховский. 1997, с. 70, он же. 1996]. Примечательно, что в комплексе Терен было исследовано два подбойных погребения датируемых III-I вв. до н.э. [Ольховский, Галкин. 1997, с. 149]. На Устюрте катакомба этого же типа ранее была обнаружена В.Н. Ягодиным, но в отличие от комплекса Терен подкурганная конструкция представляла собой двойное кольцо [Ягодин. 1978]. Подобные надмогильные сооружения в Южном Приуралье фиксируются с конца VI в. до н.э. Обращает внимание наличие кургана с аналогичным погребальным обрядом, предварительно датируемого V-IV вв. до н.э., в исследуемом могильнике Сапибулак (курган № 5) с подбойным погребением, откуда происходит и каменное изваяние. Здесь же под курганом № 6, относящимся к концу VI-V вв. до н.э. была выявлена каменная конструкция диаметром 5,8-6,0 м и высотой 1,25 м. С южной стороны в конструкцию вел вход шириной около 1 м. Она была создана в виде лестницы из положенных плашмя одна на другую плоских плит [Самашев и др. 2010]. Все это показывает, что кочевники Южного Приуралья имели большую связь с населением Устюрта. Возможно, его территория являлась местом зимних стойбищ кочевников Южного Приуралья [Таиров, Гуцалов. 2001, с. 164].

Подводя итог, можно сделать вывод, что культура кочевников Южного Приуралья прохоровского времени продолжает традиции более раннего периода – савроматской эпохи, в традиционном ее понимании, среди особенностей которой следует отметить южную ориентировку, распространение подбойно-катакомбных конструкций погребений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Бисембаев, Гуцалов. 1998.** Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Новые памятники древних и средневековых кочевников казахстанского Приуралья // УАВ, вып. 1, Уфа.
- Васильев. 2001.** Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей: Сб. науч. ст., Вып. 1. Волгоград.
- Гуцалов. 2004.** Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья. Уральск.
- Клепиков. 2002.** Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н.э. Волгоград.
- Мошкова. 1962.** Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. МИА, № 115, М.
- Мошкова. 1963.** Мошкова М.Г. Памятники раннесарматской (прохоровской) культуры. - САИ. Вып. Д1-10. М.,
- Мошкова. 1974.** Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.
- Ольховский. 1991.** Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степей Скифии (VIII-III вв. до н.э.). М.
- Ольховский. 1996.** Ольховский В.С. Отчет о работе Устюртского отряда Западно-Казахстанской экспедиции Института археологии МН – АН РК в 1996 году // Архив ИА МОН РК.
- Ольховский. 1997.** Ольховский В.С. Древние святилища Устюрта: контакты и конфликт культур // Наука в России. № 4. 1997.
- Ольховский, Галкин. 1997.** Ольховский В.С., Галкин Л.Л. К изучению памятников северо-восточного Прикаспия эпохи раннего железа // РА, № 4
- Пшеничнюк. 1983.** Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.
- Самашев, Наглер и др. 2010.** Самашев З.С., Наглер О.А., Бисембаев А.А., Бидагулов Н.Т., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Дуля В.И. Отчет об

археологических раскопках в Актюбинской области в 2009 году // Архив ИА МОН РК.

Скрипкин. 1992. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Автореф. дис. канд. ист. наук. М.,

Смирнов. 1961. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. М.

Смирнов. 1975. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.,

Таиров. 2004. Таиров А.Д. Этнокультурные трансформации III-II вв. до н.э. в урало-казахстанских степях // Известия Челябинского научного центра. Вып. 4 (26).

Таиров, Ульянов. 1996. Таиров А.Д., Ульянов И.В. Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск.

Таиров, Гуцалов. 2001. Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. О генезисе каменных антропоморфных изваяний арало-каспийского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей: Сб. науч. ст., Вып. 1. Волгоград.

Хазанов. 1963. Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА, № 4. М.

Хазанов. 1967. Хазанов А.М. Сарматские мечи с кольцевым навершием // СА, № 2. М.

Хазанов. 1971. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.

Хазанов. 2008. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. Изд. 2. СПб.

Ягодин. 1978. Ягодин В.Н. Сарматский курган на Устюрте // КСИА, Вып. 154, М.

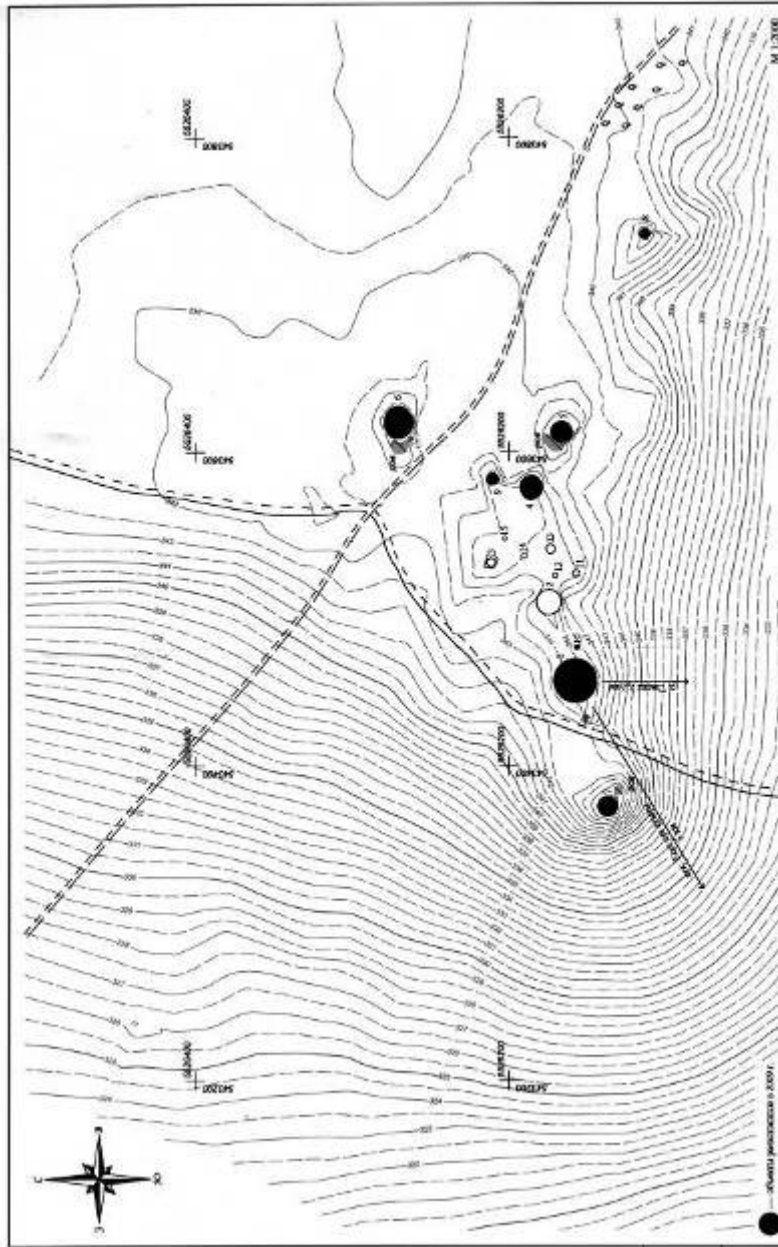
Подписи к рисункам

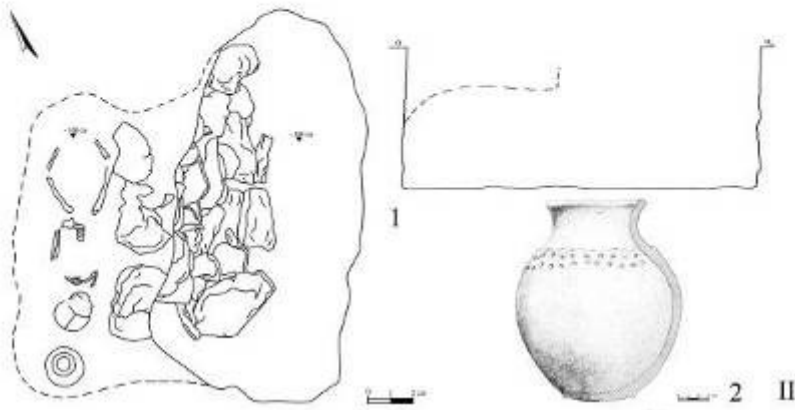
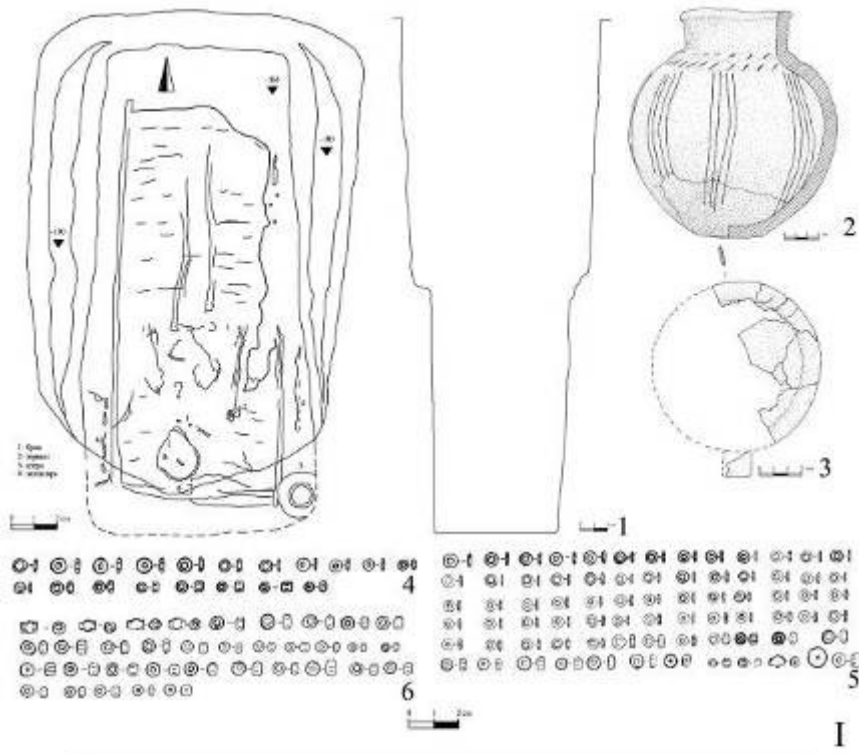
Рис. 1. План могильника Сапибулак.

Рис. 2. Могильник Сапибулак, курган 4. I – план и разрезы кургана. II – погребения 3 и 4. 1 – план и разрезы погребений; 2 – колчаный крючок; 3 –

наконечники стрел; 4 - кольцо; 5 – кинжал; 6 – блюдо; 7 – зеркало; 8 – сосуд; 9 – меч (2-3, 5, 9 – железо; 4, 7 – бронза, 6 – дерево; 8 - глина).

Рис. 3. Могильник Сапибулак, курган 4. I – погребение 3. 1 – план и разрез погребения; 2 – сосуд; 3 – зеркало; 4-6 – бусы (2 – глина; 3 - бронза; 4-6 – стекло, гешир). II – погребение 4. 1 – план и разрез погребения; 2 – сосуд (2 - глина).

А.П. Медведев
(Воронеж ВГУ)

**Феномен верхнедонских могильников в контексте
позднесарматских и лесостепных культурных традиций**

Одной из актуальных тем современной сарматологии продолжает оставаться проблема генезиса позднесарматской культуры и ее локальных вариантов. Процесс ее формирования для территории Нижнего Поволжья впервые был поэтапно прослежен А.С.Скрипкиным [Скрипкин.1984], а затем уточнен М.В.Кривошеевым [Кривошеев.2005]. Для Южного Приуралья юго-восточные истоки позднесарматской культуры, обосновала М.Г. Мошкова [Мошкова, 2004; Мошкова, 2007]. Недавно изданы и проанализированы материалы одного из наиболее исследованных позднесарматских памятников Южного Приуралья – могильника Покровка 10 [Малашев, Яблонский, 2008]. На страницах журнала «Российская археология» прошла дискуссия о генезисе и этнической принадлежности позднесарматской культуры Южного Приуралья [Мошкова, 2007; Малашев, 2007; Мошкова и др., 2007]. Ее участники не поддержали гипотезу о так называемой «гунно-сарматской культуре» II – IV вв. урало-казахстанских степей [Боталов, Гуцалов. 2000; Боталов. 2003; Любчанский. 2004]. Не нашла она поддержки и в недавно защищенной кандидатской диссертации [Трибунский. 2003]. Позднесарматская культура причерноморских степей и ее особенности наиболее полно изучены А.В. Симоненко [Симоненко.1993]. Недавно уточнено время начала ее распространения в Причерноморье [Внуков. 2007]. В последние годы опубликован ряд интересных работ о погребальных памятниках позднесарматского времени Северо-Западного Причерноморья [Дзиговский. 2000; Васильев, Савельев. 2008].

Сложнее дело обстоит с пониманием сложных культурных процессов II – IV вв. в Нижнем Подонье, но и для этого региона есть ряд интересных наработок [Безуглов. 1989; Максименко. 1998]. Все эти исследователи освещали генезис локальных вариантов позднесарматской культуры в аспекте соотношения

привнесенных с востока инноваций и местных среднесарматских традиций в широтном измерении – вдоль великого пояса евразийских степей. В докладе затронут другой аспект проблемы – время и характер проникновения позднесарматской культуры на север вдоль берегов Танаиса-Дона, а также его результаты. Исследование выполнено на материалах погребальных памятников Новоникольского и Вязовского могильников, открытых на северной периферии Сарматии [Медведев. 1990, с.103 – 167].

Хронологический анализ их погребений показал, что первые захоронения на Верхнем Дону появились незадолго до середины II в., большинство же погребений датируется второй половиной II – началом III вв. и лишь некоторые, возможно, доживают до середины III в. [Медведев. 2004, с. 90 – 92]. По периодизации А.С. Скрипкина верхнедонские могильники в основном синхронны первым двум этапам развития позднесарматской культуры [Скрипкин. 1984. с. 80 – 105]. Недавняя попытка более узко ограничить время их функционирования серединой – последней третью II в. опирается, прежде всего, на массовые находки сильно профилированных фибул 1 типа, вариантов 1 и 2 [Васильев, Савельев. 2008. с.30]. Однако присутствие в некоторых верхнедонских комплексах хроноиндикаторов с более широким диапазоном бытования (зеркала Хазанов IX, крупные янтарные пронизи, фигурные пряжки, «застежка-зажим») не исключает здесь возможности совершения погребений и гораздо позже – в первой половине III в.

Следует отметить, что в отличие от более южных районов здесь неизвестны сколь-нибудь значительные курганные группы предшествующего времени*. Среди погребальных памятников по-прежнему наиболее изученными остаются Ново-Никольский и Вязовский могильники, удаленные от степного пограничья на расстояние не менее чем в 300 км. На сегодняшний день в них раскопано 114 курганов (77% от числа зафиксированных насыпей), содержащих 107 погребений. Верхнедонские курганные могильники располагались по высоким речным берегам, прорезанным удобными для спуска к воде балками. В каждом из

* * Известно лишь одно впускное среднесарматское погребение высокого социального ранга в кургане у г.Липецка [Медведев. 2008, с. 116 – 125].

них к началу раскопок насчитывалось по 60 – 80 насыпей, расположенных весьма компактно. Расстояние между соседними курганами редко превышало 1 – 2 м, а примерно у трети из них полы сливались краями, перекрывая друг друга.

Основным группообразующим элементом в некрополях служили курганы, заметно выделяющиеся своими размерами (высота 1 – 1,2 м при диаметре насыпи до 15 м). Такие курганы доминировали над окружающими их небольшими насыпями высотой 0,2 – 0,4 м и диаметром 4 – 6 м. Как правило, погребения совершались под индивидуальными земляными насыпями. Лишь в трех курганах Вязовского могильника центральная часть насыпей включала скопления камней (известняк), добытый тут же при рытье могил. В 32-х курганах (28%) отмечены следы тризн в насыпях. В 18 случаях это были лепные горшки и миски, в 16 – остатки тризн в виде черепов или скоплений зубов лошадей).

В отличие от поздних сарматов, использовавших разные типы погребальных сооружений, в верхнедонских могильниках по существу представлен лишь один тип – довольно широкие прямоугольные со скругленными углами ямы. Он был характерен для лесостепных сарматов-гиппофагов среднесарматского времени, обитавших в низовьях р. Воронеж. Однако от последнего верхнедонские могильники позднесарматского времени резко отличаются внутримогильные конструкции в виде обшивки стенок ямы деревом и деревянного настила, положенного на поперечные подклады. От них на дне часто оставались характерные канавки (40 случаев). Таким образом, в верхнедонских могильниках явно прослеживается стремление изолировать покойника от соприкосновения с землей. Кажется, впервые корни этой традиции просматриваются на Дону еще в гробницах скифского времени [Медведев. 1999, с.98]. От анализируемых верхнедонских сооружений они отличались лишь значительными размерами, что, видимо, было обусловлено более высоким социальным статусом погребенных и наличием коллективных захоронений. Как известно, к рубежу н. э. почти повсеместно наблюдается уменьшение размеров погребальных сооружений по сравнению со скифским временем и переход от коллективных захоронений к индивидуальным.

Своеобразную черту верхнедонских курганов составляет биритуализм погребений, проявившийся в сосуществовании в одном и том же могильнике обрядов ингумации и кремации.

Ингумация – 91 погребение (около 86%). Все совершены в довольно широких грунтовых ямах прямоугольной формы (рис.1, II; 2, II). Как правило, они содержали индивидуальные захоронения под небольшой курганной насыпью. Поза погребенных выдержана в традициях сарматской погребальной обрядности вплоть до присутствия небольшого числа погребений со скрещенными ногами и рукой, положенной на нижнюю часть живота. Эта ритуальная особенность была впервые принесена в лесостепное Подонье в предшествующую среднесарматскую эпоху. Ориентация погребенных установлена в 49-ти ингумациях. Здесь абсолютно доминировала северо-восточная ориентировка (85%). Она заметно отличается от ориентации погребенных среднесарматского I Чертовицкого могильника преимущественно головой в юго-восточной сектор. Но обращает на себя внимание, что тут и там просматривается доминирование в общем-то одного и того же восточного отклонения: в I Чертовицком могильнике – на юго-восток (от господствующей среднесарматской южной), в верхнедонских могильниках – на северо-восток (от позднесарматской северной). Если за исходную принять последнюю, то преобладающее восточное отклонение могло появиться на широте верхнедонских могильников, скорее всего, в зимнее время года.

С поздними сарматами верхнедонское население сближает и некоторое распространение среди него обычая прижизненной деформации черепов. Погребения с такими искусственно деформированными черепами были открыты мной в кургане 6 Ново-Никольского и курганах 9 и 10 Вязовского могильников. Немногочисленность подобных находок отчасти объясняется очень плохой сохранностью в верхнедонских могильниках антропологического материала.

Несомненная связь между номадами донской лесостепи средне и позднесарматского времени прослеживается по такому важному этнографическому показателю, как состав и характер поминальных тризн и заупокойной пищи. В верхнедонских могильниках преобладали костные остатки лошадей, причем, так

же, как и в I Чертовицком могильнике, главным образом в виде конских черепов, челюстей и скоплений зубов. Но, как уже указывалось, здесь они чаще встречались в насыпях курганов. По-видимому, и это население занималось преимущественно скотоводством с преобладанием в стаде лошадей. Каких-либо свидетельств наличия в курганных погребениях земледелия до сих пор не обнаружено.

Кремация – 16 сожжений погребений (14 %). Все они совершены на месте, в могилах того же типа, что и труположения (рис. 2, IV; 3, I). В силу понятных причин в них чаще встречались обугленные остатки внутримогильных деревянных конструкций. Могилы ориентированы по линии юго-запад – северо-восток, иногда с отклонениями к востоку. По своим размерам ямы сколь-нибудь не отличаются от могил с ингумацией. При сожжениях костяки сохранились далеко не во всех случаях. Но там, где они уцелели, кости были сильно обожжены, но иногда лежали в анатомическом порядке. Установлена строго определенная последовательность действий, совершаемых при кремации погребенных на Верхнем Дону [Медведев. 2008, с. 96-97].

Как известно, обряд трупосожжения не характерен для поздних сарматов [Мошкова. 2007, с.110]. Не удалось найти ему сколь-нибудь близких аналогий и в других районах Восточной Европы, в том числе, в памятниках позднезарубинецкого круга. Весьма существенно, что сожжения совершались в погребальных сооружениях того же типа и по тому же обряду, что и обычные труположения. От последних кремации отличались только обугленными внутримогильными деревянными конструкциями (поперечное перекрытие, остатки обшивки стенок и настила из досок и плах на дне могилы), мощным прокалом глины по центру кургана и в заполнении могилы, а также наличием кальцинированных костей погребенных, при этом иногда они сохраняли анатомический порядок. Поэтому рассмотренный обряд погребения можно определить как неполное трупосожжение на месте.

Сейчас выявлены некоторые существенные различия в хронологических позициях труположений и сожжений [Медведев. 2004, с.92]. Обряд сожжения был больше распространен на начальном этапе

функционирования верхнедонских могильников – в них встречались исключительно профилированные фибулы I типа 1 варианта, кинжалы с прямым перекрестием и кольцевым навершием (рис.3, 1, 5) и никогда длинные позднесарматские мечи. При этом около середины II в., наблюдалось сосуществование обрядов трупоположения и трупосожжения. В дальнейшем в силу каких-то причин последние исчезают и со второй половины II в. в верхнедонских могильниках совершаются только трупоположения с набором инвентаря сложившейся позднесарматской культуры: сильно профилированные фибулы 2-ого варианта (рис.2, 9), длинные мечи и кинжалы без металлического навершия и перекрестия (рис.1, 1; 2,1-2), зеркала Хазанов IX (рис.4, 12), пряжки с металлическими накладками для крепления ремня (рис.2, 8) и др.

Как известно, присутствие определенного числа кремаций при господстве в целом обряда ингумации характерно и для среднедонских курганов более раннего времени. Тогда погребения с сожжением составляли около 10% погребений. Следует принять во внимание и то, что в позднескифское время, как и в первые века н. э., кремации совершались на месте, когда покойников сжигали, как правило, не полностью внутри деревянного погребального сооружения. Все это дает основания рассматривать верхнедонские кремации как проявления более ранних погребальных традиций лесостепного населения скифского времени, соорудившего воронежские курганы типа Частых и Мастюгинских.

Не только по погребальному обряду, но и по составу сопровождающего инвентаря верхнедонское население II-III вв., оставившее курганные могильники, имело весьма неоднородную по своему составу культуру, так или иначе отражающую сложность его исторических судеб. Наиболее легко вычленяется сарматский комплекс, генетически связанный с номадами, оставившими среднесарматские чертовицкие могильники I – начала II в., так и с поздними сарматами. Начнем с последнего.

Позднесарматский облик имело верхнедонское вооружение. В ряде захоронения Ново-Никольского и Вязовского могильников прослежено характерное сочетание длинного позднесарматского меча без металлического

навершия и перекрестия с кинжалом того же типа (рис.2, 1-2). Иногда рядом с длинными мечами лежали крупные бусы и халцедоновые пронизи, использовавшиеся в качестве застежек портупейного ремня и фиксаторов ножен мечей [Безуглов. 2000, с.177 – 178]. Элементы вооружения среднесарматских типов – кинжалы с прямым перекрестием и кольцевидным навершием (рис.3, 1) – встречались эпизодически и лишь в наиболее ранних погребениях с сильно профилированными фибулами 1-ого варианта. Судя по сохранившимся небольшим трехлопастным железным наконечникам (рис. 3, 3), на вооружении этого населения находился лук и стрелы еще среднесарматского типа.

В тоже время в наборе вооружения верхнедонского населения бросается в глаза одна особенность. В его погребениях часто встречались наконечники копий - 20 экз. (рис. 2, 3; 3, 2). Судя по типологическому разнообразию, верхнедонские наконечники имели различное происхождение. Одни сохраняли традиционную форму наконечников местного лесостепного населения скифского времени, другие тождественны наконечникам южных степных районов, занятых сармато-аланскими племенами, например, Золотого кладбища на Кубани. Но, как известно, в позднесарматских погребениях наконечники копий находят очень редко. Поэтому высокая частота встречаемости наконечников копий в верхнедонских могильниках требует объяснения. Судя по письменным источникам, у сарматов копьё являлись едва ли не основным видом оружия. Однако в силу каких-то причин, в степные могилы их клали крайне редко [Хазанов. 1971, с.44 – 45]. На Верхнем Дону ситуация иная – здесь наконечники копий встречались почти в каждом пятом погребении. В сарматскую эпоху копьё чаще помещали в могилы, там, где подобный обычай существовал еще в скифскую эпоху. Он ярко представлен в воронежских курганах IV вв. до н.э. Так что, скорее всего, обычай оставлять в погребении копьё, отражает не собственно сарматскую, а местную лесостепную традицию, сохранившуюся с позднескифского времени.

В составе погребального инвентаря нередко встречались остатки снаряжения коня, представленного теми же основными типами удила, что и у поздних сарматов: с дополнительными кольцами; со стержневидными

двухпетельчатыми псалиями (рис.2, 6), с колесовидными псалиями (рис.1, 4); со стержневидными псалиями, дополнительно украшенными на концах железными дисками, плакированными золотой фольгой. Многочисленные находки в верхнедонских могильниках длинных мечей в сочетании с удилами и другими деталями конской упряжи указывают на то, что и здесь получила распространение дружинная всадническая культура, свойственная позднесарматской знати [Безуглов. 2000, с.180 – 181]. В тоже время можно говорить и об очевидной локальной специфике в вооружении верхнедонских племен. Она проявилась, прежде всего, в традиции широко использовать в бою копья с небольшими наконечниками, а не длинные пики-контосы с массивными штурмовыми наконечниками, как это было в обычае у позднесарматских и аланских всадников. В целом, по сравнению со среднесарматским временем доля мужских погребений с оружием на Верхнем Дону несколько уменьшается. Но среди них заметно выделяется небольшая группа хорошо экипированных конных воинов (7%), вооруженных длинными позднесарматскими мечами, часто в сочетании с кинжалом, а иногда и копьем.

Весьма близок позднесарматскому стандарту набор женских украшений, деталей одежды и предметов туалета. В верхнедонских могильниках абсолютно преобладали бронзовые сильно профилированные фибулы северопричерноморских типов, пользовавшихся особой популярностью у сарматов Волго-Донского междуречья во II в. н. э. (рис. 2, 9; 3, 5). Ассортимент личных женских украшений не так богат и разнообразен, как в среднесарматское время. Среди бус в погребальных комплексах преобладают пастовые одноцветные, стеклянные с внутренней позолотой, значительным числом представлены бусы из гагата, янтаря, сердолика и лишь одним экземпляром – из египетского фаянса. Явные различия в наборах бус чертовицких I – начала II и верхнедонских II – III вв. могильников, скорее всего, носят эпохальный характер. Изменения в сторону упрощения, а то и заметного обеднения массовых женских украшений наблюдаются и в степных погребениях при переходе от среднесарматской к позднесарматской культуре. В отличие от позднесарматских могильников на

Верхнем Дону зеркала с боковой петлей и тамгообразным орнаментом на обратной стороне встречались весьма редко (рис.4, 12).

Рассматривая вопрос о преемственности в культуре скотоводческого населения средне и позднесарматского времени лесостепного Подонья, нельзя не обратить внимание на признаки явного ослабления и даже утраты в верхнедонских могильниках некоторых сарматских традиций. В верхнедонских могильниках очень редко использовался мел (2 % захоронений), тогда как у поздних сарматов Волго-Донского междуречья примерно в 10% погребений, а в Заволжье – до 30% [Скрипкин. 1984, с.76]. То же самое следует сказать и об известном сарматском обычае использования в погребальном ритуале зеркал, отмеченном лишь в 3% верхнедонских захоронений. В силу непонятных причин в верхнедонских могильниках совершенно не встречались глиняные пряслица, являющиеся почти неизменным атрибутом женских сарматских захоронений. Но, пожалуй, наиболее ярким показателем утраты этим населением специфических сарматских признаков является отказ от использования в погребениях глиняных курильниц. Наличие последних в могильниках по краям сарматской ойкумены обоснованно рассматривается как одно из самых надежных свидетельств их сарматской принадлежности [Смирнов. 1973, с.166]. Поэтому отсутствие курильниц в погребениях Ново-Никольского и Вязовского могильников трудно объяснить, если настаивать на исключительно сарматской принадлежности скотоводческого населения Верхнего Дона, оставившего эти памятники.

В то же время в верхнедонских курганных могильниках выявляется ряд черт, не обнаруживающих корней ни в курганах лесостепных сарматов I – начала II в., ни в степном позднесарматском мире II в. При этом следует заметить, что, не смотря на их территориальную близость к Рязано-Окским могильникам II-V вв., достоверный финно-угорский компонент в них не просматривается. Весьма важно то, что наиболее ярко своеобразие верхнедонских племен проявляется в погребальном обряде, причем в тех его составляющих, которые рассматриваются большинством исследователей как наиболее устойчивые: в особом типе внутримогильных конструкций, наличии трупосожжений и в ориентировке

погребенных. Ранее мною была предложена гипотеза, объясняющая эти специфические черты погребальной обрядности верхнедонского населения проявлением традиций более раннего скифского времени [Медведев. 1990, с. 197-200].

Эта традиция наиболее ярко прослеживается в составе керамического комплекса верхнедонских могильников (рис.4). В отличие от посуды сарматских погребений более южных районов, здесь практически вся она лепная. Значительные серии составляют лишь три керамических типа: горшки (рис.4, 1 - 3), а также остросереберные (рис.4, 5 - 6) и округлобокие (рис.4, 7 – 8) миски. Небольшие вытянутые горшочки иногда с характерными косыми насечками по венчику обнаруживают несомненную близость лепным сосудам более ранних чертовицких могильников, а через них – лесостепной скифоидной керамике. То же самое следует сказать об округлобоких мисках. Посуда этих двух типов, безусловно, составляла основу верхнедонского керамического комплекса (65 %). По ряду признаков лепные остросереберные миски являются местными дериватами нижнедонских сероглиняных мисок, изготовленных на гончарном круге. На это указывает не только форма, но и характерная орнаментация бортика, имитирующая круговые желобки (рис.4, 6). Эти миски не несут какой-либо особой этнической нагрузки, но свидетельствуют о культурной ориентации верхнедонского населения на престижные южные керамические формы.

Таким образом, в верхнедонских курганах наряду с выраженным позднесарматским компонентом выявляется ряд элементов, обнаруживающих истоки в лесостепной культурной традиции предшествующей эпохи. Появление какой-то одной из них в могильниках позднесарматского времени еще можно было бы объяснить конвергентностью развития различных по своему происхождению культур. Однако в данном случае мы, очевидно, имеем дело не с одним, а с комплексом взаимосвязанных признаков, сформировавшихся на Среднем Дону еще в позднескифское время и вновь проявивших себя спустя несколько столетий уже на Верхнем Дону. Важно, что они принадлежали наиболее устойчивым

составляющим погребального обряда (биритуализм, устройство могил) и вещевого комплекса (лепная керамика).

Скорее всего, не сарматы, а именно носители этого лесостепного комплекса, несмотря на покрывающую его позднесарматскую «вуаль», со временем стали определять этнокультурный облик населения, оставившего верхнедонские могильники. Наступление позднесарматской эпохи ознаменовалась усилением этноинтеграционных процессов. С середины II в. элементы позднесарматской культуры на Верхнем Дону становятся массовыми, при этом складывается впечатление, что они появляются в культуре верхнедонского населения археологически почти одновременно. Как уже указывалось, время их распространения хорошо маркируют комплексы с сильнопрофилированными фибулами 1 типа 2 варианта. Сарматизация охватила не только область материальной культуры, в особенности вооружение и снаряжение боевого коня, но существенно трансформировала и погребальную обрядность (ориентация в северную половину круга). Одним из ее последствий было распространение среди части верхнедонского населения обычая искусственной деформации головы. Однако, несмотря на сильную сарматизацию, верхнедонскому населению все же удалось сохранить определенное этнокультурное своеобразие. Соотношение сарматских и местных субстратных элементов в погребальном обряде и лепной посуде с учетом веса их «этничности» со всей очевидностью показывает, что, скорее всего, это были отдаленные потомки лесостепных племен, смешавшиеся с поздними сарматами. Судя по всему, во II в. на Верхнем Дону шел довольно интенсивный процесс формирования новой этнической общности. Здесь складывалось этнокультурное новообразование, не сводимое полностью ни к одному из основных исходных его компонентов. Формирующийся палеоэтнос имел свое «лицо» и, видимо, занимал вполне определенное место в этнополитической структуре позднесарматского мира.

Сейчас становится все более очевидным, что все северные пограничные районы расселения сарматов фиксируют с разной степенью полноты явление слитности сарматских и местных культур [Мошкова. 1983, с.31]. В первые

века н. э. кроме Подонья этот феномен ярко представлен в памятниках лесостепной Башкирии типа Салиховских курганов [Васюткин. 1977, с.67 – 89; Васюткин. 1986, с.180 – 197]. Уже обращалось внимание на сходство некоторых черт приуральских и верхнедонских памятников, которое отнюдь не сводится только к результатам влияния поздних сарматов [Медведев. 1990, с.203]. Это явление требует дальнейшей разработки на более широком материале памятников всех названных регионов восточноевропейской лесостепи.

Литература

- Безуглов.** 2000. Безуглов С.И., Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. МИАД. Вып.1.
- Боталов.** 2003. Боталов С.Г.. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1.
- Боталов, Гуцалов.** 2000. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск.
- Васильев, Савельев.** 2008. Васильев А.А., Савельев О.К. Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная // *Germania – Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов.* Калининград.
- Васюткин.** 1977. Васюткин С.М. II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.
- Васюткин.** 1986. Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV – V вв. в Башкирии // СА. № 2.
- Внуков.** 2007. Внуков С. Ю. Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье // ВДИ. № 4.
- Дзиговский.** 2003. Дзиговский А.Н Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса.
- Кривошеев.** 2005. Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Воронеж.

Любчанский. 2004. Любчанский И.Э. Восточные элементы материальной культуры в памятниках кочевников II – VI вв. Южноуральского региона // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа.

Максименко. 1998. Максименко В.Е. Сарматы на Дону. Азов.

Малашев. 2007. Малашев В.Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. № 3.

Малашев. Яблонский. 2008. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М.

Медведев. 1990. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж.

Медведев. 1999. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.). М.

Медведев. 2004. Медведев А.П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар.

Медведев. 2008. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.

Мошкова. 1982. Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского курганного могильника в Западном Казахстане // КСИА. № 170.

Мошкова. 1983. Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов.

Мошкова. 2004. Мошкова М.Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар.

Мошкова. 2007. Мошкова М.Г. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный обряд) // РА. № 3.

Мошкова и др. 2007. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Болелов С.Б.

Проблема культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последней четверти I тыс. до н. э. – IV в. н. э. // РА. № 3.

Симоненко. 1993. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев.

Скрипкин. 1984. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

Смирнов. 1973. Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Трибунский. 2003. Трибунский С.А Позднесарматская культура урало-казахстанских степей. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ижевск.

Хазанов. 1971. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.

Подрисуночные подписи к статье Медведева

Рис.1. Курган 78 Новоникольского могильника

I – курган 78; II – план и разрез погребения : 1- 8 – инвентарь.

Рис.2. Курганы Новоникольского могильника

I – курган 29; II – план и разрез погребения кургана 29 : 1 - 10 – инвентарь;
III – курган 31; IV – план и разрез погребения кургана 31: 11-12 – инвентарь.

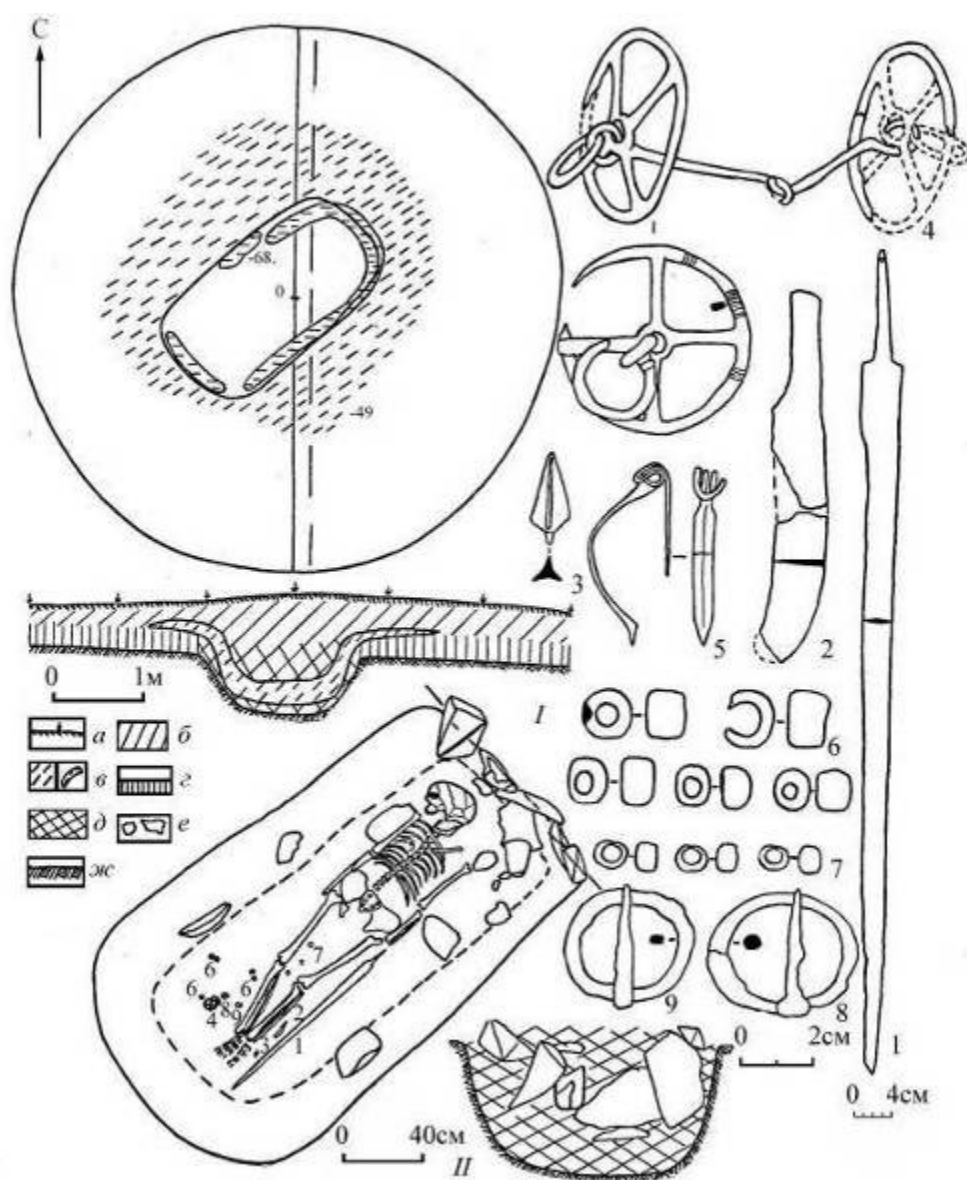
Рис.3. Погребение кургана 53 Новоникольского могильника

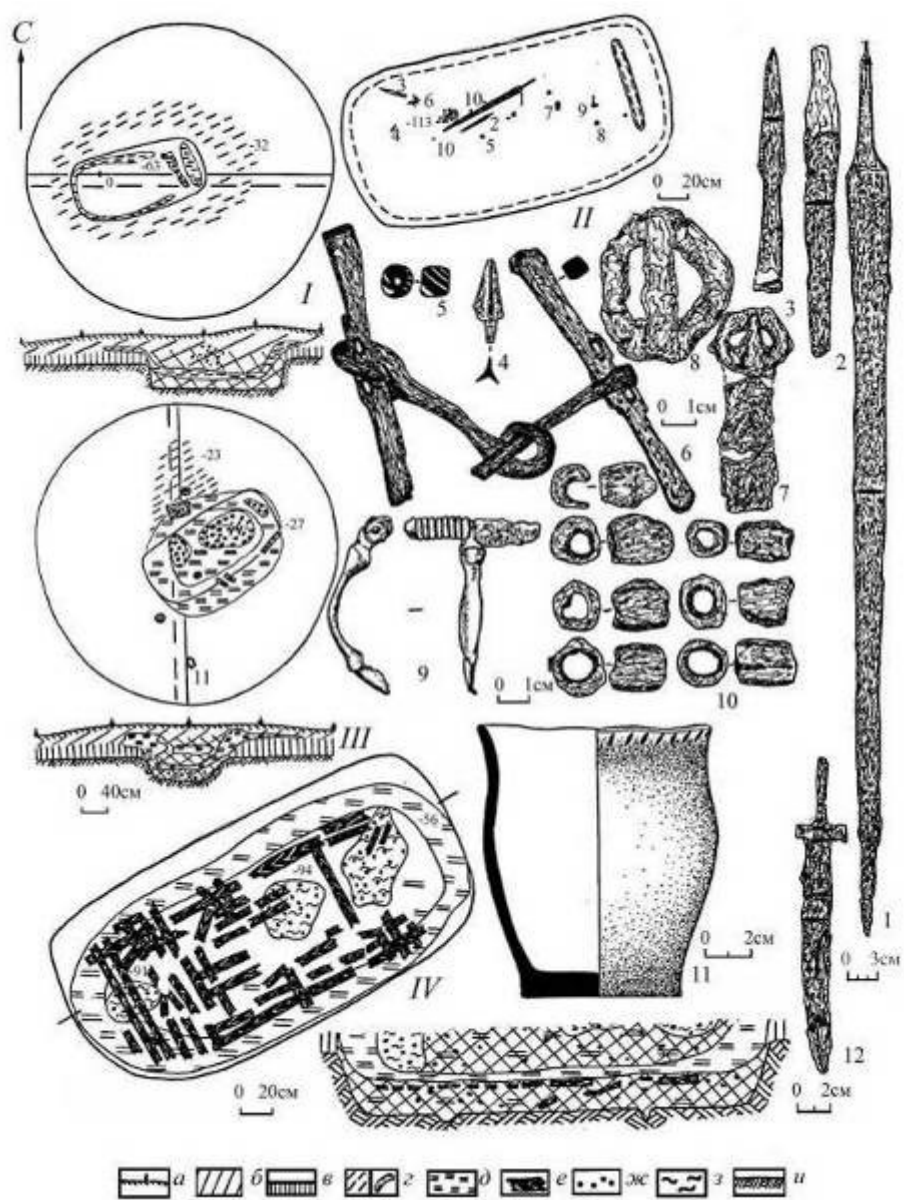
I – план и разрез погребения: 1- 9 – инвентарь.

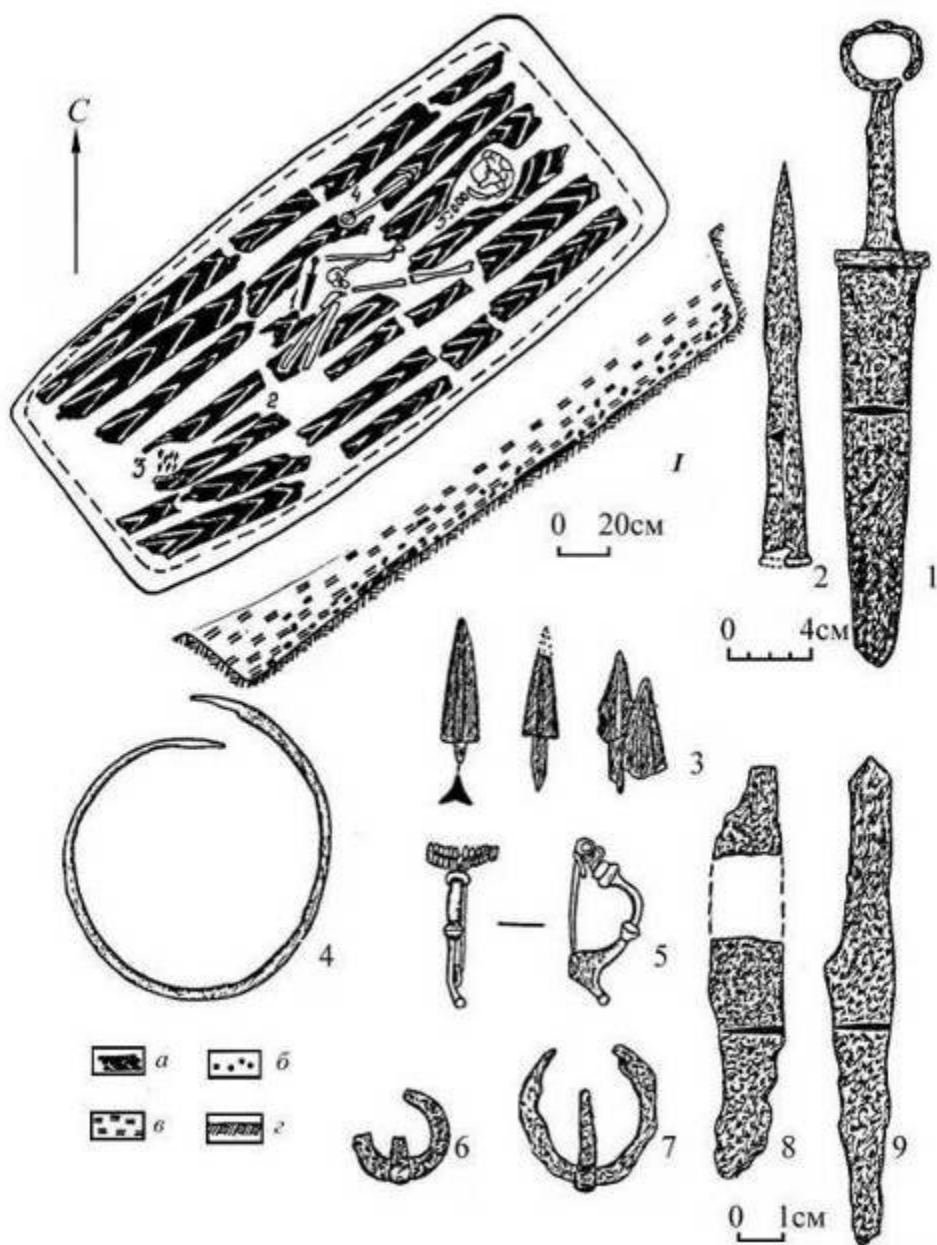
Рис.4. Керамика и зеркало из верхнедонских могильников

Вязовский могильник: 1 – к.48; 4 – к.30; 5 – к.28; 7 – к.4. п.2; 8 – к.15; 9 – к.35; 10 - к.37; 11 – к.32.

Новоникольский могильник: 2 – к.31; 3 – к.77; 6 – к.46; 12 – к .48.п.2.

Мещеряков Д.В.

(Оренбург)

Воинские доспехи в погребальном обряде ранних сарматов.²¹

Оружие занимает ведущее место среди погребального инвентаря в памятниках ранних кочевников в пределах всего их ареала. Одним из редких и престижных предметов вооружения, сопровождающих аристократические погребения, являются воинские доспехи. Исследователи, занимаясь их изучением, как правило, сосредотачивают свое внимание на конструктивных особенностях и типах защитного вооружения [Мелюкова. 1964; Черненко. 1968; Хазанов. 1971; Васильев, Пшеничнюк. 1995, Васильев. 2001, Яблонский, Рукавишникова. 2007 и др.]. Вопрос о размещении в погребении воинского доспеха был рассмотрен на среднедонских материалах Е.И. Савченко [Савченко. 2004, с.220, 221]. Полученный за последние годы в результате раскопок курганов кочевой знати материал, позволяет сформировать некоторые представления о месте в погребальном и поминальном обряде предметов защитного вооружения. В данной работе проблема будет рассмотрена на примере памятников савромато-сарматского времени с территории Южного Приуралья и Зауралья, а также Западного Казахстана. Щиты, шлемы и другие категории защитного вооружения в связи с крайней редкостью в этой работе не представлены.

В настоящее время на данной территории нам известно около 20 находок доспехов. Ниже приводятся описания 15 погребальных и жертвенных комплексов с панцирями (всего 17 доспехов). Все они относятся к периоду VI-III вв. до н.э. Очевидно, что доспех, как предмет, используемый в погребальной практике, был принадлежностью боевого снаряжения воина-аристократа и соответствовал высокому статусу погребенного. Еще 10 лет назад уфимский археолог В.Н. Васильев писал: «В настоящее время мы имеем в своем распоряжении девять единиц предметов защитного вооружения ... Их количество будет возрастать прямо пропорционально раскопкам «царских» курганов...» [Васильев. 2001, с.66].

²¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ №08-01-00152а

И, действительно, проводимые в последние годы исследования элитных погребальных памятников, в первую очередь Филипповских курганов, дали серию новых находок защитного вооружения. К сожалению, в большинстве случаев исследователям приходится работать с комплексами, разрушенными в результате ограблений, многие предметы дошли до нас во фрагментах, зачастую невозможно установить первоначальное расположение доспеха в могильной яме. Тем не менее, работа по изучению места защитного вооружения в погребальном обряде ранних кочевников представляется важной и перспективной.

Большинство находок были опубликованы и в ряде случаев, подробно описаны [Васильев, Пшеничнюк. 1995; Моргунова, Мещеряков. 1999; Васильев. 2001; Яблонский, Рукавишникова 2007 и др.]. По какой-то причине в свое время не вошли в публикацию рисунки и описание доспеха из Покровки [Моргунова, Трунаева. 1993, с. 16]. При составлении краткого описания приведены дополнительные сведения о комплексе вооружения, сопровождающего погребенного.

Покровка II, курган 2, погребение 1. На дне ограбленной могильной ямы основного погребения обнаружены около 40 железных пластин от доспеха. Из предметов вооружения были найдены фрагменты меча и наконечники стрел. Погребение датируется концом VI-V вв. до н.э. [Моргунова, Трунаева. 1993, с. 16].

Кырык-Оба 2, курган 2. В центральном ограбленном погребении находилось около 70 железных пластинок от чешуйчатого доспеха. Других предметов вооружения в могиле не было найдено. Погребение датируется V в. до н.э. [Курманкулов, Ишангали, Раймкулов. 2002, с. 88].

Филипповка I, курган 3, погребение 1. В центральном погребении дромосного типа в северо-западном углу находился целый чешуйчатый доспех. Разрушенное состояние могилы не позволяет определить принадлежность доспеха кому-либо из погребенных. Погребение датируется концом V-IV вв. до н.э. [Пшеничнюк. 1987, рис. 56, 62a].

Филипповка I, курган 4, погребение 2. Находка была сделана во впускном погребении, совершенном в прямоугольной могильной яме с заплечиками.

Чешуйчатый железный доспех был установлен вертикально в головах погребенного и прислонен к стенке в юго-западном углу могильной ямы. Богатейший погребальный инвентарь, пожилой возраст погребенного свидетельствуют о его высоком прижизненном социальном статусе. Из предметов вооружения присутствовали парадный меч, копьё и горит со стрелами. Погребение датируется концом V-IV вв. до н.э. [Яблонский, Рукавишникова. 2007, с.16-18].

Филипповка I, курган 7. На дне центральной дромосной могильной ямы, подвергшейся почти полному ограблению, были найдены пластины разрушенного костяного доспеха. На костях уцелевшего скелета VI находились пластины железного чешуйчатого доспеха, из предметов вооружения погребенного сопровождали копьё и меч. Погребение датируется концом V-IV вв. до н.э. [Пшеничнюк. 1988, рис. 84].

Филипповка I, курган 9. В центральной ограбленной дромосной могиле вместе с разрушенным скелетом находились железные и костяные плохой сохранности пластины. Представляли ли они собой фрагменты двух доспехов или один комбинированный не вполне понятно. Автор раскопок А.Х. Пшеничнюк и, вслед за ним, В.Н. Васильев придерживались второй версии. [Пшеничнюк. 1990, рис. 15; Васильев. 2001, с. 74] Погребение датируется концом V-IV вв. до н.э.

Филипповка I, курган 10, погребение 1. В центральной дромосной могиле в головах у погребенного лежал чешуйчатый комбинированный железный с бронзовым нагрудником доспех. Рядом с костяком находились копьё, горит со стрелами и меч. Погребение датируется концом V-IV вв. до н.э. [Пшеничнюк. 1990, рис. 36]

Филипповка I курган 28. Железный чешуйчатый доспех был найден в центральном погребении, совершенном в могильной яме дромосного типа. Доспех лежал у входа в грабительский лаз и не может быть связан ни с одним из погребенных. Погребение датируется концом V-IV вв. до н.э. [Яблонский, Рукавишникова. 2007, с.16, 17].

Филипповка I, курган 29, погребение 2. Основное коллективное погребение было совершено в центральной могиле дромосного типа. Костяной пластинчатый

доспех находился на дне дромоса у входа в погребальную камеру*.

Принадлежность доспеха кому-либо из погребенных установить невозможно. Вероятно, он представляет собой жертвоприношение. Погребение датируется концом V-IV вв. до н.э. [Яблонский. 2009, рис. 67, 68]

Переволочан, курган 10, погребение 1. Впускное погребение было совершено в катакомбе I типа (по К.Ф. Смирнову). Костяной пластинчатый доспех во фрагментированном состоянии находился на ступеньке у входа в погребальную камеру. Предметы вооружения были представлены мечом и копьем. Погребение датируется концом IV вв. до н.э. [Пшеничнюк. 1995, с. 83, 84].

Переволочан, курган 10, погребение 3. В ограбленной центральной могиле дромосного типа было найдено несколько железных пластин от чешуйчатого доспеха. Погребение датируется IV вв. до н.э. [Пшеничнюк. 1995, с. 89].

Бердянка V, курган 4, погребение 4. Погребение мужчины совершено в катакомбе тип III (по К.Ф. Смирнову). Цельнометаллический доспех - кираса-торакас первоначально была установлена вертикально (на попу), в ногах погребенного. Из предметов вооружения в могиле находились меч, копье и колчан со стрелами. Погребение занимало центральное положение в кургане, разрушив основное захоронение савроматской культуры. Датируется III в. до н.э. [Моргунова, Мещеряков. 1999, с.126, рис. 1,4,5].

Прохоровка I, курган 1. Цельнометаллический доспех кираса-торакас. Типологически почти идентична бердянской кирасе. Сохранилась во фрагментах, но первоначально была целой и, со слов крестьян, стояла в южном конце подбойной ниши в головах у погребенного. Так же как и в Бердянке предметы вооружения были представлены мечом, копьем и колчаном со стрелами, присутствовал кроме этого парадный кинжал. Погребение занимало центральное положение в кургане. Датируется III в. до н.э. [Руденко. 1918, с.6].

Наряду с находками доспехов в савроматских и ранне-сарматских курганах к 2010 году стали известны находки предметов защитного вооружения в жертвенниках на межкурганном пространстве.

* Фрагмент костяного чешуйчатого панциря был обнаружен также в головах одного из погребенных (Прим. ред.)

Филипповка I. Жертвенный комплекс был обнаружен в 140 м к юго-востоку от раскопанного «царского» кургана 1. В овальной яме, заглубленной в материк на 20-30 см, параллельно друг другу в положении антитезы лежали два металлических доспеха. Один из них железный чешуйчатый типологически и конструктивно близок железным чешуйчатым доспехам из других курганов Филипповского могильника. Второй представляет собой сложной конструкции комбинированный доспех. На кожаную основу крепились чередующиеся треугольные бронзовые и железные пластины (в настоящее время готовится публикация комплекса Д.М.). Комплекс в хронологическом отношении близок большинству курганов Филипповского некрополя и может быть датирован концом V-IV вв. до н.э.

Прохоровка I. Жертвенный комплекс был обнаружен в поле на расстоянии 150-200 м к югу от раскопанного кургана 1. (Предметы были переданы находчиками в 2010 г. в Оренбургский областной историко-краеведческий музей.). Вместе с пластинчатым железным доспехом в одной яме лежали С-овидные двудырчатые железные псалии с удилами. Концы псалиев были обтянуты золотой фольгой. Данный тип псалиев бытует на территории Южного Приуралья до III в. до н.э. включительно. Одной из самых поздних аналогичных находок является уздечный комплекс из кургана 9 Шумаевского II могильника [Моргунова и др. 2003, с.136-138, рис.85]. В связи с этим, а также учитывая дату близко расположенного кургана 1 (III в. до н.э.), можно датировать жертвенный комплекс III в. до н.э.

Большинство комплексов с предметами защитного вооружения датируются концом V-IV вв. до н.э. и относятся к раннему этапу прохоровской культуры. На сегодняшний день на рассматриваемой территории в раннесарматских памятниках не найдено ни одного доспеха датируемого позднее III в. до н.э.

Из 17 приведенных находок защитного вооружения, две происходят из погребений находящихся на периферии кургана (Филипповка I, курган 4, погребение 2; Переволочан, курган 10, погребение 1) и три из жертвенников, находящихся на межкурганном пространстве, остальные были найдены в центральных погребениях. Но и названные выше два впускных погребения по

масштабам могильной ямы и богатству инвентаря могут быть отнесены к элитарным.

В тех погребениях, которые не подверглись ограблению и разрушению, а доспехи сохранили положение *in situ* удалось установить, что единых правил размещения панциря в погребальной камере не было. Однако чаще его помещали в головах погребенного. Доспех мог быть застегнут и поставлен вертикально (подвешен?) или положен в расстегнутом состоянии, в двух случаях пластины панциря лежали вместе с костями скелета, что позволяет предположить, что воин был облачен в доспех.

В воинском погребении с панцирем, как правило, присутствует весь набор наступательного вооружения, предназначенный для ведения не только дистанционного, но и рукопашного боя, включавший меч, копье, лук и стрелы и другое оружие. Отсюда следует, что защитное вооружение являлось не только предметом роскоши, но, в первую очередь, выполняло свое прямое предназначение. Например, кираса из Бердянки имела пробоину под правой лопаткой от удара остроконечным орудием плоского сечения (меч, копье?).

В тех случаях, когда доспехи помещались в коллективной могиле отдельно от погребенных, или закапывались в землю за пределами кургана, следует говорить о жертвенном предназначении предмета. Представляется, что в этой ситуации доспех расценивался как ценная жертва, дар с учетом редкости и большой ценности вещи. Вопрос семантики предметов защитного вооружения в погребальном обряде ранних кочевников сложен в силу объективных причин и требует специального исследования.

Список литературы:

Васильев, Пшеничнюк. 1995. Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х. К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала в IV в. до н.э. // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа.

Васильев. 2001а. Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI-II вв. до нашей эры. Уфа.

Зуев. 2000б Зуев В.Ю. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΣΤΙΤΙΑ. СПб.

Курманкулов, Ишангали, Раймкулов. 2002. Курманкулов Ж., Ишангали С., Раймкулов Б. Исследования курганного отряда №2 УКАЭ в 2001 г. На могильнике Кырык-Оба 2 // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск.

Моргунова, Трунаева. 1993. Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы Левобережного Илека. Вып.1. М.

Моргунова, Мещеряков. 1999. Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // АПО. Вып.3. Оренбург.

Моргунова и др. 2003. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург.

Пшеничнюк. 1987. Пшеничнюк А.Х. Отчет о раскопках Филипповских курганов в Илекском районе Оренбургской области в 1986 году. Уфа.

Пшеничнюк. 1988. Пшеничнюк А.Х. Отчет о раскопках Филипповских курганов в Илекском районе Оренбургской области в 1987 году. Уфа.

Пшеничнюк.1990 Пшеничнюк А.Х. Отчет о раскопках Филипповских курганов в Илекском районе Оренбургской области в 1989 году. Уфа.

Пшеничнюк. 1995. Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Руденко. 1918. Руденко С.И. Отчет о раскопках Прохоровских курганов // Ростовцев М.И., Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пгр.

Савченко. 2004. Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону.// Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001-2003 гг. Сборник статей. М.

Яблонский, Рукавишникова. 2007. Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1

могильника). // Вооружение сарматов :региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск.

Яблонский. 2009. Яблонский Л.Т. Отчет о раскопках курганов 2 и 29 могильника Филипповка I на территории Илекского района Оренбургской обл. РФ в 2008 году. М.

М.Г. Мошкова, В.Ю. Малашев, Д.В. Мещеряков
(Москва, Оренбург)

Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени

Впервые собрал и дал подробную характеристику дромосным могилам Южного Приуралья К.Ф. Смирнов [Смирнов.1978]. В его распоряжении было всего пять погребений этого типа. Дромосные могилы всегда были основными в курганах и в подавляющем большинстве случаев дромосы подходили к погребальным камерам с южной стороны. Как правило, захоронения были коллективными. До возведения насыпи кургана над камерой возводилось деревянное сооружение, в большинстве случаев шатровообразного типа. Бревнами перекрывался и дромос, ведущий в могилу. Вокруг дромосных могил, на древнем горизонте, возводилось валообразное сооружение из материкового грунта. На него, как правило, опиралось деревянное сооружение, находившееся над погребальной камерой.

Постепенно, в связи с раскопками больших могильников Южного Приуралья (Мечетсай, Новый Кумак, Переволочаны, Лебедевка и др.) количество дромосных могил увеличивалось [Смирнов. 1975; 1977; Мошкова. 1962; 1972; Пшеничнюк. 1995; Железчиков и др. 2006]. В каждом из названных памятников находилось по одной – две, максимум три дромосных могилы. В большинстве случаев они были обнаружены в полностью вскрытых могильниках или в тех, где было исследовано достаточно много насыпей и, в том числе, сравнительно крупных. Однако, ситуация резко изменилась после раскопок Филипповского могильника (А.Х. Пшеничнюк – 1986-1989 гг., Л.Т. Яблонский – 2004-2008 гг.). Интересно и географическое расположение памятников, где были обнаружены дромосные могилы.

Наиболее раннее захоронение, относящееся к VII - середине VI вв. до н.э., было обнаружено в Большом Климовском кургане, расположенном на юге Челябинской области, на водоразделе рек Урала и Тобола [Таиров. 1987, с. 123-124]. Это самый северо-восточный пункт Южного Приуралья, где была исследована дромосная

могила. Размеры кургана весьма значительны: высота – 4 м, диаметр – 50 м. Камера также велика – 10x9,5 м. Но вызывает удивление ее глубина – всего 0,5 м от древнего горизонта. Дромос длиной 6 м подходил к северо-восточному углу камеры, что необычно для большинства дромосных могил. Над камерой была возведена сложная деревянная конструкция полностью сгоревшая. Огонь был настолько велик, что насыпь кургана была прокалена, а местами даже ошлакована. К сожалению, погребение было полностью ограблено. Найденные около дромоса, в насыпи кургана, предметы конского убора позволили А.Д. Таирову датировать могилу серединой VII – серединой VI вв. до н.э. [Таиров. 1987].

Чуть западнее Большого Климовского кургана была обнаружена еще одна дромосная могила в кургане Темир (h – 2,5 м, d – 24-26 м;) [Зданович, Хабдулина. 1986]. Здесь дромос подходил уже к южной стенке могилы, что обычно для этого типа погребений. Могила была разграблена. Но сохранившийся инвентарь, сопровождавший не менее двух человек, был обилен и разнообразен – бронзовые наконечники стрел, железное копье со втоком, колчаные крючки, бронзовые зеркало, браслеты, сердоликовые и стеклянные бусы, керамическая фляга и лепной горшок. В насыпи были найдены два медных котла. Датируется погребение концом V – IV вв. до н.э.

Все остальные, известные на сегодняшний день, дромосные могилы Зауралья входят в состав сравнительно больших могильников, которые располагаются к югу и юго-западу от курганов Темир и Большой Климовский.

Намного южнее этих двух курганов, уже в бассейне Урала (левый берег), на водораздельном сырте между реками Орь и Кумак, располагаются три могильника Новокумакский и Новоорские I и II. В последних двух могильниках (раскопки С.Н. Заседательевой 1980 – 1988 гг.) было вскрыто 44 погребения (вторая половина VI – II вв. до н.э.), среди которых оказалась одна дромосная могила. Курган, содержащий ее, был высотой до 1,5 м и диаметром 40 м. Вокруг погребения находилось кольцо из материкового грунта. Над погребением остатки деревянного перекрытия, в насыпи кости животных и керамика. В могиле были похоронены две женщины, лежавшие головами на юг. При них был разнообразный очень богатый

инвентарь. В состав его входили золотые гривна и браслет, бронзовый котел, сбруя, бронзовые и железные наконечники стрел, лепные сосуды и другие предметы. Интересно, что кроме дромосной могилы и еще одной узкой грунтовой ямы, все раннесарматские погребения этих двух могильников (14 погребений) оказались впускными в курганы эпохи бронзы и савроматского времени. Следует отметить еще один случай, который представляет особый интерес. В кургане 2 могильника Новоорский II основное раннесарматское погребение было совершено в узкой грунтовой яме, а два впускных в широкой могиле и в могиле с заплечиками. Такая ситуация несколько выбивается из наших представлений о соотношении типов могильных ям основных и впускных захоронений. В узкой основной могиле была похоронена женщина с оружием, включая бронзовые и железные наконечники стрел и топор, а также зеркало, серьги, орудия труда, керамика и пряслице. Два впускных погребения (заплечики, широкая грунтовая могила) принадлежали мужчинам воинам (в широкой могиле их было двое). При них находились мечи (два), наконечники стрел, колчаные крючки, керамика и другие предметы. Мужчина в яме с заплечиками лежал в гробу [Статистическая обработка ... 1997. № 229-231].

Среди погребений VI-IV вв. до н.э. этих же могильников соотношение основных и впускных могил было совершенно другим: основных – 13 могил, впускных – 15. [Все сведения об этих могильниках – из издания «Статистическая обработка» ... 1994, с. 63-65. № 154-181; Статистическая обработка 1997, с. 62-63. № 216-221].

В могильнике Новый Кумак, который находится чуть к западу от Новоорских курганов, в одной группе было раскопано 32 погребения [Мошкова, 1961; 1962] и в другой – 36 погребений [Смирнов. 1997]. В общей сложности был исследован значительный погребальный массив, датируемый в пределах второй половины VI – IV вв. до н.э. В числе вскрытых погребений оказались лишь три больших основных дромосных могилы с деревянными надмогильными сооружениями в виде шатра или сруба и следами огненного ритуала. Но в одном из курганов [Смирнов. 1978, с. 59-62, рис. 1] к основной дромосной могиле вплотную примыкала небольшая узкая яма, к которой также вел короткий дромос. Эта могила, находившаяся внутри

глиняного вала, окружавшего центральное дромосное погребение, была, соответственно, одновременна с ним. Это захоронение принадлежало женщине с жертвенником, предметами уздечного набора, одним бронзовым наконечником стрелы, а также каменными и стеклянными бусами. Расположение могилы и наличие короткого дромоса подчеркивали непосредственное отношение погребенной к центральной могиле. Типы остальных погребальных сооружений Ново-Кумакских групп распределились довольно интересно. Наибольшее количество среди них составляют широкие грунтовые ямы (26 могил). При этом три из них были очень больших размеров и представляли собой семейные усыпальницы, содержавшие в одном случае 9 погребенных и в двух других – по 6 погребенных. Среди больших грунтовых ям, бывших нередко основными в курганах, целый ряд имели разнообразный, многочисленный, а иногда и весьма богатый инвентарь [см. например, Новый Кумак к. 18 – Смирнов. 1977, с. 18-24]. 12 могил следует отнести к грунтовым могилам средней ширины и 15 – к узким. Два захоронения было совершено на древнем горизонте: два – в ямах с заплечиками, пять – в подбойных погребениях и одно в катакомбе. Таким образом, преобладающим типом погребального сооружения в Ново-Кумакском могильном комплексе являются грунтовые могилы (53 из 67). Датируется этот памятник второй половиной VI – IV вв. до н.э.

К северо-востоку от этих двух могильных комплексов, в междуречье Дергамыша и Таналыка (бассейн Урала), располагается Переволочанский могильник [Пшеничнюк. 1983; 1995]. В нем было вскрыто 18 насыпей. Два кургана содержали дромосные могилы. Особенно интересен курган 10. Хотя его центральная дромосная могила была полностью разграблена, материал впускных воинских погребений и находки в поле кургана конского снаряжения, оружия, котла и других предметов говорят о несомненном богатстве центрального дромосного погребения. Отличается могильник и большим количеством погребений на древнем горизонте и в подбойных могилах (соответственно, по 7 погребений), два захоронения были совершены в широких грунтовых ямах. Все погребения могильника содержали довольно богатый инвентарь.

Северо-западнее Переволочанского могильника, в 140 км от г. Оренбурга, располагается знаменитый Прохоровский могильник. В настоящее время он раскопан полностью и представлен 39-ю погребениями [Ростовцев. 1918; Яблонский. 2010]. Среди вскрытых погребений оказалась одна дромосная могила со сравнительно коротким (около 3 м) ступенчатым дромосом и большой погребальной камерой (4x4 м). В насыпи кургана фиксировались обгорелые остатки дерева и прокаленная земля [Ростовцев. 1918, с. 8-10]. По-видимому, в этом кургане была срубообразная или шатровая погребальная конструкция, обычная для дромосных могил, которая после захоронения погребенного была сожжена. Состав остальных вскрытых в Прохоровском могильнике погребений довольно интересен. Основную массу – 20 могил составили подбойные погребения, 12 могил – грунтовые ямы, 3 – ямы с заплечиками, 1- катакомба и 2 кенотафа. Погребения Прохоровского могильника относятся ко времени IV-II вв. до н.э. [Яблонский. 2010, с. 62-63].

На левобережье Илека в междуречье Илека и Хобды располагается целый куст памятников, исследованных в той или иной степени. В состав его входят могильники Пятимары, Тара-Бутак, Мечет-Сай, Увак и курганная группа «Близнецы».

В могильнике Пятимары было вскрыто семь основных центральных погребений савроматского времени. Это были большие грунтовые ямы под деревянными сооружениями со следами огня [Смирнов. 1975, с. 14-37].

В довольно большом могильнике Тара-Бутак (42 кургана) было исследовано только три кургана, которые датируются рубежом VI-V – рубежом V-IV вв. до н.э. В двух курганах основные погребения представляли собой захоронения богатых женщин – «жриц». Одно из них представляло собой погребение на древнем горизонте под деревянным сооружением. Второе было совершено в большой грунтовой яме, где женщина лежала по диагонали могилы. На древнем горизонте, над захоронением, было возведено сложное деревянное сооружение в виде квадратного сруба. Третье погребение находилось в обычной довольно широкой грунтовой яме [Смирнов. 1975, с. 37-14].

Курганная группа «Близнецы» насчитывает 10 курганов, из которых раскопано шесть. В основе всех их были погребения эпохи энеолита и бронзы. В кургане 2 центральное впускное погребение №1 было совершено в большой, почти квадратной камере, к которой с северной стороны примыкал очень короткий дромос (L – 1,95 м). Могила была ограблена. Похороненный в ней взрослый человек лежал по диагонали камеры. Датируется это погребение рубежом IV-III вв. до н.э. Всего в этой группе было вскрыто 12 погребений, преобладающую часть которых (девять могил) составляют грунтовые ямы. Пять из них были узкими и четыре широкими. В двух курганах находились подбойные могилы. За исключением центрального погребения в кургане 3, датируемого V-IV вв. до н.э., все остальные захоронения относятся к IV или IV-III вв. до н.э.

К этой же группе памятников принадлежат еще два могильника Увакский и Мечетсайский. В первом было исследовано 10 курганов, содержащих 29 погребений конца VII-VI – IV-II вв. до н.э. Большая часть комплексов принадлежала к IV-II вв. до н.э. Среди этих могил, отличавшихся стандартным небогатым набором инвентаря, не было ни одной дромосной могилы. Основную часть погребений составляли грунтовые могилы (21, среди них всего четыре широких), подбойных захоронений только четыре, ям с заплечиками еще меньше – две, одно погребение было совершено в катакомбной могиле и одно в насыпи [Смирнов. 1975, с. 55-73].

В Мечетсайском могильнике было исследовано также 10 курганов, содержащих 61 погребение. Среди них были обнаружены две дромосные могилы. Особенно интересным оказался курган 2, самый высокий в группе. В центре находилась большая дромосная могила. Дромос (длиной 3,3 м) подходил к яме с юго-западной стороны. На дне могилы было зафиксировано, по-видимому, одновременное захоронение трех погребенных. Дата дромосной могилы – конец VI – первая половина V вв. до н.э. [Смирнов. 1975, с. 82-84, 90]. Этот курган был интересен и впускными погребениями. Все они оказались катакомбами, из которых три были с длинными дромосами и одна со ступенчатым входом. Последняя катакомба (п. 3) и одна с длинным широким дромосом (п. 1) относятся к тому же

времени, что и центральное погребение и датируются не позже V в. до н.э. Погребения 2 и 5 с узкими длинными дромосами датируются III – II вв. до н.э. [Смирнов. 1975, с. 91].

Вторая дромосная могила находилась в кургане 8 (погребение 5). Это было центральное погребение, над которым зафиксировано деревянное сооружение, представляющее собой нечто вроде сруба или клетки, ориентированной сторонами по странам света. Сама могила была значительных размеров (3х2,2 м, гл. – 3,2 м). С северной стороны к ней примыкал дромос длиной 4,6 м. Концы некоторых плах, перекрывавших дромос, были обожжены. В могиле были погребены две женщины, пожилая и молодая, обе головами на юг. Сопровождавший их инвентарь был обилен и богат. Серебряные серьги, бронзовые гривны, обернутые золотым листом, бронзовые браслеты и наконечники стрел, гончарная фляга и лепные горшки, пряслица и два зеркала. Одно из них было с гравированным рисунком сакрального содержания. Ближневосточный характер сюжета допускает вероятность происхождения этого зеркала из какой-то области Мидии или Ирана [Смирнов. 1968, с. 121].

Еще четыре впускные могилы кургана представляли собой две подбойные могилы и две широкие грунтовые ямы. Все погребения данного кургана отличались многочисленным и довольно богатым инвентарем; датируются они IV в. до н.э. [Смирнов. 1975, с. 131-143].

Остальные погребения Мечетсайского могильника распределяются следующим образом. Наибольшее количество их было обнаружено в подбойных могилах (29 погребений). Грунтовые могилы представлены 17-ью погребениями, среди них восемь могил были широкими (обычно они составляют гораздо меньший процент среди грунтовых ям), захоронений в катакомбах – семь (что также значительное количество по отношению к выборке из 61 погребения), четыре катакомбы были с длинными дромосами. Еще три захоронения находились в ямах с заплечиками и две – в насыпи курганов.

В могильнике Покровка*, как и в Мечетсайском, наибольшее количество захоронений было совершено в подбойных могилах, которые нередко располагались по кольцу вокруг основного погребения. Такое размещение могил характерно для IV – II вв. до н.э.

Лебедевский могильный комплекс является самым западным памятником, где были обнаружены дромосные могилы. Среди 95 вскрытых погребений оказалось четыре дромосных могилы [Железчиков и др. 2006, с. 14]. Одна из могил (группа V, к. 9, п. 5) представляла собой большую почти квадратную камеру (4,4х3,6 м), в которую с СЗ стороны вел дромос длиной 3,2 м (от погребенной почвы). В камере было захоронено девять человек (один мужчина, три женщины, три подростка, один ребенок). Это была, несомненно, семейная усыпальница, в которую производились подхоронения. Не исключено, что первым погребенным была женщина, лежавшая по диагонали в северной части могилы. Около ее ног находились следы кострища, а кости стопы имеют следы воздействия огня. Рядом с женщиной было сосредоточено наибольшее количество инвентаря, в том числе бронзовые наконечники стрел. В кургане было еще три впускных погребения. Дромосная могила датируется IV в. до н.э. Вторая дромосная могила Лебедевки (группа VI, к. 25, п. 2), также основная, имела дромос длиной 3,7 м. У него было две особенности – Г-образная форма в начале и ступеньки по всей ширине. Подходил дромос к камере с северо-западной стороны. В могиле было похоронено три человека – мужчина, ребенок и взрослый человек (судя по составу его инвентаря, по-видимому, тоже мужчина). Инвентарь взрослого погребенного состоял из оружия, ворварок, ажурной бляхи и длинных ножей. При ребенке были три крупные бусины. Всех погребенных сопровождал лепной сосуд. Датируется погребение IV в. до н.э. Третья дромосная могила была единственной в кургане (группа VI, к. 21). Это была квадратная камера, к которой с юга вел очень короткий дромос (1,3 м) до глубины всего 0,6 м и обрывался у края камеры. Глубина последней достигала 1,8 м. Камера имела уступы на глубине 1,22 м, на которых

* Если речь здесь идет о могильниках, раскопанных в окрестностях с. Покровка Соль-Илецкого р-на Оренбургской обл., то их пять, и они содержат, как известно, относительно одновременные захоронения. Отсутствие ссылки на публикацию делают неясным, о каком именно памятнике пишут авторы (Прим. ред).

лежали продольные и поперечные жерди. На дне был похоронен взрослый человек, лежавший головой на юг. Его сопровождали бронзовые наконечники стрел, фрагменты бронзового зеркала, два пряслица, железный нож и лепной сосуд. Дата кургана – IV в. до н.э.

Наконец, последняя дромосная могила Лебедевки (группа VII, к. 16, п. 7), находившаяся в центре кургана, представляла собой вытянутую с запада на восток довольно длинную камеру (5,6 м), к которой с юга примыкал длинный дромос (6,4 м). В центральной части насыпи были обнаружены два скопления углей и кусочков мела, связанные, очевидно, с центральной могилой. Камера была перекрыта поперечными деревянными плахами, поверх которых лежал камыш. На дне ямы были похоронены четыре взрослых человека, лежавшие головами на юг. Могила была разграблена. Но даже сохранившиеся вещи – оружие, уздечные наборы, в том числе, круглые бляхи в зверином стиле – свидетельствуют о несомненном богатстве дромосной могилы. Дата ее – IV в. до н.э.

Кроме четырех дромосных могил, в Лебедевке было вскрыто 40 узких и средней ширины грунтовых могил, 16 широких, 22 подбойных могилы, три ямы с заплечиками, три катакомбы и семь захоронений в насыпи. Весь могильник в целом датируется концом VI – V, IV – II вв. до н.э.

Необходимо упомянуть еще один памятник, находящийся в верховьях р. Илек. Это могильник Бесоба, который входит в целую группу памятников того же времени (Сынтас, Курайлы, Жалгызоба и др.). Интересно, что в больших курганах трех упомянутых памятников наиболее распространенным видом погребального обряда были захоронения на древнем горизонте под крупными и нередко сложными деревянными постройками. Особенно интересен курган 9 из могильника Бесоба. В нем находилось погребение, дромос которого вел не к заглубленной в грунт камере, как обычно, а к погребальной площадке, ограниченной канавкой. Захоронение на площадке находилось под мощным столбовым деревянным сооружением в виде восьмигранной гробницы [Кадырбаев. 1984, с. 89-91].

Всего в могильниках Бесоба, Сынтас и Кумиссай было вскрыто 14 больших курганов. В большей части их находились погребения на древнем горизонте под

деревянными постройками в виде шатра, а также прямоугольного или квадратного сооружения. Как считал М.К. Кадырбаев, все подобные постройки возведены над погребениями представителей родоплеменной знати [Кадырбаев. 1984, с.86].

Таким образом, во всех упомянутых могильниках дромосные могилы были элитными захоронениями определенной семейной группы. Но в тех же могильниках элитными нередко были и погребения на древнем горизонте, и в больших грунтовых могилах.

Особое место среди памятников, в которых встречаются дромосные могилы, занимает Филипповский могильник. Начало работ на этом памятнике положил в 1986 г. А.Х. Пшеничнюк, который раскопал 17 курганов. Продолжил эти исследования Л.Т. Яблонский. В настоящее время могильник в составе 29 курганов исследован полностью.

По соотношению типов погребальных сооружений и составу погребального инвентаря Филипповский могильник представляет собой особый, специфический памятник. Среди основных погребений 29 исследованных курганов центральные дромосные могилы были зафиксированы в 21-м случае. Если учесть, что один из курганов оказался пустым, то получается, что дромосные погребения в Филипповском могильнике составляют 75 % (21 из 28). Остальные захоронения распределяются следующим образом: на древнем горизонте – 1, в грунтовых больших ямах – 3, в подбойных могилах – 3 (один случай – под вопросом).

При погребении на древнем горизонте (к. 15) были сооружены глиняный очаг-жертвенник и деревянный настил*. Вокруг жертвенника располагалось 10 погребенных. Некоторые из них были снабжены богатым инвентарем, содержащим, в том числе, и золотые предметы. При двух погребенных находок не было совсем. В курган было впущено еще три могилы, две из которых весьма богатые. В одной из них были золотые предметы.

Среди больших грунтовых ям одна (к. 18) была пустая, содержала лишь пять наконечников стрел в заполнении. Вторая (к. 9), как и дромосные могилы, имела шатровообразное деревянное перекрытие. При похороненных в ней двух мужчинах

* Это было перекрытие (прим. ред.).

и подростке были золотые вещи, оружие, железный панцирь и другие предметы. Третья грунтовая яма (к. 22) оказалась пустой.

В трех курганах могильника находились подбойные могилы. В кургане 20 оказалось совершенно разграбленное захоронение. Но, судя по сохранившимся двум золотым и двум серебряным оковкам деревянных чаш, первоначально оно было, по-видимому, богатым. В кургане 8 подбойная могила была полностью разграблена. Ни находок, ни костей на дне ее не было обнаружено. Наконец, в кургане 21 погребение было также разрушено и только предположительно его определили как подбойную могилу.

Таким образом, погребение на древнем горизонте (к. 15) и в квадратной яме (к. 9) по содержанию сопутствующего инвентаря и таким чертам обряда, как деревянные конструкции на уровне древнего горизонта, а также применение огня для этих конструкций (к. 9) ничем не отличаются от дромосных могил.

Следовательно, можно высказать предположение, что выраженное преобладание дромосных могил в Филипповке нельзя объяснить только элитарностью этого обряда. Не отрицая в принципе такого объяснения, поскольку в других могильниках, которые были рассмотрены выше, все дромосные могилы действительно можно рассматривать только как элитные, для Филипповки следует искать другое объяснение.

Нам представляется, что в этом могильнике нашла отражение миграция определенной кочевнической группы, для погребального обряда которой были характерны дромосные могилы. Откуда она пришла сказать пока трудно. Относительно появления ранних дромосных могил существует подобная точка зрения. Р.Б. Исмагилов [Исмагилов.1996] и вслед за ним А.Д. Таиров [Таиров. 2005, с. 24] считают возможным связать появление дромосных могил на Южном Урале с движением кочевников Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана. В отношении Филипповского могильника можно только предположить, что это повторное движение, происходившее с начала V в. до н.э. шло откуда-то с юго-востока.

Непосредственно с рассматриваемыми выше вопросами связано формирование в южноуральских степях катакомбных погребальных сооружений. Эта проблема уже неоднократно рассматривалась К.Ф. Смирновым [1964; 1972; 1978] и М.Г. Мошковой [1972; Мошкова, Малашев. 1999. Однако, в связи с появлением новых материалов, имеет смысл коснуться этих вопросов еще раз. Впервые относительно генезиса ранних катакомб в данном регионе высказался К.Ф. Смирнов. Он обозначил их связь с дромосными могилами, распространившимися в савроматское время [Смирнов. 1964, с. 82-84]. К V в. до н.э. им были отнесены катакомбы типа I²² (с перпендикулярным соотношением длинных осей входной ямы и камеры): Мечетсай курган 2 погребение 1, Пятимары I курган 6 погребение 3 [Смирнов. 1964, рис. 20, 4; 30, 2] и Новый Кумак курган 1 погребение 3 [Смирнов. 1978. рис. 2, б]. Этот список можно дополнить комплексами Лебедевка VII курган 18 погребение 2 и Лебедевка VIII курган 7 погребение 1 [Железчиков и др. 2006, рис. 75, 5; 79, 2].²³ Несколько более позднюю хронологическую позицию (IV – начало III вв. до н.э.) занимают катакомбы типа I из могильников Переволочан курган 11 погребения 1-3 [Сиротин. 2010, рис. 2, 5; 4, 1; 5, 1], Шумаевский II курган 3 погребение 6 [Моргунова и др. 2003, Рис. 44], Мечетсай курган 3 погребение 7 [Смирнов. 1975, рис. 29; 33, 4, с. 105], Филипповка I курган 14 погребение 1 [Пшеничнюк. 1990, с. 11, 12, 64, рис. 75], Бердянка V курган 4 погребение 1 [Моргунова, Мещеряков. 1999, рис. 1, 4,5] и, видимо, Прохоровка курган «Б», погребение 1 [Яблонский. 2010, рис. 13]. Ряд погребальных сооружений имеет сравнительно небольшую камеру, длина которой примерно равна ширине входной ямы; но при отнесении к типу I наиболее показательным положением погребенного перпендикулярно длинной оси входной ямы. Таким образом, наиболее ранние катакомбы типа I появляются в V в. до н.э., продолжают использоваться в IV в. до н.э. и исчезают в III в. до н.э. [Мошкова, Малашев. 1999, с. 177-180]. Именно этот тип камерных погребальных сооружений конструктивно наиболее близок

²² Здесь и далее – типология катакомб для типов I-III по К.Ф. Смирнову, 1972 и М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева, 1999; тип VI – по М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашеву, 1999.

²³ Самым ранним захоронением в катакомбе, раскопанной на Южном Урале, является впускное погребение 3 из кургана I Гумаровского могильника, датированное концом VIII в. до н.э. Однако его достаточно сложно отнести к какому-либо известному типу [Зуев, Исмагилов. 1999, с. 106, 110, табл. 2, 2].

дромосным могилам с деревянным перекрытием и может быть с ними связан генетически.

Позднее, не ранее IV в. до н.э. (видимо, в его финальной части), появляются катакомбы типа II и родственного ему типа III [Мошкова, Малашев. 1999, с. 180]. Вместе с ними получают распространение катакомбы с круглой и подквадратной входной ямой – тип VI вариант 3 [Мошкова, Малашев. 1999, с. 176-181], по всей видимости, они являются производными, соответственно, от овальных и прямоугольных входных ям катакомб II и III типов. В частности, с типом III можно соотнести те катакомбы, у которых длинная ось входной ямы находится под углом к длинной оси камеры: например, погребения 14 и 18 кургана 9 II Шумаевского могильника [Моргунова и др. 2003, рис. 96; 100].

Похоже, что большая часть катакомб этой разновидности характерна для комплексов не позднее III в. до н.э.: [Мошкова, Малашев. 1999, с. 176; Моргунова, Мещеряков. 1999, рис. 1, 4; 2, 1; 3, 1; 7, 1. Смирнов. 1975, рис. 33, 7; Яблонский, Малашев. 2005, рис. 16; 26]. Возможно, они были распространены в позднем IV – III (главным образом) вв. до н.э. и отражают период выработки стандартной формы входной ямы катакомб типов II и III. В основе катакомб типов II и VI варианта 3 лежат катакомбы типа I²⁴. Таким образом, генетическая линия развития камерных могил у населения Южного Приуралья V-I вв. до н.э. прослеживается от дромосных могил с деревянным перекрытием, через катакомбы типа I, к катакомбам типов II, III и VI варианта 3. Именно тип II (длинная ось камеры является продолжением длинной оси входной ямы) становится ведущей формой катакомб региона для раннесарматского времени. Количество известных на сегодняшний день комплексов в катакомбах типа II и типа VI варианта 3 насчитывается десятками, что позволяет говорить о массовости этой формы могил. Так, в курганных могильниках у с. Покровка на Илеке, исследованных почти полностью, погребения в катакомбах составляют 18,2 %. [Яблонский. 1998, с. 99-104] * Представляется важным акцентировать внимание на том, что уже сейчас

²⁴ Кроме того, известна дромосная могила IV в. до н.э. (Мечетсай курган 8 погребение 5) с соотношением длинных осей входной ямы и камеры как у катакомб типа II [Смирнов. 1975, рис.50; 53; Мошкова, Малашев. 1999, с.178].

[□] В цитируемой работе такая цифра не приводится. Она на самом деле не отражает никаких реалий. Еще раз приходится обратить внимание читателей статьи и ее авторов, что речь в данном случае идет о группе (пять

можно говорить о самостоятельном центре генезиса катакомб на территории южноуральских степей, независимом от Северного Причерноморья и Боспора. Распространение катакомб типов II и III на территории Нижнего Поволжья, видимо, связано с миграцией южноуральского степного населения. Кроме того, появление этих же катакомб в памятниках Средней Азии и Казахстана является результатом миграции кочевников Южного Приуралья, о чем уже неоднократно говорилось (О.В. Обельченко, А.С. Скрипкин, М.Г. Мошкова и др.). Судя по подпрямоугольной и овальной форме входных ям у катакомб типов II и III в среднеазиатских памятниках, эта миграция имела место уже после исчезновения в южноуральских степях катакомб тип VI вариант 3, то есть относилась, скорее всего, уже ко II в. до н.э.

Список литературы

- Железчиков.** 1997. Железчиков Б.Ф. Анализ сарматских погребальных памятников IV-III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура. М.
- Железчиков, Клепиков, Сергацков.** 2006. Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI-II вв. до н.э.). М.
- Зданович, Хабдулина.** 1986. Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Ишимского междуречья. Челябинск.
- Зуев, Исмагилов.** 1999. Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург.
- Исмагилов.** 1996. Исмагилов Р.Б. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа.
- Кадырбаев.** 1984. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

памятников) самостоятельных могильников, раскопанных полностью. Захоронения в них относительно разновременны и не составляют однородной выборки. Так, в могильнике Покровка 7 все погребения (100%) были катакомбными [Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Малашев В.Ю. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995г. // Курганы левобережного Илека. Вып.4. М. 1996. См. также статью О.И.Куринских в настоящем сборнике (Прим. ред.)

Мошкова. 1961. Мошкова М.Г. Сарматские курганы в Оренбургской области // КСИА. № 83.

Мошкова. 1962. Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. № 115.

Мошкова. 1972. Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.

Мошкова, Малашев. 1999. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского Государственного Университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград.

Моргунова и др. 2003. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург.

Моргунова, Мещеряков. 1999. Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург.

Пшеничнюк. 1983. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Пшеничнюк. 1990. Пшеничнюк А.Х. Отчет о раскопках Филипповского могильника в Илекском районе Оренбургской области в 1989 году. Уфа.

Пшеничнюк. 1995. Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Ростовцев. 1918. Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пгр.

Сиротин. 2010. Сиротин С.В. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и окружающего мира. МИАР. № 13. М.

- Смирнов.** 1964. Смирнов К.Ф. Савроматы. М. Смирнов Смирнов К.Ф. Бронзовое зеркало из Мечетсая // История археология и этнография Средней Азии. М. 1968.
- Смирнов.** 1972. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1.
- Смирнов.** 1975. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.
- Смирнов.** 1977. Смирнов К.Ф., Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.
- Смирнов.** 1978. Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос происхождения сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Статистическая.** 1994. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпоха. М.
- Статистическая.** 1997. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура. М.
- Таиров.** 1987. Таиров А.Д. Большой Климовский курган // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тезисы докладов. Областная научн. конференция по разделам: скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск.
- Таиров.** 2005. Таиров А.Д. Ранние кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-II вв. до н.э. // Авторефер. диссерт. на соискание уч. степени докт. ист. наук. М..
- Яблонский, Малашев.** 2005. Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10 // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград.
- Яблонский.** 1998. Яблонский Л.Т. Работы комплексной Илекской экспедиции на Юге Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург.
- Яблонский.** 2010. Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской культуры. МИАР №12. М.

В.Н.Мышкин

Погребальная обрядность социальной элиты
кочевников Самаро-Уральского региона в VI-V вв. до н.э.
(к проблеме формирования прохоровской культуры).

Исследование погребальной обрядности является необходимым и важным условием решения многих проблем истории кочевников, населявших в VI-V вв. до н.э. степи Самаро-Уральского региона. К числу актуальных проблем, безусловно, следует отнести вопрос о времени и характере формирования прохоровской культуры. С этим вопросом связаны различающиеся концепции периодизации культурно-исторических процессов, происходивших в кочевническом обществе. В одной из них, история кочевников Южного Приуралья предстает как смена культур и обществ, иногда не связанных между собой, а прохоровская культура рассматривается как явление второй половины II – I в. до н.э. [Зуев. 1998, с. 148-149; 1999, с. 26]. Суть другой состоит в том, что прохоровская культура, проходя в своем развитии определенные этапы, существовала в Южном Приуралье (либо только в Южном Зауралье) с конца VI по I в. до н.э. [Железчиков, Пшеничнюк. 1994, с. 5-8; Гуцалов. 2007, с.83; Таиров. 2009, с. 144]. Л.Т.Яблонский, предложив отказаться от использования понятия «археологическая культура»*, выделил в истории кочевников Южного Приуралья несколько культурно - хронологических горизонтов [Яблонский. 2007, с. 27 – 31, 36]. Собственно концепция существования двух культур южно-уральских кочевников в середине – второй половине I тыс. до н.э., сформулированная в середине XX века [Граков. 1947; Смирнов. 1964], в настоящее время также имеет сторонников [Мошкова. 2007, с.109 – 111; Скрипкин. 2007. с. 124 – 125]. Обращение к теме, рассматриваемой в настоящей статье, обусловлено тем, что во многих исследованиях появление элементов прохоровской культуры в погребальной обрядности связывается с социальной элитой, а начало

□ Принципиально неверное утверждение, искажающее смысл цитируемых страниц. В упомянутом произведении на самом деле сказано: «Применительно к *памятникам раннесарматской археологической культуры* (курсив мой) это определение (АК) работает именно с большой долей условности [Яблонский. 2007, с.28]. Этот пассаж, в отличие от того, что пишет В.Н.Мышкин, никоим образом, как мы видим, не предлагает отказаться от использования понятия «археологическая культура» вообще. (Прим. ред.)

этого процесса относят либо к V в. до н.э., [Смирнов. 1964. Железчиков, Пшеничнюк. 1994, с. 7], либо к концу VI-V в. до н.э. [Таиров, Гаврилюк. 1988, с. 151; Таиров. 2009; Гуцалов. 2004, с. 115-124].

В данной работе предполагается охарактеризовать нормы погребальной обрядности социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона VI-V вв. до н.э., выделить типы погребений представителей этой социальной группы, а также предложить их интерпретацию с точки зрения соотнесенности с культурными комплексами, которые формировались кочевыми племенами.

Под элитой будет пониматься совокупность групп, принимающих стратегически важные решения, выполняющие основные значимые (властные и т.п.) функции в обществе, получающих большое количество материальных и нематериальных (престиж, уважение и т.п.) ценностей, обладающих необходимыми ресурсами для выполнения своих функций, объединенных сходными ценностными установками, стереотипами, нормами поведения, образом жизни, интересами [Гаман-Голутвина. 2000; Наронская. 2009, с. 31].

Анализировались данные о 50 погребальных комплексах²⁵ Самаро-Уральского региона, которые достаточно уверенно можно рассматривать как захоронения представителей социальной элиты, датированные периодом с VI по рубеж V - IV вв. до н.э., а также V - IV вв. до н.э. В выборку не включены памятники, данные о которых опубликованы частично. Кроме того, из списка были исключены комплексы, не обладающие достаточно полным набором признаков, которые позволяют в настоящее время однозначно связать их с элитой кочевых сообществ (например, погребения в катакомбах и подбоях). Величина выборки представляется достаточной для того, чтобы делать вполне достоверные выводы.

В качестве показателей высокого социального статуса погребенных можно назвать значительные размеры могильных ям и курганных насыпей. К показателям высокого социального положения следует отнести также сопровождающие человеческие захоронения, жертвоприношения коней, предметы социального

²⁵ Безусловно, к элите можно отнести людей, погребенных в «царских» курганах 1 и 4 Филипповского I могильника. Однако уникальность этих памятников предполагает их отдельный анализ. Исследование данных курганов, несомненно, будет осуществлено авторами раскопок.

престижа в погребальном инвентаре (гривны, жезлы, ритоны, котлы и т.п.). Этот перечень можно дополнить рядом признаков, жестко связанных с данным комплексом «индикативных» характеристик и, тем самым, прямо или косвенно отражающих социальный статус погребенных. К таковым можно отнести наличие, состав и расположение жертвоприношений в курганной насыпи (сбруя или ее элементы, части лошадиной туши, обычай размещать их к югу и востоку от центра кургана); наличие конструкций, усложняющих насыпь (каменная обкладка, глиняные валы, каменные кольцевые выкладки, подрезка почвы вокруг ям, обкладка камышом и ветвями поверхности вокруг ям, конструкции типа очагов и т.п.); тип могильной ямы (могилы с дромосами); расположение умершего в могиле (диагональные захоронения), южную ориентировку погребенных, наличие в погребениях частей жертвенных животных и их размещение в могиле, вид жертвенных животных (несколько видов животных, использование лошади в качестве жертвенного животного, размещение частей туши по всей могиле и вдоль ее южной стенки).

Изучение взаимосвязи признаков, характеризующих конструкцию могил, расположение погребенных и их ориентировку, особенности надмогильной конструкции позволило выделить несколько типов погребальных памятников элиты кочевников Самаро-Уральского региона.

1. Чаще всего, одиночные захоронения, совершенные в простых грунтовых могильных ямах квадратной или прямоугольной в плане формы. Встречаются коллективные захоронения. Прямоугольные ямы ориентированы длинной осью по линии запад-восток, квадратные – сторонами по сторонам света. Ямы перекрыты в основном деревянными накатами, хотя встречаются надмогильные сооружения в виде срубов. Характерно расположение умерших по продольной оси могилы головой в западном или восточном направлениях²⁶. Встречаются захоронения

²⁶ В нескольких погребениях данной группы не определена ориентировка погребенных, однако фиксируется сильная связь западного и восточного направлений ориентировки погребенных с обычаем погребать в простых грунтовых могилах

коней на горизонте к югу от могилы (Табл. 1, рис. 1, 1-12). В выборке данный тип представлен 17 погребениями (34,7 %) ²⁷.

2. Коллективные и одиночные захоронения, совершенные в простых грунтовых могильных ямах квадратной или прямоугольной в плане формы. Прямоугольные ямы ориентированы длинной осью по линии север-юг, квадратные – сторонами или углами по сторонам света. Могилы перекрыты сложными полами надмогильными конструкциями в виде срубов, шатров и настилов из радиально расходящихся плах. Погребенные располагаются головами в южном направлении. Встречаются захоронения коней на горизонте к югу от могилы (Табл. 1, рис. 2, 1-3). В выборке данный тип представлен пятью погребениями (10,2 %).

3. Захоронения в «мавзолеях» из сырцовых кирпичей. Иногда «мавзолеи» перекрывали деревянными радиально расходящимися плахами, которые упирались в глиняный вал. Вал имел проход. Мавзолеи сжигали. Зафиксирована ориентировка погребенных как в южном, так и в западном направлениях. Захоронения совершались в простых, дромосных ямах, на уровне древней поверхности* (Табл. 1, рис. 2, 4-6). В выборке тип представлен шестью погребениями, что составляет 12,2 % рассматриваемой выборки.

4. Захоронения на уровне поверхности, либо на настилах в сложных надмогильных конструкциях, представляющих собой преимущественно четырехугольные или многоугольные срубы (Табл. 1, рис. 3, 1-7). В выборке к этому типу относятся восемь погребений (16,3 %).

5. Коллективные, реже одиночные захоронения, совершенные в могилах, имеющих в плане прямоугольную, квадратную и округлую форму, а также вход-дромос. Могилы перекрывали различными видами сооружений, но наибольшая связь фиксируется с конструкциями шатрового типа. Погребенные лежат параллельно друг другу и ориентированы головами в южном направлении, а также размещены вдоль стенок могилы или бессистемно и ориентированы в разных

²⁷ При вычислении процентного соотношения не учитывалось погребение 2 кургана 1 могильника Покровка II, который в силу значительного разрушения центральной части трудно отнести к какому-либо типу.

[□] Не ясно, каким образом «захоронения совершались в простых, дромосных ямах, на уровне древней поверхности».

направлениях (Табл. 1, рис. 4, 1-11). В выборке этот тип представлен 13 погребениями (26,6 %).

Различия в нормах погребального обряда кочевнической элиты обусловлены, по всей видимости, многокомпонентным этнокультурным составом племен Самаро-Уральского региона. Выделенные типы погребений представляется возможным рассматривать как различающиеся культурные компоненты. Следует обратить внимание на то, каким количеством погребений представлен каждый тип (обрядовая традиция), территориальную локализацию типов и время их наибольшего распространения.

В анализируемой выборке преобладают погребения, связанные с традицией совершения одиночных захоронений в простых ямах, восточной и западной ориентировкой погребенных. Другая достаточно широко распространенная обрядовая традиция представлена коллективными захоронениями в ямах с дромосами. Третьими по степени распространенности являются погребения на уровне поверхности в полых деревянных конструкциях. Эти традиции можно признать доминирующими в субкультуре кочевнической элиты Самаро-Уральского региона в VI-V вв. до н.э. Погребения в простых ямах с южной ориентировкой погребенных, кирпичных мавзолеях представлены меньшим количеством памятников. Не исключен смешанный характер этих обрядовых норм.

Если рассматривать местонахождение выделенных типов погребений, то следует отметить их концентрацию в восточных районах Южного Приуралья: в степях верхнего и среднего течения Урала и его притоков - Илека, Сакмары, Ори. Ярко выражена локализация захоронений на уровне горизонта в наиболее восточных районах южно-уральских степей. Однако какие-либо четко выраженные локальные различия в распространении обрядовых традиций не фиксируются.

Степень распространения выделенных погребальных традиций во времени различается. Начальный период существования каждой из них приходится, по всей видимости, на конец VI в. до н.э. (табл. 1). Однако захоронения в простых ямах с ориентировкой могил и погребенных в широтном направлении, на древнем горизонте и «мавзолеях» имели наибольшее распространение в пределах конца VI

– первой половины V в. до н.э. К рубежу V – IV вв. до н.э. эти обрядовые традиции перестали быть широко распространенными. В конце VI в. до н.э. у элиты кочевников Самаро-Уральского региона появляются нормы захоронения в могилах с дромосами, простых грунтовых ямах с южной ориентировкой погребенных. Во второй половине V - IV в. до н.э. они становятся широко распространенными нормами погребальной обрядности социальной элиты [см., например: Железчиков. 1997, с.81-83].

Обрядовые действия, связанные с захоронениями в простых могильных ямах и западной ориентировкой погребенных, если судить по совокупности критериев (Табл. 2), не могут быть соотнесены с прохоровской культурой, по крайней мере, в ее «традиционном» понимании. Очевидно, что они являются частью культурного комплекса, который ранее назывался «савроматским» [см. Смирнов. 1989, с. 165]. Весь комплекс обрядовых характеристик захоронений на уровне поверхности и в глиняных склепах также трудно рассматривать как «прохоровский». С прохоровской культурой эти обрядовые традиции связывают обычай ориентировать умерших головой в южном направлении и, вероятно, случаи оборудования погребальных конструкций дромосами. Для формирования обрядовых канонов прохоровской культуры наибольшее значение имели погребальные традиции, связанные с захоронениями в дромосных и простых грунтовых ямах с южной ориентировкой погребенных, а также катакомбными и подбойными погребениями, которые в данной статье не рассматривались.

Итак, анализ погребальной обрядности кочевников Самаро-Уральского региона в VI - V вв. до н.э. показал, что данная сфера была в значительной степени ориентирована на символическое выражение статуса социальной элиты этих племен. Обрядовые традиции элиты были неоднородны, что позволяет предположить неоднородность самого этого слоя. Некоторые элементы погребальной обрядности, характерные для прохоровской культуры, следует рассматривать как составную часть субкультуры некоторых групп кочевнической элиты Самаро-Уральского региона этого времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Ведер и др.** 1993. Ведер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. М.
- Воронов, Порохова.** 1992. Воронова С.А., Порохова О.И. Чкаловский курганный могильник // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Гаврилюк, Таиров.** 1993. Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
- Гаман-Голутвина.** 2000. Гаман-Голутвина О.В. Политическая элита: определение основных понятий. // Полис. № 3.
- Граков.** 1947. Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. №3.
- Гуцалов.** 2004. Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII – I вв. до н.э. Уральск.
- Гуцалов.** 2007. Гуцалов С.Ю. Кочевники Южного Приуралья в системе культур скифского времени Восточной Европы: общее и особенное // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград.
- Гуцалов.** 2007а. Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. Магнитогорск. №.2..
- Гуцалов.** 2008. Гуцалов С.Ю. Материалы раскопок курганов могильника Лебедевка II в 2002 г. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. Науч. Конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 21 -25 апреля 2008 г. Оренбург.
- Гуцалов.** 2009. Гуцалов С.Ю. Погребения скифской эпохи могильников Лебедевка II-III // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10.
- Гуцалов.** 2009а. Гуцалов С.Ю. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар (Южное Приуралье) // РА. №3.

Железчиков. 1997. Железчиков Б.Ф. Анализ сарматских погребальных памятников // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск II: Раннесарматская культура (IV – I вв. до н.э.). М.,

Железчиков, Пшеничнюк. 1994. Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Племена Южного Приуралья в VI-III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13 – 16 сентября 1994 года. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета.

Железчиков, Клепиков, Сергацков. 2006. Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI – II вв. до н.э.). М.

Заседателева. 1985 Заседателева С.Н. Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №4444/1.

Зданович, Хабдулина. 1986. Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Зуев. 1998. Зуев В.Ю. К истории сарматской панолии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции. Спб.

Зуев. 1999. Зуев В.Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Спб.,

Кадырбаев. 1984. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука.

Кадырбаев, Курманкулов. 1976. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.

Кадырбаев, Курманкулов. 1977. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата.

Кадырбаев, Курманкулов. 1978. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. №154.

Моргунова, Трунаева. 1993. Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы левобережного Илека. М.

- Мошкова.** 1962. Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. № 115. М.
- Мошкова.** 1963. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Д1-10. М.
- Мошкова.** 1972. Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. № 153. М.
- Мошкова.** 1974. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.
- Мошкова.** 2007. Мошкова М.Г. По поводу статьи Л.Т.Яблонского «Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья)» // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград.
- Мошкова, Железчиков, Кригер.** 1979. Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет об археологических в Уральской области в 1979 г. // Архив Уральского областного музея краеведения. № 4459/49
- Наронская.** 2009. Наронская А.Г. Методологические аспекты изучения феномена элиты // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург. №3 (69). 2009.
- Пшеничнюк.** 1983. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.
- Савельева, Смирнов.** 1972. Савельева Т.Н., Смирнов К.Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. № 3.
- Скифы.** 2007. Скифы западного Казахстана. Алматы.
- Скарбовенко.** 2005. Скарбовенко В.А. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки I // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М.,
- Скрипкин.** 1990. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Скрипкин. 2007. Скрипкин А.С. Раннесарматская культура (проблема периодизации и терминологии) // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград.

Смирнов. 1964. Смирнов К.Ф., Савроматы. М.

Смирнов. 1975. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.

Смирнов. 1977. Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Смирнов. 1978. Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Смирнов. 1981. Смирнов К.Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.

Смирнов. 1984. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Смирнов. 1989. Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Таиров. 2000. Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск.

Таиров. 2004. Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7-2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории. Краснодар.

Таиров. 2009. Таиров А.Д. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V – начале IV в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград.

Таиров, Боталов. 1988. Таиров А.Д., Боталов С.Г. Курганы у с. Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Таиров, Гаврилюк. 1988. Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Хабдулина, Малютина. 1982. Хабдулина М.К., Малютина Т.С. Погребальный комплекс V-IV вв. до н.э. из Челябинской области // КСИА. Вып. 170.

2007. Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград.

Табл. 1. Погребения социальной элитой кочевников Самаро-Уральского региона.

п/п	Наименование памятника	Дата комплекса	Публикация памятника и даты, обоснование даты
Тип. 1. Захоронения в простых ямах с западной или восточной ориентировкой погребенных (рис. 1, 1–12).			
1.	Аландский III, к.5	конец VI - начало V в. до н.э.	Мошкова, 1972. С. 68 Кадырбаев, Курманкулов, 1978. С. 69-70
2.	Бесоба, к. 3	рубеж VI -V в. до н.э.	Моргунова, Трунаева, 1993. С.15 - 17
3.	Покровка II, к. 2	Конец VI - V в. до н.э.	Смирнов, 1975. С. 36, 37
4.	Пятимары I, к.9, п.3	конец VI - нач. V в. до н.э.	Смирнов, 1975. С. 41,42
5.	Тара-Бутак, к. 2, п. 3	руб. VI - V вв. до н.э.	Смирнов, 1981. С. 76,78
6.	Три Мара, к. 3	VI, руб. VI - V вв. до н.э.	Зеркало с бортиком и петелькой на обратной стороне.
7.	Четыре Мара, к. 4	VI в. до н.э. конец VI- начало V в. до н.э.	Воронова, Порохова, 1992. Псалии, стрелы, обоймы сбруи.
8.	Чкаловский, к. 4, п.2	н.э.	Гуцалов, 2009. С.310-312
9.	Лебедевский II, к. 8, п. 1	конец VI - V в. до н.э.	Гуцалов, 2009. С.310-312
10.	Лебедевский II, к. 9	конец VI - V в. до н.э.	Смирнов, 1975. С. 26, 28
11.	Пятимары I, к.6, п.4	начало V в. до н.э.	Смирнов, 1975. С.22
12.	Пятимары I, к.4, п.3	Начало V в. до н.э.	Мошкова, 1962. С. 210,223-226
13.	Ново-Кумакский, к. 6, п. 1	V в. до н.э.	Смирнов, 1977. С.12
14.	Ново-Кумакский (Орские), к. 5, п. 3	V в. до н.э.	Железчиков и др., 2006. С. 37, алтарь.
15.	Лебедевский V, к.27, п. 2	V в. до н.э.	Смирнов, 1964. Рис.38, с. 58
16.	Ак-Булак, «хутор Веселый»	Рубеж V-IV вв. до н.э.	Пшеничнюк, 1983. С. 38, рис. 10, табл.
17.	Ивановский III, к.2	?	XXVIII, 7

п/п	Наименование памятника	Дата комплекса	Публикация памятника и даты, обоснование даты
Тип. 2. Захоронения в простых ямах с южной ориентировкой погребенных (рис. 2, 1-3).			
18.	Сынтас I, к.1, п.1	конец VI - начало V в. до н.э.	Кадырбаев, Курманкулов, 1976. С. 103
19.	Лебедевский III, к. 1	конец VI - V в. до н.э.	Гуцалов, 2008. С.39-45
20.	Пятимары I, к. 8, п. 1	начало V в. до н.э.	Смирнов, 1975. С. 35
21.	Три Мара, к. 4, п. 2	V в. до н.э.	Смирнов, 1981. С.81-82
22.	Тавлыкаевский IV, к. 4	рубеж V - IV вв. до н.э.	Пшеничнюк, 1983. Табл. LIV, 19. Мечи, бронз. наконечники стрел
Тип. 3. Захоронения в мавзолеях из сырцовых глиняных кирпичей (рис. 2, 4-6).			
23.	Илекшар I, к. 1, п. 4	конец VI – середина V в. до н.э.	Гуцалов, 2009а. С.72 - 78
24.	Кырык-Оба II, к. 16	первая половина V в. до н.э.	Скифы западного..., 2007. С. 73-84;
25.	Кырык-Оба II, к. 18	первая половина V в. до н.э.	Гуцалов, 2007а. С. 89 Скифы западного..., 2007. С. 73-84;
26.	Кырык-Оба II, к. 19	первая половина V в. до н.э.	Гуцалов, 2007а. С. 89 Скифы западного..., 2007. С. 73-84;
27.	Лебедевка II, к. 6	первая половина V в. до н.э.	Гуцалов, 2007а, С. 89
28.	Березки I, к. 5	V, рубеж V- IV вв. до н.э	Скифы западного..., 2007. С. 73-84; Гуцалов, 2007а. С.89 Скарбовенко, 2005. С. 382-393
Тип. 4. Захоронения на уровне горизонта в деревянных сооружениях (рис. 3, 1-7)			
29.	Курган у с. Варна	вторая половина VI в. до н.э	Таиров, Боталов, 1988. С. 107
30.	Альмухаметовский, к.8	н.э	Пшеничнюк, 1983. Табл. XXXIII,

п/п	Наименование памятника	Дата комплекса	Публикация памятника и даты, обоснование даты
31.	Альмухаметовский, к.14	конец VI - V в. до н.э. Вт. пол V - начало IV в. до н.э.	псалий, пронизи, пряжка, алтарь Пшеничнюк, 1983. Табл. XXXVII, 2,
32.	Бесооба, к.1	конец VI - V в. до н.э.	зеркало Кадырбаев, 1984. С.91; Кадырбаев,
33.	Бесооба, к.9	конец VI - V в. до н.э.	Курманкулов, 1977.С.113 Кадырбаев, 1984. С.91; Кадырбаев,
34.	Тара-Бутак, к. 3	конец VI - V в. до н.э. рубеж VI - V вв. до н.э.	Курманкулов, 1977.С.113 Смирнов, 1975. С. 42 - 44 Пшеничнюк, 1983. Табл. XLIII, 1 -11,
35.	Сибайский II, к. 12	V в. до н.э.	34-35, наконечники стрел Пшеничнюк, 1983. Табл. XXVIII, 4-5,
36.	Ивановский III, к. 1	?	11, с. 37-38
Тип. 5. Захоронения в дромосных ямах с южной ориентировкой погребенных (рис. 4, 1–11).			
37.	Обручевский, к. 2, п. 1	кон. VI – начало V в. до н.э.	Гаврилюк, Таиров, 1993. С. 65
38.	Климовский большой	конец VI - V в. до н.э. кон. VI – первая пол. V в.	Таиров, 2004. С. 3, рис. 3
39.	Мечет-Сай, к. 2, п.2	до н.э.	Смирнов, 1975. С. 90 Пшеничнюк, 1983. Табл. XLVII, 1;
40.	Переволочанский, к. 3	кон. V – IV в. до н.э.	Смирнов, 1964. С.159.
41.	Ново-Кумакский, к. 26, п. 2	кон. VI – V вв. до н.э.	Смирнов, 1977. С.42
42.	Уркач I, к. 3	вт. пол.V в. до н.э., руб.	Гуцалов, 2004. Табл. 7, 14, котел,

п/п	Наименование памятника	Дата комплекса	Публикация памятника и даты, обоснование даты
43.	Новоорский I, к. 10, п.1	V–IV в. до н.э. конец V - начало IV в. до н.э.	зеркало, алтарь Заседателева, 1985. Рис. 29. Псалии. Смирнов, 1978. С.61, Савельева,
44.	Ново-Кумакский, к. 1, п. 3	н.э. вт. пол. V – IV, IV в. до н.э.	Смирнов, 1972. С. 110,115-116 Зданович, Хабдулина, 1986. С. 62, 63;
45.	Темир	н.э.	Таиров, 2000, табл.56-58
46.	Лебедевский V, к. 9, п.5	V–IVвв. до н.э.	Железчиков и др., 2006. С. 37-38 Мошкова и др., 1980. С. 67;
47.	Лебедевский VII, к. 16, п.7	Vв. до н.э, IV в. до н.э.	Железчиков и др., 2006. С. 37-38
48.	Березовский, к. 1	Рубеж V- IVвв. до н.э	Хабдулина, Малютина, 1982. С. 79
49.	Ивановский I, к.2, п.2	?	Пшеничнюк, 1983. С. 35-36, рис. 9
Неопределенные			
50.	Покровка II, к. 1, п. 2	VI - начало V в. до н.э.	Веддер и др., 1993. С. 18 -25

К статье В.Н.Мышкина

Подписи к рисункам:

Рис. 1. Погребения социальной элиты первого типа: 1 – Аландский III, курган 5; 2 – Ново-Кумакский (Орские), курган 5, погребение 3; 3 – Тара-Бутак, курган 2, погребение 3; 4 – Три Мара, курган 3; 5 – Ново-Кумакский, курган 6, погребение 1; 6 – Бес-оба, курган 3; 7 – Пятимары I, курган 9, погребение 3; 8 – Чкаловский, курган 4, погребение 2; 9 – Пятимары I, курган 6, погребение 4; 10 – Лебедевский II, курган 8, погребение 1; 11 – Лебедевский II, курган 9; 12 – Ивановский III, курган 2.

Рис. 2. Погребения социальной элиты второго (1-3) и третьего (4-6) типа: 1 – Сынтас I, курган 1, погребение 1; 2 – Три Мара, курган 4, погребение 2; 3 – Пятимары I, курган 8, погребение 1; 4 – Березки I, курган 5; 5 – Илекшар I, курган 1, погребение 4; 6 – Лебедевский II, курган 6.

Рис. 3. Погребения социальной элиты четвертого типа: 1 – Ивановский III, курган 1; 2 – Бес-оба, курган 9; 3 – 4 – Тара-Бутак, курган 3; 5-7 – курган у с. Варна; 6 – Альмухаметовский, курган 8.

Рис. 4. Погребения социальной элиты пятого типа: 1 – Большой Климовский курган; 2 – Обручевский, курган 2, погребение 1; 3 – Мечет-Сай, курган 2, погребение 2; 4 – Ново-Кумакский (Орские), курган 26, погребение 2; 5 – Переволочанский, курган 3; 6 – Лебедевский V, курган 9, погребение 5; 7 – Уркач I, курган 3; 8 – Ивановский I, курган 2, погребение 2; 9 – Лебедевский VII, курган 16, погребение 7; 10 – Темир; 11 – Ново-Кумакский, курган 1, погребение 3

Список сокращений к статье В.Н.Мышкина

ВДИ – Вестник древней истории

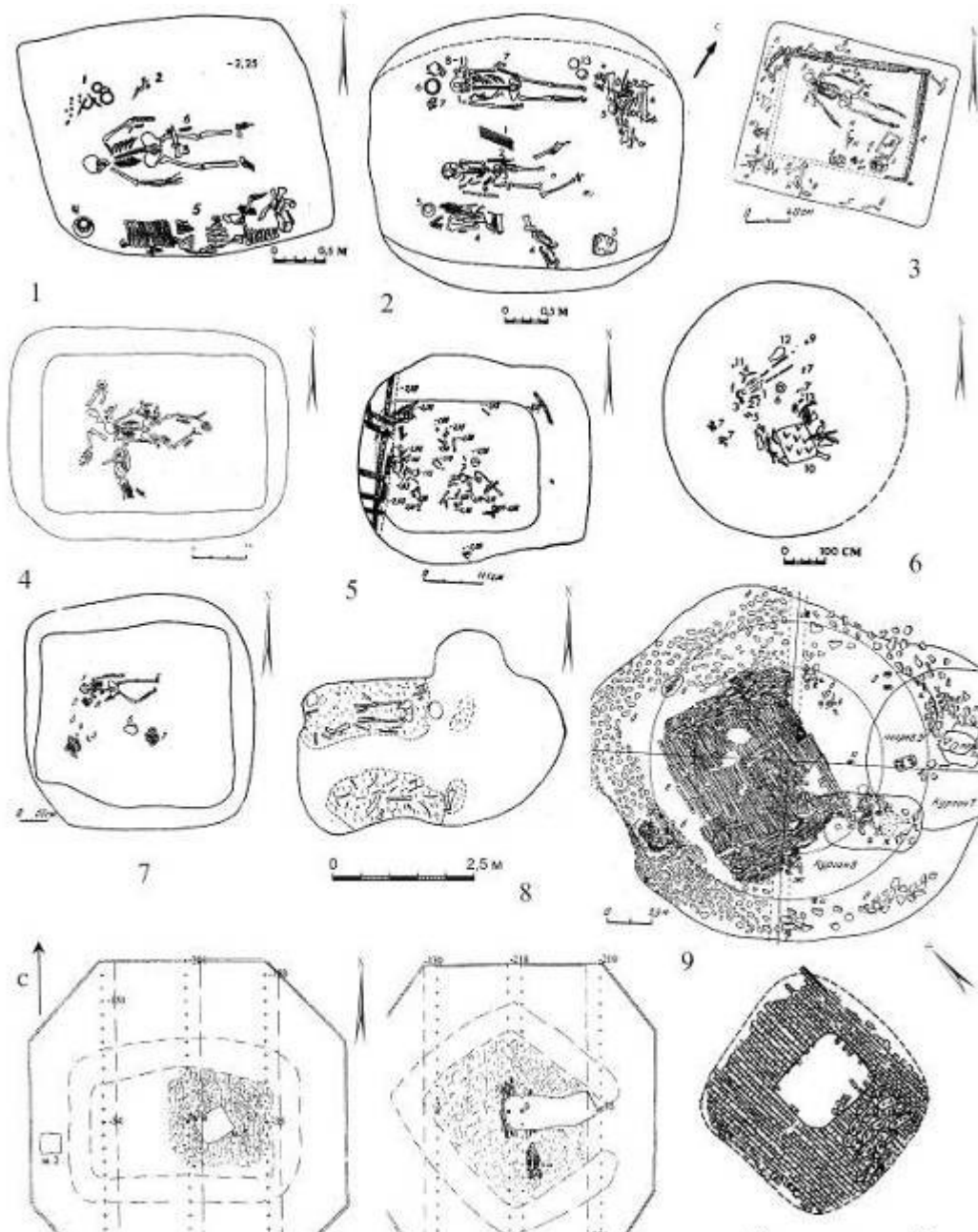
КСИА – Краткие сообщения Института археологии

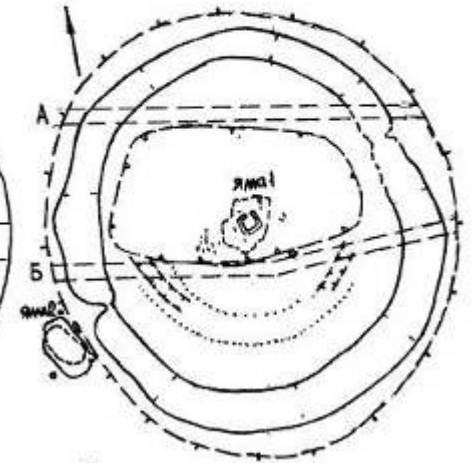
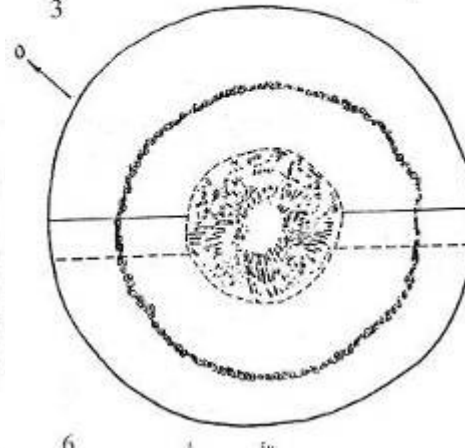
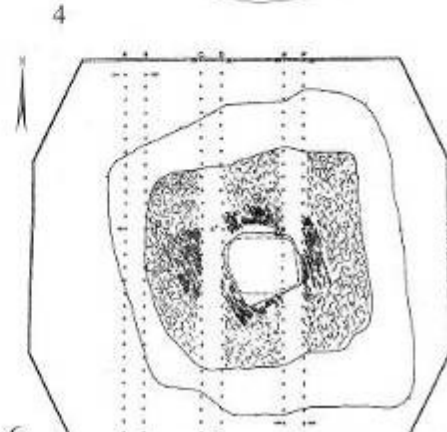
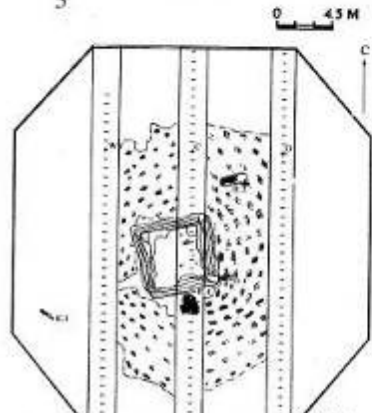
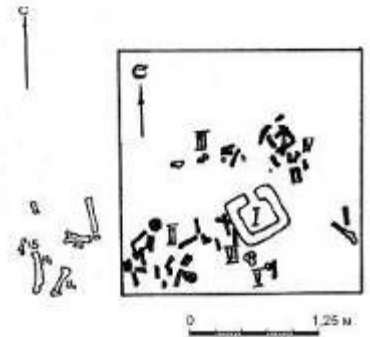
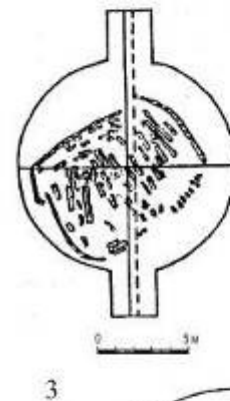
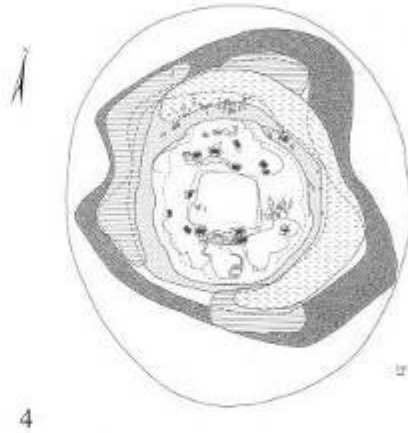
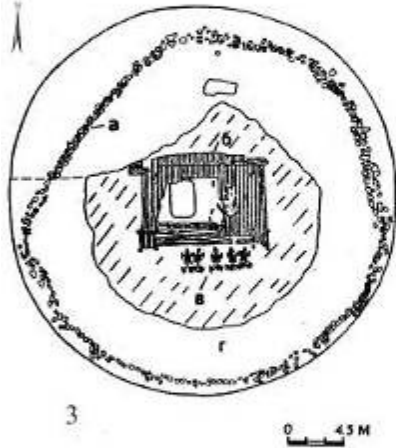
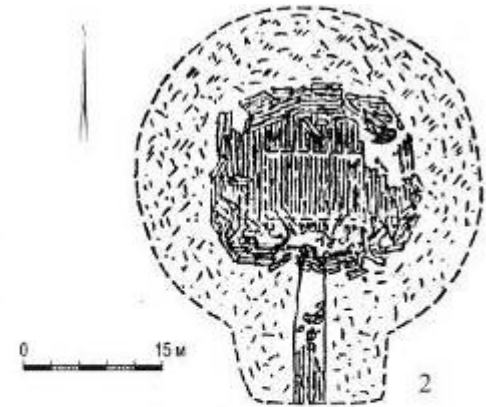
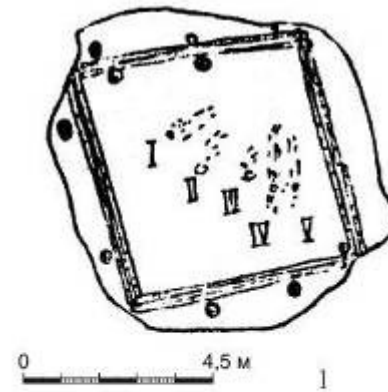
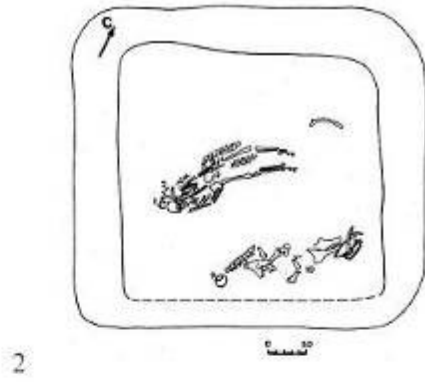
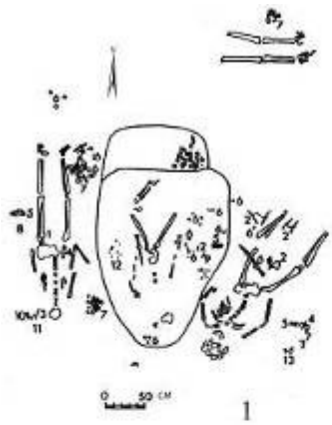
МИА – Материалы и исследования по археологии

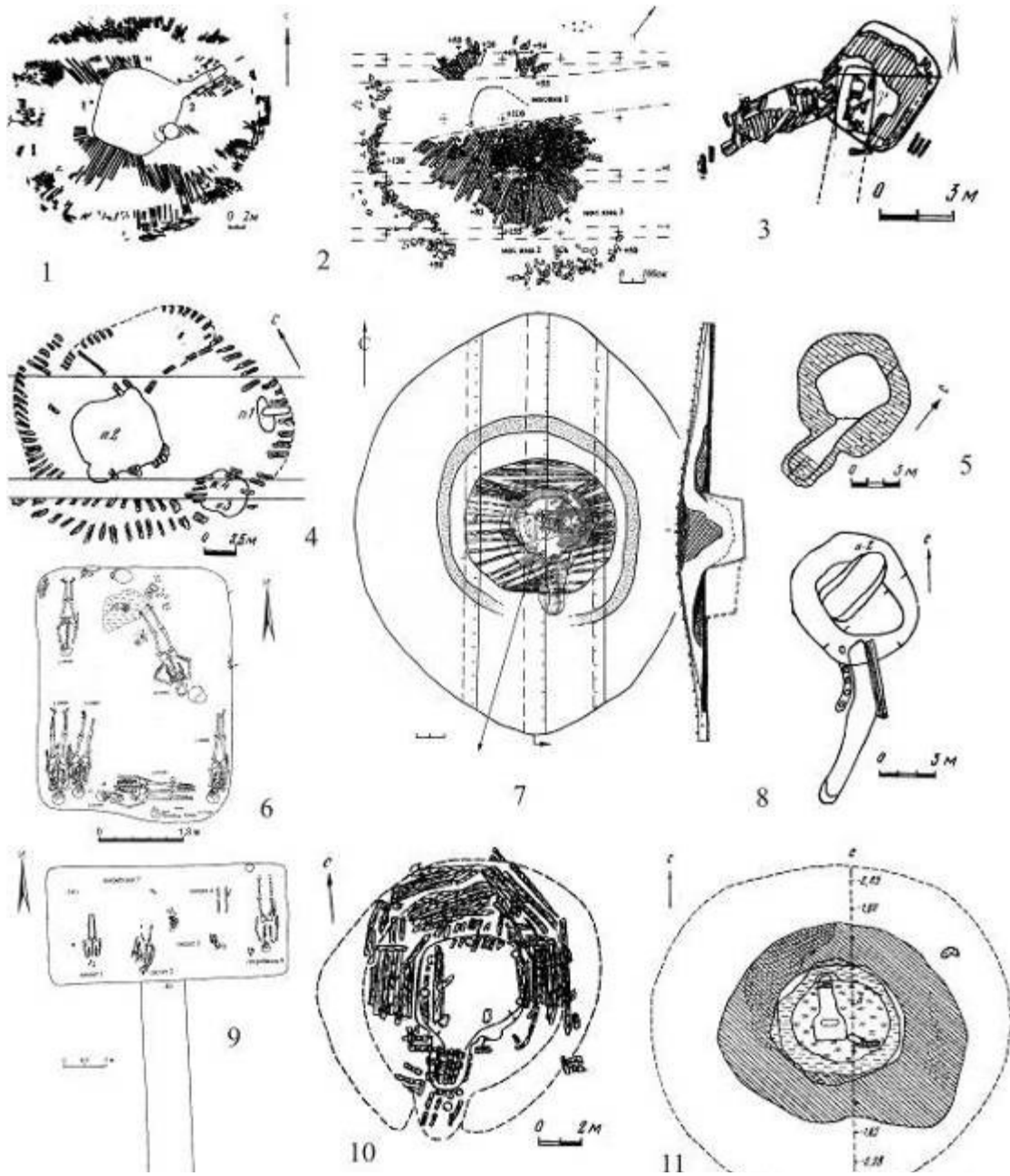
Автор	Отличительные черты погребальных памятников прохоровской культуры Волого-Уралья.
Граков Б.Н., 1947. Российская археология	Каменные кучи над погребениями и обожженные глиняные площадки на горизонте, иногда кострища и сожжение тризны в насыпи, перекрытия из бревен, жердей, хвороста, редкие катакомбы, ямы с меридианальной ориентировкой. Запечки для перекрытия, обильная посыпка мела или белой глины, южная ориентировка погребенных, подстилка, отсутствие гробов, крупные части баранов, лошадей, коров, редкость обезглавленных туш баранов и лошадей.
Мошкова М.Г., 1963. С.19-24; 1974, с.10,11	Господство меридиональной ориентировки могил, южная ориентировка погребенных, изменение соотношения типов могил (увеличение числа удлиненно-прямоугольных грунтовых и подбойных могил, могил с запечками, появление гробов в
Жлезчиков Б.Ф., 1997. С. 80-84.	Для раннесарматской культуры IV-III вв. до н.э. характерно: III-II вв. до н.э., посыпка мелом или белой глиной, отсутствие увеличения количества впускных погребений, в большинстве случаев - отсутствие внутрикурганных сооружений, уменьшение баранов, размещение в могилах отдельных кусков туш числа находок в насыпи курганов, значительное количество животных: ноги с лопаткой, грудной части, хребта.
Смирнов К.Ф., 1964. С. 286; 1984. С.17; 1989. С. 169 – 170.	Подобные и катакомбные погребения, могилы с подобными могилами, относительно широкое распространение могил с дромосами, практически полное отсутствие захоронений запечками, южная ориентировка погребенных, тенденция к на горизонте, господство южной ориентировки погребенных, диагональному расположению погребенных, подкурганные ноги барана с лопаткой как заупокойная пища, значительное каменные выкладки в виде колец и площадок, обязательное уменьшение случаев поменения целых туш животных в присутствии в заупокойной пище передней ноги барана
Таиров	Южная ориентировка погребенных, побойные и катакомбные как заупокойной пища
А.Д., Гаврилюк	погребения, широкие грунтовые могильные ямы, надмогильные каменные сооружения, дромосные гробницы с коллективными

САИ – Свод археологических источников

Табл. 2. Отличительные черты погребальных памятников прохоровской культуры Волого-Уралья.

Очир-Горяева М.А.
(Элиста.Калмыкия.КИГИ РАН)

О планиграфии курганов Южного Приуралья позднескифской эпохи.*

Согласно фундаментальной культурно-хронологической периодизации кочевнических памятников Восточной Европы скифо-сарматского времени, разработанной в трудах Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова, древности Нижнего Поволжья и Южного Приуралья скифской эпохи рассматривались как относящиеся к савроматской археологической культуре и, как имеющие прямое отношение, прежде всего, к сарматам, их истории и культуре. Не случайно основное исследование по нижеволжскому и южноприуральскому регионам называлось «Савроматы. Ранняя история и культура сарматов» [Смирнов. 1964]. В скифо-сарматской археологии господствовала точка зрения, что в недрах культуры скифского эпохи, так называемой «савроматской» культуры Южного Приуралья в 4 веке до н.э сформировалась новая прохоровская или раннесарматская культура. Для первой была характерна широтная, западная ориентировка погребенных, а для прохоровской меридиональная, южная [Граков. 1947, с. 100-121, Смирнов. 1964; Мошкова. 1974]. Позднее на материалах ряда памятников было зафиксировано смешение и сосуществование прохоровских и более ранних элементов погребального обряда (южная ориентировка, катакомбы) и материальной культуры (круглодонная керамика, наконечники стрел с опущенными шипами и т.д) [Пшеничнюк. 1983, с. 126-132; Очир-Горяева. 1993а, с. 72-78]. Это позволило удревнить начало прохоровской культуры до второй половины VI века до н.э. [Таиров. 2000, с. 16-28]. Чисто логически этот факт свидетельствует что, памятники Южного Приуралья скифской эпохи были «прохоровскими» или «раннесарматскими» практически с самого их начала. Выделены

□ Сохранена стилистика автора (Прим. ред.)

несколько этапов этой культуры – древнепрохоровская* (вторая половина VI – V вв до н.э.), раннепрохоровская (конец V - IV вв до н.э.), прохоровский (III- первая половина II в до н.э.) и позднепрохоровский (II – I вв до н.э.). Отличие новой схемы от прежней заключается в удревнении начала сложения прохоровской культуры [Таиров. 2000, с. 16-28]. Высказано другое предложение назвать культуру VI-IV вв до н.э. Филипповской, а к прохоровской отнести только памятники II-I веков до н.э. [Зуев. 2000, с. 85-105].

По данным последних исследований, считается, что богатые погребения с южной ориентировкой в дромосных могилах принадлежали пришлой военно-жреческой аристократии. Их погребальный обряд постепенно перенимался местным рядовым населением и поэтому во второй половине V века до н.э. и позднее количество памятников с южной ориентировкой увеличивается [Таиров. 2000, с. 18]. К сожалению, предположение А.Д.Таирова не подкреплено анализом археологического материала и поэтому это очень красивая реконструкция остается в области предположений. Работа с конкретным материалом все же склоняет меня к мысли, что культура населения Южного Приуралья; несомненно, претерпела изменения за два с небольшим века, а именно, со второй половины VI века до н.э. - IV век до н.э. Однако, эти изменения носили не принципиальный характер и были различным выражением одной и той же идеи, как в погребальном обряде, так и в материальной культуре. Об этом свидетельствует корреляционная таблица типов наконечников стрел и уздечных наборов. Деление на три стилистические группы уздечных и колчаных наборов Южного Приуралья довольно четкое. Каждая из групп обладает своими диагностическими признаками, в то же время в составе всех трех групп, имеются наборы, сочетающие признаки своей группы с признаками уже следующей группы. Это является надежным показателем преемственности и этно-культурной гомогенности [Очир-Горяева. 1993, с. 72-78; 2006, с. 84-106].

□ Напомним, что у А.Д.Таирова в данном контексте речь идет о периодизации памятников Зауралья. (Прим. ред.)

Данная статья посвящена особенностям погребального обряда, так называемых поздних памятников Южного Приуралья скифской эпохи, которые наиболее близки местным и нижнедонским раннесарматским памятникам .

Организация надмогильного пространства.

Особенностью погребальных памятников Южного Приуралья является довольно сложная организация надмогильного пространства. Центральная часть кургана так или иначе выделялась от остальной подкурганной площади. В большинстве случаев, территория вокруг центральной могилы была отделена валом из материковой глины с разрывом с южной стороны. Максимальная высота вала всегда была зафиксирована с северной стороны, а с южной стороны ближе к перемычке высота вала заметно понижалась. Получается, что с восточной и западной сторон вал был одинаковым, то есть в широтном направлении конструкция была симметричной. В меридиональном направлении явно было подчеркнуто различие. С южной стороны вал сходил на нет и имел разрыв, а с северной стороны он, напротив, был закрыт и возвышался, то есть меридиональная ось кургана поднималась с юга на север.

Все авторы раскопок отмечают, что валы южноприуральских курганов были сооружены из твердой материковой глины. Зачастую глина вала была прочно сцементирована, так что вал имел очень четкие контуры. Поэтому состав вала никогда не смешивался с остальным грунтом насыпи. Вполне возможно, что глина для вала специально подготавливалась. В ряде курганов, как правило, датирующихся 5 веком до н.э. прослеживаются каменные кольца по периметру кургана или в центре кургана. Вполне, возможно, прочный как камень глиняный вал более поздних курганов (V-IV вв до н.э.) заменял эти каменные кольца.

По моим подсчетам, каменные сооружения в насыпи имели 17,9% южноуральских курганов [Очир-Горяева. 1987, с. 35-53]. Таким образом, можно полагать, что вал из материковой глины стремились сделать наиболее прочным, как кольцо из камней (рис.1). Идея радиальной замкнутости кургана воплощалась на разных хронологических этапах по-разному. В ранних памятниках радиальные конструкции сооружались из камней, позднее эта же идея была воплощена путем сооружения прочного вала из сцементированной глины.

В некоторых случаях валы не были прослежены, но центр кургана был выделен расстеленным на древнем горизонте слоями камыша, куги, в ряде случаев почва была в центре кургана вокруг центральной ямы была срезана, спланирована. По классификации В.Н. Мышкина, в надмогильном пространстве южноприуральских курганов фиксируются следующие конструктивные элементы, выделяющие центр кургана: кольцевая каменная крепида, сплошная каменная вымостка под насыпью, кольцевой глиняный вал, глиняная площадка в центре, подрезка почвы вокруг центрального погребения, слои куги, камыша на древнем горизонте [Мышкин. 1999, с 218, табл. 8].

Надмогильная планиграфия южноприуральских курганов явно двухчастная. Так или иначе, выделяется центральная часть кургана и его периферийная часть. При этом периферийная часть на плане кургана обрамляет центральную часть. Этой же радиальной планиграфии подчинено расположение погребений в южноприуральских курганах.

Центральное погребение всегда расположено строго по центру кургана. Впускные погребения расположены по периметру, за пределами центральной части кургана, радиально по отношению к центральному погребению

Взаиморасположение погребений в южноприуральских курганах подчеркивает, что место впускных погребений в периферийной части кургана – вокруг центрального погребения, по периметру кургана (рис.4).

Радиальность организации надмогильного пространства подчеркивается тем, что расположенное в центре кургана основное погребение зачастую было также выделено: возвышением в виде наброски камней, плиты или деревянным

надмогильным сооружением. Центральные погребения южноприуральских курганов зачастую имели прямоугольное низкое сооружение, либо перекрытие из слоев бревен, либо деревянное сооружение радиальной конструкции²⁸, опиравшееся на кольцевой вал из материковой глины. В Южном Приуралье такие курганы составляют 41,2%.

Таким образом, в плане курганы Южного Приуралья напоминали сарматские зеркала с выделенным центром и концентрическими рельефными валиками или прочерченными линиями, один из них отделял центральную часть, а второй обрамлял край зеркала. Получается, в плане южноприуральские курганы были радиальными, двучастными с выделенным, иногда в виде конуса, иногда другими видами надмогильных сооружений, центром. Основное погребение находилось всегда в центре кургана. Дромосы могильных ям были направлены на юг, как ручки-штыри сарматских зеркал.

Радиальность организация надмогильного пространства не была полностью замкнутой. Внешние конструкции, такие, как каменные кольца по периметру кургана или деревянные надмогильные конструкции были замкнутыми. Также сплошной была площадка вокруг центральной могилы, будь она глиняная, будь она выстлана корой, камышом, а также, если поверхностный слой вокруг центральной могилы был срезан и спланирован. То есть перечисленные конструкции, обрамлявшие территорию всего кургана или выделяющие центральную часть кургана, были замкнуты радиальными.

Несколько иначе обстояло дело с валами из материковой глины, выложенных вокруг центра кургана. Они всегда имели один разрыв – на юге. Именно в этот разрыв были направлены дромосы больших и просторных квадратной

²⁸ Сооружения радиальной конструкции представляют собой остатки бревен, расположенных радиально к центру кургана, опирающихся на глиняный вал вокруг могилы. За этим видом надмогильного сооружения закрепилось название «шатровое», которое не совсем отражает его суть. Бревна в этих конструкциях были положены радиально от центра, но конструкция оставалась почти плоской, потому что внешние концы бревен опирались на вал из материковой глины, высотой не более 0,5 м, а концы, обращенные в к центру, были незначительно, на 10-20 см, приподняты и опирались на земляной холмик, каменную наброску и т.д. над могилой.

формы могильных ям. В кургане 10 могильника Переволочаны и в курганах 1 и 3 Филипповки* вал материковой глины имел два разрыва с севера и юга. В кургане 6 Филипповки одна перемычка была на юге, а вторая была расположена со смещением на восток и располагались на северо-востоке [Мажитов, Пшеничнюк. 1995, с. 78-93. Рис. 10; 11; Пшеничнюк. 1983, с.32]. К разряду курганов со смещенной планиграфией можно отнести курган 3 могильника Сара. В этом кургане основная могила была расположена в центре, у южного края ямы были совершены захоронения двух лошадей. В то же время разрыв в глиняном валу был значительно смещен и находился на юго-востоке. Дромос был направлен в разрыв в глиняном валу и поэтому был ориентирован не на юг, как в большинстве южноприуральских курганов, а на юго-восток. В результате получается, что меридиональная ось от дромоса к могиле в кургане 3 Сара проходила не по линии север-юг, а по линии юго-восток – северо-запад. Во всех остальных деталях погребальный обряд и инвентарь из кургана 3 Сара ничем не выделялись среди однокультурных памятников Южного Приуралья. Курган 13 Филипповки также можно отнести к курганам со смещенной планиграфией, так как дромос ямы был направлен на юго-восток и поэтому не был направлен в разрыв в глиняном валу с южной стороны (Рис.3). Надо полагать, что наряду с традиционной планиграфией, в Южном Приуралье существовали курганы со смещенной на юго-восток меридиональной осью.

Как уже отмечалось выше, впускные погребения в курганах, всегда расположены полукругом, с обеих: восточной и западной сторон центральной ямы, при этом они никогда не были расположены **строго на юге или строго на севере от нее**. Факт этот можно понимать так, что, согласно представлениям древнего населения, было неположено закрывать север и юг, где располагались разрывы, подразумевающие входы-выходы из центра кургана. Направление строго на север и строго на юг, должны были оставаться свободными (рис.4).

□ Здесь и далее имеется в виду могильник Филипповка 1 (Прим. ред.)

Воздушные каналы и входы в центр кургана.

Меридиональной ориентированности подчинено расположение так называемых воздушных колодцев из центра кургана. Воздушные колодцы были открыты и названы так В.А.Скарбовенко при исследовании кургана 5 могильника Березки-1 [Скарбовенко. 2005, с. 382-393]. Благодаря хорошей сохранности сырцовой кладки, в этом кургане удалось твердо установить наличие околмогильного пространства, перекрытого деревянной радиальной надмогильной конструкцией и внешней стеной из вала вокруг могилы. По материалам курганов без сырцовой кладки, наличие околмогильного полого пространства под насыпью кургана, только предполагалось. Для вентиляции этого пространства и использовались воздушные колодцы (рис.5). В расположении воздушных колодцев имеется одна особенность, не замеченная В.А.Скарбовенко, они расположены только с северной и южной стороны, хотя воздушный канал, из которого они были выведены, был кольцевым. То есть расположение воздушных колодцев было также подчинено закономерности расположения на меридиональной оси кургана. В насыпи кургана 1 Покровки-2 были зафиксированы 10 ям, выкопанных с поверхности насыпи до уровня древнего материка или несколько заглубленных в него. Размеры ям за исключением двух стандартные 170-150 x 70-40 см. Ямы 8 и 10 были округлыми в плане диаметром 40-50 см. Заполнение у всех ям одинаковое – чистая однородная супесь с примесью угольков, золы и древесного тлена. Четыре ямы были расположены с южной, вернее юго-восточной стороны от центра, а остальные шесть ям на севере от центра кургана [Веддер и др., 1993, с. 22-23]. Авторы раскопок интерпретировали их как грабительские шурфы. Однако, обращает на себя внимание стандартность этих ям, количество и расположение только с севера и юга от центра кургана. Обращает на себя внимание их заполнение, оно аналогично заполнению подземных

ходов-штолен из Филипповских курганов – однородная чистая супесь. Эти ямы явно имели ритуальный характер и служили либо воздушными колодцами, либо входами в надмогильное пространство, образованное валом и радиальной деревянной конструкцией. Чистое заполнение их свидетельствует о том, после использования они были засыпаны чистым суглинком с угольками и золой - символами очищения огнем. Древесный тлен мог остаться от деревянной облицовки стен этих ям, которые могли быть решетчатыми, если ямы служили воздушными колодцами.

Расположение тризны в надмогильном пространстве.

Следы поминальной тризны в курганах Южного Приуралья представлены немногочисленными костями животных и встречаются далеко не в каждом кургане. От общего числа курганы с поминальной тризной составляют всего лишь 22,3 % [Очир-Горяева. 1987, с. 33]. Следы тризн в южноприуральских курганах зафиксированы на уровне древней поверхности у края деревянного сооружения в специальных углублениях, либо вокруг могилы. При этом, наблюдается преимущественное расположение тризны в северной и южной частях кургана. Получается тризна совершалась в центре, над могилой и затем вокруг могилы на севере и на юге, напротив углов ямы. То есть, поминальная тризна в южноприуральских курганах приурочена к центру кургана и к углам могильной ямы - на севере и на юге от нее. Это обстоятельство можно понимать, что тризны совершались также на меридиональной оси кургана.

Подземные ходы-штольни.

В кургане 13 Филипповского могильника были обнаружены подобные скифским и сакским узкие и длинные подземные ходы* [Очир-Горяева. 2009, с. 9-28; 2009а, с. 303-313], которые авторы раскопок также склонны интерпретировать как ритуальные. Курган 13 по всем признакам не отличался от других курганов Филипповского некрополя, характерными для которых является отсутствие глубокого рва у подножия, парциальные захоронения коней у южной полой кургана, кольцевой валик из материкового грунта вокруг могильной ямы с разрывом с южной стороны, деревянная надмогильная радиальная конструкция, обширная неглубокая могила с дромосом с юго-восточной стороны, с коллективным захоронением и прямоугольной площадкой-жертвенником из материкового грунта в центре ямы. По целому ряду инвентаря погребение датируется 4 веком до н.э.* (рис 3).

При зачистке поверхности погребенной почвы внутри и за пределами кольцевого вала, были выявлены два подземных хода – западный и восточный, которые вели от периферии насыпи кургана в направлении погребальной камеры. **Оба подземных хода были расположены строго перпендикулярно оси камеры и дромоса.** Западный ход заканчивался у погребальной камеры, не нарушая ее дна и стенок*, а восточный ход заканчивался у стены дромоса, не нарушая его стен. То есть оба хода вели в околomoгильное пространство, образованное радиальной конструкцией и глиняным валом. В обоих подземных ходах были найдены кости животных и даже череп человека, что свидетельствует об их ритуальном характере. Обращает на себя внимание и тот факт, что оба подземных хода-штольни

□ Итоги раскопок этого кургана и подземных ходов в нем опубликованы в специальной статье авторов раскопок: Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Загадка тринадцатого филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа 2006. С.38-47. (Прим. ред.)

□ В результате ограбления погребальной камеры коллективность захоронения в ней определенно не устанавливается, а инвентарь, не исключаящий и V в. до н.э. представлен единичными находками. См. об этом: Яблонский, Мещеряков, 2006. (Прим. ред.)

□ На самом деле, этот ход проникал в погребальную камеру [Яблонский, Мещеряков, 2006. С. 41-42, рис. 1]. (Прим. ред.)

после их использования были специально засыпаны. Их заполнение состояло из чистой супеси* [Яблонский, Мещеряков. 2006, с. 38-45].

Подземные ходы были зафиксированы и в кургане 1 Филипповского могильника. Один из подземных ходов был прорыт также как и в 13 кургане в широтном направлении с востока, а второй подземный ход был прорыт с севера. Кроме того, была зафиксирована открытая траншея, прокопанная с юга, с небольшим смещением на восток (Рис.2). Получается, что подземные ходы-штольни были прорыты либо вдоль меридиональной оси кургана с севера и юга, либо строго перпендикулярно меридиональной оси – с запада и востока, то есть располагались строго по странам света.

Организация околокурганного пространства

Особая роль меридионального направления прослеживается и по особенностям организации околокурганного пространства. Начнем с того, что большинство курганных групп Южного Приуралья представляют собой скопления курганов, вытянутых с запада на восток. Курганы Филипповского могильника были расположены в широтном направлении в виде полуэллипса. Самый большой курган 1 при этом был расположен за пределами этой цепочки, южнее ее*.

Иногда курганы расположены скоплениями, но в то же время наиболее крупные курганы в целом всегда располагаются в одну линию, ориентированную широтно. Это прослеживается на планах могильников Покровка и

□ На самом деле, своды ходов были обрушены естественным образом. (Прим. ред.)

□ Скорее, в виде дуги. План могильника опубликован: Yablonsky L.T. New Excavations of the Early Nomadic Burial Ground at Filippovka (Southern Ural Region, Russia) // American Journal of Archaeology. 114. 2010. P.132. (Прим. ред.)

Березки-1. В курганной группе Тара-Бутак насчитывалось 43 кургана, большинство из которых расположены четырьмя цепочками по линии запад-восток (Рис 6). Курганная группа Пятимары-2 состояла из четырех больших курганов, расположенных «рядом по одной линии» в широтном направлении. К.Ф.Смирнов полагал, что вокруг наверняка были мелкие курганы, но их насыпи, скорее всего, уничтожены распашкой [Смирнов. 1975]. На плане Мечетсайского могильника хорошо видно, что курганы расположены в виде по крайней мере трех цепочек, вытянутых с северо-запада на юго-восток. Несмотря на то, что цепочки тянутся не строго в широтном направлении, создается впечатление, что курганы одной цепи расположены так, чтобы не перекрывать друг друга с северной и южной стороны. Кучки камней расположены в южной части могильника и несколько кучек расположены с южной стороны первой цепочки.

К.Ф.Смирнов полагал, что кучки камней остались от мелких распаханых курганов. Однако, их явная сконцентрированность на юге от основной цепи курганов, дает основание предполагать их специальное назначение. В курганной группе Пятимары 1 три самых больших кургана высотой от 3,5 –5,5 м были расположены в центре курганной группы в одну линию с запада на восток, а между ними и около них остальные курганы. Курганы были расположены близко друг от друга, так что их хорошо выраженные рвы сливались. Курганы 5, 6 и 7 образовывали одну вытянутую широтно возвышенность. Курганы со слитыми насыпями составляют особенность памятников Южного Приуралья скифского времени. Аналогиями им являются так называемые «попарно расположенные» курганы алды-бельской культуры Тувы [Савинов. 2002, с. 84]. Таким образом, становится ясным, что большинство курганов Южного Приуралья располагались так, чтобы не закрывать друг другу пространство с севера и с юга.

В связи с этим интерес представляет наблюдение К.Ф.Смирнова, что в группе Пятимары 1 «с южной стороны, против самых больших курганов 10 и 11, имеются большие прямоугольные углубления, густо заросшие кустарником» [Смирнов. 1975, с. 14]. Судя по плану эти «углубления» были не менее 17 метров в длину и около 8 м шириной. Автор

раскопок полагал, что они были использованы для выборки земли. Однако, учитывая, что в курганах Южного Приуралья под насыпью неоднократно встречались подобного рода углубления, имевшие явно ритуальный характер, можно полагать, что данные углубления также имели отношение к пространственным представлениям древнего населения (Рис.7). Предложенную интерпретацию поддерживает наличие с южной стороны тех же двух курганов на одной линии с «углублениями» каменных грубо обработанных монолитов. На плане могильника они показаны черными прямоугольниками. У кургана 10 каменный монолит был поставлен на одной линии между курганом и «углублением», у кургана 11 каменный монолит находился также на одной линии с курганом, но южнее «углубления»). Это очень напоминает камни и монолиты расположенные с восточной стороны скифских курганов Северного Причерноморья и балбалы с восточной стороны пазырыкских курганов. «Каменные, грубо обработанные монолиты» явно служили, также как и северопричерноморские и горноалтайские каменные монолиты, маркерами для подхода к могилам предков. В этом отношении представляет интерес также упоминавшиеся выше кучи камней, расположенные с южной стороны курганной группы в могильнике Мечет-Сай. Кучи камней могли выполнять роль тех же каменных монолитов.

Ориентация погребального сооружения и конские захоронения

В курганах Южного Приуралья сопровождающие захоронения коней обоих видов: целые и парциальные, расположены в надмогильном пространстве погребального сооружения. Неизвестно ни одного случая расположения коней внутри могилы, рядом с погребенным человеком*. То есть конские сопровождающие захоронения являются

□ В погребении 5 кургана 4 могильника Филипповка 1 три лошади располагались в площади погребальной камеры. (Прим. ред.)

одной из составляющих надмогильной планиграфии кургана. Как уже отмечалось выше, основное погребение располагается всегда в центре кургана. Оно имеет в основном прямоугольную или квадратную форму. Боковые стороны могилы направлены по четырем странам света. Вокруг могилы располагается круговая конструкция, каменное кольцо или глиняный вал. Впускные погребения расположены по периметру кургана вокруг центрального погребения. При этом, как правило, направление строго на север и строго на юг остается свободным. Направление на север и юг за пределами кургана также остается свободным. Курганы южноприуральского населения скифской эпохи расположены, как правило, в виде широтно ориентированных цепочек. Становится понятным, что расположение других могил на меридиональной оси от центрального погребения было нежелательным или неблагоприятным.

При этом явно прочитывается, что меридиональная ось кургана направлена снизу, с юга – наверх, на север. Дромосы могильных ям были расположены с юга, входы-разрывы в глиняном валу были также с юга. Протиположная северная стена глиняного вала была наоборот наиболее высокой. Преобладающей ориентировкой погребенных в курганах Южного Приуралья является ориентировка головой на юг, что одновременно означает – лицом на север. Такую ситуацию можно понимать, что вся радиальная конструкция и, прежде всего, погребенные люди, судя по наличию входа на юге и отсутствия выхода на севере, были ориентированы на север и наверх одновременно. Это касается в полной мере курганов со смещенной меридиональной осью.

Кони в сопровождающих захоронениях Южного Приуралья также направлены мордами на север, то есть они «смотрят» в том же направлении, что и их «хозяева». Располагаются конские захоронения с южной стороны могилы хозяина или же на юге за пределами глиняного вала.* Учитывая ориентированность погребального сооружения и погребенных людей в южноприуральских курганах на север и наверх, кони были последними в этом ряду, они

□ Ср. с первым абзацем этого раздела (Прим. ред.)

располагались наиболее «низко» за входом в дромос, и наиболее южно. На основании чего, можно заключить, что кони занимали самое «непочетное» место в погребальном сооружении Южного Приуралья. Учитывая, что кони были расположены с южной стороны могильной ямы, они находились на меридиональной оси кургана, расположение на которой, судя по контексту, было неблагоприятно для погребений людей.

В этом плане интересно рассмотреть погребения подчиненных лиц : «стражников» в сравнении с конскими захоронениями. Погребения «стражников» сопровождали коллективные могилы. Во всех случаях воины -"стражники" захоронены с сопровождающим инвентарем - оружием, предметами конского снаряжения и загробной пищей. Как правило, захоронения совершались либо на древнем горизонте под деревянным сооружением (Пятимары, 8; Сынтас, 1), либо непосредственно на самом деревянном перекрытии (Новый Кумак, 5/3, 1; 26/3, 4).

Таким образом, несмотря на то, что сопровождающие захоронения коней были показателем статуса, богатства и престижа, им отводилась в погребальном сооружении роль и место менее почетное, чем впускным погребениям сородичей и даже погребениям подчиненных лиц - «стражников».

Погребения на уровне древней поверхности.

Целый ряд курганов Южного Приуралья не имели могильных ям, погребения в них были совершены под насыпью кургана, на уровне древнего горизонта. Погребения на уровне древнего горизонта представлены двумя видами: погребения с труположением и с трупосожжением. В целом, количество комплексов с труположениями и трупосожжениями по моим данным примерно одинаково. Общим в обряде является то, что всегда под одной насыпью совершено несколько одновременных трупосожжений. Кроме того, место сожжения, также как и труположения,

всегда так или иначе выделено. В кургане 2 ст. Варна - это глиняная площадка, в кургане 6, гр. III Аландского могильника - это огромный деревянный помост, на котором совершено сожжение трех человек.

Совершение погребений на уровне древнего горизонта чисто логически не выбивается из общего ряда погребений, совершенных в могильных ямах, под такими же деревянными надмогильными сооружениями. Дело в том, что в Южном Приуралье могильные ямы как с надмогильными сооружениями так и без них, как правило, неглубокие. Максимальная глубина могил южноприуральских курганов не превышает 2 метров от уровня древнего горизонта*. Например, круглая могильная яма кургана 1 Филипповки при диаметре 18-20 м имела глубину – всего лишь 2 метра. Основная и единственная в кургане могильная яма в кургане 8 Пятимары с сопровождающим захоронением пяти верховых коней при размерах 2,9 x 2,0 м, имела глубину – 0,8 м от уровня погребенной почвы. Основное погребение в кургане 6 Пятимары с захоронением коня достигала глубины – 0,62 от уровня древнего горизонта, в то время как впускные погребения достигали глубины – 223 и 226 от вершины кургана, получается в материк они были заглублены при высоте кургана 1,35 на 88 и 90 см соответственно. В кургане 4 того же могильника основное погребение имело глубину 1,90 от уровня древнего горизонта (3,40 от вершины кургана)²⁹ а впускные имели глубину –4,20 и 3,10 от вершины кургана, то есть заглублены в материк соответственно 2,70 и 1,60 м. Учитывая эти факты, можно предполагать, что впускные погребения были, зачастую глубже основного погребения этого же кургана. Возможно, в этом проявлялась идея, что наиболее почетные и важные персоны должны были захоронены выше, ближе к небу, чем рядовые. Погребенные из центральных гробниц должны были первыми достичь страны мертвых, находящейся, судя по целому комплексу данных на северной стороне, наверху. Поэтому вероятно, трупоположения и трупосожжения на

□ Глубина могильных ям погребений 2, 3 и 4 кургана 4 могильника Филипповка 1 достигала почти 4 м от уровня погребенной почвы, в кургане 13 – 2,5 м, в кургане 26 – около 3 м. и т.д. См. об этом: Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского 1 могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов. 2008. (Прим. ред.)

²⁹ Так указано в тексте публикации, хотя в начале дается, что высота кургана достигала 2 м (Смирнов, 1976, с.17)

уровне древнего горизонта, всегда расположены на некотором возвышении – площадке. Подмеченная особенность не входит в противоречие, а напротив подтверждает мысль об ориентации южноприуральских погребальных сооружений на север и наверх.

Погребальные комплексы со следами сожжения.

О более сложном характере погребального обряда в Южном Приуралье свидетельствует также наличие деревянных надмогильных сооружений, подвергшихся сожжению. Последние составляют 18% от общего количества деревянных надмогильных сооружений. По процентному соотношению примерно четверть всех учтенных курганов Южного Приуралья имело следы разведения костра над могилой, они дают яркую картину повсеместного распространения. В основном поджигались деревянные сооружения, имеются случаи разведения костра над могилой без деревянного надмогильного сооружения. Не исключено, что некоторые большие кострища, зафиксированные авторами раскопок, как кострища, являются результатом подожжения деревянного сооружения, только полностью сгоревшего, или плохо сохранившегося. Как правило, подожженные деревянные надмогильные сооружения засыпались землей, после того, как огонь разгорался, поэтому археологи фиксируют в основном неполностью сгоревшие сооружения. К числу комплексов со следами применения огня, на мой взгляд, следует добавить семь известных мне курганов с трупосожжениями на древнем горизонте.

Внутри могил также зафиксированы трупосожжения. По особенностям обряда их можно подразделить на два вида: 1) трупосожжение путем засыпки горящим костром или разведением костра внутри могилы; 2) трупосожжение на стороне. В целом трупосожжения на уровне древнего горизонта и трупосожжения в могиле составляют 11,5% от

общего числа учтенных мной памятников Южного Приуралья. На основании этого можно считать, что обряд сожжения надмогильных конструкций и обряд трупосожжений практиковались древним населением Южного Приуралья довольно стабильно, и судя по географическому расположению - повсеместно. В процессе анализа и подсчета памятников, замечено, что подожжение надмогильного сооружения зафиксированы в наиболее богатых курганах Южного Приуралья. Такое понимание, на мой взгляд, также не противоречит, а подтверждает мысль о стремлении как можно быстрее и эффективнее отправить души умерших наверх. Огонь, разведенный в могиле, или над могилой поднимался наверх в виде дыма и смешивался там с небом.

Памятники Южного Приуралья и Южного Зауралья.

Специальное внимание уделялось мной в процессе анализа представленности анализируемых признаков в Приуралье и в Зауралье. Все признаки представлены по обеим сторонам Урала, кроме признака захоронения целых коней. Они зафиксированы только в погребениях Южного Приуралья. Но учитывая наличие в Южном Зауралье парциальных захоронений коней и наличие целых захоронений коней в курганной группе Сара, расположенной на самой границе³⁰, разделяющей памятники Южного Приуралья и Южного Зауралья, я не склонна придавать этому решающее значение. Курганы с предметами конской узды в южной поле кургана демонстрируют поистинне

³⁰ Как полагает А.Д.Таиров, граница между При- и Зауральем проходит «вероятно» по восточным отрогам хребта Урал-Тау, правобережью Сакмары (примерно до ее широтного отрезка в районе Кувандыка), через устье Губерли и далее по водоразделу Илека и Ори, Эмбы и Иргиза [Таиров, 2004, С. 3]. Однако, погребальный обряд и вещевой материал не подтверждают предложенное деление [Очир-Горяева, 2006, С. 107-121; 2006а. С. 94-107].

повсеместное распространение этого признака на территории всего Южного Приуралья-Зауралья. Могильник Загребалово на севере, между Стерлитамаком и Оренбургом, могильник Покровка на юге за Соль-Илецком, Большой Климовский курган и Варна далеко на северо-востоке и посередине - курганы Новоорского-1 и Новоорского-2 могильников (Заседателева, 1983, С. 247).

Комплексы с погребениями на уровне древнего горизонта опять таки разбросаны по всей рассматриваемой территории, не образуя локальных групп. Это могильник Покровка на западе Приуралья, могильники Сынтас и Бес-Оба на юге, в Приуралье, это Альмухаметово и Сибай на северо-востоке, в Зауралье. В одном случае зафиксировано коллективное трупосожжение и в другом – частичное. В многих из них деревянные надмогильные сооружения были подожжены, что не привело, однако, к сожжению останков погребенных. Поэтому можно утверждать, что какой-либо принципиальной разницы между двумя регионами не прослеживается. Не подтверждает этого деления и изучение уздечных наборов [Очир-Горяева. 2006, с. 107-121; 2006а, с. 94-107]. Основные принципы построения погребального сооружения, как показано выше, отражающие их пространственную ориентацию и в конечном итоге представления о мироздании, оказываются сходными, что можно рассматривать как серьезный аргумент, свидетельствующий о единой этно-культурной принадлежности древнего населения При и Зауралья.

Памятники Южного Приуралья и курган Байкара.

По моим наблюдениям имеются факты, свидетельствующие о том, что похожие принципы построения погребального сооружения соблюдались древним населением не только в Южном Приуралье, но и на более обширной

территории, а именно до пределов Северного Казахстана. В 1997-1999 годах совместной германско-казахстанской экспедицией под руководством Германа Парцингера и Виктора Зайберта был раскопан курган 1 курганной группы Байкара. [Парцингер и др. 2003]. Насыпь кургана Байкара имела диаметр – 62 м и высоту 5,8 м. Строительство кургана было одновременным. Его конструктивные детали обнаруживают удивительное сходство с устройством южноприуральских курганов, а именно – неглубокая могильная яма (0,73-0,63 м от древнего горизонта), дромос длиной 15,4 м, слой бересты в центральной части кургана на древнем горизонте, каменный вал вокруг могилы и ров по периметру кургана имели разрыв, куда был направлен дромос могилы; подземные ходы-штольни с северной и южной сторон, направленные перпендикулярно направлению дромоса. Единственная особенность кургана Байкара – это его смещенная меридиональная ось. Разрыв в каменном вале, рве вокруг вала, а также дромос ямы были направлены не на юг, как в большинстве курганов Южного Приуралья, а на юго-восток (рис. 8.). Однако, как показано выше, курганы со смещенной меридиональной осью известны в Южном Приуралье также. Более того, при исследовании кургана Байкара было установлено, что насыпь кургана имела более высокую и обрывистую сторону с северо-западной стороны, противоположной от дромоса и разрывов в каменном валу и окружавшем его рву. То есть меридиональная ось кургана Байкара была также, как и в южноприуральских курганах, направлена снизу от начала дромоса через центральную могилу в северную сторону вверх, где насыпь кургана имела большую высоту, чем на юге.

Имеется целый ряд параллелей и в деталях. До сооружения насыпи гумусный слой под центром курган был срезан, также как в ряде Южноприуральских курганов. Дромос, направленный к могильной яме, был соединен с ней путем площадки, имевшей свод, также как и в кургане 5 Березки-1. Могильная яма, дромос и две ямы с запада и восток ямы, размерами 1,6 x 1,2 и 2,25 x 1,6 м были после использования аккуратно заложены кусками дерна и слоями

песка красного цвета, также как и ямы из Покровского кургана и подземные ходы–штольни в Филипповских курганах были заложены однородным суглинком. Подземные ходы-штольни кургана Байкара были также расположены перпендикулярно дромосу, как в Филипповском кургане 13. Авторы раскопок предположили, что под каменным панцирем и конструкции из дерновых вальков существовали пустоты, высота сводов которых до 2 м позволяла стоять в полный рост. Эти пустоты были подобны зафиксированным стратиграфически ходам-штольням, стенки и своды которых были укреплены вальками, плетнем и выстланы слоем бересты. Кроме того, севернее могилы были зафиксированы 12 ямок диаметром 0,16 –0,30 , глубиной 0,08 –0,18. Они напоминают 10 ям, слегка заглубленных в материк из Покровского кургана.

Остается необъясненным территориальная удаленность кургана 1 Байкара от курганных некрополей Южного Приуралья (около 500 км от основного скопления южноприуральских курганов). К сожалению, в кургане 1 Байкара отсутствовал инвентарь, поэтому мы не располагаем дополнительной аргументацией. Кроме кургана 1 в курганной группе Байкара были раскопаны еще четыре рядовых кургана, которые также не содержали погребального инвентаря, в силу полной разграбленности. Но конструктивные детали, такие как каменные кольца по периметру кургана, неглубокие могильные ямы, а также кольцевой ров в кургане 6 Байкара с разрывом на юго и северо-востоке, такой же как в кургане 6 Филипповки, как будто не противоречат аналогичности с памятниками Южного Приуралья [Парцингер, и др. 2003, табл. 23, 27, 29, 31].

Что касается отдаленности, то курган 5 Березки-1, неоднократно упоминавшийся выше, также отдален от основного скопления памятников Южного Приуралья, он находился в 7 км южнее города Самары на Волге (также около 500 км от основного скопления южноприуральских памятников). Тем не менее как планиграфия кургана 5 Березки-1 и ориентация погребального сооружения, так и многочисленные аналогии в декоре околочурганного

пространства и целого ряда категорий погребального инвентаря, не оставляют сомнения, что курган 5 Березки-1 относится к той же этнокультурной группе населения, что и остальные памятники Южного Приуралья.

Создается впечатление, что курган Байкара, также как и курган 5 могильника Березки –1 маркируют границы обширного объединения. Судя по единым принципам планиграфии погребальных сооружений, можно предполагать родственность пространственной ориентации и религиозных воззрений древнего населения.

Список литературы:

Веддер и др 1993. Дж.Веддер, Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. Раскопки могильников Покровка –2 и Покровка-8 в 1992 году.// Курганы левобережного Илека. М.

Граков, 1948. Граков Б.Н.. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ. 1948, №3.

Заседателева, 1983..Заседателева. С.Н Исследование могильника Новоорский. АО. М.

Зуев, 2000. Зуев В.Ю.. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып.1.

Мажитов, Пшеничнюк, 1995. Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник.// Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Мошкова. 1974. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры.- М.

Мышкин, 1999. Мышкин В.Н. Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья VI-TV вв до н.э. как исторический источник. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. // Архив ИА РАН Р-2542, М.

Очир-Горяева, 1987. Очир-Горяева М.А. 1987. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI-IVвв до н.э. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста,

Очир-Горяева, 1993а. Очир-Горяева М.А. Особенности колчанных наборов кочевников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья" // II Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар. 1993.

Очир-Горяева 2006. Очир-Горяева М.А Погребения с сопровождающими захоронениями коней и предметами конской узды скифской эпохи Южного Приуралья // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск. 2006. Вып.3,4. 107-122

Очир-Горяева. 2006а. Очир-Горяева М.А. Уздечные наборы скифской эпохи Южного Приуралья // Lieber Archaeologicae. Сборник, посвященный 60 летию Б.А.Раева. Краснодар.

Очир-Горяева, 2009. Очир-Горяева М.А. Особенности погребального обряда кочевников Евразии скифской эпохи// Вестник древней истории . № 1. М,

Очир-Горяева, 2009а. Очир-Горяева М.А. О планиграфии скифских курганов // Эпоха раннего железа (к 60летию С.А.Скорого). Киев-Полтава. 2009.

Парцингер и др., 2003. Парцингер Г., Зайберт В., Наглер А., Плешаков А. Большой курган Байкара. Исследования скифского святилища. Archäologie in Eurasien. 16. 2003

Пшеничнюк, 1983. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Савинов, 2002. Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез).- СПб.: Издательство С.-Петербургского университета.

Смирнов, 1964. Смирнов К.Ф. 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука.

Смирнов, 1975. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке.М.

Скарбовенко. 2005. Скарбовенко В.А. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки 1. // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М. 2005.

Таиров. 2000. Таиров А.Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция.// Раннесарматская культура. Формирование. Развитие.Хронология. Самара.

Таиров. 2004. Таиров А.Д.Периодизация памятников кочевников Южного Зауралья 7-2 вв до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии.- Краснодар .

Яблонский, Мещеряков. 2006. Яблонский Л.Т, Мещеряков Д.В. Загадка тринадцатого Филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70 летию А.Х.Пшеничнюка. Уфа.Гилем. 2006.

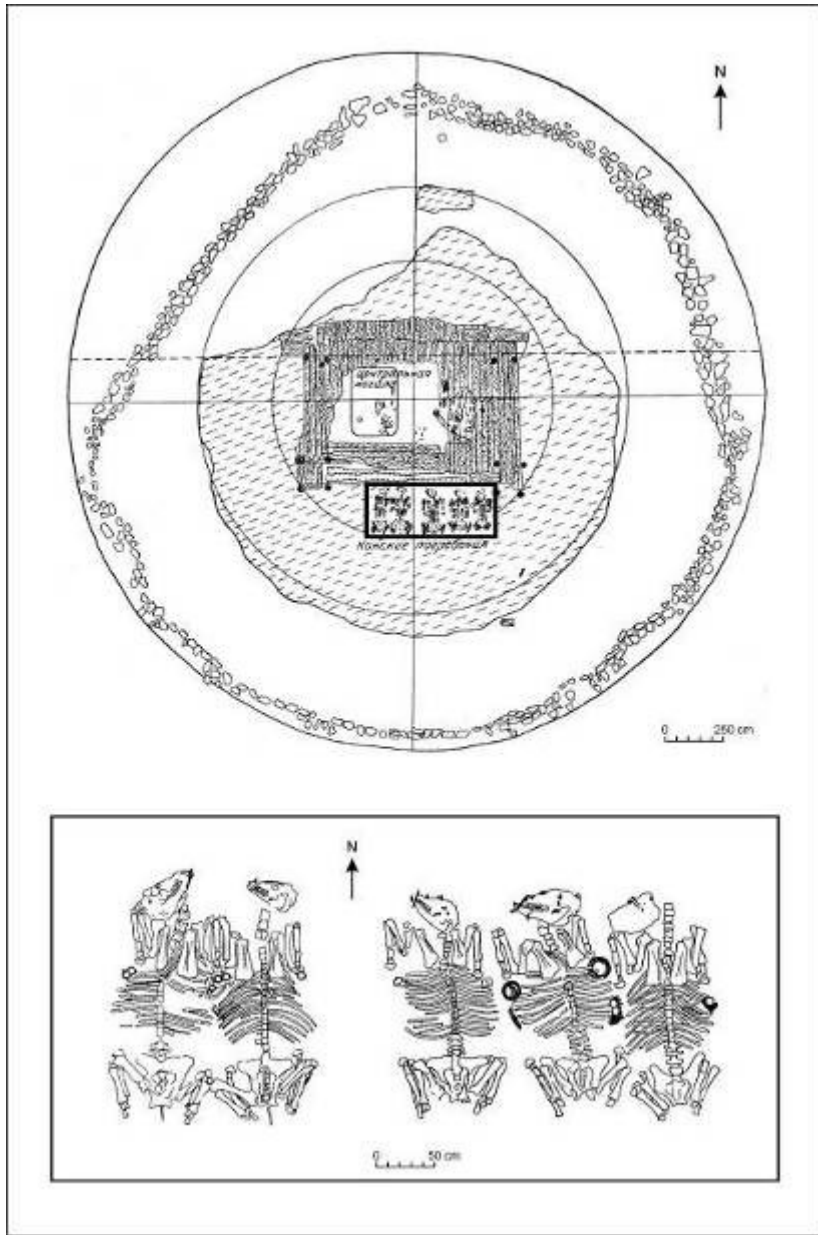

Рис.1. Пятимары курган 8. План.[Смирнов, 1964, рис. 26-28; 1975, с. 31-34]

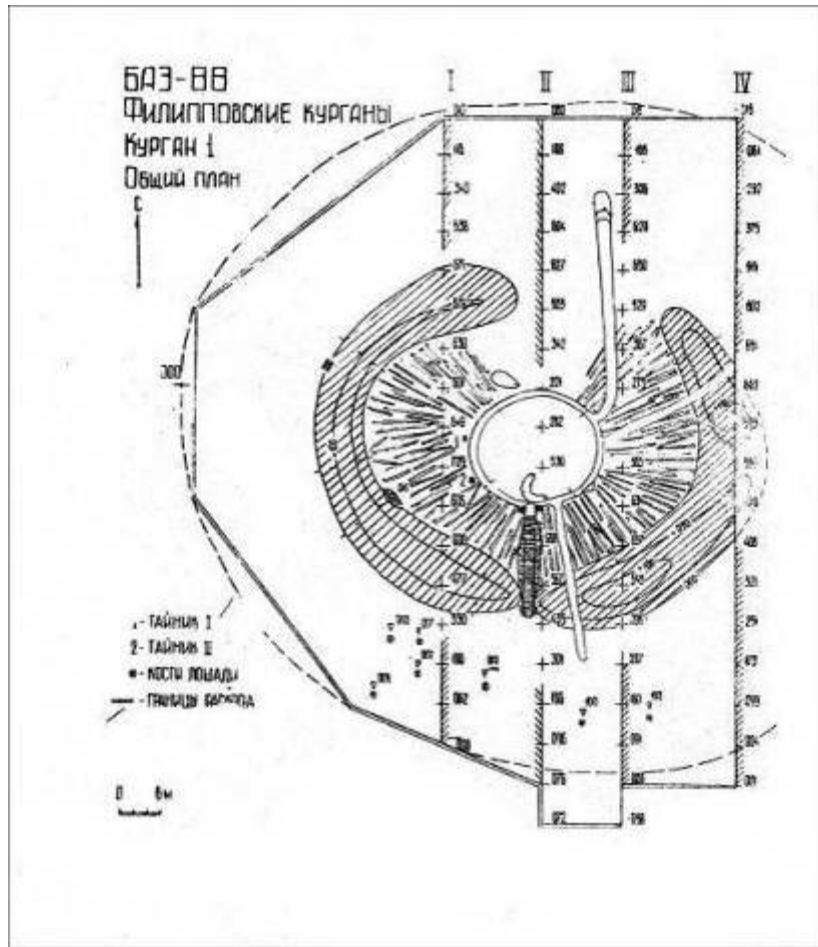

Рис.2. Филипповка курган 1. План. [Пшеничнюк, 1988, 13-20, рис.103-110].

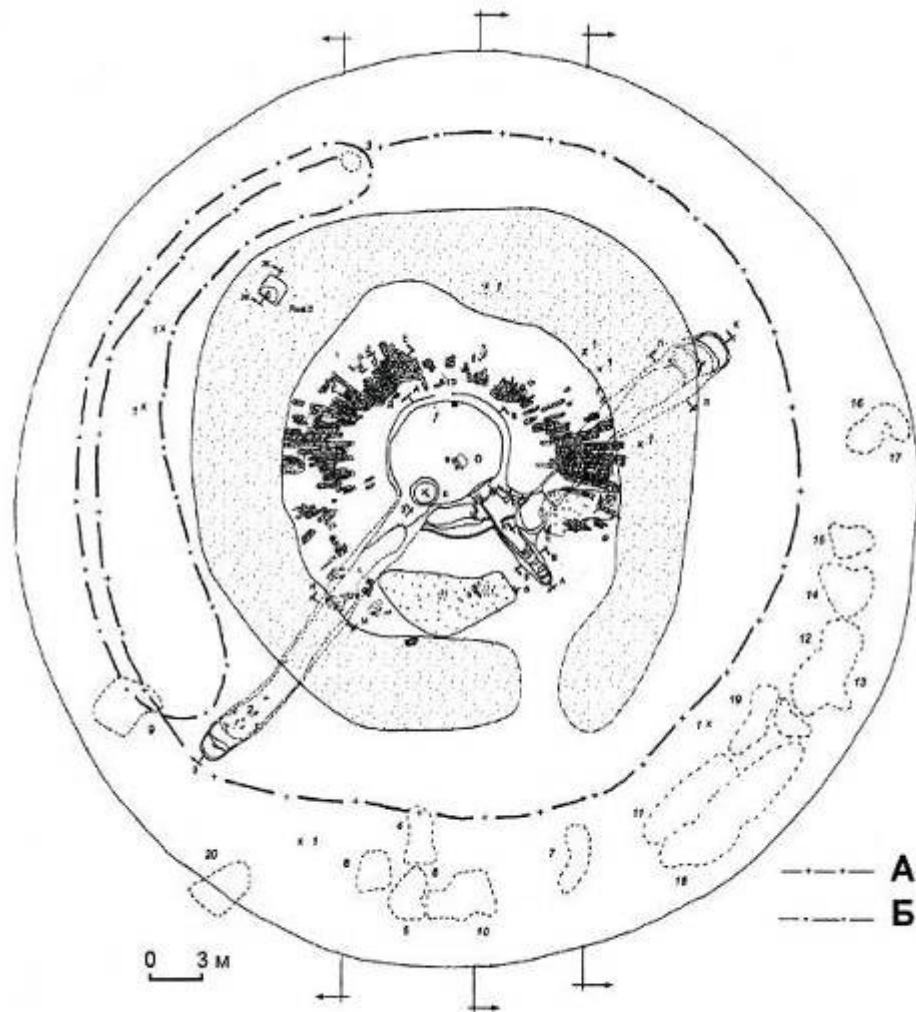

Рис. 1. Филипповский курганный могильник. Курган 13.
 Общий план: 1 – отдельные кости лошади, 2 – кости лошади в пределах западного хода, 3-20 – скопления костей лошади,
 А – реконструированная граница первоначальной насыпи, Б – границы внешнего вала на поверхности ссыла с насыпи

Рис.3. Филипповка курган 13. План. Филипповка. Курган 13. План [Яблонский, Мещеряков, 2006, с 38-45].

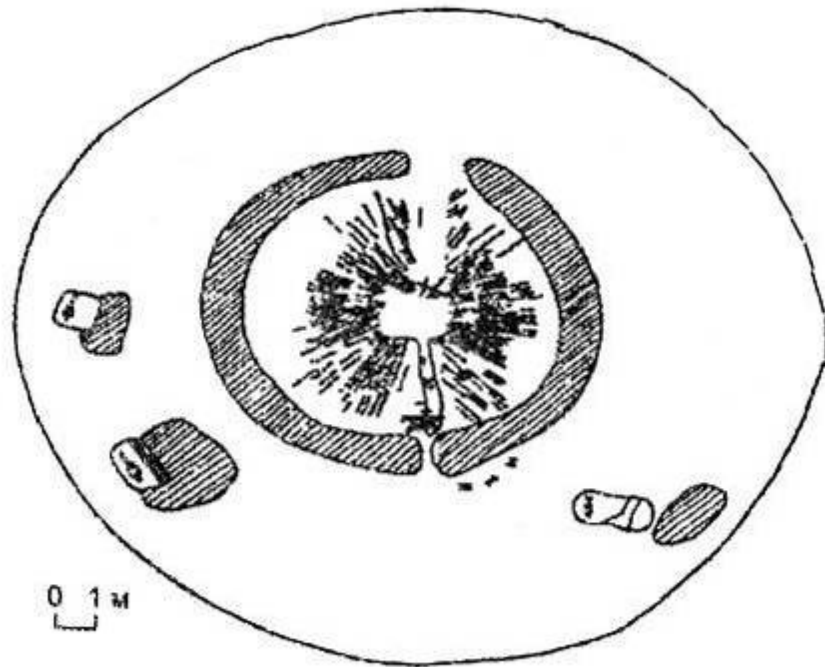

Рис.4.. Переволочаны курган [Таиров, 2004, рис.4]

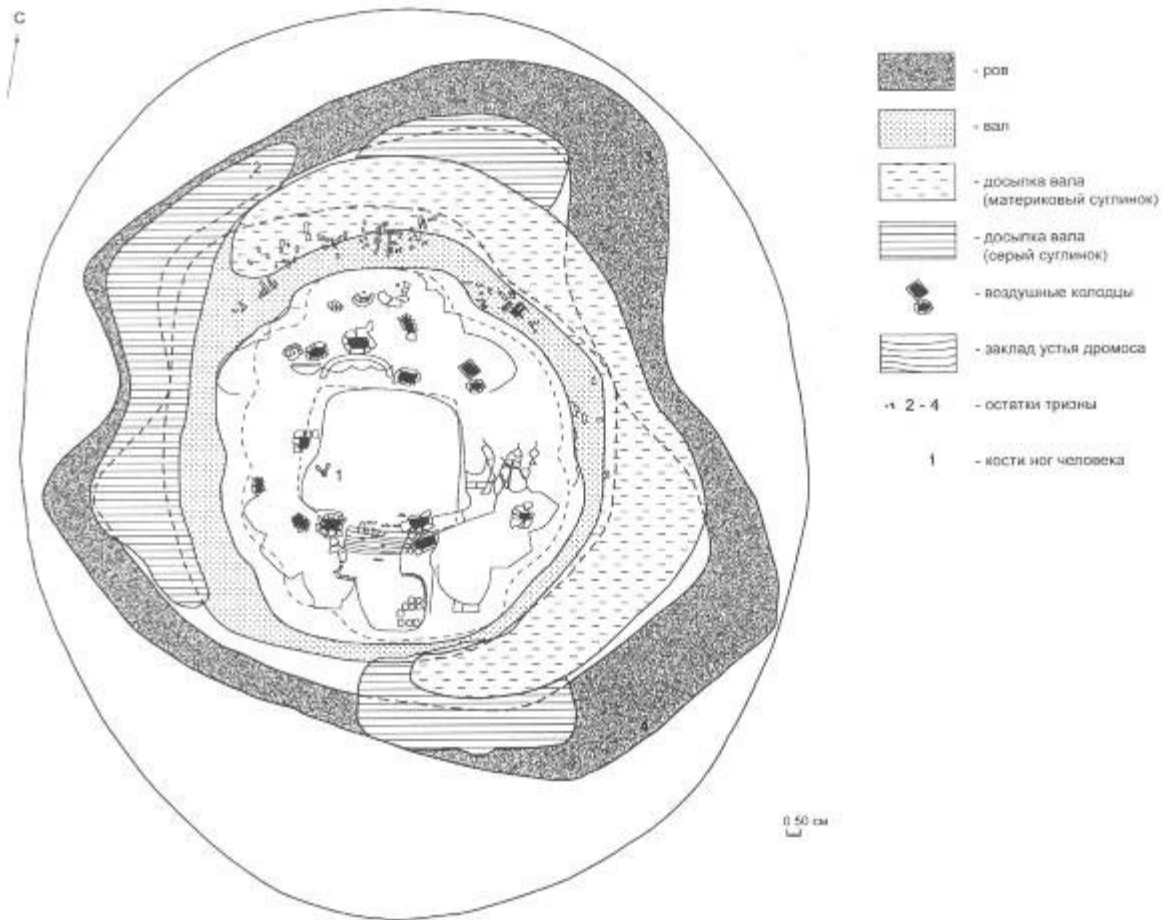

Рис.5.. Березки-1 курган 5. План. [Скарбовенко, 2005, рис.4].

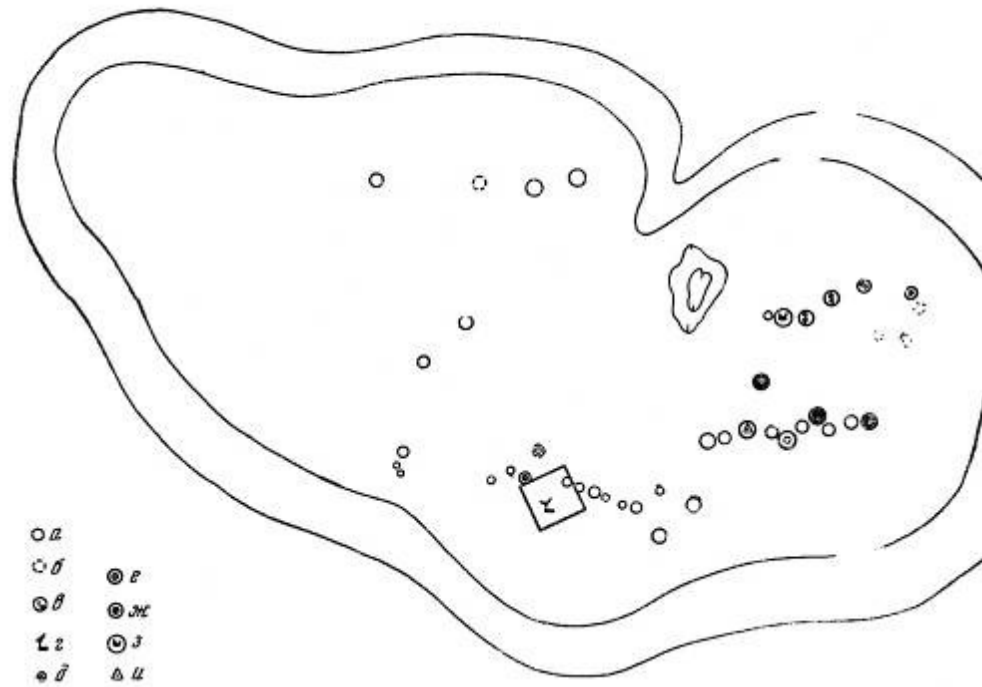

Рис.6.. Курганная группа Тара-Бутак. План. А-курганы, б- возвышенности, в – курганы с камнями в насыпи, г-

мусульманское кладбище, д- курганы, раскопанные в 1957. [Смирнов, 1976, рис.10].

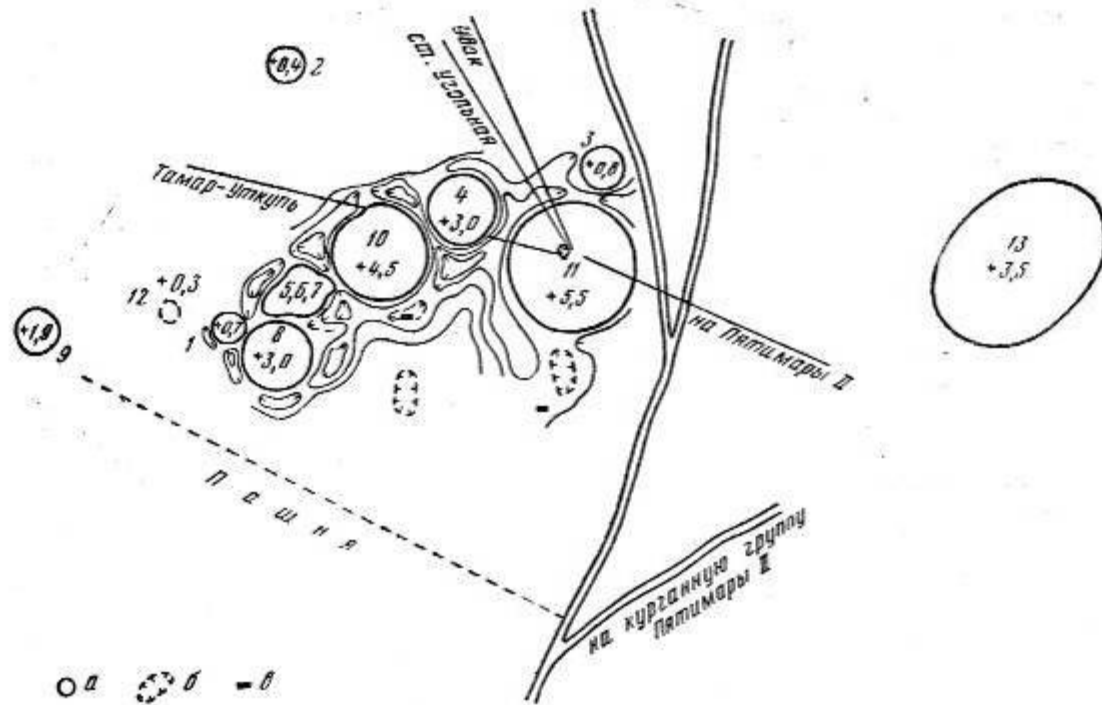

Рис.7.. Курганная группа

Пятимары –I. План. а –курганы, б- ямы, в – грубо обработанные монолиты [Смирнов, 1976, рис.3].

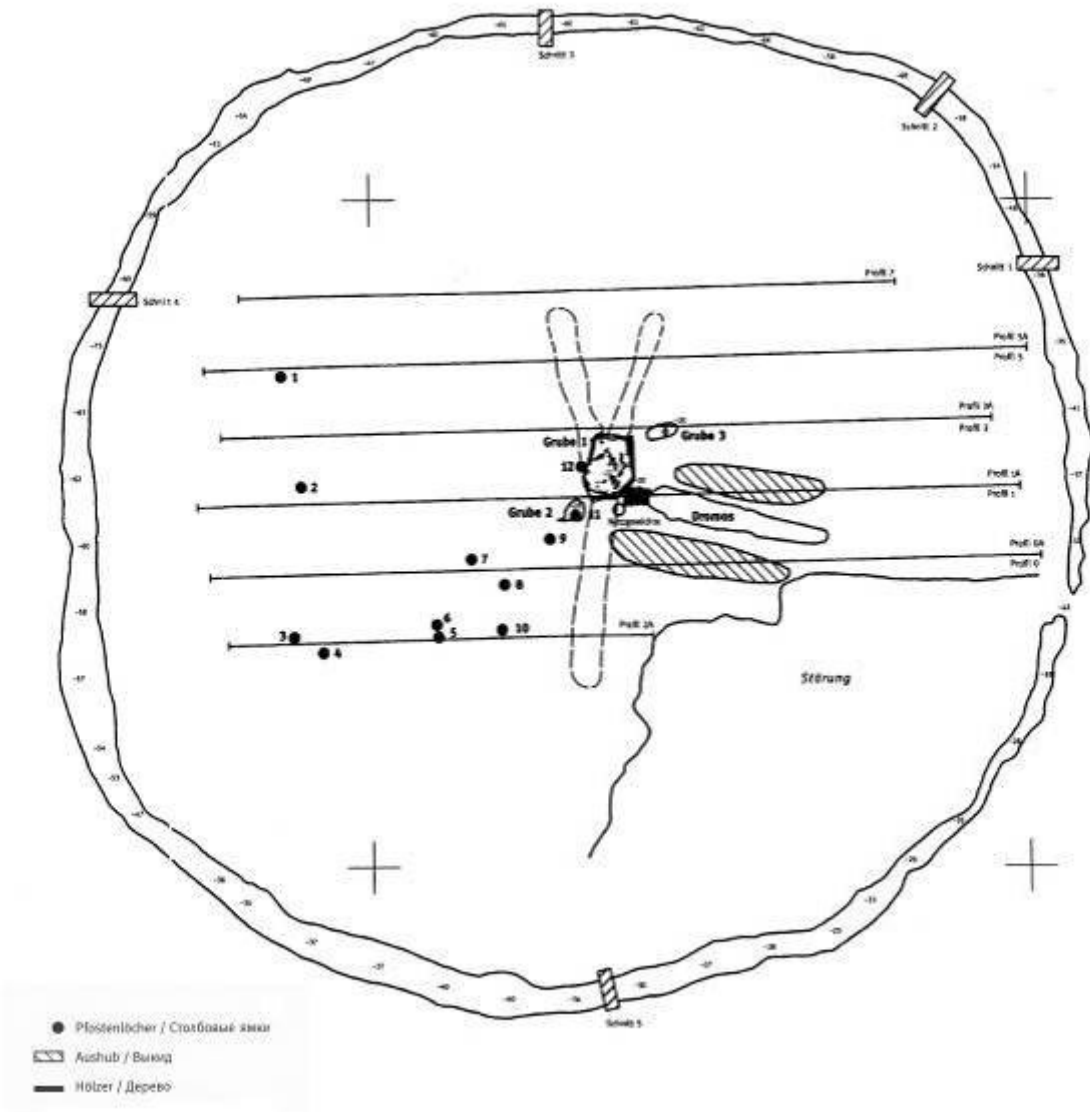

Рис.8. Курган Байкара. План. [Парцигер и др. 2003, приложение 1, 6].

Перерва Е.В., Лукьяшко С.И
(Волгоград, Ростов-на-Дону)

О семантике обряда скальпирования у ранних сарматов.

В настоящее время под скальпированием понимается - удаление части или всей поверхности кожного покрова головы с волосами у живого или мертвого человека [Aufderheide, Rodriguez-Martin. 1998, p. 37]. Скальпирование может быть случайным, но в древности эта операция чаще всего носила преднамеренный характер [Ortner, Putschar. 1981, p. 92]. В предлагаемой работе будут использованы данные, свидетельствующие о практике обряда скальпирования у сарматских племен Донских степей.

Широкую известность обряд скальпирования получил после проникновения колонизаторов в Северную Америку. Работами ряда зарубежных исследователей доказано, что этот обычай практиковался индейцами задолго до появления европейцев [Ortner, Putschar. 1981; Larsen, 1997; Aufderheide, Rodriguez-Martin. 1998]. Другие работы приводят доказательства массовой практики этого обряда, и после открытия Колумбом Америки [Nadeau, 1941; Larsen. 1997]. Важно отметить, что европейцы вовсе не стали причиной угасания этой практики. Напротив, они превратили ее в инструмент проведения своей межнациональной политики и наживы, активно использовали его в ходе серии войн за господство над восточными районами Северной Америки. Так английские "покорители" первыми стали платить за индейские скальпы, а французские начали оплачивать и скальпы белых. Эта позиция европейских переселенцев привела к появлению отрядов "охотников за скальпами", а практикой скальпирования стали пользоваться племена, ранее ее не

демонстрировавшие [Бородовский, Табарев. 2001, с. 207-210].

В настоящий момент доподлинно известно, что самые древние случаи скальпирования зафиксированы на палеоантропологических материалах Старого Света. Наиболее полный перечень палеоантропологических свидетельств этого обряда опубликованы в монографии М.Б. Медниковой [Медникова.2001], посвященной трепанации древних народов Евразии. Древнейшими считаются находки, сделанные в Дании, Южной Швеции и Испании, датирующиеся неолитом.

Есть свидетельства удаления кожи с головы человека и в эпоху бронзы. Так М.Б. Медникова высказывает мнение о проведении скальпирования на черепе из кургана 4 Калиновского могильника на севере Александровского района Ставропольского края, близ села Грушевского. Погребение принадлежало к культурному кругу поздних катакомбников - ранних срубников, датируется временем около XV в. до н.э. [Медникова. 2000, с. 62] Следы скальпирования фиксируются и на черепах, исследованных в центральном погребении Пепкинского кургана, принадлежащего к Абашевской культуре. По мнению М.Б. Медниковой, человеческие останки принадлежат людям, погибшим в военном столкновении [Медникова, 2001, с. 204]*. В погребении находилось 27 индивидуумов. В результате исследования остеологического материала на черепах 80 из 83 зафиксированы параллельные надрезы в височной области [Медникова, Лебединская, 1999, с. 214].

Очень интересен случай скальпирования описанный D.J. Ortner и C. Ribas [Ortner, Ribas. 1997]. В местечке Bab edh-Dhra в Иордании исследован череп молодого мужчины из погребения 3, датируемого эпохой ранней бронзы (3200-3000 лет до н.э.). Данный случай - единственный пример, когда после скальпирования человек еще некоторое время жил.

* Впервые этот вывод был сделан пионерами в исследовании краниологической серии из Пепкинского кургана – Г.В.Лебединской и М.М.Герасимовой [Герасимова М.М., Лебединская Г.В. Абашевский человек. \ Пепкинский курган. Йошкар-Ола. 1966]. (Прим. ред.)

Доказательством этому служат области некроза костной ткани на своде черепа и вогнутые края, окружающие поврежденный участок. Исследователи также пришли к мнению, что неравномерное расположение границ дефекта в данном случае указывает на насильственный характер травмы [Ortner, Ribas. 1997, p. 137-140].

Существует ряд свидетельств данного обряда в Северной Европе, датирующихся ранним железным веком. Так в Веннигстеде Германия, было раскопано 3 фрагментарных тела, на черепах которых были зафиксированы надрезы, интерпретированные как следы скальпирования [Murphy. 2002].

Е. Murphy описала случай удаления кожи с головы молодого мужчины 25-35 лет из погребения скифского времени могильника Аймырлыг.* Исследовательницей были зафиксированы мелкие множественные надрезы, сделанные металлическим предметом. Насечки на теменных и затылочной костях черепа располагались горизонтально и параллельно друг другу. Следов заживления не обнаружено, поэтому ученым было сделано предположение, что, скальпирование проводилось незадолго до смерти или непосредственно после нее [Murphy et al, 2002, p. 3].

Интересна находка, сделанная в погребении 78 при раскопках Сайгатинского-VI могильника. В 1998 году Археологической экспедицией Сургутского художественного музея при раскопках вблизи г. Сургута в могильной яме была обнаружена только черепная крышка, на которой, по мнению К.Г. Карачарова и Д.И. Ражева, присутствовали следы специфических действий. Это множественные длинные, узкие повреждения наружной костной пластинки, нанесенные орудием с острым лезвием. Датируется погребение концом X - первой половиной XII века [Карачаров, Ражев. 2002, с. 137-140].

Источником нашего исследования послужили 4 черепа, найденные во время археологических раскопок

□ Раскопки А.М. Мандельштама (Мандельштам А.М. Могильник Аймырлыг. \ УзНИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл. 1971) (Прим. ред.)

могильника "Новый" (1982-1983) раскопки Л.С.Ильюкова. Археологический комплекс "Новый" располагается на невысокой террасе левого берега р. Сал. Основной массив погребений этого археологического комплекса представлен ранне- и среднесарматским временем. В трех случаях черепные коробки были мужские, возраст погребенных от 20 до 30 лет, один череп принадлежал женщине, возраст которой на момент смерти 17-19 лет. Палеоантропологический материал находится в костехранилище Ростовского государственного университета, и для исследования был любезно предоставлен Е.Ф. Батиевой.

Для выявления возможных закономерностей и смыслового значения зафиксированного обычая, первоначально приведем описание погребений и сопутствующего инвентаря.

1 эпизод. Могильник "Новый" 1982г. Погребение 4, кургана 85 имело прямоугольную форму и ориентировано по линии СЗ-ЮВ. Погребальная яма с заплечиками, на которых сохранились остатки деревянного перекрытия. В юго-западной стенке ямы вырыт узкий прямоугольный подбой, в который вела ступенька. Погребение ограблено, найдены костные останки трех человек: двух мужчин и женщины. Сопутствующий погребальный инвентарь: 1) наконечники стрел (156 шт.); 2) обломки литого бронзового котла, стенка которого украшена валиком, имитирующим веревочку; 3) тонкое бронзовое зеркало; 4) фрагмент серолощеного горшка с высоким отогнутым горлом, в тесте примесь песка, слюды, измельченных раковин; 5) гешировая параллелепипедная бусина с поперечным отверстием; 6) остатки деревянного сосуда, прошитого бронзовой проволочкой; 7) три ножа; 8) два фрагментированных меча с прямым перекрестьем и кольцевым навершием; 9) кинжал без перекрестья с волютообразным навершием, конец клинка округлен; 10) два одинаковых кинжала без перекрестья, место стыка рукояти и клинка опоясано тоненькой проволочкой, рукоять без навершия, у одного из них, с согнутым клинком, рукоять имеет заклепку. Найдены кости конечностей трех молодых

овец [Ильюков, Власкин. 1992, с.103-105].

2 эпизод. Могильник "Новый" 1983 г. Погребение 7 кургана 129 имело форму узкой прямоугольной ямы ориентированной по линии ССВ-ЮЮЗ. В ограбленной могиле были найдены фрагменты скелета мужчины. Инвентарь: фрагмент венчика серолощеного кувшина, овальная железная пряжка с языком, светло-коричневый отщеп с заполированной гранью, фрагмент кинжала с прямым перекрестьем, клинок сломан. Найдены также кости молодой овцы [Ильюков, Власкин. 1992, с.135].

3 эпизод. Могильник "Новый" 1983 г. Погребение 8 кургана 129 имело форму узкого прямоугольника и ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Погребенный мужчина лежал на спине, головой на ЮЮЗ, ноги раздвинуты в виде ромба. Под скелетом отмечен коричневый, желтый и серый тлен, мел. Под правым бедром меч без перекрестья, штырь рукояти имеет заклепку. Под черепом обнаружена фрагментированная слабо выпуклая круглая бронзовая пластинка, в правой глазнице оказался светло-серый кремневый отщеп. Около правого плеча лежала длинная отполированная костяная шпилька с маленьким выступом, в котором просверлено отверстие. Правая рука была придавлена смятым кованым закопченным бронзовым ведром усеченно-конической формы с подвернутым венчиком. Над ведром в заполнении оказались кости левой ноги овцы моложе двух лет. На крестце крупное железное фрагментированное кольцо, около правой стороны таза железная пряжка с язычком и комок серы, присыпанный мелом. Около левой стопы серолощенный кувшин с невысоким раструбным горлом и выступающим сливом, крупное яйцевидное тулово украшено парными вертикальными пролощенными желобками, небольшая ручка прилеплена к основанию горла и плечикам, в тесте примесь песка и слюды. Отбитое горло кувшина было пришито. Между коленей нож, черенок с заклепкой. Между стоп отмечено пятно черного тлена, на поверхности которого сохранились лоскутки красной и голубой краски, около этого пятна лежала алебастровая дисковидная пуговица с просверленным в центре отверстием [Ильюков,

Власкин. 1992, с. 135-136].

По мнению Л.С. Ильюкова и М.В. Власкина все интересующие нас погребения датируются раннесарматским временем [Ильюков, Власкин. 1992]. В настоящее время, в связи с накоплением археологических материалов, датировка и культурная атрибуция большей части погребений могильника "Новый" пересматривается. Наряду с присущими среднесарматскому времени признаками обряда и материальной культуры, есть явные черты местных традиций предшествующих культур - савроматской и раннесарматской. И.В. Сергацков отмечал, что могильник "Новый" отличается большим своеобразием: во многих раскопанных здесь погребениях признаки погребального обряда раннесарматской культуры сочетаются с вещевым материалом, типичным для среднесарматской эпохи. При этом, по мнению исследователя, датировка абсолютного большинства комплексов укладывается в рамки I в. н.э. [Сергацков. 2002, с. 63-65].

Антропологическое описание материала.

Новый 1982.

Курган 85 погребение 4. костяк а. Исследовалась черепная коробка молодого мужчины 20-25 лет. На костях черепа - лобной и левой теменной кости, зафиксированы отчетливые следы линейных надрезов (рис. 1). Так на лобной кости наблюдалось 8 насечек, все они расположены параллельно друг другу - на правой половине лобной кости. Линии надрезов идут по горизонтали и ориентированы в поперечном направлении. Первые два надреза на лобной кости зафиксированы несколько правее антропологической точки "metopion": 1 - верхний имеет длину 9 мм, 2 - нижний 4 мм. Вторая пара насечек располагается правее и чуть ниже лобного бугра, обе линии имеют продолжительность в 17 мм. Второй надрез своим дистальным концом направлен к срединной части верхнего надреза под острым углом. Последние

четыре насечки также парные, располагаются на правой половине лобной кости, две крайние на ее височной линии. Два верхних следа как, впрочем, и два нижних, вероятно, являются продолжениям одного режущего движения, так как расположены в одну линию, хотя и прерываются.

На левой теменной кости также зафиксировано 4 плохо различимых надреза, которые видны несколько ниже теменного бугра. Первые два верхних, как и два нижних, аналогичны последним 4 насечкам на лобной кости, по-видимому, стали результатом единых движений, так как располагаются в одну линию, недалеко друг от друга. Продолжительность насечек от 2 до 4 мм. Ориентация надрезов горизонтальная, в продольном направлении черепа.

Дополнительно к описанным выше повреждениям, зафиксированным на черепе мужчины, так же необходимо упомянуть застарелую травму носа у него же. Носовые кости разрушены и частично отсутствуют. Оставшиеся фрагменты вместе с лобными отростками верхней челюсти покрыты порозом и несколько вогнуты в носовую полость.

Курган 85 погребение 4 костяк б. Исследовалась черепная коробка молодой женщины 17-19 лет. На черепе зафиксировано 13 резаных отметин. Девять насечек на лобной, две на правой теменной и еще две на затылочной кости. Лобная кость: первые три надреза наблюдаются на левой височной линии в 1 см от краниометрической точки "Frontotemporale", все три дефекта имеют размер около 10 мм и расположены параллельно друг другу по горизонтали. Следующие три надреза находятся в срединной части лобной кости: первый, самый нижний, расположен на левом надбровном валике размером около 2,5 см, второй, самый длинный, величиной около 3 см находится несколько выше первого дефекта, правая часть надреза заканчивается точно посередине лобной кости. Вполне возможно, что продолжением этого дефекта является насечка, расположенная в 1,5 см от надреза 2, имеющая длину около 10 мм, так как обе насечки находятся абсолютно на одной линии. Третий надрез в центральной части кости, расположен выше остальных дефектов, строго между лобными буграми, и размером около 1,5 см. Следующие два дефекта парные, так как

имеют область прерывания, на месте надрезов проходит кровеносный канал, в результате чего на костной ткани образовалось вдавливание. Сами насечки расположены на правой половине лобной кости, несколько ниже лобного бугра, над правым надбровным валиком. Важно отметить, что все дефекты расположены параллельно по отношению друг к другу, и в своем направлении идут поперек сагиттальному шву по окружности лобной кости.

На правой теменной кости зафиксировано два надреза. Первый нижний наблюдается в 1 см от задней части чешуйчатого края теменной кости размером всего около 2 мм. Вероятнее след был намного больше, но теменная кость в заднем направлении разрушена. Второй надрез обнаружен на 1 см выше дефекта 1. Насечки идут параллельно друг другу. Размер второго дефекта намного больше - 24 мм, он начинается в 5 мм от верхнего края чешуи правой теменной кости. Оба надреза расположены горизонтально в продольном черепу направлении.

На затылочной кости наблюдаются также два дефекта. Первый (6 мм) на правой половине, а второй на левой (23мм). Надрезы находятся чуть ниже вершины затылочного гребня. Вероятнее всего оба они являются результатом одного движения режущим предметом (находятся на одной линии и одинаково ориентированы).

Новый - 1983.

Курган 129 погребение 7. Костные останки принадлежали молодому мужчине 20-25 лет. При обследовании черепа на правой и левой теменных костях, а также на затылочной кости, обнаружены надрезы различной длины. Так на правой теменной кости, несколько выше височного края, параллельно друг другу проходят два надреза, выполненных острым режущим предметом. Длина надрезов 7-8 мм, ориентированы в сагиттальном направлении. На затылочной кости с правой и левой стороны отмечены 2 насечки, идущие параллельно друг другу, через всю вершину гребня, поперек сагиттальному шву. Размер надрезов 36 и 43 мм. На левой теменной кости также несколько выше височного края

имеется надрез, размер которого 8-9 мм, ориентированный в сагиттальном направлении. Необходимо также дополнить, что следы скальпирования на черепках из кургана 129 по сравнению с надрезами, зафиксированными на черепных коробках из погребения 4 кургана 85, выражены значительно слабее. Дефекты, описанные в последних двух случаях, имеют меньшую глубину повреждения компактного верхнего слоя кости. Вероятно, это связано с тем, что скальпирование черепов из погребения 7 и 8 кургана 129 проводилось, возможно, другим инструментом.

Курган 129 погребение 8. При исследовании черепной коробки мужчины 30-35 лет, по ее окружности были обнаружены следы насечек оставленные, вероятнее всего, предметом с острым режущим краем (рис. 3). На лобной кости зафиксировано 7 надрезов. Первые три наблюдаются в области краниологической точки "metopion", располагаясь несколько в хаотичном порядке, но строго поперек сагиттальному направлению. Следующие две наблюдаются на правом лобном бугре и идут также параллельно друг другу и поперек сагиттальному шву. Последние два надреза на лобной кости зафиксированы в области правого теменного края практически на височной линии лобной кости, абсолютно параллельно, но несколько по диагонали друг к другу. Аналогичные следы также отмечены на лобной, правой теменной и на затылочной костях. Так на теменной кости всего в 5 мм от теменного края правой височной кости и в 30 мм от затылочного шва наблюдается надрез размером около 20 мм, ориентированный в сагиттальном направлении. На затылочной кости черепа мужчины, несколько ниже верхней выйной линии, также обнаружено две насечки, идущие параллельно друг другу и ориентированные поперек черепа.

Необходимо отметить, что в рассмотренных случаях, при скальпировании использовался предмет с очень острым режущим краем, так как размер дефектов, как в глубину, так и по ширине не превышает 0,5 мм (без каких-либо зазубрин и неровностей). Вероятнее всего, для манипуляций над черепом из погребения 4 кургана 85 использовался

металлический нож. Вполне возможно, что в случаях с погребениями 7 и 8 кургана 129 пользовались острыми кремневыми отщепами, обнаруженными в этих погребениях. Во всех случаях насечки были множественными, фиксировались на 2 или более костях черепа. Из-за плохой сохранности черепов, а также того, что все они подверглись краниологической реконструкции, увеличивается вероятность, что на черепах присутствовали дополнительные маркеры скальпирования, не зафиксированные нашим исследованием.

В наши дни исследователи по-разному интерпретируют удаления кожи с головы человека. Так есть мнение о большой роли магических свойств волос, головы и их символики в практике скальпирования. Ритуальное скальпирование трупов, применявшееся, например, жрицами-лучницами Артемиды ставило целью обезвредить душу убитого врага. Волосы, по поверью, сосредотачивали в себе магическую силу и, отняв их, девы-охотницы лишали дух убитого прежней мощи [Елисеева О. 2002].

Голова или череп, занимают исключительное положение в первобытном миропонимании. Можно отрубить руку, ногу, ухо и человек все же продолжает жить, но если отрубить ему голову, он погибнет. Исключительное значение головы в религиозной и магической системе находит разное идеологическое обоснование. Так, например, в обрядовой практике при скальпировании, как и при обезглавливании умершего родственника или убитого врага, важнейшей мотивацией было лишить покойника возможности мщения. Поэтому в древности уносили с собой голову врага или сородича, которая затем, в разных племенах подвергалась различным процедурам. Одни ее высушивали, другие вываривали в смоле, третьи давали мягким тканям сгнить, а ритуальные операции проводили с очищенным черепом. В итоге, отрезанная голова превращалась в безопасный элемент собственной бытовой культуры [Мамардашвили . 2002].

Можно предположить, что в древности в ритуально-обрядовой практике заменителем головы мог служить скальп. Тем не менее, ряд исследователей настаивают на бытовании у большинства народов военного обряда скальпирования, смысл которого также может интерпретироваться по-разному: в скальпе видят, например, разновидность специфического трофея; это может быть и видоизмененный (упрощенный) ритуал расчленения тела врага; с другой стороны, ссылаясь на фольклор (остякский эпос), можно найти свидетельства веры некоторых народов, что душа оскальпированного становится слугой победителя [Карачаров, Ражев. 2001, с. 137-140].

Для выяснения смысла подобного обряда у сарматских племен обратимся к свидетельствам древних авторов, у которых есть описания удаления кожи с головы человека. Первые письменные свидетельства об обряде скальпирования содержатся у Геродота в книге IV (главы 59-75). При описании обычаев скифов древний автор упоминает: "С головы врага; он сдирает кожу следующим образом: вокруг головы около ушей делает надрез, потом берет голову в руки и вытряхивает ее из кожи, затем, очистив кожу от мяса, при помощи бычачьего ребра, он мнет ее руками и, выдубив ее, держит у себя в виде утиральника, привязывает к узде коня, на котором сам ездит, и гордится этим, так как тот, который имеет наибольшее количество таких кожаных утиральников, считается самым доблестным мужем. Многие скифы из содранных кож делают для одеяния плащи, сшивая их, как козьи шкурки. Многие, также содрав кожу вместе с ногтями с правых рук убитых неприятелей, делают покрышки для колчанов. Человеческая кожа, действительно и толста и блестяща; блестящею белизной она превосходит почти все другие кожи. Наконец, многие сдирают кожу со всего трупа, напяливают на палки и возят с собою на лошадях" [Геродот, IV, 64].

Необходимо также отметить и описанный Геродотом обычай относительно голов злейших врагов, из которых, по сообщению историка, в результате ряда манипуляций делалась "чаша" [Геродот, IV, 65]. Не исключено, что при изготовлению чаши из черепа, предшествовало скальпирование головы умершего человека. Геродот зафиксировал

обряд скальпирования не только у скифов, подобный обычай он описывает и у "исседонов": "Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубают на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом мясо смешивают и устраивают пиршество. С черепа покойного снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир" [Геродот, кн. IV, 26].

У Юлия Полидевка (II в.н.э.) есть упоминания о кожаных одеждах: "Были и кожаные одежды + сисирна - кожаный хитон, волосатый с рукавами употребляется скифами" [Латышев. 1948, с. 266].

Обычаи снятия скальпа и использования черепа как чаши описываются в "Двоеречии" Симона (401 г. до н.э.): "Скифы же считают прекрасным, если кто, убив мужа и ободрав голову, кожу с волосами возит, повесив впереди на уздечку лошади, череп же, позолотив или посеребрив его, пьет из него сам и делает возлияние богам" [Латышев. 1952, с. 277]

У Гая Плиния Секунда Старшего находятся следующие упоминания о кельтах и народах Понта: "В Понте установлено очищать головы мужчин, вынимая из них мозг, и посредством снадобий сохранять на долгий век... А кельты - о ужас! - охотно обделывают в золото кости очищенной от мозга головы и сохраняют такие чаши для пиров" [Плиний Старший, XIII, 482-487, с. 319].

Аммиан Марцеллин оставил свидетельства, указывающие на существование обычая скальпирования врагов у аланов: "+, они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых" [Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 22]. У этого же автора есть упоминания о гелонах: "... которые снимают кожу с убитых врагов и делают из нее одежды себе и боевые (bellatoria) попоны для своих коней" [Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 13]. Практика скальпирования у аланов подтверждается, сохранением её реликтов в осетинском эпосе о нартах: "На Хазмийском поле, за Черным морем,

живет Куцыков сын Елтган; у него головная кожа золотая; если ты силен, Созрыко, то убей Елтагана, сдери у него головную кожу, принеси ее и из нее сделай воротник для шубы" [Миллер В., 1881, с.35].

Теперь рассмотрим некоторые палеоантропологические свидетельства. В нашем случае особенно важно отметить синхронные находки скальпированных черепов, то есть датирующихся первыми веками до н.э. и первыми веками нашей эры.

Три достоверных случая скальпирования погребенных были зафиксированы А.П. Бородовским и А.В. Табаревым в Новосибирском Приобье, в курганной группе Быстровка-2, датирующейся I тыс. до н.э. В погребении 3 кургана 1 в парном захоронении взрослых мужчин в возрасте от 25-30 до 45-55 лет на костях черепов прослеживались отчетливые следы скальпирования. Еще одно, вторичное захоронение молодого мужчины (18-20 лет) со следами скальпирования, было обнаружено в кургане 2 (погребение 2). Ссылаясь на этнографические параллели, "остяцкий героический эпос" эпохи средневековья, исследователи сделали предположение, что скальпирование производилось с отсеченной головы, которой легко было манипулировать [Бородовский, Табарев. 2001, с. 207-210].

Необходимо упомянуть мумифицированные останки мужчины из второго Пазырыкского кургана с территории Верхнего Алтая, исследованного С.И. Руденко в 1948 году. По свидетельству ученого: "...кожа спереди была надрезана надо лбом от одного уха до другого, через выступающий мысик волос, и содрана назад. Скальп был снят с черепа после смерти" [Цит. по: Murphy E., 2002, p. 4]. Одновременно хотелось бы сказать, что впоследствии эту же мумию, хранящуюся в Санкт-Петербурге, в музее Эрмитаж, обследовала Е. Murphy. Она дополнительно отметила, что на черепе присутствуют небольшие надрезы, которые подтверждают выводы С.И. Руденко о проведении обряда скальпирования над этим погребенным.

Завершая обзор находок, хотелось бы упомянуть еще один случай скальпирования, зафиксированный при

раскопках погребений могильника Аймырлыг гунно-сарматского времени. Костный материал принадлежал двум индивидуумам из одного погребения: первый - молодому мужчине 17-25 лет, а второй мужчине возрастом 35-45 лет. В обоих случаях Е. Murphy, исследовавшая мужские черепа, зафиксировала несколько тонких надрезов расположенных на костях свода черепа. Также исследователь отметила на костях обоих скелетов следы рубящих ранений. Основываясь на этом и том факте, что черепа не несут на себе следов заживления после снятия кожи, Е. Murphy предположила, что операция скальпирования проводилась после смерти индивидов, и произошло это, скорее всего после военного столкновения, в котором оба мужчины принимали участие [Murphy, Gokhman, Chistov, Barkova. 2002, p. 4].

Таким образом, на основе изученных черепов из могильника "Новый" Ростовской области, а также рассмотренных письменных античных источников и палеоантропологических данных, можно предположить следующее:

1. Изученные дефекты на сарматских черепах, могли быть последствием ритуального скальпирования. Ближайшие аналогии данному обряду находятся в подкурганных погребениях Пазырыкского, Аймырлыгского, Быстровского могильников, относящихся к скифскому и гунно-сарматскому периодам. Практически во всех случаях скальпирования из Южной Сибири, исследователи отмечают дополнительные следы травм на черепах и посткраниальном скелете, полученные непосредственно перед или незадолго до смерти, вероятно, в результате военных действий. В случаях с людьми, захороненными в могильнике "Новый", травматических повреждений на костях, полученных непосредственно перед смертью, не отмечено. Тем не менее, стоит обратить внимание на то, что у мужчины из погребения 4 кургана 85 имеется застарелая травма носа, а у мужчины из этого же погребения, без следов скальпирования на черепе, отмечен полный перелом правой лучевой кости в нижней части диафиза. Важно также

упомянуть и о характерной особенности связанной с погребальным инвентарем в могильных ямах скальпированных сарматов. Как было описано выше, вместе с костными останками в погребениях были найдены стрелы, мечи, кинжалы. Вполне вероятно, что все три захоронения были воинскими. Неудивительно в данном контексте и то, что из четырех оскальпированных черепов один принадлежал молодой женщине. Относительно данного факта можно высказать следующее предположение. Хорошо известно, что южно русский степной регион являлся одним из очагов ритуального и военного скальпирования на территории Евразии. Выше нами были рассмотрены свидетельства античных авторов о практике этого обычая у скифов, понтийцев, аланов. И именно в античных письменных источниках мы находим упоминания о воинственных амазонках, о племенах кочевников, в которых женщины сражаются наравне с мужчинами, или берут в руки оружие, когда начинается война, как, например, у Гиппократ (Гиппократ, гл. 17). У Полиена есть описание Амаги, жены Медосакка, царя сарматов, которая: "...сама чинила суд, и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям" (Латышев В.В. 1948, с. 216-219). Возможно, что погребение 4 кургана 85 из могильника "Новый", является ярким свидетельством правоты древних авторов. И еще одна важная деталь, на которую необходимо обратить внимание, относящаяся к особенностям погребального обряда. Скальпированные мужчины из погребения гунно-сарматского времени могильника Аймырлыг, и из Быстровского кургана 1, а так же погребение 4 кургана 85 могильника "Новый" - являются коллективными захоронениями. В первом и втором случаях погребено по два человека, в сарматской могиле из Нижнего Дона находились костные останки трех человек. Причин совершения коллективных захоронений может быть несколько: во-первых, это могли быть родственники, во-вторых, могло не хватить сил или времени для сооружения дополнительных могильных конструкций, а в-третьих, что все погребенные умерли в одно и то же время, скорее всего, в ходе боевых действий.

2. Что касается способа скальпирования, то подробные описание скальпирования сарматов уже приведены, поэтому хотелось бы остановиться на некоторых технических моментах. Сейчас известно несколько разновидностей насильственного или преднамеренного скальпирования: 1) простое скальпирование - снятие части кожи с головы вместе с волосами, использовалось ирокезами; 2) сложное скальпирование - снятие скальпа вместе с частью лица, шеи и ушами, применяемое индейцами племен чинук и сиу; 3) частичное скальпирование - снятие лишь небольшого участка кожи (размером с ладонь) с волосами с макушки, зафиксированное у шошонов и шайенов; 4) групповое скальпирование, при котором сразу несколько победителей срезали по фрагменту скальпа. Обычай появился с распространением огнестрельного оружия и применялся тогда, когда после стычки или боя нельзя было однозначно определить, чья пуля поразила противника; 5) снятие скальпа ударом. В конкретных ситуациях, когда не было времени на обычную процедуру, просто наносился один или несколько быстрых и сильных ударов (siber-like blow); 6) снятие скальпа с лысых - обычай, малоизвестный между индейцами (по причине крайне малого числа лысых) и получивший распространение только с приходом европейцев; 7) неполное скальпирование - произведение надреза и лишь частичного отделения кожи с волосами от головы. Процедура производилась как часть пыток. К числу исключительно редких разновидностей следует отнести снятие скальпа с погибшего в бою соплеменника (когда нет возможности унести с собой для погребения все тело и необходимо предотвратить снятие скальпа противником) и самоскальпирование [Nadeau. 1941]. В случаях скальпирования, зафиксированных на черепах из могильника "Новый", ни один из выше перечисленных способов снятия кожи с головы не подходит. Самое главное отличие от известных способов и описанных случаев удаления кожи головы это то, что насечки на лбу и затылке располагаются достаточно низко. Судя по локализации надрезов, манипуляторы старались по возможности не затрагивать волосяной покров. Надрезы кожи проводились по окружности черепа, над ушами, на лбу и на затылке, а это значит то, что людям,

снимающим скальп, необходима была практически вся кожа свода черепа. Во всех 4-х случаях нет никаких следов воспалительного процесса, указывающего на то, что человек хотя бы некоторое время жил после данной процедуры. Реакция костной ткани у живого оскальпированного человека хорошо описаны профессором D.J. Ortner [Ortner. 1985, 1997] Вероятнее всего, данные действия были проведены уже на умерших людях или незадолго до их смерти. Каких-либо следов дополнительных манипуляций на костях черепа не обнаружено. Человек, проводивший данную операцию, по видимому, действовал, не спеша и очень аккуратно, так как хаотичности в системе надрезов на исследованных черепах не наблюдается. В одном случае, а именно у мужчины из погребения 7 кургана 129, надрезов на лобной кости не оказалось. Вероятно, человек, снимавший скальп, находился спереди над телом. Для снятия скальпа, возможно, хватило насечек на затылке и теменных костях. Есть и вероятность того, что целью обряда было также снятие кожи с лица человека. Все перечисленные данные указывают на преднамеренный ритуальный характер снятия скальпа с черепов ранних сарматов из могильника "Новый".

Нам представляется важным подчеркнуть ещё одно семантическое значение скальпирования в истории культуры. Основой этих построений является широко распространенное представление о множественности душ человека. Характерный пример представления о сущности человека у египтян. Но эти примитивные представления известны и у римлян. На востоке этот круг представлений связывал место пребывания одной из душ с первородным волосом, который никогда полностью не подстригался и у древних китайцев заплетался в косу, которую лишь после смерти обрезали и погребали с умершим. У бурят этот обычай сохранился до нового времени. У западносибирских племен отделение первородных волос от головы вместе с кожей производилось после смерти. При этом считалось, что в результате этого действия душа получает возможность покинуть мертвое тело и, следовательно, получает возможность возрождения. Процедура проводилась близкими родственниками над трупом умершего и воспринималась

как акт помощи душе человека. У гуннов эти представления привели к появлению особой моды отращивать длинные косы, этот обычай как модная стрижка был воспринят византийцами и получил название «гуннской моды». Позже эта культурная новация проникает в скандинавскую культуру и широко распространяется в культуре запорожских казаков. О том, что эти элементы языческих представлений, сохранялись в культуре южнорусской степи косвенно свидетельствует Н.В.Гоголь. Вспомним, что кричала со стен осажденного города польская шляхта, стремясь вывести из себя казаков .

Любопытно будет отметить, что этот первородный волос у бурят носил собственное имя «хаохаол». С обретением моды запорожцами это имя трансформировалось в иноназвание народа.

Требование проводить манипуляции с черепом близкими родственниками, как об этом свидетельствуют античные источники, сохранение скальпов и черепов на наш взгляд свидетельствует о том, что и обычаи и сопровождавшие обряды вырастают из идеологических представлений о сложной сущности человека включающей в себя представление о множественности душ.

3. Как использовались скальпы? По мнению G.B. Grinnell, у равнинных индейцев Северной Америки скальп считался только трофеем и не очень высоко ценился. Он был эмблемой победы, его неплохо было принести в лагерь, чтобы порадоваться ему и потанцевать с ним. У многих племен скальпы иногда приносились в жертву. Их могли сжигать, как у пауни, а шайенны и черноногие привязывали скальпы к шестам и оставляли их в степи, где те разрушались от непогоды. Скальпы использовались в качестве бахромы для украшения военной одежды - рубах и леггин - и перед боем привязывались к уздечке [Grinnell 1976, p. 650-664]. Хорошо также известно, что некоторые племена индейцев использовали скальпы для проведения религиозных обрядов. У племен Пуэбло скальпы приносили в жертву для

вызова дождя. Скальп применялся индейцами Навахо при лечении зубной боли, для этого нужно было пожевать человеческую кожу [Murphy. 2002, p. 4]. Что же касается сарматов, то всякая интерпретация использования целиком и полностью зависит от интерпретации обряда. Это мог быть трофей, утиральник (полотенце), а в случае скальпирования родственника мог быть элементом обрядовых действий основой создания масок, кумиров. Делать какие-либо предположения и реконструкции очень сложно. Нет пока аналогичных находок, свидетельствующих о практике обряда скальпирования у сарматов других регионов Нижнего Дона, Нижнего Поволжья и Приуралья. Именно эти территории являются основным ареалом распространения сарматских племен. Поэтому нам остается лишь вновь и вновь обращаться к сведениям античных авторов, которые и по сей день, являются уникальными источниками по культуре и обычаям ирано-язычных кочевников южнорусских степей.

Литература.

Аммиан Марциллин. 1994. Аммиан Марциллин Римская история. СПб.

Гиппократ. 1994. Гиппократ. Избранные книги. О воздухе водах и местностях.

Геродот. 2001. Геродот. История. Перевод Г.А. Стратановского, М: Ладомир.

Плиний Старший. 1949 Гай Плиний Секунд Старший. Естественная История. // Латышев В.В. Известия... ВДИ. №2.

Латышев. 1952. Латышев В.В. Известия ... ВДИ. №2.

Юлий Полидевк. Словарь. VII, 70. // Латышев В.В. Известия +// ВДИ. №2.1948.

Бородовский, Табарев. 2001. Бородовский А.П., Табарев А.В Корреляция обычая скальпирования в Северной Америке и Западной Сибири. //Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. Тр.: Нальчик-Омск:

Елисеева. 2002. Елисеева О. Склеп Деметры. Секс и смерть в древней мифологии (заметки на полях книги Р. Грейвза "Золотое Руно"). // www.udod.traditio.ru

Ильюков, Власкин. 1992. Ильюков Л.С., Власкин М.В Сарматы междуречья Сала и Маныча. Вып. I. Ростов-на-Дону: Издательство ростовского университета.

Карачаров, Ражев. 2002. Карачаров К.Г., Ражев Д.И Обычай скальпирования на севере Западной Сибири в средние века. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН.

Максименко. 1998. Максименко В.Е. Сарматы на Дону. (археология и проблемы этнической истории). Донские древности. Выпуск 6.; Азов: Азовский краеведческий музей.

Мамардашвили. 2002. Мамардашвили М.К. Человек начинается с плача по покойнику. // www.russ.ru.

Медникова, Лебединская, 1999. Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений. // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Сборник статей. М.

Медникова. 2000. Медникова М.Б. Скальпирование на Евразийском континенте. // РА, 3.

Медникова. 2001. Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии.

Миллер. 1881. Миллер В. Осетинские этюды, ч. 1. Осетинские тексты. М.: типография Бывш. Ф.Щ. Миллера.

Сергацков. . 2002. Сергацков И.В. Анализ сарматских погребальных памятников I-II вв. н.э. Статистическая обработка погребальных памятников азиатской Сарматии . Вып. III. Среднесарматская культура. М.

- Grinnell.** 1976. Grinnell G.B. Coup and scalp among the plains Indians. Selected papers from the A.A., edited F. de Laguna, 1888-1920. Washington.
- Larsen.** 1999. Larsen C.S Bioarchaeology: interpreting behavior from the human skeleton, United Kingdom, Cambridge University Press, p. 461.
- Murphy, Gokhman, Chistov, Barkova.** 2002. Murphy E., Gokhman I., Chistov Y., Barkova L., Prehistoric Old World Scalping: New Cases from Cemetary of Aymyrlyg, Sought Siberia. // American Journal of Archaeology, 106: 1-10.
- Ortner, Ribas.** 1997. Ortner, D.J., Ribas C Bone changes in a human skull from the Early Bronze Site of Bab Edh-Dhra', Jordan, probably resulting from scalping. // Journal of Paleopathology, 9: 137-142.
- Ortner, Putschar.** 1981. Ortner, D.J., Putschar, W.G.J., Identification of Pathological Conditions in Humah Skeletal Remains. Washington,,: Smithsonian Institution Press,.
- Aufderheide, Rodriguez-Martin.** 1998. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology by Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez-Martin., United Kingdom, Cambridge University Press.

Перерва Е.В.
(г. Волгоград)

Патология населения, оставившего диагональные археологические комплексы (по антропологическим материалам из среднесарматских погребений).

Яркой особенностью сарматских захоронений, на которую обращают внимание все исследователи, - это широкое распространение в I - III вв. н.э. диагональных погребений. Ученые выделяют две хронологические группы диагональных погребений. Первая - ранняя, относится к савроматской культуре и к раннепрохоровскому этапу (V - начало III в. до н.э.). Вторая группа диагональных погребений, более поздняя, датируется I - началом III в. н.э. Памятники этого времени связываются с комплексами среднесарматской и ранним этапом позднесарматской культур [Скрипкин. 1992, с. 11].

Проблема диагональных погребений включает несколько аспектов: хронологию таких комплексов; поиски истоков этого оригинального обряда; этнической интерпретации данной группы сарматских захоронений. Как отмечают многие археологи, диагональные погребальные комплексы интересны как комплексы с разнообразным и многочисленным инвентарем [Засецкая. 1974, с. 112-113; Смирнов. 1974, с. 42; Скрипкин. 1992, с. 11-14; Глухов. 2001, с. 20].

Наиболее дискуссионной среди ученых является проблема этнической принадлежности диагональных погребений. Так, К.Ф. Смирнов первоначально предположил их отождествлять с роксаланами [Смирнов. 1948, с. 213-219]. Позднее исследователь допустил, что данные погребения могли принадлежать не только роксаланам, но и отдельным родам других сарматских племен – аланам, аорсам [Смирнов. 1961, с. 68]. И.П. Засецкая предполагала, что диагональные погребения следует связывать с могущественным аорским союзом [Засецкая. 1974, с. 121]. Детальное изучение многочисленного археологического материала позволило А.С. Скрипкину противопоставить существующим концепциям свою точку зрения, и утверждать аланскую принадлежность диагональных погребений, так как становление этого признака совпадает по времени с первыми упоминаниями аланов в письменных источниках [Скрипкин. 1988, с. 129; Скрипкин. 1990, с. 214-220]. М.А. Балабанова, изучившая антропологический материал из диагональных погребений, состоящий из 38 черепов среднесарматской культуры и 16 черепов позднесарматской культуры, выделила

компонент длинноголовых европеоидов, слабо представленный у предшествующего населения. На основе этого она намечает возможные пути миграций аланов на Нижнюю Волгу и Волго-Донское междуречье [Балабанова. 2002, с. 85].

В данной работе рассматриваются 11 костяков среднесарматского времени, которые были извлечены из диагональных погребений. Пять из них принадлежало мужчинам и 6 - женщинам. Незначительность представленной выборки не позволяет нам сделать какие-либо существенные предположения относительно половозрастных особенностей сарматов, погребенных по диагонали. Тем не менее, можно сказать, что данный обряд погребения, вероятно, был характерен как для среднесарматских мужчин, так и для женщин. Обращает на себя внимание и тот факт, что все 11 исследуемых костяков принадлежат взрослым индивидам. Аналогичную тенденцию выявила и М.А. Балабанова в результате краниологического изучения диагональничков из второго Бережновского могильника [Балабанова. 2000, с. 90]. Индивидуальных детских диагональных захоронений не выявлено. Все дети были похоронены в погребениях вместе с женщинами. Чаще их укладывали рядом со взрослыми.

Средний возраст смерти в группе относительно невысок - 33,5 лет - и несколько ниже суммарной сарматской серии. Такая же направленность отмечается при сравнении средних сарматов суммарной выборки по половому признаку. Продолжительность жизни у сарматов диагональных погребений несколько ниже: у мужчин - 36,4, а у женщин - 30,5 лет (табл. 1).

Среднесарматские женщины, захороненные в погребении диагональным образом, чаще умирали в возрасте от 25 до 35 лет, что в целом характерно и для суммарной выборки средних сарматов. Такая ранняя смертность может быть следствием осложнений во время беременности или тяжелых родов.

Мужчины среднесарматского времени чаще умирали в возрасте *maturus* – 35-45 лет. Еще раз хотелось бы упомянуть, что данные построения могут лишь отражать некоторую тенденцию, так как выборка малорепрезентативна.

Анализ частот встречаемости дискретно-варьирующих признаков указывает на возможную генетическую однородность погребенных в диагональных погребениях. Даже не смотря на то обстоятельство, что практически все рассматриваемые сарматские костяки происходят из разных могильников, локальных групп и территорий. Тем не менее, стоит отметить важные особенности для всех сарматов, которые присущи и костякам с диагональным труположением.

Так у сарматов погребенных в могилах по диагонали довольно редко встречаются аномалии в строении зубной системы. Только один раз отмечено нарушение зубного ряда - краудинг, и у мужчины из погребения 3 кургана 7 могильника Маляевка –V, выявлена гиподонтия третьего моляра.

Характерны для людей, погребенных в среднесарматских могилах с диагональным труположением, высокие частоты встречаемости «**Os Wormii suturae Lambdoidea**» — шовных косточек в лямбдовидном шве. Размеры и расположение их сильно варьируют, от маленьких одиночных косточек до множественных костей, расположенных по всей длине шва.

У двух индивидов были зафиксированы признаки высокого внутричерепного давления, которые проявляются в виде пальцевидных вдавлений на внутренней поверхности черепа со стороны эндокрана.

У трех индивидов мужского пола выявлены остеомы – доброкачественные опухоли, расположенные на черепной крышке (табл. 2).

Группа средних сарматов из диагональных погребений по показателям эпизодического стресса и зубным патологиям достаточно близка к суммарной сарматской серии (табл. 3).

Из зубочелюстных патологий у средних сарматов, захороненных в погребении диагональным образом, чаще всего встречаются минерализованные отложения светло-желтого цвета – 90%, пародонтоз – 60%, прижизненная утрата зубов – 50%, и эмалевая гипоплазии (недостаточность) – 40% (табл. 3).

Случаи воспалительных процессов и кариеса достаточно редки всего по два наблюдения, что в целом характерно для большинства кочевых групп раннего железного века.

Такое распределение зубочелюстной патологии говорит о том, что в рационе сарматов доминировала вязкая, мясомолочная диета, с низким содержанием углеводов.

Обследование костяков средних сарматов с диагональным труположением показало, низкие частоты встречаемости патологий маркирующих специфические и неспецифические заболевания.

Выявлен лишь один случай присутствия сглаженных следов поротического гиперостоза – маркера железодефицитной анемии у молодого мужчины из погребения 3, костяк 2, кургана 7 могильника Маляевка V.

У двух мужчин были зафиксированы следы пороза альвеолярных отростков верхней и нижней челюсти. Данные патологические состояния могут быть результатом развития инфекции в ротовой полости человека или следствием дефицита витамина С в организме.

Следует указать что из 10 исследованных черепов на 6 была зафиксирована **васкулярная реакция** - специфическое изменение надкостницы, отмечающееся в области надбровных дуг, по внешнему краю скуловых костей, глазниц, по периметру от Bregma, вдоль стреловидного шва, в затылочной области (табл. 5). Данный маркер принято отождествлять с последствием холодового стресса, связанного с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе в прохладную и ветреную погоду или в холодную погоду с повышенной влажностью [Бужилова. 1998, с 104-105; Алексеева. 2003, с. 52-53]. Чаше васкуляризация костной ткани по типу «апельсиновой корки» встречается у мужчин 4 наблюдения, чем у женщин 2 наблюдения. Такая направленность в распределении признака, прежде всего, объясняется образом жизни и различиями социальной роли мужчин и женщин в кочевой жизни.

Без сомнений, наиболее активной частью сарматского общества во всех культурах были мужчины. В холодное время года дети и подростки были освобождены от выпаса скота, и эта функция ложилась на плечи мужчин. Именно они, вероятнее всего, большую часть жизни проводили на открытом воздухе, подвергаясь воздействию низких температур и холодных ветров.

При анализе травматизма у сарматов, погребенных диагональным способом, удалось установить, что все повреждения свода черепа были отмечены на женских черепах. Причем, возможно ряд из них имеют боевой, насильственный характер, а часть - случайный или бытовой (таб. 4).

Так, у женщины 35-40 лет из погребения 3, костяк 1, кургана 7 могильника Маляевка-V обнаружены серьезные повреждения свода черепа. На правой теменной кости зафиксирован целый комплекс дефектов.

Первое ранение наблюдается в области затылочного угла кости в 15 мм от сагиттального шва. Повреждение овальной формы размером 15×10 мм по типу вмятины длинной осью ориентировано в поперечном черепу направлении. Ранение имеет благоприятный исход.

Следующий дефект локализуется в задней нижней части затылочной кости несколько выше сосцевидного угла. Ранение также по типу компрессионного перелома свода черепа, но уже более обширное, размером 35×35 мм, имеет четкую округлую форму. Стенки ранения округлые и облитерированные. На внутренней поверхности черепа наблюдается незначительная выпуклость на месте дефекта. Одновременно с этим от передней части дефекта отходит полностью заросшая линия разлома. Длина трещины первоначально, вероятнее всего, была несколько больше, чем отмеченная нами, около 50 мм, по направлению к венечному шву.

Как известно, трещины и переломы образуются от сильных ударов по голове тупым предметом. Если на череп действует орудие с ограниченной поверхностью, то образуются так называемые вмятины и дырчатые переломы, в той

или иной степени отражающие форму ударяющей поверхности. Последствием данных повреждений чаще всего является смерть [Смолянинов и др. 1959, с. 188]. В нашем случае наблюдается благоприятный исход от полученной травмы. Причиной возникновения дефекта № 1, скорее всего, был удар тяжелым тупым предметом, узким в сечении. Второй же дефект мог произойти и в результате удара тупым предметом, имеющим в сечении значительную по площади поверхность поражения.

Единственное травматическое повреждение - застарелый перелом правой локтевой кости в центральной части диафиза - был зафиксирован у мужчины из погребения 1 кургана 4 могильника Колобовка IV.

У трех индивидов, наряду с черепной коробкой исследовались сохранившиеся кости посткраниального скелета. В результате их изучения были зафиксированы маркеры механического стресса, связанного с верховой ездой. Так, на всех длинных костях скелета, в особенности на верхних конечностях, отмечается увеличение мышечного рельефа и дегенеративные изменения на суставных площадках лучезапястного, локтевого и плечевого суставов. Кроме того, на черепях семи индивидов зафиксировано увеличение рельефности и появление многочисленных питательных отверстий в области присоединения мышц: *m. occipitalis*, *m. rectus capitis posterior minor*, *m. rectus capitis posterior major*. Также были хорошо заметны дегенеративные изменения на суставных поверхностях мыщелков затылочного отверстия. Конечно же, подобные изменения фиксировались и в суммарной выборке сарматов. Данные патологические отклонения в особенности характерны для мужчин молодого и зрелого возраста. Однако в случае с костяками из диагональных погребения маркеры стресса, связанного с верховой ездой, фиксируются также и у женщин.

Таким образом, в результате исследования костяков из диагональных погребений вызывает сомнение тезис о принадлежности их к какой-либо определенной этнической группе, которая значительно отличалась бы от среднесарматского населения первых веков нашей эры.

Сложно говорить о генетической родственности изучаемой группы, так как сарматские костяки происходят из разных могильников и территорий, но и отрицать это нельзя.

Широкое распространение у мужчин признаков васкулярной реакции говорит о том, что они были наиболее активной частью сарматского общества.

Важным обстоятельством является тот факт, что большинство «диагональников» было всадниками, и этот критерий, возможно, был характерен как для мужчин, так и для женщин, погребенных по данному обряду.

Подтверждением этому служит находка костей коня в могильнике Колобовка IV, кургана 4 погребения 1, крайне редкое явление для сарматских погребений. Возможно и то, что диагональные погребения мужчин являются воинскими захоронениями, как предположила М.А. Балабанова и ряд археологов [Балабанова. 2003]. В диагональных погребениях из могильника Маляевка и Авиловский были найдены ножи и мечи. В этом плане стоит отметить и боевые ранения у женщин, что позволяет высказать мнение об их участии в военных походах, тем более что в письменных источниках достаточно сведений о сарматских воительницах.

Список литературы:

Алексеева. 2003. Алексеева Т.И. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали) / Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. – М.: Научный Мир.

Балабанова. 2000. Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век – М.: Наука.

Балабанова. 2002. Балабанова М.А. Антропология сарматских диагональных погребальных комплексов // НАВ. — Вып. 5.

- Балабанова.** 2003. Балабанова М.А.. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // НАВ. Вып. 6. Волгоград,
- Бужилова.** 1998. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях / А.П. Бужилова // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.
- Глухов.** 2001. Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в.н.э.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Волгоград.
- Засецкая.** 1974. Засецкая И.П. «Диагональные »погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности Л.: Аврора. АСГЭ. Вып. 16.
- Скрипкин.** 1988. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры // Проблемы сарматской археологии и истории: Тез. докл. конф. Азов.
- Скрипкин.** 1990. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект – Саратов. Изд-во Сарат. ун-та.
- Скрипкин.** 1992. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: Науч. доклад, представленный в качестве диссертации на соиск. ученой степ. д-ра ист. наук. М.:
- Смирнов.** 1948. Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан / К.Ф. Смирнов // ВДИ. № 1.
- Смирнов.** 1974.Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Волги и Дона в IV в. до н.э. – II в. до н.э. (историко-археологический очерк) СА. № 3.
- Смирнов.** 1961. Смирнов К.Ф. Особенности общественного строя савроматов // Тезисы докладов на заседаниях посвященных полевым исследованиям. – М.

Смолянинов, Татиев, Черваков. 1959. Смолянинов В.М., Татиев К.М., Черваков В.Ф. Судебная медицина – М.: Медгиз.

Таблицы.

Таблица № 1. Сравнительная характеристика средних, сарматов имеющих диагональную ориентировку.

Возраста	Диагональные погребения			Суммарная группа средних сарматов		
	S	♂	♀	S	♂	♀
Infantilis 1	0(0%)	0(0%)	0(0%)	2(2%)	0(0%)	0(0%)
Infantilis 2	0(0%)	0(0%)	0(0%)	3(3%)	0(0%)	0(0%)
Uvenis	0(0%)	0(0%)	0(0%)	4(4%)	3(5%)	1(2%)
Adultus	7(64%)	2(40%)	5(83%)	45(44%)	20(28%)	25(61%)
Maturus	4(36%)	3(60%)	1(17%)	38(37%)	28(49%)	10(24%)
Senilis	0(0%)	0(0%)	0(0%)	11(11%)	6(11%)	5(12%)
Сред. возраст смерти	33,5	36,4	30,6	34,2	36,9	33,9
					35,6	
Всего	11	5	6	103	57	41

Таблица № 2. Распределение некоторых аномалий у средних сарматов с диагональным положением трупа. Сравнение с суммарной выборкой.

Признаки	Диагональные погребения			Суммарная группа средних сарматов		
	S	n	%	S	n	%
	Зубы					
Диастемы	9	0	0%	93	5	5%
Краудинг	9	1	11%	93	1	1%
Гиподонтия М ³	9	1	11%	93	10	11%
Редукции	9	0	0%	93	1	1%
Другие аномалии	9	0	0%	93	11	12%
	Череп					
Деформация головы	9	0	0%	93	2	2%
Метопический шов	9	0	0%	93	10	11%

Остеомы	9	3	33%	93	14	15%
Шовные кости	9	3	33%	93	23	25%
Родничковые кости	9	0	0%	93	12	13%
Пальцевидные вдавления	9	2	22%	93	22	24%
Краниосиностоз	9	0	0%	93	4	4,3
Другие аномалии	9	2	22%	93	5	5%

Таблица № 3. Распределение некоторых зубных патологий в диагональных погребениях сарматов (сравнение с суммарной серией).

зубные патологии						
	Диагональные погребения			Суммарная выборка		
	S	n	%	S	n	%
Кариес	9	1	11%	93	12	13%
Абсцесс	9	2	22%	93	19	20%
Зубной камень	9	8	89%	93	81	87%
Эмал. ипоплазия	9	3	33%	93	40	43%
Потеря зуба	9	5	56%	93	31	33%
Пародонтоз	9	6	67%	93	42	45%
Слом коронки	9	3	33%	93	17	18%

Таблица № 4. Степень травматизма, зафиксированная на костях поздних сарматов из разных хронологических этапов.

Локализация повреждений	Диагональные погребения			Суммарная серия		
	S	n	%	S	n	%
Свод черепа	9	2	22%	93	5	5%
Лицевые травмы	9	0	0%	93	5	5%
Посткраниальный скелет	4	1	25%	50	5	10%

Таблица № 5. Частота встречаемости патологических отклонений у сарматов в диагональных погребениях в сравнении с суммарной выборкой.

Признаки	Хронологические этапы					
	Диагональные погребения			Суммарная выборка		
	S	n	%	S	n	%
VR	10	6	60%	93	54	58%
Criba orbitalia	10	1	10%	93	11	12%
Пороз	10	2	20%	93	10	11%
Злокачеств. образ.	10	0	0%	93	1	1,1%
Лобный гиперостоз	10	0	0%	93	9	10%
Воспалительный пр.	10	0	0%	93	3	3,2%

Прокопенко Ю. А.

(Ставрополь.)

О КУЛЬТОВОМ НАЗНАЧЕНИИ ОРУЖИЯ В ПОДКУРГАННЫХ И ГРУНТОВЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ III – I ВВ. ДО Н.Э.

В ряде подкурганных и грунтовых комплексах III – I вв. до н.э., исследованных на территории Центрального Предкавказья, присутствуют различные категории оружия: мечи и кинжалы, наконечники стрел, наконечники копий, топоры и др.

В северной группе подкурганных захоронений (территория Ставрополя, левобережье р. Терек и предгорные районы Северной Осетии) мечи и кинжалы зафиксированы в 16-ти погребениях - 7,6% (соответственно по подгруппам – 11 - северная и 5 – юго-восточная) [Прокопенко. 2005, с.88 сл.].

В пяти случаях меч располагался справа от костяка – вдоль правой ноги. В одном захоронении меч лежал у левого бедра. В погребении №20 кургана 2 могильника Иноземцево-1 кинжал лежал поперек средней части обеих бедренных костей [Березин. 2007, рис.8]. В погребении 1 кургана 1 у г. Усть-Джегута меч в деревянных ножнах находился на груди погребенного. В погребении 4 кургана 3 могильника Черная-85 меч лежал наискось – поверх кисти левой руки и левого бедра воина. Также, в одном случае меч был найден в ногах жрицы (Ипатово, кург.1, погр.14) [Белинский. 2001, с.29].

В восточной группе (территория Чечни и Ингушетии) в двух случаях мечи открыты у левого бедра погребенного (при этом он был сложен пополам). В одном случае длинный меч располагался по диагонали грудной клетки погребенного - рукоятью вверх [Бурков, Прокопенко. 2008, с.298].

В северо-восточной (причограйской) группе мечи обнаружены в двух комплексах – справа от погребенных. В частности, в одном случае части клинка и рукоять с кольцевым навершием располагались в правой кисти скелета. В другом погребении меч в ножнах положили вдоль правой ноги.

Довольно редко фиксируются ножны мечей и кинжалов. В частности деревянные ножны прослежены в шести захоронениях: у мечей – три экз.; у кинжалов – два экз. Также, в одном случае в деревянные ножны (или футляр) был вложен нож. Один раз мечу сопутствовали кожаные ножны с золотыми обкладками (Ипатовский кург., погр.14).

В южной подгруппе (предгорные р-ны Кабардино-Балкарии и Северной Осетии) грунтовых могильников западной группы погребения с мечами и кинжалами составляют 12,9 %. Из 20 случаев с зафиксированным положением меча или кинжала в 12-ти случаях они лежали справа от костяка и в шести – слева (слева они, также, в трех случаях располагались в Ханкальском могильнике – восточная группа грунтовых захоронений). В могильнике Херсонка (северная подгруппа западной группы) меч располагался рядом с воином слева «наискось».

Положение мечей справа или слева не было связано с их длиной, как у сарматов: как короткие, так и длинные мечи укладывались то слева, то справа. При этом, М.П. Абрамова отметила приоритет в выборе правостороннего расположения именно мечей с перекрестиями, т.е. сарматских типов. В противовес этому мечи открытые слева от костяков часто не имеют наверший. Таким образом, наблюдается переплетение кавказских и сарматских традиций при некотором преобладании последних [Абрамова. 1993, с.70-73].

В девяти случаях отмечены наконечники копий. Из них три – в комплексах северной группы (находились слева от черепа и левого плеча). В погребении 4 кургана 3 могильника Терская-90 крупный наконечник располагался от локтя правой руки параллельно к правому бедру.

Четыре копия были открыты в курганах восточной группы. Один раз наконечник копья обнаружен в комплексе с т.н. «канфаровидным» сосудом в насыпи кургана 1 могильника Орджоникидзевский [Бурков, Прокопенко. 2008, с.298]. В одном случае (северная группа) в составе инвентаря, кроме наконечника копья, находился наконечник дротика (в тарелочке у правой руки – Китаевка, кург.5, погр.6). Здесь же у левого колена был обнаружен железный топор.

В грунтовых комплексах южной подгруппы открыто 10 наконечников копий. Копье укладывалось в могилу вместе с древком слева или справа от погребенного, таким образом, что наконечник его находился обычно рядом с черепом. Иногда копьё размещалось вдоль стены в головах погребенных [Абрамова, 1993, с.73].

В одном из погребений могильника Заманкул обнаружена булава в виде железного бруска со сквозным отверстием по длинной оси [Ростунов, Березин. 2007, с.17].

Как исключение в погребениях этого периода встречаются железные топоры-тесла. Происходят они с территории северных и юго-восточных районов Предкавказья – восточная и северная группы (Грозный, Старосунженская, Мекенская, Воровсколеская).

Значительно чаще, чем мечи и наконечники копий, в погребениях последних веков до нашей эры встречаются наконечники стрел. В северной группе подкурганых захоронений они отмечены в 26 комплексах – 13,3% (по подгруппам – 15 и 11).

В девяти случаях стрелы лежали справа от костяка (у руки, бедра, колена, стопы). Один наконечник стрелы находился вместе с наконечником дротика в тарелке у правой руки (Китаевка, кург.5, погр.6).

В десяти случаях стрелы располагались слева от погребенного (у черепа, левой стопы, грудной клетки, руки, бедра, колена). В семи комплексах наконечники обнаружены в ногах.

Также, в двух случаях стрелы лежали рядом со шлемом (Ореховка, кург.2, погр.4; Китаевка, кург.5, погр.6). В пяти могилах отмечены колчаные (портупейные) крюки. В погребении 1 кургана 4 могильника Комарово-83 вплотную к левой ноге прилегал колчан, выполненный из бересты.

В курганах восточной группы погребения со стрелами составляют 7,4% (12 случаев). Как правило, они располагались слева от костяка: у левого бедра, у левой ноги. Скорее всего, стрелы находились в колчане или были положены группой без футляра. Наборы включали от пяти до 36 стрел.

При размещении стрел в могилах грунтовых могильников преобладало положение их у левой ноги, что соответствовало, по мнению М.П. Абрамовой, способу ношения колчана у скифов и сарматов. Изредка стрелы располагались справа от костяка (в Чегемском могильнике колчаны, содержавшие от 8-9 стрел и более в трех случаях лежали справа от костяка) [Абрамова. 1993, с.75].

Судя по контуру древесного тлена, в захоронении 15 кургана 1 могильника Заманкул у левого погребенного колчан подпрямоугольной формы располагался наискось – от левого бедра к голени правой ноги (группа наконечников остриями вниз лежали на голени). Скорее всего, подобным образом – от левого бедра к колену правой ноги был положен колчан в погребении 56 кургана 1 [Туаллагов. 2007, рис.20,4; 21,7].

К числу скифо-сарматских племенных культов относится культ бога войны – Ареса. Считается, что по своему происхождению Арес является одним из божеств природных стихий – божество воздушной сферы и связанных с ней атмосферных явлений, в основном грозы [Бессонова. 1989, с.121].

Святилища Ареса и подношения оружия богу войны характерны для подкурганых захоронений Центрального Предкавказья V – III вв. до н.э. В частности, в кургане 2 могильника Гойты меч располагался на колчане со стрелами. В комплексах кон. IV – I вв. до н.э. в одном случае согнутый меч находился на ступеньке (Новоселицкое, кург.2, погр.1).

Рукоять другого меча находилась в нише (Чограй-II, кург.19, погр.3). В двух памятниках меча найдены в ритуальных комплексах (Веселая Роща – II, кург.26; Чограй-IX, кург.14, компл.1). В последнем случае меч находился рядом с костями овцы и галькой.

Особо следует отметить подкурганную (кург.26) площадку (святилище ?), выявленную в могильнике Веселая Роща – II. В самой насыпи и под ней, в двух кольцевых ровиках с несомкнутыми концами найдено 72 комплекта находок. В 29 из них – фрагменты керамики. В 13-ти – комплексах располагались кости лошади. В 12-ти выявлены кости крупного рогатого скота. Еще в восьми находились кости мелкого рогатого скота. В трех комплексах (внутренний ровик) встречены гальки, в четырех – обломки камней, в одном – необработанный кремь.

К юго-западу от центра кургана зафиксировано жертвенное место – овальная неглубокая яма в материке, в которую были сложены параллельно два меча (один синдо-меотского типа, второй, также, без перекрестия, но с разрушенной рукоятью), один рукоятью на запад, другой – на восток. Под острием первого меча и под рукоятью второго располагались колчаны со стрелами. Оба меча были перевиты боевым пластинчатым поясом [Прокопенко. 2005, рис.41, Аа].

Как считает С.С. Бессонова, культ оружия в погребениях (воткнутое с магической целью в дно или стенки оружие, чаще всего копья или дротики) связан с культом бога войны - Ареса [Бессонова. 1984; 1989, с.182]. Скорее всего, оружие в скифских и сарматских погребениях и в ритуальных скоплениях следует воспринимать в качестве посвячительной жертвы - приношением богу войны.

Одновременно, использование оружия, а также различных острых предметов, в качестве погребального инвентаря, связано с охранительной функцией. При этом, с помощью предметов вооружения старались защитить погребенных от воздействия сил загробного мира.

Ранее была отмечена близость охранительной функции наконечников стрел и элементов культа очага (котлов) [Прокопенко. 2001, с.162 сл.]. В погребениях Нижнего Дона котловидные привески сопутствуют подвескам в виде горитов. Подобные миниатюры известны и в памятниках Центрального Предкавказья (Чегемский мог., погр.10, 16). У многих народов Сибири засвидетельствованы случаи использования лука и стрел в качестве магических культовых орудий. По мнению В.П. Глебова, те же корни имеют миниатюрные подвески-гориты [Глебов. 1993, с.44-45]. Характерно, что в Нартском эпосе герой Батраз (связан с культом очага) неоднократно упоминается как прекрасный стрелок из лука, у которого стрела улетает дальше всех [Дюмезиль. 1990, с.23-24]. Интересно, что Геродот отмечает медный сосуд (котел) в местности Эксампей: «...он свободно вмещает 600 амфор, а толщина этого скифского сосуда шесть пальцев. По словам местных жителей, сделан он из наконечников стрел...» [Геродот, IV, 81].

Таким образом, котел и стрелы взаимосвязаны. Следует предположить, что подвески-ковшики и гориты являются амулетами, дополняющими (или выполняющими) охранительную функцию котловидных привесок. Видимо, с этими же целями в качестве амулетов в раннесарматское время использовались наконечники стрел более раннего времени (предскифского или раннескифского периодов). В частности, фрагментированный наконечник, аналогичный стрелам типа III черногоровско-камышевахского периода (IX – сер. VIII вв. до н.э.) происходит из склепа №1 могильника №1 Татарского городища (III – нач. II в. до н.э.). Об использовании его в качестве амулета свидетельствует сквозное отверстие на втулке.

Видимо, охранительную функцию в захоронениях, также, выполняли мечи. Меч у индоевропейцев – символ смерти в бою, на войне. В данном случае мы имеем прямое указание Геродота на связь скифского меча с богом войны: он называет старинный железный меч «кумиром Ареса». Но необходимо отметить, что семиотический статус меча

многопланов. Меч – не только символ смерти. В литературе неоднократно высказывалось мнение о связи скифского меча с символикой мирового дерева [Бессонова. 1984, с.7; Раевский. 1977, с.99].

В нартском и во многих других эпосах мира меч отождествляется с молнией – атрибутом бога-громовержца. Следует отметить: героя Батраза (как уже отмечалось, он связан с культом очага, имеющим охранительную функцию) в образе стремительного меча-молнии; меч – молнию Индры; пламенеющий меч Вишну и др. В некоторых мифах меч, изготовленный из небесного огня, является оружием богов и культурных героев, сражающихся с чудовищами – Мардук, разрубающий Тиамат; архангел Михаил, мечом карающий Люцифера, и др. [Мифы..., 1992, с.142; Гутнов. 2001, с.182].

Скорее всего, именно с охранительной функцией следует связывать вариант расположения меча в захоронениях – поперек нижних конечностей (у стоп) погребенных. Известно, что в исследуемый период трехчастное деление мира (верхний мир, мир живых, загробный мир) непосредственно касалось любого живого существа. Согласно древним верованиям, наиболее уязвимыми в плане воздействия сил хтонического мира были конечности человека, особенно нижние. Скорее всего, отмеченное положение меча поперек бедер или голеней должно было препятствовать силам нижнего мира, использовать умершего в своих целях. В связи с этим, следует отметить, что в черкесской версии Нартского эпоса в сюжете о колесе Балсага (боевая машина?), отрезавшем конечности Сосруко (герою связанному с культом солнца) повествуется о том, что злобные Нарты зарывают героя живым, а для того чтобы он не выбрался из Страны Мертвых, дополнительно потерявшего ноги Сосруко придавили тяжелым камнем и воздвигли над ним высокий курган [Дюмезиль. 1978, с.88].

В погребениях второй половины I тыс. до н.э. различные типы оружия иногда составляли комплекс, своего рода защитный кокон. Например, в кургане 7 могильника у ст. Ассиновской справа от погребенного было положено копье,

видимо, обломанное во время захоронения. Поперек бедренных костей положен меч. Левую - самую опасную сторону (левый глаз, левая рука) закрыли, выложенные в два ряда: четвертая часть копья с заостренным втоком (первый ряд), ряд (№2) выложенных стрел, наконечниками направленных в противоположную от костяка сторону (к стенке могилы) [Бурков, Маслов. 2007, с.316, рис.4А].

По данным кавказской этнографии, острые предметы (нож, кинжал, ножницы и т.п.) клали под подушку ребенка, особенно в возрасте до года, или помещали их в воду во время купания младенца, чтобы «злые силы», дьявол, не причинили ему вреда [Чурсин. 1929, с.31; Хасбулатова. 1981, с.78].

В кочевнических комплексах, в погребениях кобанской культуры скифского времени, а также в сарматских захоронениях отмечены случаи обезвреживания покойника. В данном случае, оружие должно было препятствовать возврату умерших в мир живых. По мнению В.Б. Ковалевской, сильная скорченность скелетов могильника Уллубаганалы свидетельствует в пользу того, что погребенные были связаны, причем дополнительно жрица была «убита» тремя железными ножичками, лежащими около горла и направленными острием к подбородку. Так же, видимо, «убита» женщина из погребения №1: узкий стилетообразный нож упирался лезвием в ключицу погребенной, положенной скорчено на боку [Ковалевская. 1984, с.35].

Также, два ножа были найдены в погребении №4 могильника Мачты. Один находился в районе рук, другой – в ногах. Оба были направлены лезвиями и остриями к погребенному, т.е. как бы «угрожали» ему, «запирали» его в могиле [Дударев, Фоменко. 1996, с.3,8].

В связи с этим следует отметить, что в богатом сарматском женском захоронении (жрицы ?) Ипатовского кургана, из левой глазницы погребенной торчала длинная бронзовая булавка со щитком, отделанным золотой накладкой [Белинский. 2001, с.28]. Скорее всего, этот ритуал связан с древнейшими представлениями о левой части человека, как

женского символа. Женщина – богиня (Исида) связывалась с культом левой руки. В Индии в упанишадах с правым глазом соотносился бог Индра, с левым – его супруга. Левый и правый одно из главных мифологических противопоставлений в древних мифологиях (особенно в дуалистических и близнецных мифах). Для большинства мифологий характерно использование признака «левый» в значении отрицательного, «правый» - в значении положительного. Мифологический мир нередко представляется как зеркальный по отношению к обычному; поэтому леворукость мифологических героев подчеркивает их необычность и служит символом другого мира [Мифы..., 1992, с.43-44].

Таким образом, колдунью «заперли». Вернуться в мир людей она уже не может - в ногах располагался меч. Воздействовать на живых посредством своих чар – тоже, левый – самый опасный глаз проткнут булавкой.

В заключение следует отметить, что в скифский и сарматский периоды оружие являлось не только обычной составляющей культа мертвых, но и наделялось дополнительной функцией защиты погребенных от воздействия сил загробного мира. В отдельных случаях, если хоронили колдуний, оружие было призвано препятствовать их возможным попыткам вмешательства в события мира живых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Абрамова.** 1993. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э. М.
- Белинский.** 2001. Белинский А.Б. Тайна «Ипатовской принцессы» // Памятники Отечества. Вся Россия. Земля Ставропольская. Иллюстр. Альманах. Т. 1. М.,

- Березин.** 2007 Березин Я.Б. Сарматские погребения с территории Пятигорья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 8. Армавир,.
- Бессонова.** 1984. Бессонова С.С. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Бессонова.** 1989. Бессонова С.С. Религиозные представления // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Бурков, Маслов.** 2007. Бурков С.Б., Маслов В.Е. Военские погребения из курганов у станицы Ассиновской // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой. МИАР №8. М.
- Бурков, Прокопенко.** 2008. Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А. Подкурганные погребения раннего железного века – эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь.
- Гутнов.** 2001. Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ.
- Глебов.** 1993. Глебов В.П. О некоторых типах амулетов в сарматских погребениях Нижнего Дона // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск.
- Дударев, Фоменко.** 1996. Дударев С.Л., Фоменко В.А. Новые данные о связях Центрального Предкавказья с Поволжьем в эпоху раннего железа. Армавир.
- Дюмезиль.** 1990. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.
- Ковалевская.** 1984. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М.,
- Мифы.** 1992. Мифы народов мира. Т. 2. М.
- Прокопенко.** 2001. Прокопенко Ю.А. Элементы культа очага в погребальной обрядности населения Предкавказья в сарматское время // РА. № 4.

- Прокопенко.** 2005. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: Изд-во СГУ.
- Раевский.** 1977. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
- Ростунов, Березин.** 2007. Ростунов В.Л., Березин Я.Б. Скифо-сарматский период на территории северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 2. Владикавказ.
- Туаллагов.** 2007. Туаллагов А.А. Северный Кавказ от скифов до ранних алан Владикавказ.
- Хасбулатова.** 1981. Хасбулатова З.И. Обряды, обычаи, поверья чеченцев и ингушей, связанных с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом // Из традиционной этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Чурсин.** 1929. Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских горцев // СМОНПК. Вып. 46. Махачкала.

Таиров А.Д.
(Челябинск)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ ПОГРАНИЧЬЯ СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ*

Под пограничьем степи и лесостепи Южного Зауралья понимается узкая полоса южной лесостепи, расположенная ныне между реками Уй на юге и Миасс на севере. В качестве летних пастбищ эта зона во все эпохи являлась особо привлекательной для кочевников. В то же время она, в силу своих природных особенностей, наиболее чутко реагировала на глобальные и региональные изменения климатических условий.

Исследованные здесь памятники ранних кочевников, позволяют охарактеризовать основные черты погребального обряда населения пограничья степи и лесостепи на протяжении сакского и савромато-сарматского времени³¹.

Погребения сакского времени (вторая половина VII – середина VI вв. до н. э.) являются основными или, изредка, впускными в курганы эпохи бронзы. Надмогильные сооружения – курганы или округлая кольцевая вымостка – входят в могильники, включающие курганы эпохи бронзы и раннего железа или только курганы раннего железа. Могильники второго типа – это бессистемные курганные группы или неправильные цепочки. Расположены они на возвышенностях, находящихся на останцах первых надпойменных террас и на коренных берегах рек, у берегов озер.

Все вводные погребения совершены в курганах с земляной насыпью. Насыпи курганов с основными захоронениями VII–VI вв. до н. э. состоят из земли и камня или только камня, изредка – только земли. Современный их диаметр

³¹ Периодизацию памятников ранних кочевников Южного Зауралья см.: [Таиров, 2009. С. 144].

колеблется от 8 до 30 м при высоте 0,1–1,9 м. В курганах с каменно-земляной насыпью камень использовался для сооружения панциря на насыпи, вымостки над и вокруг могильной ямы, кольцевой вымостки под насыпью, кольца из вертикально поставленных плит вокруг насыпи.

Могильные ямы можно разделить на три основные группы. Первая включает простые грунтовые ямы подпрямоугольной, овальной или неправильно округлой формы. Во вторую группу входят ямы с подбоем вдоль длинной продольной стороны. Третью группу составляют ямы с дромосом.

Засыпка ям состояла из земли, в которой встречаются мелкие угольки и зола, смеси земли и камня или только камня. Следы перекрытия простых могильных ям не зафиксированы. Входы в подбой закрывались, очевидно, какими-то деревянными конструкциями, остатки которых зафиксированы лишь однажды. В одном случае зафиксировано плоское деревянное перекрытие погребальной камеры и дромоса. Оно состояло из бревен уложенных вплотную друг к другу, вероятно, в два слоя.

На дне погребальных камер зафиксированы следы органической подстилки коричневого, черного или белесого цвета.

Погребенные лежали вытянуто на спине, руки, как правило, вдоль тела. Ноги обычно находятся на одной оси с туловищем, иногда обе ноги отклонены от бедра влево. В одном случае зафиксирована «атакующая» поза. Ориентировка погребенных разнообразна, но в основном в сектор С–З, встречена ориентировка головой на юго-запад. В качестве напутственной пищи в могильную яму клали мясо барана и/или лошади.

Погребальный инвентарь мужских захоронений представлен предметами вооружения (кинжалы, чеканы, стрелы, колчаные крюки), наборными поясами. В женских погребениях встречены зеркала, каменные жертвенники без ножек, наборы для татуировки.

Анализ мужских воинских захоронений позволяет разделить их на три группы, отличающиеся размерами и сложностью погребальных сооружений и составом сопровождающего инвентаря.

Отметим, что крупные курганы и погребения в могильных ямах с дромосом сакского времени исследованы пока только в пограничье степи и лесостепи. По сравнению со степной зоной, здесь чаще встречаются погребения в подбоях. Комплекс вооружения включает чеканы и бронзовые кинжалы, пока не найденные в степных погребениях.

Савроматское время или обрубевский этап зауральского варианта прохоровской археологической культуры (второй половины VI – третья четверть V вв. до н. э.) археологически представлен очень слабо, практически только вводными погребениями в курганы эпохи бронзы и раннего железа. Совершены они в курганы с земляной или каменно-земляной насыпью. Насыпи курганов с основными захоронениями этого времени состоят из земли. Современный их диаметр не превышает 20 м, высота 0,5 м.

Основной тип погребальной камеры – простая грунтовая яма прямоугольной или овальной формы. Заполнение ям, в котором встречены угли и зола, состояло, главным образом, из земли, иногда – смеси земли и камня. В единичных случаях зафиксированы остатки деревянных перекрытий.

Абсолютное большинство погребений одиночные, но встречены и парные. На дно могильной ямы умершие укладывались вытянуто на спине, преимущественно головой на запад, иногда с отклонениями к северу или югу.

В качестве напутственной пищи в могильную яму помещали мясо барана, крупного рогатого скота.

Погребальный инвентарь представлен предметами вооружения (кинжалы, стрелы, колчаные крюки), конской сбруи, плоскодонной и круглодонной керамикой, зеркалами, каменными жертвенниками, украшениями в виде ожерелий из бус и другими предметами.

Памятники сарматского времени представлены почти исключительно комплексами переволочанского этапа зауральского варианта прохоровской археологической культуры (последняя четверть V – третья четверть IV вв. до н. э.). Погребения других этапов культуры нам пока неизвестны.

Погребения переволочанского этапа являются основными или впускными в курганы раннего железа. Надмогильные сооружения – курганы – входят в комплексы, состоящие из погребальных памятников раннего железа, или являются одиночными. Количество погребений конца V–IV вв. до н. э. под одной насыпью различно – от одного до пяти.

Насыпи курганов с основными захоронениями этого времени состоят из земли, земли и камня, в курганы с такими же насыпями совершены и впускные погребения. Современный диаметр надмогильных сооружений с основными захоронениями достигает 23 м при высоте до 2 м. В одном случае под насыпью внутри кольцевой глиняной площадки выявлены остатки квадратного в плане деревянного сооружения каркасного типа, возведенного на уровне материка. В южной поле насыпи курганов найдены кости лошади или уздечные наборы.

Погребения совершались чаще всего в могильных ямах с подбоем вдоль длинной продольной стенки. Отмечены также простые грунтовые ямы, катакомба с длинным дромосом, соединяющим входную яму и погребальную камеру. Заполнение ям состояло из земли, изредка в нем встречались угли. Погребальная камера в могильных ямах с подбоем закрывалась деревом. На дне погребальных камер отмечены следы органической подстилки.

Погребенные укладывались вытянуто на спине головой, в абсолютном большинстве случаев, в южный сектор. В многомогильных курганах ориентировка погребенных зависела от расположения могилы по отношению к центру насыпи.

В качестве напутственной пищи в могильную яму клали мясо барана, лошади, изредка крупного рогатого скота. Чаще всего это передняя нога с лопаткой, часть грудинки. Погребальный инвентарь представлен предметами вооружения (кинжалы, мечи, стрелы, копья), плоскодонной и круглодонной керамикой, различного вида украшениями, предметами туалета, орудиями труда, предметами культового назначения, остатками конской сбруи.

Интересно отметить, что в индивидуальных погребениях с представительным комплексом вооружения, определяемых, в том числе и антропологически, как мужские воинские, отсутствует керамика. Она есть лишь в погребениях, определяемых по инвентарю как женские. В антропологически определенных женских погребениях встречены колчаны со значительным количеством стрел.

Колчаны с большим количеством стрел являются одной из особенностей исследованных погребений. Так в четырех погребениях, двух мужских и двух женских, кургана 3 могильника Кичигино I обнаружено более 530 бронзовых наконечников стрел. Другой особенностью погребений пограничья степи и лесостепи является относительно частая, по сравнению с памятниками степной зоны, встречаемость мечей с дуговидным или сломанным под тупым углом перекрестием («переходного типа») и железных наконечников копий.

Таким образом, даже самый общий анализ погребального обряда кочевого населения пограничья степи и лесостепи показывает наличие черт отличающих его от погребального обряда номадов степи. Причины этого своеобразия еще предстоит выяснить.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Пограничье степи и лесостепи Зауралья в I тысячелетии до н.э.: природа и социум»

Список литературы:

Таиров. 2009. Таиров А.Д. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V – начале IV в. до н. э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград

Фёдоров В.К.

(Уфа)

Коленопреклоненные: необычное позднесарматское погребение из Южного Зауралья.

В 1999 г. археологической экспедицией Национального музея Республики Башкортостан был исследован курган 6 Селивановского II могильника в Абзелиловском районе Республики Башкортостан. Могильник состоит из 15 курганов и относится к эпохе поздней бронзы [Рафикова, 2008].

Диаметр кургана 11 м, высота 0,17 м. Насыпь земляная, округлой формы, хорошо задернована, сильно уплощена. В западной поле насыпи найдены фрагменты керамики, относящиеся к двум неорнаментированным сосудам, а также фрагмент нижней челюсти м.р.с. (рис.1, I).

Описание профиля:

Дерн – 0,1 м;

Гумус – 0,35-0,85 м;

Материк – желтая глина.

В центральной части профиля зафиксирован прерывистый тонкий слой материкового грунта длиной 3,6 м и мощностью до 0,07 м по краям он фиксировался на глубине 0,35-0,45 м, в центре же спускался до глубины 0,8 м. Как оказалось в дальнейшем, конфигурация слоя соответствовала профилю могильной ямы.

В центре кургана выявлено обширное пятно перемешанного грунта диаметром 6 м, нечетких очертаний. При прокопке пятна обнаружено единственное погребение. Поскольку очертания могильной ямы на материке выявлены не

были, все глубины замерялись от 0 (край насыпи в южной поле).

Могила представляла собой вытянутую подпрямоугольную яму с неровными стенками, закругленными углами, размером 2,4 x 0,95 м, глубиной 1,27-1,35 м от 0. Ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В длинной ЮЗ стенке был устроен подбой шириной до 0,5 м и длиной 2,05 м, дно которого находилось на 0,25 м ниже дна входной ямы (рис.1, II).

Входная яма имела ширину по дну до 0,75 м. На дне ее расчищены два человеческих костяка, лежащих на животе с сильно скорченными ногами и согнутыми в локтях прижатых к телу руками.

Костяк 1 принадлежал пожилому мужчине³². Он находился в СЗ углу входной ямы, лежал на животе, слегка завалившись на правый бок, головой к ЮЗ. Степень скорченности ног очень сильная, колено левой ноги находилось под левой подмышкой, колено правой ноги – под верхней частью грудной клетки (почти под подбородком). Левая рука сильно согнута в локте и притянута к туловищу, локоть находится на уровне середины левой голени. На дне входной ямы костяк находился лишь частично, голова, верхняя часть грудной клетки и правая рука свалились в подбой, где среди мешанины костей найдено колечко из тонкой медной проволоки диаметром 1,5 см, распавшееся на 2 части (рис.1, I). Это единственный предмет, сопровождавший покойного.

Костяк 2 принадлежал мужчине 25-30 лет. Он находился в ЮВ части входной ямы, лежал на животе, слегка завалившись на левый бок, головой к СЗ. Череп лежал лицевой частью вправо. Правая нога сильно согнута в колене и подтянута вверх, слегка отведена в сторону от туловища. Левая нога также сильно согнута, находится под туловищем, колено почти достигает подбородка. Плечевая кость левой руки прижата к туловищу, предплечье и кисть свалились в подбой. Правая рука сильно согнута в локте, подтянута к туловищу.

При погребенном найдены вещи:

³² Антропологические определения выполнены А.И. Нечвалодой. Ему же принадлежит скульптурная реконструкция по черепу внешнего облика женщины, захороненной в подбое (рис.2, 5).

1. На поясе с правой стороны от позвоночника, между верхушкой правой подвздошной кости и нижним концом грудной клетки лежал хорошо отшлифованный каменный оселок длиной 11,2 см и шириной 1-1,5 см со сверленным отверстием, подпрямоугольный в сечении, одна сторона которого хорошо сработана (рис.1, 2).

2. Тут же на поясе, рядом с оселком, лежали остатки железного ножа с деревянной рукояткой, место перехода в лезвие которой было обхвачено медной обоймой, сквозь которую с противоположных сторон были вбиты гвоздики. Общая длина сохранившихся частей ножа 6 см, ширина лезвия до 0,7 см (рис.1, 3).

3. На поясе же, под позвонками поясничного отдела, найдена железная пряжка с овальной рамкой размером 3 x 2,2 см, двусторонним продолговатым щитком с закругленными краями, размером 2,9 x 1,6 см и подвижным язычком длиной 2 см (рис.1, 4).

В ЮВ углу входной ямы найден небольшой комплекс предметов:

1. Пряслице керамическое биконическое, высотой 3,5 см, диаметром 4 см (рис.1, 5).
2. Обломки зеркала большого диаметра с валиком-утолщением по краю шириной 1,3 см (рис.1, 6).
3. Кусок вещества ярко-белого цвета, рыхлой структуры.

В подбое лежал костяк женщины 25-30 лет, вытянуто на спине, головой к СЗ, лицом вверх. Ноги вытянуты, правая рука вытянута вдоль туловища, левая полусогнута в локте, кисть на правой подвздошной кости. На животе женщины лежал череп костяка 1, свалившийся в подбой. Черепа всех трех погребенных носят следы искусственной деформации.

При погребенной найдены вещи:

1. Слева от черепа стоял лепной горшок с уплощенным днищем, раздутым в верхней части туловом, слегка суженным горлом и коротким отогнутым венчиком. Горшок орнаментирован редкими грубыми пальцевыми защипами. Высота 14,3 см, диаметр дна 5,5 см, максимальный 14 см, горлышка 10,5 см, по венчику 11,3 см (рис.2, 1).

2. В районе шеи и грудной клетки найдены бусы следующих типов:

а) подпрямоугольные в виде аккуратных «кирпичиков» размером 1 x 0,7 x 0,3 см с одним сквозным отверстием, расположенным вдоль длинной оси, из зеленого и желтого стекла с т.н. «шахматным» орнаментом – 4 шт. (рис.2, 2).

б) подпрямоугольная грубоватой нечеткой формы размером 1,3 x 0,9 x 0,3 см из красной и белой массы, грубо смешанной, не образующей выраженного орнамента, с двумя отверстиями вдоль короткой оси бусины – 1 шт. (рис.2, 3).

в) пронизи в форме параллелепипеда средним размером 0,6 x 0,3 см очень хрупкие, часть из них рассыпалась, светло-коричневого и бежевого цветов – сохранилось 20 шт. (рис.2, 4).

Большинство деталей погребального обряда, зафиксированных в кургане, обычны для позднесарматской культуры II-IV вв. н.э. Округлые невысокие земляные насыпи небольшого диаметра с единственным погребением являются преобладающими в Заволжье и на Южном Урале [Мошкова. 1989, с.191; 2004, с.33; Боталов, Гуцалов. 2000, с.122]. Подбой с узкой камерой, в которую ведет еще более узкий вход, также характерен для поздних сармат [Мошкова. 1989, с.192]. На уровне древнего горизонта могила была чем-то перекрыта, а сверху еще замазана материковым грунтом, вынутым при устройении подбоя. По истечении некоторого времени перекрытие рухнуло во входную яму, это зафиксировано на профиле кургана в виде прогиба линзы материкового грунта. Возможно, в этот момент отдельные части костяков 1 и 2 упали в подбой. Для территории Южного Зауралья погребальный обряд селивановского кургана, в целом, не характерен, и находит больше сходных черт с памятниками, расположенными к западу от Уральских гор. Подбойные погребения в Южном Зауралье фактически отсутствуют [Боталов, Гуцалов. 2000, с.153]. Северо-западная ориентировка покойников здесь составляет всего 10% [Там же. с.128].

Инвентарь селивановского погребения находит многочисленные аналогии в материалах позднесарматской культуры. Пряжки с подвижным прямоугольным щитком наибольшее распространение получают со II в.н.э. [Мошкова. 1989,с.200; Боталов, Гуцалов. 2000, с.143)] Большая часть их изготовлена из цветных и благородных металлов, железных меньше [Малашев, Яблонский. 2008,с.51, рис.202, 1-3]. Позднесарматские оселки, обычно крупные, без отверстий, нередко сопровождают мечи и боевые ножи [Мошкова. 1989,с.199; 2004,с.37; Пшеничнюк.1983,с.125]. Маленькие оселки со сверлеными отверстиями, находят иногда в комплекте с небольшими ножами [Боталов, Гуцалов. 2000, рис.31, VII,1-2]. Ножи с бронзовыми обоймами на рукоятях особенно характерны для Южного Урала [Мошкова. 1989, с.199; 2004,с.37]. Селивановский ножик очень маленький и обоймочка небольшая, обхватывающая лишь место перехода рукояти в лезвие. Ножи с обоймами обычно крупнее и сложнее по конструкции, имеют еще бронзовое навершие, или обоймы охватывают рукоять полностью [Малашев, Яблонский. 2008,с.64-65, рис.204, 1-2].

Асимметрические биконические пряслица являются наиболее массовыми из всех типов позднесарматских пряслиц [Боталов, Гуцалов. 2000,с.131]. Фрагменты зеркал большого диаметра с валиком по краю являются редкой находкой в позднесарматских погребениях [Там же, рис.20, III,9], обычно последние содержат целые экземпляры сравнительно небольших размеров [Мошкова. 2004, с.37]. Пальцевые защипы на сосудах являются специфическим позднесарматским приемом украшения керамики [Мошкова. 1989, с.194, табл.83, 32]. Прием этот характерен для горшков из западных регионов, особенно Заволжья и правобережья Нижней Волги [Мошкова. 2004, с.35]. С.Г. Боталов и С.Ю. Гуцалов относят подобные сосуды к особой группе керамики (тип 9) [Боталов, Гуцалов. 2000, с.139], в их книге подобные сосуды представлены только в материалах могильника Атпа II в Западном Казахстане [Там же, рис.25, 7,9,11]. В могильнике Покровка 10 таких сосудов 7 [Малашев, Яблонский. 2008, с.49, рис.197, 1-7]. Пронизи в форме

параллелепипеда из непрозрачного стекла встречаются в южно-уральских позднесарматских погребениях [Боталов, Гуцалов. 2000, рис.34, III,17]. Бусы в форме «кирпичиков» с «шахматным» орнаментом на Южном Урале встречаются крайне редко. В Северном Причерноморье подобные бусы, но не с желто-зеленым, а с желто-терракотовым орнаментом (тип 436) датируются II-IV вв. н.э. [Алексеева. 1982, с.39]. Два экземпляра близких по типу и орнаменту бусин найдены в к.96 могильника Покровка 10 [Малашев, Яблонский. 2008, с.35, рис.178, 10-11].

Наиболее интересной особенностью селивановского погребения является наличие на дне входной ямы двух коленопреклоненных мужских костяков, уложенных в необычных «упакованных» позах. Достигнуть такой степени скорченности у трупов (после наступления окоченения), по всей вероятности, возможно лишь при перерезании сухожилий в суставах конечностей с последующим связыванием. Аналогий такому положению покойных в позднесарматской культуре нам обнаружить не удалось.

Погребения позднесарматской культуры преимущественно одиночные. С.Г. Боталов и С.Ю. Гуцалов в урало-казахстанских степях отмечают лишь восемь парных захоронений [Боталов, Гуцалов. 2000, с.125]. Тройных не известно. Групповые погребения имеются лишь в Темясовском могильнике (курганы 3, 4, 5) [Пшеничнюк, Рязанов. 1976], но они совсем иные, нежели селивановское. Подбой в последнем устроен такой же, как для обычных одиночных погребений. Случаев нахождения «дополнительных» костяков на дне входной ямы мне не известно.

Поза мужчин наводит на мысль об их принесении в жертву, или, по крайней мере, об их более низком статусе, по сравнению с женщиной. Небольшая насыпь, скромная могила и скудный инвентарь, сопровождающий покойных, по видимому, не позволяют говорить о сколько-нибудь значимом их положении в обществе. Таким образом, необычный обряд «преклонения» в селивановском погребении не находит приемлемого объяснения. Однако, нет сомнений в том, что он свидетельствует о каких-то неизвестных нам сторонах жизни ранних кочевников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Алексеева. 1982. Алексеева Е.М Античные бусы Северного Причерноморья // САИ Г1-12. М.

Боталов, Гуцалов. 2000. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Малашев, Яблонский, 2008. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: По материалам могильника Покровка 10. М.

Мошкова. 1989. Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Мошкова. 2004. Мошкова М.Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: Докл. к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.

Пшеничнюк. 1983. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Пшеничнюк, Рязанов. 1976. Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш., Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа.

Рафикова. 2008. Рафикова Я.В Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных захоронений эпохи бронзы // РА. №4.

Подрисуночные подписи:

Рис.1. Селивановский II могильник, курган 6. I – план и профиль кургана; 1 – скопление фрагментов керамики, 2 – обломок челюсти м.р.с.; II – план и профиль погребения; 1-3 – пряслице, фрагмент зеркала и белое рыхлое вещество, 4-

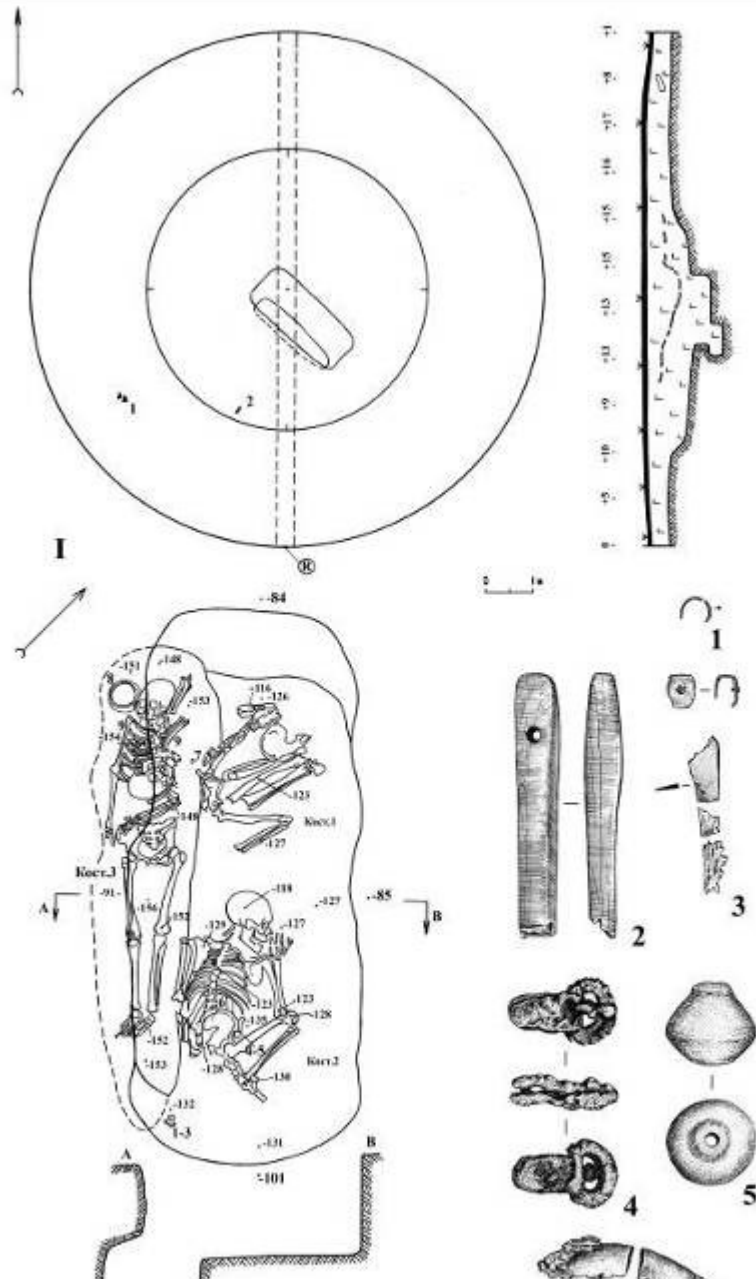
5 – оселок и нож, 6 – пряжка, 7 – височное колечко, 8 – сосуд, 9 – бусы. Инвентарь погребения: 1 – медное височное колечко, 2 – каменный оселок, 3 – железный нож с медной обоймой, 4 – железная пряжка, 5 – керамическое пряслице, 6 – обломки бронзового зеркала.

Рис.2. Селивановский II могильник, курган 6, костяк 3. 1 – керамический сосуд, 2-4 – бусы, 5 – скульптурная реконструкция по черепу погребенной в подбое женщины (автор А.И. Нечвалода).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РА – Российская археология

САИ – Свод археологических источников

Шаров О. В.

(С-Пб. ИИМК РАН)

К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеимперскую эпоху.

К концу первого века н. э. Боспор остался единственным, не превращенным Римом в свою провинцию вассальным царством. Ввиду постоянной угрозы с востока Боспор рассматривался римскими императорами как государство - форпост, как разведчик в море варваров, прежде всего, сарматов, которые с первых веков н. э. становятся одной из главных угроз для понтийских владений Рима [Ростовцев. 1925]. Вполне естественно, что постоянное соседство с сарматскими племенами, заключение с ними военных союзов и династические браки боспорских правителей с высшей сарматской знатью не могли не отразиться на укладе жизни населения Боспорского государства. Процесс

взаимопроникновения двух культур был достаточно активным и «варваризация» или «сарматизация» боспорского общества затронула практически все стороны духовной и материальной культуры. Исследование этих процессов в 40-60 гг. прошлого столетия привело ряд исследователей к выводу о сильном влиянии сарматов на военное дело, искусство и религию, и было предложено именовать период первых веков нашей эры «сарматским», а правящую династию «Сарматской» [Блаватский. 1964, с.142-143, 175; Сокольский. 1959]. В последующие годы появилась и обратная тенденция – показать, что воздействие сарматов было не столь велико, и на Боспоре в позднеантичную эпоху протекали процессы варваризации армии, населения, вкусов и моды, как во всех уголках Римской Империи [Масленников. 1990. с. 219]. Обратимся к анализу обряда и инвентаря некоторых боспорских комплексов начала позднеримской эпохи (150/160-350-360 гг.), которые несут в себе несомненные черты сарматского погребального обряда.

Склеп Деметры, основные погребения (склеп Зайцевой, 1895 года)

Данный склеп относится к ранним комплексам — первой половины — середины I в. н. э., но в силу того, что в нем были совершены более позднее погребения, дадим его краткое описание. Склеп Зайцевой на Глинице, расположен в 200 метрах к северо-востоку от Мелек-Чесменского кургана, и был открыт «счастливчиками» в 1895 году [Ростовцев. 1914, с. 199]. Склеп находился во дворе Анны Зайцевой на 4-ой Продольной улице, дом № 10. Все стены склепа были украшены фресками, копии которых удалось сделать лишь в 1896 году директору Керченского музея К. Э. Думбергу. По великолепным изображениям на своде погребальной камеры Деметры, Плутона и Керы, склеп более известен в научной литературе, как «склеп Деметры». Склеп сооружен на склоне неглубокого оврага, по которому ранее протекал

один из притоков реки Мелек-Чесмен. К склепу вел небольшой дромос, сужающийся в верхней части. (Рис. 1). Камера прямоугольной формы 2.20 x 2.75 м, ориентированная длинной стороной север-юг, была перекрыта полуцилиндрическим сводом, который располагался в трех метрах от уровня земли. Стены были сложены из крупных квадратов на отмученной глине. Стены склепа от пола постепенно сужаются кверху, пол в камере глиняный [Зинько 1994, с. 4-7]. Во всех стенах сделано несколько ниш, над нишей западной стены находился светильник. Вход в погребальную камеру сдвинут от центра вправо и вошедший попадал в правую часть камеры с росписью, в то время, как деревянные саркофаги находились вдоль боковых - восточной и западной стен на левой половине. Склеп Деметры в момент его открытия «счастливчиками», как очень немногие из склепов Боспора, был не ограблен и все вещи держал у себя сын хозяйки Иван Зайцев. В сообщении от 3 марта 1896 года В.В. Шкорпил, тогда директор Мелек-Чесменского музея, дал опись находок: два золотых кольца, два стеклянных сосуда зеленого и синего цвета, бронзовый канделябр (Рис. 2). М. И. Ростовцев приводит более длинный список находок из этого склепа по данным, полученным уже в 1905 году [Ростовцев. 1914, с. 206].

1. В северном углу, у восточного саркофага, стоял бронзовый канделябр высотой 138 см. По заключению Д. С. Герцигер, канделябр относится ко времени Августа и датируется концом I века до н. э. – началом I века н. э. [Герцигер. 1984. ., 97]. В южном углу восточной стены, у этого же саркофага, стояла стеклянная ойнохойя синего цвета.

2. У западного саркофага, в северном углу, стояла ойнохойя, но бледно-зеленого цвета с рельефными украшениями. Здесь же были найдены лавровый венок, дутые золотые бусы, две золотые бляшки, с оттисками монет первого века н. э. [Гайдукевич. 1949, с. 408].

М. И. Ростовцев считал, что оттиски монет с «BAE» — это чекан меди Динамии, но, главным образом, уже чекан ее сына Аспурга [Ростовцев, 1925, Прим. 1, с. 227]. На ручке стеклянной ойнохойи имеется выступ над венчиком, а тулово отделено от горла двойным валиком, что, на мой взгляд, является подражанием декору серебряных и бронзовых кувшинов эпохи позднего эллинизма - раннеримского времени [Raev, 1977. Taf. 14, 17; Strong, 1966, Pl. 34]. М. И. Ростовцев полагал, что обе ойнохойи (Рис. 3, 1, 4) принадлежат мастерской Энниона в Сидоне, и датировал стеклянные сосуды первой половиной I века н. э. [Ростовцев, 1914, С. 210-211]. С этим выводом полностью согласна Н.З. Кунина, которая оба сосуда относит к производству мастерской Энниона из Сидона в Сирии и датирует их также первой половиной I в. н. э. [Кунина, 1997, с. 273, №№ 110, 111]. Золотые перстни с геммами, по стилистическим особенностям, также относятся к I веку н. э. [Неверов, 1979, с. 114].

Склеп Деметры, поздние погребения

Как полагал еще М. И. Ростовцев, в склепе были совершены и более поздние погребения, к которым относится, прежде всего, конская узда, подвешенная на стене, от которой сохранилось четыре бронзовых фалара (Рис. 2, 9–12), покрытых золотой фольгой, на которой в технике «geroussé» вытиснен узор, имитирующей орнамент в виде филиграни и зерни, а также стеклянную или каменную вставку в центре [Ростовцев, 1913, Табл. LXI, 8–11, 13]. Украшение коня бронзовыми фаларами более характерно для времени совершения основных погребений, но покрытие фаларов тонкой золотой фольгой с тисненым орнаментом уже говорит о принадлежности этих типов вещей к новой – позднесарматской эпохе. На рисунках вещей имеется также «бронзовая прямоугольная пряжка» (Рис. 2, 13), у которой, как писал М. И. Ростовцев, позднее был заменен бронзовый язычок на серебряный, выполненный в виде сфинкса с львиным туловищем [Ростовцев, 1914, с. 209]. При работе с материалом из склепа Деметры в фондах античного отдела Государственного Эрмитажа оказалось, что нет никакой бронзовой пряжки с серебряным язычком, а существуют

отдельно два предмета: серебряная пряжка в виде сфинкса (П. 1896.37) с несохранившейся частью передней рамки и железный распределитель ремней конского оголовья (П.1896.38).(Рис. 3). Аналогии железному распределителю ремней с тремя прорезями уводят нас в мир сарматских древностей Подонья II в. н. э. Прежде всего, это распределительная бляха удлинненно-овальной формы из кургана 1, погребения 2 могильника Кировский 1, изготовленная из железа и плакированная с лицевой стороны золотой фольгой с точечным орнаментом [Ильюков, 2000, с. 103, рис 6, 8]³³. Из некрополя Кобяково, курганов № 5 и № 10 происходят также распределительные бляхи с закругленными концами и с тремя прорезями, плакированные также золотой фольгой с точечным чеканом. Эти комплексы датируются концом I - первой половиной II вв. н. э. [Гугуев, 2000, с.142-143]. Но наиболее близок морфологически к предмету из склепа Деметры прямоугольный распределитель ремней с двумя продольными и одной поперечной прорезью, плакированный также золотой фольгой, из погребения 1 кургана 25 могильника Валовый, входящего в группу всаднических комплексов второй половины II — первой пол. III в. н. э. [Беспалый, Беспалая, Раев, 2007, с. 63, рис. 73 ж]. Судя по повторяющимся находкам распределителей ремней с закругленными концами, плакированных золотой фольгой в погребениях первой половины II вв. н. э. (Кировский 1-1-2, Кобяково, к. 10, Танаис, к. 1-22), прямоугольные распределители появляются не ранее середины II в. н.э. К этому времени и можно отнести данную деталь конского снаряжения из склепа Деметры, к которому относятся также 4 бронзовых фалара, покрытых золотой фольгой. Не исключено, что в древности распределитель ремней из склепа Деметры также был покрыт золотой фольгой. Подобное сочетание деталей конского убора типично для сарматских древностей Подонья II в. н. э., хотя конское оголовье представлено в склепе Деметры лишь частично. Таким образом, можно говорить о погребальном инвентаре, который относится к другой эпохе – к середине – второй половине II в. н. э. Это обстоятельство объясняет и находки инвентаря

³³ Хочу выразить большую признательность своим коллегам В. Ю. Малашеву и Б. А. Раеву за помощь в подборе аналогий к данному предмету.

первоначальных погребений в полном беспорядке и несовместимость стиля ранних вещей со стилем вещей вторичного погребения. Таким образом, ранние погребения в склепе были совершены еще в первой половине I в. н. э в деревянных саркофагах в форме храма с двускатной крышей [Ростовцев, 1914, с. 212], затем прах погребенных был вынут и сложен при входе в погребальную камеру, при этом самые ценные вещи из ранних погребений были изъяты, а в те же саркофаги во второй половине II века были помещены новые покойники, при которых в склепе была повешена «на стену над нишей против входа» конская узда [Ростовцев, 1914, с. 206; Гайдукевич, 1949, с. 408]. К поздним погребениям можно отнести находку в склепе стеклянного стакана, каменное навершие меча [Ростовцев, 1914, с. 209-211] и, вероятно, ручку бронзовой палеры типа Эггерс 154-155 с окончанием в виде головы барана. Такие палеры датируются в римских провинциях периодом B1 [Lund-Hansen, 1987, с. 91], но в Барбарикуме появляются в комплексах достаточно поздно, главным образом, уже в первой половине – середине II в. н. э.³⁴ При этом, мы знаем также из архивных данных, что многие вещи Иван Зайцев продал известному керченскому коллекционеру Кизерицкому [Зинько и др. 2009, с.25] В последнее время появилось мнение, что описанные выше поздние предметы найдены не в склепе Деметры, а в других погребениях и приложены И. Зайцевым для увеличения суммы при их продаже в Эрмитаж [Зинько и др., 2009, с. 27]. Я не думаю, что бронзовые фалары, покрытые тонкой золотой фольгой, сильно корродированная железная бляха – распределитель ремней и фрагмент ручки бронзового сосуда являются чужеродными находками для данного комплекса и они, конечно, вряд ли могли сильно изменить цену покупки всего комплекса, тем более, что, как мы увидим далее, обряд вторичных погребений в более ранних склепах достаточно типичен для данной эпохи.

³⁴ Выражаю благодарность Б. А. Раеву за уточнение даты палеры, которую я ранее датировал только периодом B1.

Погребение 1841 года у Сахарного завода князя Херхеулидзева

Погребение около Сахарного завода князя Херхеулидзева было открыто в 1841 году А. Б. Ашиком. [Ашик, 1846, с. 31–32]. Под большим курганом высотой 4 м находился монументальный склеп из двух комнат с полуцилиндрическим сводом (Рис. 4), в первой из них не было погребений, а только обнаружены две разбитые амфоры и лошадиные кости. Во второй комнате стояли 14 деревянных гробов, из них 2 детских [Ашик, 1848-1849, II, §41; ДБК, 1854, Табл. III, 1]. Гробы с крышками на маленьких точеных ножках стояли по семь в два ряда. Погребенные лежали на подстилке из лавровых листьев, лицом к дверям гробницы. В нишах найдены стеклянные сосуды, две глиняные лампы, золотой браслет [ДБК, 1854, с. XIV, 3] и золотое ожерелье. На полу были разбросаны каштаны, яичная скорлупа, орехи, а у стен собраны птичьи и бараньи кости. В десяти гробах не содержалось никаких вещей, кроме костных останков. В крайних гробах с правой стороны были найдены на головах погребенных золотые венки: на мужском венке в центре – оттиск монеты Марка Аврелия 172-173 гг. «МА. ANTONINUS-AUG. T. R.», а на женском венке – оттиск золотого брактеата с головой Медузы [Ашик, 1850, Рис. 147, 148]. В мужском погребении, у правой руки, лежал меч длиной 80 см. В женском погребении одежда была украшена 17 крупными листьями с оттиснутыми головами Медузы. У черепа найдены золотые серьги, украшенные бирюзой, а на пальце перстень с гранатом. В том же кургане с правой стороны от склепа был обнаружен саркофаг из местного известняка. Мужчина был увенчан золотым венком из лавровых листьев на серебряном пруте, посредине венка был прикреплен золотая круглая бляшка с изображением головы Медузы. Он был похоронен на подстилке из морской травы. Рядом с остовом лежали меч длиной 70 см и кинжал с навершием ручки в виде золотого кружка, в который был вставлен гранат; у ног находились серебряные

украшения от конской узды и глиняный сосуд [Ашик, 1846, С. 33]. На основании деталей погребального обряда: гробы на точеных ножках на полу склепа, в стенах были сделаны ниши для приношений и стеклянных сосудов – датировать погребения данного склепа трудно – эти признаки характерны для каменных боспорских склепов, начиная со II в. до н. э. по II в. н. э. Особенно близок по плану к этому склепу двухкамерный «склеп Пигмеев» позднеэллинистического времени, раскопанный в 1832 году [Ростовцев, 1914, рис. 27]. Скорее всего, рассматриваемый нами склеп и был позднеэллинистическим, и вторично был использован во второй половине II в. н. э., так как мы видим характерный обряд позднесарматского населения: длинный меч, кинжал, конскую упряжь и кости лошади в первой камере, а также элементы тризны — кости барана и птицы. Венок с индикацией монеты Марка Аврелия подтверждает эту дату. При этом, нельзя не отметить наличие в данных погребениях черт боспорской погребальной обрядности – золотые погребальные венки, гробы на ножках, подстилки из лавровых листьев.

Склеп Каллисфена

В апреле 1894 года на бывшей даче Константиновых, принадлежащей в то время керченскому мещанину Абдул-Кериму Арслан Аджи Оглу, была открыта каменная гробница. Бывшая дача Константинова граничит с юго-востока с Татарской мечетью, с северо-запада с Казенным садом, и расположена, следовательно, на северном склоне горы Митридат. Курганов и других возвышенностей на участке не было. К. Думберг смог снять точный план всего сооружения, отличающегося самой тщательной отделкой. Весь склеп построен из тщательно отесанного хорошего известняка. Он имеет размеры 4 × 4 аршина (8,8 × 8,8 м) (Рис. 5). Раскопщик этой гробницы Е. Михайлов рассказал, что «при открытии склепа гробница женщины оказалась полная земли, а гробница мужчины была нетронутой. Крышка

саркофага в мужской гробнице была прикреплена 4 железными болтами, которых на женском каменном саркофаге не было. Саркофаги были без украшений. От обоих остовов, лежавших на толстых слоях лавровых листьев в деревянных кипарисовых гробах без крышки, остался лишь тлен. На мужском остовае одежды не сохранилось. Женщина была одета в длинное платье, на груди сверху платья лежала еще тоненькая материя». С левого бока мужчины лежал меч (90 см в длину), а с правого – кинжал (63 см в длину) и остатки железных удил. Приведем краткое описание местонахождения погребального инвентаря (Рис. 6).

Гробница мужчины. Предметы, найденные в каменном саркофаге (Рис. 6 внизу)

I. 22 листка апия из тонкого золота от погребальной повязки или венка, куски кедрового обруча, на котором листья были укреплены (Рис. 7).

II. Пластинка из тонкого листового золота, лежавшая над венком на голове остова с надписью: «В добрый час! Община фиаситов увенчивает в знак почета пожизненным венцом Каллисфена из рода Юлиев, парафилагата» (Рис. 7).

III. Золотой перстень с левой руки остова, с резным аметистом великолепной работы. На камне вырезаны голова императора Клавдия и имя резчика Скилак.

IV. Куски от двух железных мечей, из которых большой лежал возле левого бока, меньший — возле правого.

V. Два куса от железных удил.

VI. Два маленьких кружка из листового золота (индикации монет).

VII. Смятые листья апия из тоненького золота. Весь остов был усеян с головы до ног золотыми листьями.

II. Предметы найденные вне саркофага.

Между саркофагом и южной стенкой склепа.

- VIII. Бронзовый умбон щита с железною подкладкою. Верхний (цилиндрический) конец умбона, имевший первоначально, по словам находчика, прибл. 8,8 см в длину, был отломан и разбит татарами. (Рис. 8)

В восточной нише склепа.

IX. Два бронзовых позолоченных выпуклых кружка.

X. Два железных кружка со следами позолоты, кажется, для ношения на груди.

XI. Двадцать шесть плоских и выпуклых бронзовых, деревянных деталей конской упряжи. На некоторых из них уцелели куски кожаного ремня. Большинство фаларов покрыто серебряными позолоченными пластинками.

XII. Куски железных удил.

В южной нише.

XIII. Два хорошо сохранившиеся бронзовых стригила.

В северной нише.

XIV. Круглый плоский набалдашник от меча из халцедона.

XV. Маленькая, хорошо сохранившаяся медная вазочка с крышкой, дужкой и кольцом для привешивания.

XVI. Прекрасно сохранившийся стеклянный сосуд необычайной формы.

XVII. Стеклянный сосуд.

XVIII. Три стеклянных бальзамария.

XIX. Глиняный бальзамарий.

XX. Фрагменты стеклянной посуды.

В западной нише.

XXI. Две стеклянные пуговицы с остатками мелких бронзовых предметов. В этой нише кроме этого, лежало немного золы.

Б. Гробница женщины (Рис. 6 вверху)

I. Предметы, найденные в каменном саркофаге.

XXII. Остатки женского погребального убора или повязки, состоявшей, по-видимому, из деревянного, обтянутого тонкой материей обруча, украшенного листьями из тончайшего золота. Одна часть отдельно лежала, по словам находчика, на голове, другая на груди остова.

XXIII. Девять золотых трубочек и одиннадцать золотых бляшек, лежавших на груди остова.

XXIV. Пара сережек из тонкого золота, в виде с подвесками.

XXV. Маленькая деревянная коробочка с крышечкой, лежащая на груди остова.

XXVI. Два браслета из тоненького золота, на них выведены гладилом лавровые листья с ягодками.

XXVII. Золотой перстень с левой руки остова, в нем вставлен агат, на котором вырезана фигура Афины.

XXVIII. Медное зеркало со следами позолоты лежало в ногах остова. На оборотной стороне изображены рельефом три грации.

XXIX. Остатки материи от женского платья.

II. Предметы, найденные вне саркофага.

В восточной нише.

XXX. Вырезанный из кабаньего клыка голова птицы, шея которой украшена плющевыми листьями.

В южной нише.

XXXI. Стеклянный цилиндрический флакон.

XXXII. Лавровые листья. Дно обоих саркофагов было покрыто толстым слоем (до 1/2 аршина — ок. 35 см) этих листьев.

Обратимся к хронологии данных погребений

Женское погребение

Стеклянный кувшин, стоял в южной нише. Он имеет цилиндрическое тулово с горизонтальными плечиками цилиндрическим горлом с перехватом внизу и широким горизонтальным венчиком. Ручка широкая, лентовидная изогнутая под углом. По мнению Н. З. Куниной, это кувшин сирийской работы второй половины I в. н. э. [Кунина, 1997, с. 302, № 238].

Мужское погребение

Сосуд в виде стилизованной фигуры птицы (гуттус) стоял в северной нише. По мнению Н. З. Куниной, он относится к работам средиземноморских мастеров второй половины I в. н. э. [Кунина, 1997, с. 327, № 377].

Бутыль с шаровидным туловом и высоким цилиндрическим горлом также стояла в северной нише. По мнению Н. З. Куниной, она относится к работам средиземноморских мастеров (Кипр?) второй половины I в. н. э. [Кунина, 1997, с. 297, № 214].

Также были найдены в той же северной нише мужского погребения три бальзамария (от одного сохранилось только горло). Первый относится к типу 1, 1В бальзамариев с коническим туловом и датируется второй половиной I – началом II в. н. э. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 156, Рис. 5]. Вторым стеклянным сосудом относится к типу III бальзамариев с шаровидным или сферическим туловом. Этот тип сосудов крайне редко встречается в комплексах Боспора, и датируется более узким временем — серединой — третьей четвертью I в. н. э. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 168].

Представляет особый интерес щит, украшенный умбоном с длинным шипом (Рис. 8). Железная основа умбона была обтянута тонкой бронзовой накладкой, орнамент в невысоком рельефе изображает звезды, цветы, их лепестки и птиц, среди которых можно различить петухов. Высота сохранившейся части купола и калотты 8 см, но с шипом он был высотой 16,8 см, его диаметр по ранту составляет 21 см, Ранее, как умбон без шипа, он был датирован Н. И. Сокольским началом II века н. э. [Сокольский, 1955, с. 20, Рис. 4-1]. Умбоны с высоким шипом типа IIIA по Й. Иллькеру относятся к середине — второй половине II века н. э. [Ilkjær, 1990, Abb.199] (Рис. 9). Умбон подобного типа, украшенный серебряной позолоченной накладкой с тисненым орнаментом известен из комплекса Херпали начала III в. н. э. [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, Fig. 60]. К «горизонту 1 погребений с оружием» относит умбоны с прямым высоким шипом К. Годловский и датирует их также ступенью B2\C1. [Godlowski, 1992, Abb. 3-4]. К группе «Гуттеберг» относит такие типы умбонов Ян Бёманн [Bemann, Hahne, 1998, Abb. 4]. В погребении были найдены детали от двух удил, фалары, части парадного оголовья со вставками стеклянной пасты, рядом с остовом лежали железный меч и кинжал. Необходимо отметить, что в этом случае возникает сильное противоречие между датами различных типов погребального инвентаря: стеклянные сосуды второй половины I в. н. э., вероятно, были оставлены от прежних погребений, а новый владелец был захоронен в склеп с двумя наборами конской упряжи, с оружием — мечом и кинжалом и большим щитом, украшенным германским умбоном с шипом. Таким образом, можно видеть погребение боспорского воина в полной экипировке: с длинным сарматским мечом и кинжалом, с щитом с умбоном и богатой конской уздой с фаларами. Эта экипировка вполне соответствует изображениям боспорских воинов на фресках Стасовского склепа 1872 года. Можно отметить, что, хотя Юлий Каллисфен, судя по имени, являлся греком и потомственным боспорянином и исполнял должность парафилагафа в столице Боспорского царства, он, тем не менее, был погребен по сарматскому погребальному обряду: оружие в погребении и две конских упряжи, заменяющие двух

коней в потустороннем мире. Это характерные признаки обряда и погребального инвентаря позднесарматских всаднических погребений. При этом нужно подчеркнуть, что при подзахоронении сохраняется боспорская погребальная традиция: погребение совершено в каменном склепе без кургана, в каменных саркофагах и вложенных в них деревянных кипарисовых гробах. На головах были надеты золотые погребальные венки, тела были усыпаны золотыми листьями, в инвентаре значительное количество более ранней стеклянной посуды. Таким образом, можно видеть, как менялся облик боспорян в середине-второй половине II века н. э. В погребальном инвентаре склепа Юлия Каллисфена присутствуют типы вещей позднесарматского, германского, боспорского и римского происхождения. Вероятно, именно поэтому так трудно понять на фресках Стасовского склепа 1872 года, где воины — боспоряне, а где их противники — сарматы.

Погребение в склепе II Горгииппии, 1975 г.

Комплекс был открыт в большом кургане на некрополе Горгииппии в 1975 году [Алексеева, 1984, с. 83–84]. В кургане было обнаружено два склепа, у которых и погребальная камера и дромос были вырублены в скале, стены были выложены каменными блоками, свод не сохранился. Один склеп был украшен фресковой росписью с изображением 12 подвигов Геракла. Напротив входа изображен сидящий в кресле мужчина, рядом сидящая в высоком кресле женщина. Е. М. Алексеева по характеру росписи отнесла склеп к инкрустационно–цветочному стилю и датировала его первой половиной III века [Алексеева, 1984, с. 83]. В расписном склепе стояло три саркофага из известняка, содержащие пятерых погребенных, но все были ограблены в древности.

В соседнем склепе № 2, вырубленном в скале, стояло два саркофага из известняка с массивными крышками в виде двускатной крыши. Один из них был украшен сложными профилями и розетками. В нем был погребен мужчина-воин с парадным оружием. Второй саркофаг содержал погребения двух девочек. Погребение мужчины содержало следующие

вещи (Рис. 10-11): золотой венок с изображением божества на центральной пластине, массивную витую золотую гривну на шее, погребальные наглазники, изготовленные из золотой фольги на лице, рядом золотая двучленная лучковая фибула с фигурной обмоткой 4 варианта по А. К. Амброзу. Золотой браслет, золотое навершие меча и массивная золотая пряжка были украшены зернью, филигранью и вставками бирюзы. [Mordvinceva, Treister, 2005, Taf. 32, 3–5]. Также в саркофаге лежали части конской упряжи и железный кинжал с золотой рукоятью в золотых ножнах с 4 выступами, украшенный на рукояти и ножнах в золото-бирюзовом стиле. Рядом, на полу у саркофага были найдены стеклянные чаши - фиалы, и бронзовые сосуды и ложки, украшенные эмалью. Комплекс был датирован Е. М. Алексеевой первой половиной III в. н. э., которая опиралась на датировку лучковой фибулы с фигурной обмоткой по А. К. Амброзу [Алексеева, 1984, с. 83]. Хронологию этого комплекса несколько лет назад пересмотрели В.М. Мордвинцева и М. Ю. Трейстер [Mordvinceva, Treister, 2005, с. 71–76], которые датировали комплекс погребения саркофага 2 склепа II рубежом второй-третьей четвертей II в. н. э. и связали его с погребением наместника Горгиипии Неокла [Mordvinceva, Treister, 2005, S 76, Taf. 35]. При этом, они выделили для хронологического анализа три группы предметов: украшения и части одежды; оружие; сосуды и приборы. Основу для хронологии дали несколько типов предметов: золотая пряжка типа «С» по К. Раддату, которую авторы считают одним из распространенных типов пряжек на Боспоре. Благодаря многим комплексам со стеклянными сосудами и монетами, они датировали данную пряжку второй четвертью - серединой II века н. э. [Mordvinceva, Treister, 2005, S 71, Taf. 32. 3]. Вместе с навершием меча и браслетом, пряжка составляла единый комплект, изготовленный в одной мастерской, вероятно, в одно и то же время. Золотая одночленная лучковая фибула с дуговидной спинкой и фигурной обмоткой соответствует 4 типу А. К. Амброза и датируется второй половиной II – началом III в. н. э. [Амброз, 1966, с. 50].

Следует отметить, что в комплексе представлен и целый ряд архаичных типов изделий, которые не укладываются даже в широкие рамки даты совершения данного погребения (150/160 – 200/210 гг. н. э.). К ним принадлежат стеклянные фиалы типа «Riepenschale» первой половины I в. н. э., кинжал в ножнах с четырьмя выступами, украшенный в золото-бирюзовом стиле, имеющий аналогии в комплексах только I в. н. э. – Тилля-Тепе и Дачи. Стиль саркофагов с двускатной крышей и инкрустационно-цветочный стиль росписи склепа II некрополя Горгиппии также говорят о более раннем времени строительства склепа и совершения первоначального погребения. По своему стилю, роспись анапского склепа 1975 года близка росписи склепа Деметры из Керчи, где также стояли в склепе саркофаги с двускатной крышей. Мне кажется, что все может объясняться иначе: в склепе середины I века н. э. было совершено во второй половине II в. н. э. новое погребение, при котором часть более ранних вещей попала в более поздний комплекс. В данном случае, можно говорить о вторичном погребении, совершенном в более раннем склепе, с характерными позднесарматскими признаками: оружие — кинжал и меч, конская упряжь, изготовленная специально для погребения, золотая гривна на шее, один браслет. При этом следует отметить, что детали боспорской погребальной традиции были также соблюдены — диадема, деревянные саркофаги, стеклянные и бронзовые сосуды, наглазники и т. д. Вероятно, эти предметы остались от ранних погребений склепа II -1975 года.

Некоторые предварительные выводы

Можно отметить, что в рассмотренных выше погребениях боспорской элиты всегда присутствуют детали сарматского погребального обряда (оружие, конская узда, кости лошади, барана и т.д.), но при этом всегда используются **более ранние погребальные конструкции**. Исходя из этой сравнительно небольшой выборки, можно сделать некоторые предварительные выводы:

1. С одной стороны, нам неизвестны погребения боспорской знати II–III вв. н. э., которые можно было бы отнести **по всем признакам погребального обряда и инвентаря** к погребениям сарматов. В комплексах представлены типы вещей сарматского происхождения, прослежены детали сарматского погребального обряда, но, при этом, всегда присутствуют элементы боспорской погребальной обрядности и используются местные погребальные конструкции.

2. С другой стороны, во всех рассмотренных выше комплексах использовались типично боспорские, но гораздо более ранние погребальные сооружения I в. н. э., т. е. на место старых покойников клали новых, используя при этом также ряд предметов более раннего погребального инвентаря.

Рассматривать приведенные факты можно двояким образом:

А. Это мирная ассимиляция нового варварского населения, превращение их в боспорян уже в первом поколении. Сарматская знать принимает боспорские погребальные традиции и лишь оружие и конская упряжь или кости коня свидетельствуют о привнесенных новых традициях. В этом случае, можно говорить о процессе варваризации населения Боспора в позднеримскую эпоху, как и во всех уголках Римской Империи.

Б. Это принудительная и достаточно жесткая ассимиляция боспорян новой сарматской знатью, при которой разрушаются погребения знати предшествующего времени, используются их фамильные склепы, и в них хоронят уже представителей новой элиты с характерными деталями сарматского обряда – оружием и конской упряжью.

Выборка комплексов, представленная в данной работе, не столь велика ввиду сокращенного объема текста (материалы боспорских комплексов III в. н. э. еще более многочисленны), но для постановки вопроса о появлении «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху вполне достаточна.

Литература и архивные материалы.

РА ИИМК РАН – Рукописный архив Института Истории Материальной Культуры РАН, фонд 1, 1894, дело № 47

Алексеева. 1984. Алексеева, Е. М. Горгиппия. Античные государства Северного Причерноморья. М..

Амброз. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Д1-30. – М.. С. Наука, 1966.

Ашик. 1846. Ашик А. Б. О вновь найденных древностях в Керчи // Журнал Министерства Народного просвещения, L, отделение 6,.

Ашик. 1848–1849 Ашик, А. Б. Боспорское царство. Одесса..

Ашик. 1850. Ашик, А. Б. Часы досуга с присовокуплением писем о Керченских древностях. Одесса.

Беспалый, Беспалая , Раев. . 2007. Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. Древнее население Нижнего Дона.

Курганный могильник "Валовый 1". Ростов-на-Дону.

Блаватский. 1964. Блаватский, В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., Наука.

Гайдукевич.1949. Гайдукевич, В.Ф. Боспорское царство. М.-Л.. Изд-во АН СССР.

Герцигер. 1984. Герцигер Д. С. Античные канделябры в собрании Эрмитажа.//Труды Гос. Эрмитажа, 24.

Гугуев. 1992. Гугуев В.К. Парадный конский убор из кургана 10 Кобяковского могильника // Донские древности. Вып. 1. Р-н-Д.

Гугуев. 2000. Гугуев Ю.К. О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры //Сарматы и их соседи на Дону, Р-н-Д.

Древности. 1854.Древности Боспора Киммерийского. Под ред. Ф. А. Жилия. СПб.

Зинько. 1994 Зинько Е. А. Склеп Деметры. Буклет. Симферополь.

- Зинько, Буйских, Русяева, Савостина, Стриленко, Ягги.** 2009. Зинько Е. А., Буйских А. В., Русяева А. С., Савостина Е. А., Стриленко Ю. Н., Ягги О. Склеп Деметры. Киев,
- Ильюков.** 2000. Ильюков Л.С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Р-н-Д.
- Кунина, Сорокина.** 1972. Кунина Н. З. Сорокина Н. П. Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ, вып. XIII.
- Кунина.** 1997. Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. Санкт-Петербург.
- Масленников.** 1990. Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.Наука.
- Мацулевич.** 1941 Мацулевич Л. А. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. //СА, VII.
- Ростовцев.** 1913-1914. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.
- Ростовцев.** 1925.. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.
- Сокольский.** 1954 Сокольский Н. И. Боспорские мечи. //МИА № 33. **Сокольский.** 1955. Сокольский Н. И. О боспорских щитах // КСИИМК, № 58, М.
- Bemann. Hahne.** 1999. Bemann J. Hahne G. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Volkerwanderungszeit in Skandinavien. Studien zur Ordnunganhand der norvegischen Funde// Bericht der RGK, Bd. 75.
- Eggers.** 1951. Eggers H.J. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg.
- Godlowski. 1992. Godlowski K. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten.// Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow.
- Ilkjaer J. Illerup Adal.** 1990. Ilkjaer J. Illerup Adal. Die Lanzen und Speere. Aarhus.
- Lund-Hansen. 1987..Lund-Hansen U. Römischen Import im Norden, Kopenhagen.

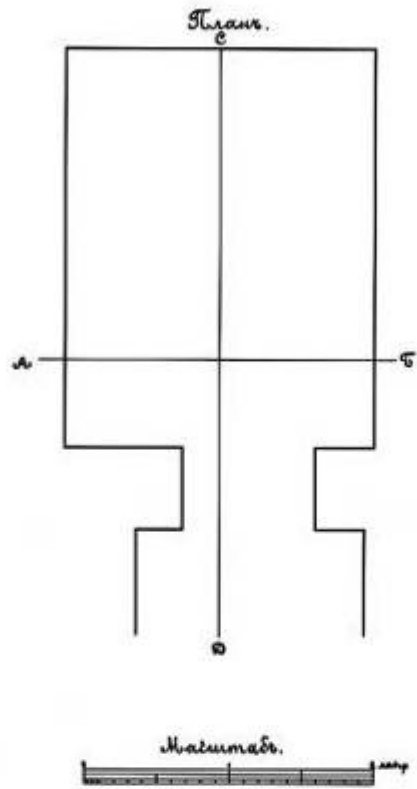
Mordvincewa, Treister. 2005. Mordvincewa V., Treister M. Zum Verhältnis griechischer und barbarischer Elemente in den Bestattungen der Elite im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. V. Chr. – 2. Jh. N. Chr // Internationale Archäologie-ASTK 6.

Neverov. 1976. Neverov O. Antique intaglios in the Hermitage Collection. Leningrad.

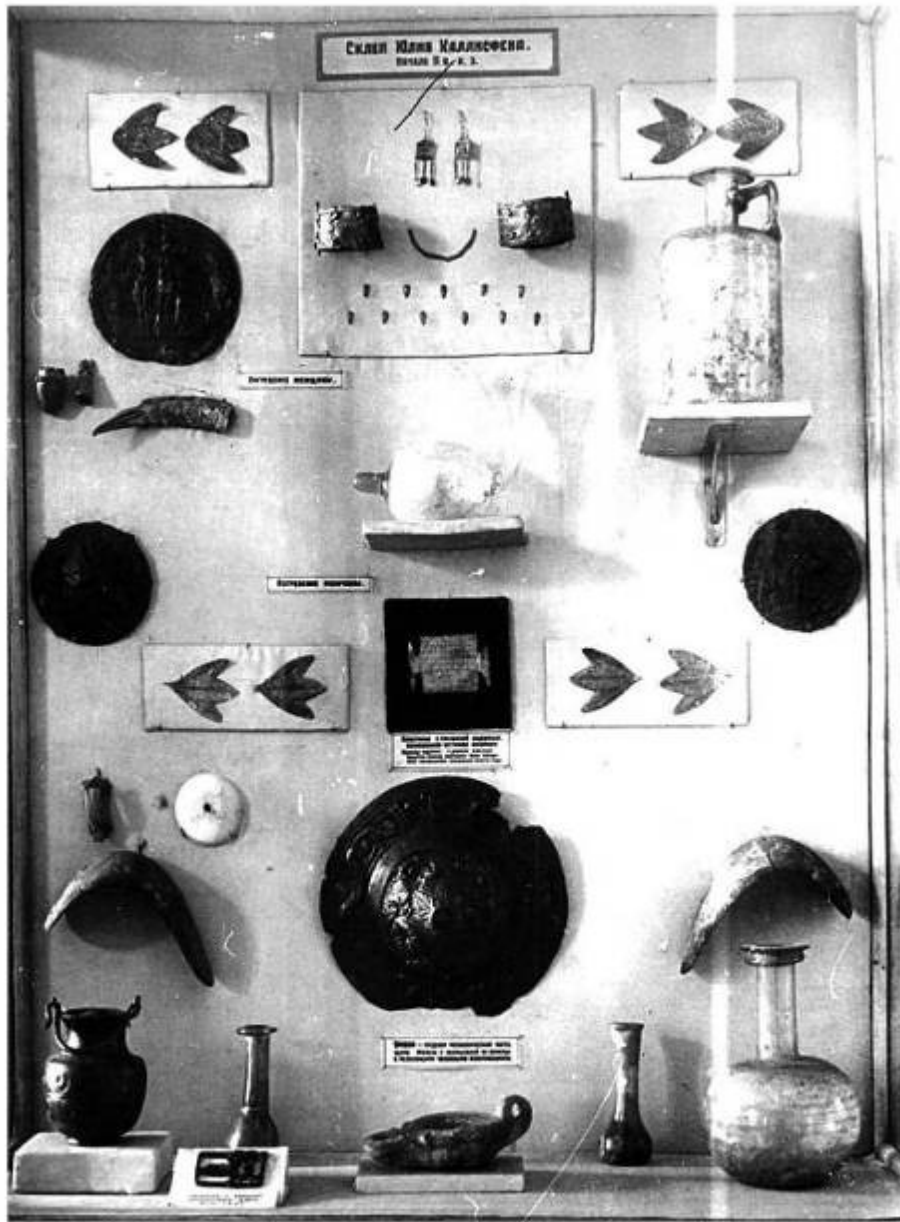
Raev. 1977. Raev B. A. Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien.// Ber. RGK 58.

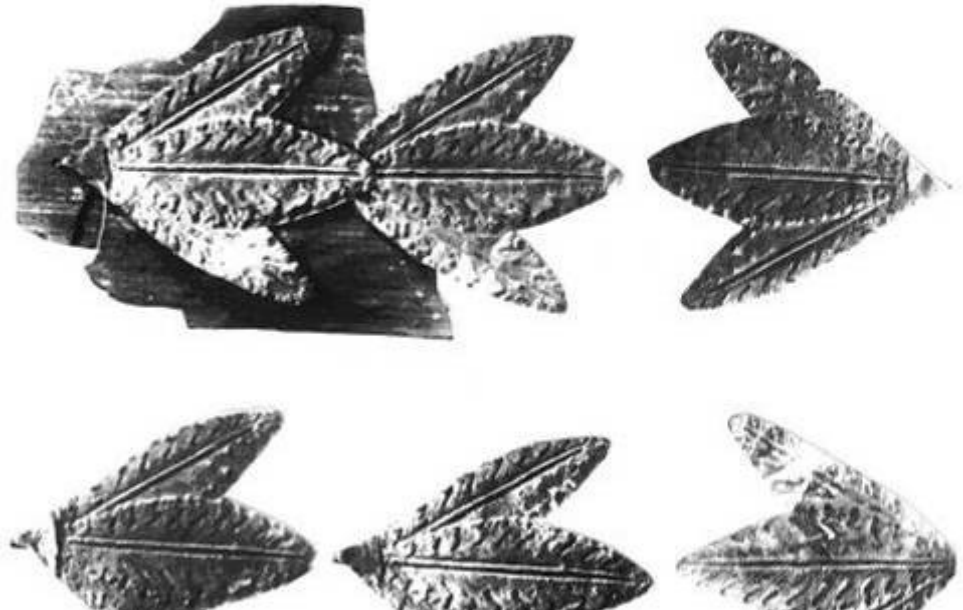
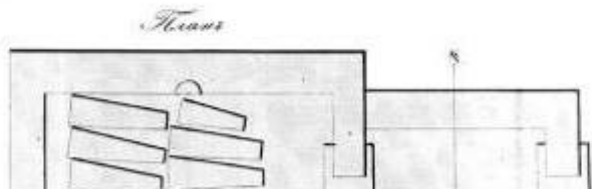
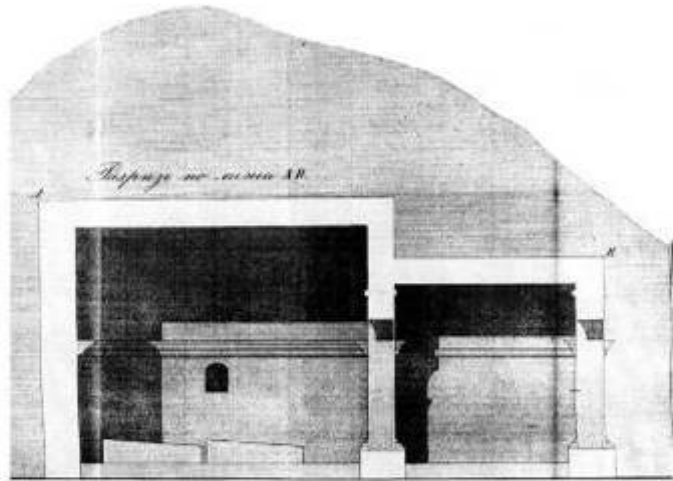
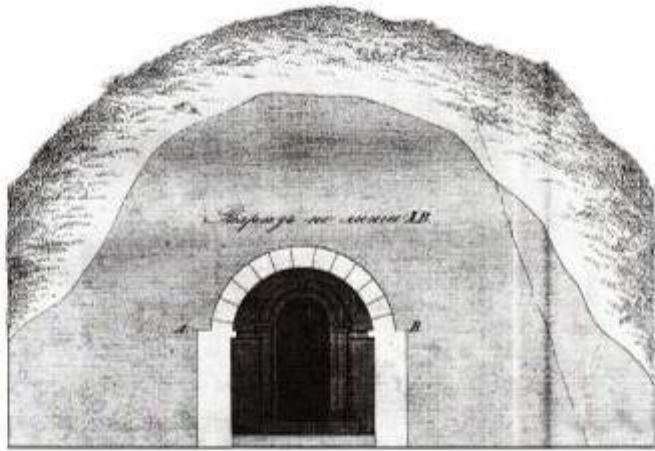
Shchukin, Kazanski, Sharov. 2006. Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns. Le nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migration. Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000A.D.) BAR, Int. Ser. № 1535, Oxford.

Strong. 1966. Strong D. Greek and Roman Gold and Silver Plate, London.

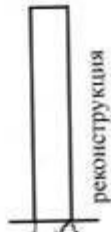

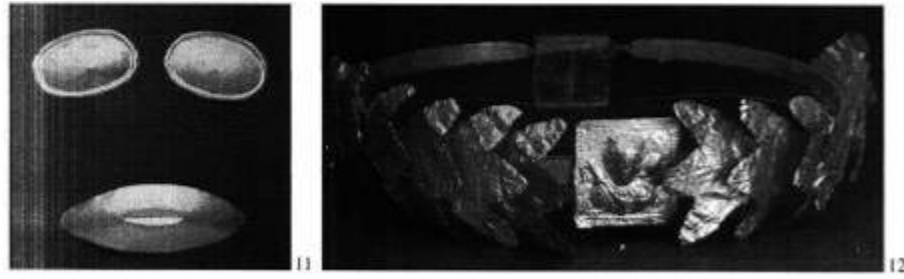
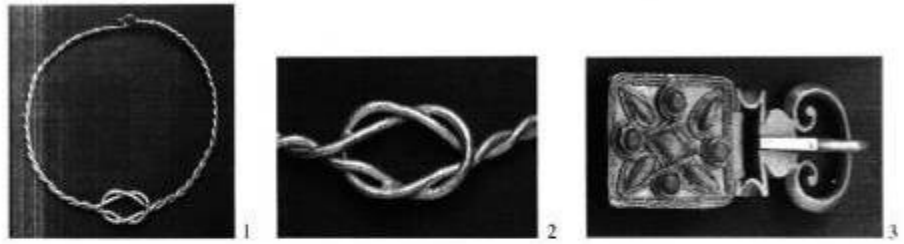

I

реконструкция

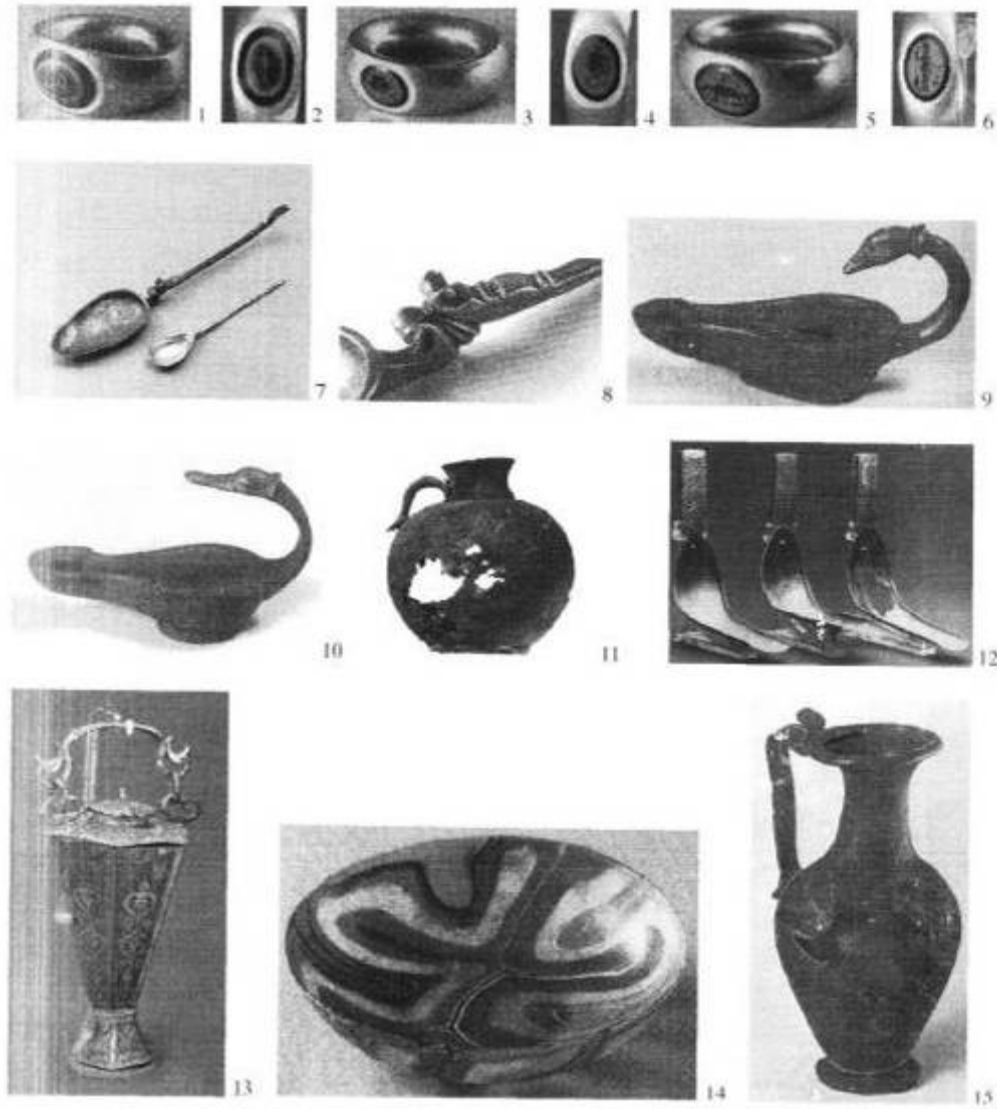

Рис. 11 Погребальный инвентарь склепа №2 саркофага 2, раскопки в Горгиппии в 1975 г. (Mordvintceva, Treister, 2005. Taf. 34)

Яблонский Л.Т.

(Москва)

Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников³⁵.

I. Введение. Специфика Филипповского 1 курганного могильника состоит и в том, что подавляющее большинство погребений в нем представлены большими ямами с дромосами, которые содержали многоактные коллективные захоронения разнополых и разновозрастных людей (раскопки автора 2004-2008 гг.). Такого рода погребения были обнаружены и под насыпями «царских» курганов 1 и 4, и под насыпями средних размеров (курганы 11, 13, 16) и под сравнительно небольшими насыпями (курганы 2, 29). И, хотя подобные сооружения встречались и в других могильниках Волго-Уральского региона, нигде они не составили столь значительной доли среди прочих (ямных, подбойных катакомбных). В большом количестве встречались дромосные захоронения и в курганах, раскопанных экспедицией под руководством А.Х. Пшеничнюка (1986-1989).

Это обстоятельство заставляет задуматься о причинах такой специфики погребального обряда Филипповки: что это – могильник оставлен специфической в этническом отношении группой кочевого населения или же в данном случае погребальный обряд отражает какие-то явления социо-культурного плана в предположительно разноэтнической среде тех, кого по историографической (археологической) традиции называют, чаще всего, скифами, «савроматами»

³⁵ Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

(К.Ф.Смирнов), савромато-сарматами (М.Г.Мошкова) или просто ранними кочевниками (А.Х.Пшеничнюк и Л.Т.Яблонский).

Напомню, что могильник датируется IV в. до н.э. [Pshenichnuk. 2001] или второй половиной V – IV вв. до н.э. [Яблонский. 2008а,б]; т.е. время его сооружения принадлежит к той эпохе, которую А.Х.Пшеничнюк справедливо называет переходной от савроматской к раннесарматской. Тогда, возможно, специфика его погребального обряда обусловлена именно хронологической позицией памятника?

II. Гипотеза 1. Этническая специфика кочевой группы.

Для проверки этой гипотезы выдвинем аксиому: различные этнические группировки кочевников при известной их подвижности были привязаны все же к определенным маршрутам кочевания и, следовательно, к определенным же географическим регионам. Возникновение кочевнических могильников или компактных групп курганов - явление, связанное с упорядочением перекочевок, сезонностью движения кочевых групп при котором складываются устойчивые маршруты кочевий. Эти маршруты приводят из года в год кочевой коллектив на одно и то же место в степи, где и возникает могильник. Этот вывод вполне распространяется и на могильники скифо-сарматской эпохи.

То же относится и к положению об особенностях вассальных отношений у кочевников [Федоров-Давыдов, 1973, с. 11]: имущественная зависимость у степняков осуществлялась не путем прикрепления к земле, а вхождением кочевников в зависимые от кочевой аристократии объединения, сохранявшие видимость родовых союзов. Наиболее общей формой зависимости кочевого коллектива была необходимость при перекочевках следовать указанным им маршрутам. Кочевые группы при этом сохраняли видимость рода, но на самом деле в большинстве случаев являлись объединениями, аналогичными сельской территориальной общине. Таким образом, собственность на землю у кочевников осуществлялось через управление кочеванием [Там же, с.13].

Итак, посмотрим, как картографируются коллективные погребения в ямах с дромосами с шатровыми деревянными перекрытиями (или шатрообразными моделями перекрытий) на территории степи.

Впервые для Южного Приуралья многоактное захоронение в большой яме с дромосом и деревянным перекрытием шатрового типа было подробно описано С.И. Руденко и М. И. Ростовцевым. [Ростовцев. 1918, с. 8,10]. Погребение было раскопано на территории современной Оренбургской обл., в могильнике у с. Прохоровка. Вновь выявленные впускные погребения в кургане 3 не позволяют датировать его позже III в. до н.э., а нижняя дата его, возможно лежит и в пределах IV в. до. н.э. [Яблонский, Мещеряков. 2008; Яблонский. 2010].

Целая серия подобных сооружений была исследована К.Ф. Смирновым, Наиболее ранние из них (например, курган у хутора Барышников) автор раскопок датировал V в. до н. э. [Смирнов. 1966, с. 37]. Группа близких по конструкции сооружений была раскопана М.Г. Мошковой в Орском районе Оренбургской обл. [Мошкова. 1972, с. 37].

В дальнейшем раскопки, проведенные на территории Оренбургской обл., позволили выявить принципиально сходные сооружения в курганной группе Мечетсай, Новый Кумак и других [Кадырбаев. 1984; Кадырбаев, Курманкулов. 1977, 1976; Смирнов. 1975, с. 47; Смирнов, Попов. 1972, с. 291; Яблонский и др. 1994, рис. 67].

Оказалось, что почти аналогичные конструкции были распространены на юго-востоке Башкирии, на границе Приуралья и Зауралья - могильник Переволочаны [Пшеничнюк. 1983; Сиротин. 2008] и в Южном Зауралье, на территории современной Челябинской области, причем нижняя дата для некоторых из них опускалась до второй половины VI в. до н. э. [Хабдулина. 1976, с. 33-34].

Шатровое сооружение в кургане Темир авторы раскопок датировали V - началом IV в. до н.э. Формирование близкого обряда на территории к востоку от Урала также относят к V-IV вв. до н.э. [Васильев, Могильников. 1981, с. 59].

Есть основания полагать, что после IV в. до н. э. коллективные погребения в ямах с дромосами в Приуралье уже не встречаются [Мошкова. 1963, с. 18]. Этот тезис нашел новое подтверждение в сводке соответствующих археологических материалов [Таиров, Гаврилюк. 1988, с. 143].

Но с IV в. до н. э. аналогичные сооружения появляются на Дону [Либеров. 1965; Игнатов и др. 1979, с. 148-149; Смирнов 1982, с. 125-130] [Максименко, 1983, с. 54]. С III в. до н.э. они фиксируются и западнее. В. Е. Максименко аргументировано связывал истоки этого специфического погребального обряда с населением савроматского времени Заволжья и Приуралья [Максименко. 1983, с. 64, 127].

Кажется, что рассматриваемый обряд в V (VI) – IV вв. до н.э. локализуется именно на Южном Урале. И лишь позднее распространяется на запад, что, в общем, соответствует предположению и миграции ранних сарматов Приуралья в Волго-Донское междуречье [Смирнов. 1964]. А это, обстоятельство, как будто поддерживает «этническую» гипотезу. Но...

В связи с этим, специального внимания заслуживают близкие по особенностям конструкции погребальные камеры, исследованные на территории современного левобережья низовой Амударьи (Ташаузская обл. Туркменской ССР). Речь идет о целой группе асинхронных памятников, раскопанных здесь Хорезмской экспедицией ИЭ АН СССР.

Материалы из раскопок коллективных погребений из могильника Тумек-Кичиджик были полностью опубликованы [Лоховиц. 1979, с.139-141]. Многоактные захоронения совершались в неглубоких подквадратных ямах, имеющих вход с северной стороны. Вход обозначали плитами известняка. В каждой камере было захоронено от 10 до 20-25 человек. Кости ранее захороненных при последующих захоронениях сдвигались. Исключение составляет лишь одно из четырех раскопанных сооружений, в котором удалось зафиксировать северную, южную и восточную ориентировку погребенных. Рядом со склепами были обнаружены захоронения в ямах с подбоями и катакомбами, причем, все они,

по мнению автора раскопок, должны быть датированы в пределах I в. до н.э. - II в. н.э. [там же, с. 146]. Еще одна любопытная реминисценция обозначена здесь раскопками дромосных могил, в которые были установлены оссуарии-астоданы первых веков н.э. [Яблонский. 1999а].

Оказалось, что погребальный обряд на территории Хорезма следует воспринимать, как реминисценцию значительно более ранних местных традиций. Другие, гораздо более ранние сооружения с дромосами, известны здесь же, на территории Присарыкамышской дельты. Шесть из них раскопаны в могильнике Сакар-чага I, где было исследовано также свыше 40 подкурганных захоронений в ямах с подбоями [Яблонский. 1986, с. 190-197; 1998а; 1992; 1999а].

Все дромосные сооружения демонстрируют более или менее единообразный погребальный обряд, основные характеристики которого представляются следующими:

Захоронения совершались в больших прямоугольных ямах, длинной осью ориентированных, как правило, меридианально. В погребальную камеру вел вход-дромос, имевший наклонное ровное или ступенчатое дно и примыкавший к камере с южной стороны, чаще всего - ближе к ее юго-восточному углу. Вход в погребальную камеру периодически закладывали плитами известняка. В склепах захоронено до 40 индивидов – взрослых обоого пола и детей. При совершении каждого нового захоронения кости ранее погребенных бесцеремонно передвигались, что сопровождалось, иногда полным разрушением скелетов.

Комплекс круговой керамики из Сакар-чага имеет аналогии с керамикой из верхних слоев Кюзели-гыра в Хорезме [Толстов. 1962; Вишневская, Рапопорт. 1997] и Дингильдже на Аму-Дарье [Воробьева. 1973] и сочетает в себе особенности сосудов архаического и раннекангюйского периодов истории Хорезма. Это предполагает в качестве нижней даты сакарчагинских сооружений вторую половину V в. до н.э. Вместе с тем, другие находки, в том числе бусы, заставляют расширить возможные хронологические рамки функционирования сакарчагинских склепов до IV-III

в. до н.э. Такая дата не исключает возможности сосуществования во времени захоронений в склепах с наиболее ранними подбойными захоронениями того же могильника (IV-II вв. до н.э.).

Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют, как будто, о том, что обряд многоактных захоронений в склепах с дромосами существовал на территории левобережного Хорезма в течение длительного промежутка времени - на протяжении всей второй половины I тыс. до н.э. и в первые века н.э.

Сходные, по существу, погребальные обычаи фиксируются в смежных с левобережным Хорезмом регионах и, прежде всего, на Узбое, где были вскрыты многочисленные наземные, правда, склепы из известняка, содержавшие многоактные захоронения, сопровождавшиеся разрушением предыдущих. Узбойские склепы представляют два хронологических периода - IV-II вв. до н.э. и II в. до н. э. - II в. н.э. [Юсупов. 1973; 1975; 1986]. Сходство в основных чертах погребального обряда узбойских сооружений с Присарыкамышскими несомненно.

Поиск ближайших аналогий в Приаралье приводит в дельту Сырдарьи, где было раскопано коллективное погребение Баланды 4 [Толстов. 1962, с. 179-180]. Прямоугольная погребальная камера была ориентирована меридианально. Судя по опубликованному чертежу, к юго-восточному ее углу подходил дромос. В камеру было последовательно совершено семь захоронений в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Один из погребенных лежал в «позе всадника». Наконечниками стрел погребение было датировано IV-II вв. до н.э. [Толстов. 1962, с. 180]. Еще более ранним временем датируются некоторые погребения в больших могильных ямах с дромосами могильника Южный Тагискен на нижней Сырдарье [Итина, Яблонский. 1997]. Здесь было раскопано целых семь курганов, которые содержали такого рода погребения, причем одно из них – на поверхности древнего горизонта (курган 59). Надо заметить, что деревянные конструкции над могилами здесь зафиксированы не были, а все могилы содержали только индивидуальные захоронения. Эти курганы хронологически были разделены на две

хронологические группы: VII-VI и VI – начало V вв. до н.э. [Итина, Яблонский. 1997, с. 70]. Если согласиться с этими датировками, то оказывается, что тагискенская серия является, как-будто, самой древней в кругу рассмотренных материалов, но при отсутствии в ней двух важных параметров - деревянных шатрообразных конструкций и принципа коллективности захоронений. Можно отметить также, что немногочисленные предметы из золота, были найдены именно в этой группе погребений, в том числе, знаменитый «золотой меч» с золотой ворваркой [Итина, Яблонский. 1997, рис. 44] и золотая накладка с многофигурной композицией в зверином стиле [Итина, Яблонский. 1997, рис.55,11].

Большие ямы с дромосами были исследованы и на севере плато Устюрт. Они датированы V-IV вв. до н.э. [Ягодин. 1987, с. 133; 1988, с. 504].

Такие признаки погребений, как дромос и южная ориентировка захороненных, рассматривались в качестве характерных именно для Южного Приуралья и присущих савроматской и раннесарматской культурам [Зданович, Хабдулина. 1987, с. 47-64; Очир-Горяева. 1988, с. 7].

А.Д.Таиров и А.Г. Гаврилюк [Таиров, Гаврилюк. 1988, с. 144-145], однако, указывают на широкое распространение шатровых погребальных конструкций и южной ориентировки захороненных далеко от Приуралья. Так, например, шатровые (шатрообразные) надмогильные конструкции из дерева известны в Северном Причерноморье уже с предскифского времени. В раннескифское время они бытуют в Прикубанье, в степной Скифии и на Северном Кавказе. Во второй половине VII в. до н.э. они появляются, а затем и довольно широко распространяются, в лесостепном Поднепровье [Таиров. с. 146]. Известны могилы с дромосом под деревянным перекрытием эпохи ранних кочевников (VIII-IV вв. до н.э.) и в южных районах Центрального Тянь-Шаня [Таиров.2007, с. 39]. Есть они и в Южном Зауралье VI-III вв. до н.э. [Таиров, Гаврилюк. 1988, табл. 1].

В Приаралье погребальный обряд коллективных захоронений в шатрообразных конструкциях синхронизируется с южноуральским, а, может быть, имеет и более древние корни.

Конечно же, нельзя говорить об абсолютных аналогиях в проявлении рассматриваемого обряда в Приуралье и в Приаралье. Ни в одном из приуральских сооружений не было зафиксировано 20-30 скелетов. Кроме того, в отличие от бедных инвентарем приаральских захоронений, приуральские выгодно отличаются в этом плане богатством сопровождающего инвентаря [Таиров, Гаврилюк. 1988, с. 143]. И все же определенный параллелизм в формировании основных черт погребального обряда скотоводческого населения обоих регионов как представляется, существует. Здесь достаточно сравнить коллективные захоронения в кургане 29 Филипповки 1 и сакарчагинские, видимо синхронные. В обоих случаях используется обычай смещения ранее захороненных тел и скелетов вместе с инвентарем при погребении новых покойных. Принципиальное сходство в обрядах отмечалось и раньше. Оно лежит в основе гипотезы о том, что коллективные захоронения с дромосами Южного Приуралья возникли при непосредственном участии пришельцев с юга [Пшеничнюк. 1982, с. 76; Железчиков. 1988, с. 61]. Этот вопрос, впрочем, еще нуждается в специальной разработке. Существует и «восточная» версия возникновения этого обряда в Приуралье и Зауралье [Таиров, Гаврилюк. 1988, с. 145; Таиров, 2007]. На современном уровне знаний, больше, очевидно, оснований предполагать, что этот обряд формировался одновременно в различных районах Урало-Аральского региона, но в процессе его окончательного оформления и дальнейшего развития в каждом из этих районов сказывалась конкретная социально-политическая ситуация, влиявшая на формирование представлений комплексов престижных признаков погребального обряда. В связи с «восточной» гипотезой Таирова нельзя не вспомнить сходство планировок погребений с дромосами, с одной стороны, и планов жилых сооружений населения Зауральской лесостепи второй половины I тыс. до н.э. [Корякова и др. 2009].

В результате этого обзора источников гипотеза о специфически приуральском «этническом» варианте погребального обряда ставится под большое сомнение или отвергается вовсе: трудно представить себе этнос, не имеющий географических границ расселения от Тянь-Шаня до низовий Дона и включающий территории Хорезма и Нижней Сырдарьи.

II. Гипотеза 2. Социокультурная.

По мысли А.Д.Таирова [Таиров.1998, с.87-88], конец VI в. до н.э. знаменуется усилением подвижности кочевников Урало-Аральского региона, что было связано с изменениями этнополитической ситуации в Средней Азии и в Хорезме, в частности. Далее, со ссылкой на работы Е.Н.Черных [Черных.1987;1989] он пишет о том, что «миграции и переселения способствуют социальной дифференциации общества, выделению в нем военной прослойки, возрастанию роли военных вождей... деформируются основные структуры нормативного фактора, закреплявших положение отдельных этносоциальных группировок...».

Как бы мы ни рассматривали различные направления миграций ранних кочевников на территорию Южного Приуралья [обзор источников: Гуцалов. 2007, с.90; Таиров, 1998, 2007], следует, вслед за многими исследователями признать, что появление здесь курганных могильников в V-IV вв. до н.э. есть именно результат миграций. Единичные погребения, которые с некоторой долей уверенности можно датировать более ранним временем [Зуев, Исмагилов. 1999; Таиров. 2007] не дают оснований утверждать, что пласт населения, который оставил эти памятники, сформировался на местной основе. Следовательно, теоретические подходы, изложенные в предыдущем абзаце, вполне применимы для оценки памятников данного типа в Южном Приуралье. Богатство сопровождающего инвентаря таких могильников, как Филипповка I, Переволочаны, Кырык-оба II [Гуцалов. 2007; Смаилов, Сейткалиев. 2009] и Лебедевка II [Гуцалов. 2008] в Западном Казахстане позволяют относить их к разряду элитарных.

Материалы рассмотренных курганов показывают тенденцию формирования прохоровской культуры Южного Приуралья на первом этапе, когда основополагающие черты погребального обряда, были присущи именно кочевой знати.

Погребальные конструкции с дромосом являются здесь маркерами элитарного положения в обществе и характерны для раннего этапа прохоровской культуры [Таиров, Гаврилюк. 1988, с.143, 147, 151-152; Таиров. 2005, с. 234].

Могут возразить: далеко не все из упомянутых выше памятников являются, очевидно, элитарными с точки зрения богатства сопровождающего погребенных инвентаря. Действительно, например, коллективные погребения на возвышенности Сакар-Чага в Хорезме не только не содержат ценных с материальной точки зрения вещей, но и даже предметов вооружения.

Но в этом контексте мы должны вспомнить разработки С.А.Арутюнова о возможности постепенного вертикального (сверху-вниз) перемещения престижных ценностей от элитарных слоев общества к низовым [Арутюнов. 1983]. Тогда оказывается, что наиболее богатые захоронения в ямах с дромосами являются и относительно наиболее ранними в Приуралье (VI-V – первая половина IV вв. до н.э.), а сравнительно бедными (по инвентарю) – относительно более поздние, датирующиеся временем от второй половины IV в. и даже первыми веками н.э. В Хорезме в первые века н.э. воспоминания об обряде захоронения в могилах с дромосами еще сохранялись в IV-V вв. н.э., но в такие сооружения устанавливались уже оссуарные захоронения, принципиально лишенные какого бы то ни было инвентаря [Яблонский. 1999а].

III. Гипотеза 3. Хронологическая.

Собственно говоря, она уже была сгенерирована в предыдущих разделах этой статьи и, как кажется, не нуждается в специальных дополнениях в пользу своей актуальности.

Тогда на этом этапе анализа надо, очевидно признать, что «этническая» гипотеза этим анализом не поддерживается, а гипотезы социокультурная и хронологическая не вступают в противоречие и могут сосуществовать, как единая гипотеза, которая поддерживается к тому же со стороны данных палеоэкологии [Таиров. 2003; 2007].

IV. Погребальный обряд могильников переходного типа к классическому раннесарматскому³⁶ периоду.

Нужно лишь отметить, что, начиная со второй половины IV в. до н.э. в обществе ранних кочевников Южного Приуралья наступают новые социально-экономические перемены, которые находят отражение в признаках погребального обряда. Яркие примеры тому дают, в частности, материалы эпонимного для российской археологии Прохоровского могильника. Импортными находками, имеющими хорошо хронологически атрибуированные аналогии в Средиземноморье, наиболее ранние погребения этого могильника датируются второй половиной или третьей четвертью IV в. до н.э. [Балахванцев, Яблонский. 2008; Балахванцев, Яблонский. 2009; Трейстер. 2008] при том, что большинство захоронений могильника относятся к III в. до н.э., а отдельные – и ко II в. до н.э. [Яблонский. 2010].

Лишь один курган могильника (А), расположенный в центральной части памятника) по своим габаритам (высота около 3,5 м, диаметр насыпи – 38 м – [Зуев. 2003, с. 55] может быть сопоставлен с насыпями приуральских курганов V – IV вв. до н.э. Но мы никогда не узнаем дату его захоронений, так как в современности насыпь этого кургана использовалась и используется под кладбище, и раскопки его не возможны.

Что же касается прочих насыпей, то в начале XX столетия высота наиболее крупных не превышала 1,5 м [Ростовцев. 1918] при реконструированных диаметрах 25 и 27 м (курганы 2 и 1 соответственно) [Яблонский и др. 2004], что в этом отношении не выделяет их из серии курганов раннесарматского времени Южного Приуралья.

³⁶ О термине см. : Железчиков и др., 2006, с.44

Эти курганы дали планировку погребений, которая становится характерной для классического раннесарматского периода – центральное погребение, вокруг которого локализуются по кругу впускные или дополнительные.

В кургане «б» могильника этот принцип уже нарушен – могильные ямы расположены под насыпью рядами. Любопытно, что именно в этом кургане были обнаружены захоронения, дата которых в пределах II в. до н.э., вероятна [Яблонский. 2010].

Таким образом, Прохоровский могильник, как в капле воды, отражает развитие погребального обряда раннесарматской культуры на всем, практически, протяжении ее.

Яркий пример трансформации погребального обряда ранних кочевников Южного Приуралья в VI-II вв. до н.э. дают курганные могильники, раскопанные в окрестностях с. Покровка в Левобережье Илека, при впадении в него р. Хобды [Веддер и др. 1993; Яблонский и др. 1994; Яблонский и др. 1995; Яблонский и др. 1996; Яблонский. 1986; Яблонский. 1996; Яблонский и др. 2001; Яблонский, Малашев. 2005; Davis-Kimball, Yablonsky. 1995; Davis-Kimball, Yablonsky. 1995/1996].

В серии погребений савроматской и раннесарматской эпох здесь выделяются следующие хронологические группы:

А) Вторая половина VI в. до н.э. - индивидуальное захоронение в подбое [Яблонский и др. 1994, рис. 54, 82-83] и широкопрямоугольной яме [Яблонский и др. 1994, рис. 49,76].

Б) Вторая половина VI – начало V в. до н.э. – захоронение в большой яме, внутри площадки, ограниченной кольцевым валиком; поверхность площадки и внутренние склоны валика выстланы корой (берестой?) и хворостом [Моргунова, Трунаева. 1993, с. 16-17].

В) V в. до н.э. – погребение на горизонте, внутри валика, перекрытого шатрообразной конструкцией, с хворостом и корой на поверхности погребальной площадки [Веддер др. 1993, с. 18 и сл., рис. 20, 24; Яблонский и др. 1996, рис.66,69],

- погребения в подбое [Яблонский и др. 1994, с.10, рис. 37; Яблонский, Малашев. 2005, рис.5,6, рис. 37; рис. 39,40],

- в простой яме [Моргунова, Трунаева. 1993, с.16-17, рис. 18; Яблонский. 1996, рис.61, 67; Яблонский, Малашев. 2005, рис.2, рис. 35]

- яме с деревянным перекрытием с заплечиком,

- находки из жертвенных комплексов [Яблонский, Малашев. 2005, рис.8]³⁷

Г) Конец V – IV вв. до н.э. – коллективное захоронение (с разрушением скелетов ранее захороненных) в могильной яме с дромосом [Яблонский и др. 1994, рис. 67,92 и сл.].

V. Заключение.

Огромный ареал погребений в больших могильных ямах с дромосами заставляет исключить «этническую» гипотезу их формирования только в Южном Приуралье. С учетом находок в степи и лесостепи Южного Зауралья и Юго-Восточном Приаралье, можно предположить, что формирование этого погребального обряда проходило в среде разноэтнических кочевников, имеющих, однако, если не общее, то сходное культурно-генетическое происхождение и в результате миграций отдельных групп элитарных слоев этих кочевников в пределах указанного региона, включавшего также степи современной Уральской области Казахстана.

³⁷ В данном случае курган 5 могильника Покровка 10 содержал центральное погребение V в. до н.э., [Яблонский, Малашев. 2005, рис. 10], которое было окружено серией впускных захоронений относительно более позднего (классического раннесарматского) времени. Два жертвенных комплекса, которые были найдены у подножия насыпи кургана, безусловно, относились ко времени строительства насыпи над центральным захоронением.

Движущей силой этих миграций стала совокупность экологических и военно-политических обстоятельств, сложившихся в эту эпоху на значительной территории Средней Азии и степного Приуралья. Одним из археологических маркеров погребального обряда этих групп в данную эпоху стали коллективные захоронения в больших ямах с дромосами и моделями деревянных перекрытий, «дома мертвых». По-существу, элитарные популяции стали авангардом в процессе заселения степей Южного Приуралья ранними кочевниками, которые приходили сюда из лесостепного и степного Зауралья по причинам, в основном, экологическим и Средней Азии по причинам, в основном, военно-политическим. Эти миграции и культурно-генетические диффузии проходили в VI-IV вв. до н.э. и привели, в конечном счете, к формированию раннесарматской/прохоровской культуры, сначала, в ее элитарной части.

Территория Южного Приуралья в части современных Оренбургской, Свердловской, Самарской и Челябинской областей стала тем «этногенетическим котлом», в котором формировалась раннесарматская культура (IV-I вв. до н.э.) во всем разнообразии ее археологических проявлений.

С конца IV в. до н.э. в недрах раннесарматской культуры происходят социальные трансформации, в основе которых лежали экологические сдвиги и демографические потрясения (демографическая перенапряженность), которые привели к усилению подвижности кочевников, сначала в пределах Уральской степи и лесостепи, а затем и за ее пределами. В это время в Приуралье и Поволжском левобережье исчезают элитарные могильники с их «царскими» курганами, дромосными сооружениями и исключительным богатством сопровождающего инвентаря. Происходит своеобразная «нивелировка» погребального обряда. Эти события сопровождаются падением державы Ахеменидов и усилением политической и государственной независимости Хорезма на юге, что также не могло не отразиться, в какой-то степени, на этно-политической ситуации у его северных соседей и на изменениях облика материальной культуры их элитарной

верхушки. Роль ее в формировании погребальной обрядности становится здесь гораздо менее заметной, что может свидетельствовать и о тенденции к снижению ее социальных функций.

В могильнике Филипповка 1, наряду с дромосными захоронениями, зафиксированы исключительно богатые погребения в подбоях и в ямах с деревянными перекрытиями с ориентировкой погребенных в южный сектор и с расположением этих дополнительных могил вокруг центральных. Судя по материалам этого могильника, тренд к формированию погребального обряда ранних кочевников Южного Приуралья, присущего классической раннесарматской культуре III-II вв. до н.э., отчетливо проявляется и в элитарных памятниках Южного Приуралья еще во второй половине V - середине IV вв. до н.э.

Список литературы:

Арутюнов. 1982. Арутюнов С.А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СЭ.. №1.

Арутюнов. 1989. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.

Балахванцев., Яблонский. 2006. Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Серебряная чаша из Прохоровки // РА. №1

Балахванцев, Яблонский. 2009. Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Еще раз к вопросу о датировке надписей из Прохоровки // ВДИ. №2.

Васильев., Могильников. 1981. Васильев В. Н., Могильников В. А., Основные проблемы этнической ретроспекции исторического прошлого Западной Сибири эпохи железа // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.

Ведер, Егоров. Дэвис-Кимболл, Моргунова, Трунаева, Яблонский. 1993. Ведер Дж, Егоров В. Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. Вып 1 . М.

Вишневская, Рапопорт. 1997. Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. // ВДИ. №2.

Воробьева, Дингильдже.1973 Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н.э. в древнем Хорезме. МХЭ. Вып. 9. М.

Железчиков. 1988. Железчиков Б. Ф. Степи Восточной Евразии в VI – II вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Тез. докл. конф. Азов.

Железчиков, Клепиков, Сергацков.2006 Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI –II вв. до н.э. М.

Зданович, Хабдулина. 1987. Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Зуев. 2003.Зуев. В.Ю. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье (по итогам экспедиции 2001 года). СПб.

Зуев, Исмагилов. 1999. Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург.

Гуцалов. 2007. Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. №2. Новосибирск.

Гуцалов. 2008. Гуцалов С.Ю. Материалы раскопок могильника Лебедевка II в 2002 г. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург.

Итина, Яблонский. 1997. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.

Кадырбаев. 1984. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Кадырбаев, Курманкулов. 1976. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.

Кадырбаев, Курманкулов. 1977. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата.

Корякова, Дэйр, Ковригин, Шарапова, Берсенева, Пантелеева, Ражев, Курто, Хэнк., Ефимова, Каздым, Микрюкова, Сахарова. 2009. Корякова Л.Н., Дэйр М.И., Ковригин А.А., Шарапова С.В., Берсенева Н.А., Пантелеева С.К., Ражев Д.И., Курто П., Хэнкс Б., Ефимова Е.Г., Каздым А.А., Микрюкова О.В., Сахарова А.О. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург-Сургут.

Лоховиц. 1979. Лоховиц В.А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик // Кочевники на границах Хорезма (ТХАЭЭ. Т. XI). М.

Максименко. 1983. Максименко В. Е., Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Моргунова, Трунаева. 1993. Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы Левобережного Илека. М.